

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

7-8 (481)

2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Григорий Стариковский. Зимние стихи.....	3
Наталья Черных. Фб любовь моя. Роман в постах для социальной сети.....	8
Маргарита Голубева. Весна большая. Стихи.....	78
Данила Давыдов. «когда казалось бы всё на месте...» и др. стихи.....	82
Андрей Краснящих. Ника – 2 (А зори здесь тихие). Рассказ.....	89
Владимир Коркунов. За два дня до нового государства. Стихи.....	92
Елена Кузьмичёва. Не сотвори себе мир. Повесть.....	97
Анна Аркатова. Господь в Сторожах. Стихи.....	201
Богдан Бейк. Сгорание. Рассказ.....	205
Сергей Золотарёв. «Дверь» и др. стихи.....	213

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Мария Галина. «у меня такие большие уши...» и др.	219
Дмитрий Шабанов. «Эскиз № 12 (стрелецкий)» и др.	222

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Павел Петров (Пол). Немного о Жаке.....	224
Джакобо Мантэки. Кантата Радуге Судьбе и е@нutoму себе. Публикация Павла Петрова (Пол). Подготовка текста и композиционное решение второй ча- сти Владимира Орлова.....	230

ПУТЕШЕСТВИЕ

Михаил Бару. Челобитные Овдокима Бурунова.....	253
---	-----

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Татьяна Нешумова. Преодоление безвестности.....	270
--	-----

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Николай Болдырев-Северский. Прыжок Андрея Таврова.....	275
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Владимир Орлов. Два пишем, семь на ум пошло А. Комароми, Г. Кузовкин. Каталог периодики Самиздата. 1956–1986.....	280
---	-----

Андрей Тавров. Аннигилирующие баррикады Вадима Месяца Вадим Месяц. 500 сонетов к Леруа Мерлен.....	281
--	-----

Григорий СТАРИКОВСКИЙ

ЗИМНИЕ СТИХИ

I

на себя посмотришь – чужой,
а такой был мой, золотой,
как тебя теперь не узнать,
ничего в тебе не понять.

ты, невольный, тихий двойник,
ни одной звезды не достиг,
разве только нескольких слов
на земле, где сумрак лилов.

занавески плещется лен,
ты в зеркальный смотришься плен,
как из клетки смотрит зверье
на другое время свое.

2

ловец шагов, глотатель холодов,
обозреватель кровель, ключев дыма,
автомобилей, льющих ближний свет
по дождевым обочинам, по стенам,
асфальт, асфальт, ты мой шербатый брат,

я тоже в трещинах лежу и вижу
кривую шляпу мусорного бака,
сутулое, как над пустым столом,
склонившееся небо, и ржаной
февральский воздух, хоть ножом отрежь
или культей фонарной.

3

Валерию Черешне

где парус, наклонясь, прилип
к ладоням ветра, бьет в гранит
волна, морозный свет болит.

Григорий Стариковский родился (1971) и вырос в Москве. В США с 1992 года. Закончил Колумбийский университет (кафедра классической филологии). Переводил «Одиссею», Пиндара, Вергилия, Проперция, Авла Персия. Сборники стихов «Левиты и певцы» (2013) и «Автономный источник» (2017). Живет в пригороде Нью-Йорка. Преподает латынь и мифологию. В «Волге» публиковались стихи (2014, 2016, 2017) и повести (в том числе под псевдонимом Герман Бер: 2015, 2016). Предыдущая публикация в «Волге» – повесть «Родео» (2019, № 1-2).

скамейка с видом на восток,
паром дает сухой свисток,
сизарь летит наискосок.

залив вскипает, ты замри
морской фигурой, посмотри,
как замерзают сизари.

и в башни, в их кирпичный рост,
врывается, раззявив рот,
картонным ангелом норд-ост.

пусть он подышит над тобой,
а то ты думал, что живой,
а то ты верил, что спасен,
к слепому свету приобщен.

4

голос птицы, порхнувшей насквозь,
легкие звенья, пытливые линзы льда,
шепот подошв, всходит на гору ржавчина
одноколейки. лестница, только держись,

злая собака летит по ступеням,
отпрянуть, взобраться на ближний валун,
человек – это то, что не рвется,
пока не порвется совсем. хорошо

и неветренно здесь, подвывает весна,
и на рыхлом снегу, шелудивая, пустит
слюну, и качается солнце, как вальс №2,
до слезы пробивая тебя, до слезы.

5

творожная сбивчивость зимнего света,
можно черпать ладонями, пересыпав
солью проезжей части, метеослужба
обещает снег и черный лед на завтра.

или другое: день – эластичный бинт,
затянуть себя тщательно в кокон
предчувствия серого грязного снега
на тротуарах, на школьной парковке.

свет летит перевязочным средством,
чувствуешь, надломилось что-то,
лопнуло что ли внутри, больнее ходить
и дышать, и высматривать завтрашний снег.

6

как туман туману видится, –
белой тенью, лошадиной мордой,
шерстяною вещью на снегу?

ветошь смотрит ветоши в лицо,
в скулы лодок перевернутых,
в выпуклость облезлых днищ.

мы идем сквозь персть молочную,
трогаем губами вещество
общего дыхания, скажи мне,

как тебя теперь зовут, родная,
невидимка, стертая как будто
тряпкой плюсовых температур?

Мотель

ночь обещает быть с нами долго,
она рождается из наших ладоней,
смотрится в мутное зеркало
над умывальником, шампунем, бритвой,

растекается бледной подсветкой –
от окна и кремовой занавески,
прикрывшей вид на склизкие фуры,
их тяжелые тени... ты лежала на одеяле

и перелистывала книгу, которую
держат в выдвижном ящике, и говорила,
а я отвернулся к зеркалу и смотрел,
на твоих губах слова ничего не весили,

голые, как будто раздвинулось море,
и вместо вязкого дна открылся воздух,
отдающий хлоркой, и жужжала муха
над половинами яблока на тарелке.

что-нибудь легкое в руки возьми, –
тополиного пуха наперсток, родительский
снимок, твоё в нем присутствие, – свитер
с танцующим львом на эмблеме,
мальчик, сидящий в детской пожарной машине,
они – по обоим краям, юные, мягкие лица

в полуулыбке, приветливый взгляд на двоих.
если бывает согласие, видимо, это – оно.
мальчик, две черные лампочки глаз,
весело смотрит вперед, в объективе
плещется жизнь мотыльком или жалость
ко всему, чем зовешься ты, маленький,
солнечный мой, где тебя носит теперь?

перистая тишина,
наволочки с лодками, запах лекарств,
взгляд, который она отводит,
чтобы не видеть меня, –
я принес апельсинов, минеральной воды,
говорю дежурное «погода сегодня...»,
«магазины закрыты по случаю праздника»,
посматриваю на циферблат,
когда, наконец, можно будет
наклониться, поцеловать ее в щеку,
сказать «до свидания»,
выскользнуть из палаты,
спуститься на лифте,
выйти к заливу,
присесть на скамейку,
закрыть глаза.

читаю книгу, точно глотаю гвозди:
жена – завлабратории, муж – историк,
дочь в старших классах, свекровь –
принципиальное, вредное существо,
читаю, испытывая сильнейшее
отвращение, – я не ловец времени.

он умирает от приступа, ей снится –
здесь автор особенно беспощаден, –
они ищут автобусную остановку,
кто-то ведет их сквозь лес,
и приводит к болоту, и говорит, –
вот она, ваша остановка.

мне тоже разное снится: женщина –
будто я не был свидетелем этому –
приходит с ночного дежурства,
накрывается пледом, читает
об этих двоих, идущих по лесу

осеннему, пахнущему грибами,
туда, где брезжит другая жизнь.

сначала не было никого,
потом появилась машина, двое
вылезли на гравий, немолодые, вытащили рюкзаки-
однодневки, зафиксировали походные палки.

он высок, взгляд его – в никуда,
как лесной воздух провалами сквозь деревья.
если спросить, – человек, как тебя зовут?
он не сумеет ответить внятно.

она приземиста, в лыжной шапочке с луной и солнцем,
в синей ветровке с капюшоном на две головы;
пока он согревается, отпивает чай или кофе
из пластмассового стаканчика, она ждет и смотрит

на забранное льдистой корочкой озеро,
на склоны, где ветер трет свою спину кабанью
о камни, коросту коры; на игольчатый свет,
шевельнувшийся снова под сердцем.

на улицу, как в зеркало, смотреть,
по улице, как в зеркале, ходить,
по щиколотку в сжиженной фольге,
с веселою болячкой на губе,
высматривать непрожитую здесь,
обглаживать придуманную врозь:
здесь мог быть дом, а это мог быть дым
над кровлею, на ветре ледяном,
но ничего вокруг не находить,
что тлеть могло или хотя бы стыть,
одна живая вдоль дощатых стен
отброшенная криво тень,
а чья она, не надо говорить,
а чья она, не надо горевать,
такие весны здесь, – не проворонь,
по две звенящих – на одну ладонь.

Наталья ЧЕРНЫХ

ФБ ЛЮБОВЬ МОЯ

Роман в постах для социальной сети

*Песни без цели, песни без стыда,
Спелые, чтобы унять твою печаль.*

БГ

Группа френдз онли

Пост о

Неприятно, когда указывают на огрехи, особенно когда ты о них не подозреваешь. Но это моя работа, я психотерапевт, – и потому заявляю, что читатель хочет, чтобы всю читательскую работу делали за него: создали образ, поднесли как стопку идею или загипнотизировали потоком слов, – других мотивов для чтения нет, это ведь так себе квест: проехаться на халяву на писательском горбу, не прилагая собственных усилий. От усилий, если читатель их все же прикладывает, тоже толка немного: они выглядят нелепо; но я очень мало читаю рецензий на современные романы. Связь прямая: плод усилия читателя – отзыв, какой бы ни был, важен факт, а так они все скучные; рецензии то есть. Кстати, фб, любовь моя, учит меня новым словам. Раньше я думала, какое выбрать: наслаждение, как более темпераментное, или аттракцион, как более сухое и отстраненное. Фб предложил квест, и пусть будет квест.

Чтобы показать читателю, что всю работу за него делает писатель, изображу вектор своих записок: прочь из бытового героизма в новую жизнь, черты которой еще так слабо мною различимы. Однако нужно объяснить, что такое бытовой героизм. Один еще не совсем покойный (то есть, конечно, живой) приятель мой в напряженные годы, теперь находящиеся далеко за горизонтом, придумал довольно остроумное словосочетание: бытовой героизм. Глупое и точное выражение; я вспомнила его потому, что очень хотелось сказать: записки мои о бытовом героизме – это дневник Тани Савичевой двадцать первого века. Сама по себе идея не очень новая, но любовь моя фейсбук переводит ее в новый регистр. Так что мне бытовой героизм уже не нужен, автобиография тоже (мне не так много осталось, хотя недавно опять выжила, кажется, после очень серьезного случая).

Для того чтобы вектор был ясным читателю (бормотание автора бывает очень запутанным, по себе знаю), мне нужна яркая и полная картина моей зависимости от фейсбука, а я ее пока не вижу и даже не знаю, от чего я больше завишу: от препаратов, которые принимаю каждый день с каким-то паскудным изяществом, или от этого всеобщего цифрового сожителя, важность которого так хорошо оттеняют люди, у которых фейсбука нет. А фейсбук есть у всех, в том или ином виде, стоит только поискать, и найдется что-то, хоть школьный дневник, и это тоже фейсбук – далее просто фб.

Но какие-то конфеты к столу чтения тоже нужны, вроде тех, что продаются в дорогих книжных магазинах, якобы для питания утомленного занятиями мозга, – и они будут. Читатель откроет в моих записках и кровавую историю любви, и визит в иные миры, и прочее, что не очень

Наталья Черных родилась в 1969 году в Челябинске-65, ныне Озерск. Училась во Львове и в Москве. С 1987 года живет в Москве. Куратор поэтического интернет-проекта «На середине мира». Автор нескольких книг поэзии и прозы. Публикации в журналах «НЛО», «Новый мир», «Сююз Писателей», «Знамя» и др. В «Волге» публикуется с 2009 года (стихи, проза, критика).

приятно, но весело. Итак, Свифт и Грин мне в помощь. Возможно, когда записки закончатся, я эту самую полную картину зависимости увижу.

Посты в фб я пишу с хорошей чувственной скоростью, мужчина мог бы оценить, если бы он был. Но мужчины у меня нет, есть коллега, которого я называю Дюша, и это прекрасное средство ото всех мужчин на свете. Так что ровно с той же скоростью, что пишу посты, закрываю их френдз онли, – мне так легче читать комментарии и отвечать на них, хотя этого я очень не люблю.

Почему закрываю посты френдз онли – потому что не хочу диалога. Мне хватает его при работе с клиентами, а своего психотерапевта у меня нет. Как оказалось, фб прекрасно справляется с этой ролью. Достаточно почитать ленту в течение получаса, чтобы истерика вернулась на место, поджав хвост и лапы. Если написать пост, в комментариях возникнет разного рода критика, в которой всегда есть терапевтическое зерно. А терапия мне сейчас нужна, мне нужно готовиться. Потом напишу, к чему.

Фб давний мой друг, но поначалу это была только площадка для поиска клиентов, переписки с друзьями и близкими, и просто место для картинок и видео, которые мне нравятся. Сейчас, не так давно, цель изменилась. Теперь это дневник если не болезни, то довольно интересного процесса, который я сама пока определить не могу.

Френдз онли дает прекрасные возможности и общения, и его ограничений. Спасибо Цукербергу и тому, кто на самом деле создал фб.

У меня до Телеграма и Инстаграма дело уже не дойдет, но фб мне хватит еще надолго, если иметь в виду мое собственное время. Я буду размещать здесь и фото, и видео, и тексты.

К посту прилагается фотография золотого ретривера на снегу, несколько размытая, видимо, в фоторедакторе, под старину, с наложением следов киноплёнки.

Автокомментарий, не записан:

Есть в фоторедакторах утонченная честность подколотых ботоксом лиц. Говорящих: мы уже не люди, но мы можем любить людей. Животные лучше этих лиц, но я уже не смогу держать ни собаки, ни кошки, да и не хочу, а «не хочу» накладывается на серьезное «не могу».

Что касается подколотых ботоксом лиц, то это мои недавние клиенты, две или три тысячи за сеанс, пять за выезд на дом, иногда все семь. Теперь беру двести пятьдесят рублей, но даже с этой нагрузкой не справляюсь.

Лайков нет.

Ха-ха нет.

Ух ты! – нет.

Сочувствия нет.

Возмущения нет.

Комментарий

Друг 3

– Убери пост, не позорься сама и не позорь профессию!

Комментарий к комментарию Друга 3

Друг 11

– Манечка, одумайся, не рви отношения с людьми, они тебе еще пригодятся.

Друг 55

– Да, надо вам держаться именно что за людей. Они помогут.

Автокомментарий, не записан:

Всем лайк, молодцы, ребята, так держать. А вот про отношения с людьми написала нынешняя Дюшина женщина, она вообще очень активная. Но своего финского любовника не

бросит, несмотря на Дюшу и его надежды. Впрочем, про то, что у них живые и темпераментные отношения, Дюша может быть и знает, но пока его не поразило громом. Еще поразит, и, думаю, скоро. Финляндия выигрывает.

Личное сообщение 1

- Ты там совсем сдурела или еще нет? Ты что устроила тут.
- Объясняюсь в любви к фейсбуку.
- Напиши уж сразу Цукербергу.
- Думала, но мне не нравится его лицо. Он мне в сыновья годится.
- Совсем с ума сошла.
- Ты хочешь наговорить мне гадостей?
- Да наговорить тебе гадостей это единственная радость, которая может быть у нормального человека. Ты же ущербная тварь.
- Вот за это, Дюшенька, я тебе просто обожаю.
- Дура. Я тебе клиента прифрендил.
- Спасибо.

Личное сообщение 2

- Здравствуйте, Мария Георгиевна!
- Здравствуйте.
- Я Денис, вам писали.
- Да, конечно. Идемте в скайп.

Денису тридцать. Прекрасный возраст, прекрасная внешность. Но у него уже несколько опасных зависимостей, целый клубок зависимостей, запутанный-перепутанный, и слои личности уже отслаиваются один от другого. Первый случай в моей практике, я даже немного боюсь с ним разговаривать.

Пост 1

Без числа

Людам интересно читать про других людей. Считается, что нужно писать о женщинах, мужчинах, о семье и детях. Однако мои клиенты, даже те, кто всем этим в какой-то мере обладает, больше напоминают инопланетян. Они инфантильны в том, что касается больших связей (язык, страна, народ, семья), и доки в необязательных личных отношениях, которые им кажутся невесть какими важными и которые они способны выяснять до бесконечности. Что ж, других у меня нет, а я сама стала одной из первых инфантилок, хотя мне полтинник.

Интересно ли читать про любовь пятидесятилетней женщины? Думаю, нет, и мне тоже не интересно. Но я психотерапевт, я веду журнал наблюдений, там может оказаться много полезного для работы и просто интересного.

Я люблю писать посты без дат, иногда интерфейс это позволяет. Снимаю даты, выставляя вместо них нули, как будто времени нет, и радуга вокруг. Я люблю хронику и не люблю комментарии сами по себе, не люблю участвовать в комментариях, читать чужие посты и хочу, чтобы как можно больше людей читали мои посты. Еще я ничего не умею, а только писать дневники, в которых подметаю мой внутренний мир. А еще мою в нем пол и окна. Само по себе это мало кому интересно, но может возникнуть, как говорили лет пятнадцать назад, нетленка. На что и надеюсь. В нетленках есть солнечный зайчик счастья, и порой они прочны, как влагостойкая тушь и стойкая губная помада от «Ревлон». У меня не получается красить губы аккуратно.

К посту прилагается видео песенки Блонди «Сердце из стекла», снятое Энди Уорхолом.

Лайков 6

Комментарии

Друг 1:

– Это же фейсбук, здесь все так.

Поставила лайк. Хотела ответить: иди в сад. Не стала. Могла и не сдержаться. Но друг хороший, добрый, стихи пишет.

Личное сообщение 1

– Ты там совсем рехнулась или еще нет? Привет. Как сама?

– Хочешь наговорить мне гадостей? Привет. Ищу клиента.

Гифка: наглая девица закидывает ногу на ногу и делает глоток из бокала, затем плюется.

– Я подумаю.

– Что бы я без тебя делала!

– Повесилась бы или в окно вышла.

– Ну я же знаю, как сильно ты меня любишь.

Наклейка: три танцующих сердца, три плачущих красных розы.

– А то! Деньги у тебя есть? Ужасно не люблю эту твою козью привычку гордиться безденежьем. Ты хоть нормально ешь?

– Да, когда обезболивающие начинают действовать. Денег нет, но через три дня пенсия.

– А за квартиру платить?

Наклейка: мужик в халате и тапочках кидается деньгами в зрителя.

– На это есть всегда.

– Коза ты.

Гифка: и правда, коза на фоне рассвета и полевых цветов жует маковую голову.

– А ты думал. За стенкой сосед на саксофоне разучивает уже три месяца одну и ту же джазовую пьесу. Мне уже нравится. Но мне нужен трамал.

– Не торопись, туда ты всегда успеешь. Я брошу тебе на карту каплю, купи ксефокам. И десятого числа ползи на рентген в нашу клинику, дура. Я сам сейчас особо не богат.

– Что даст рентген в моем случае? Может, лучше сканирование?

– Рентгена хватит. Он покажет, есть ли воспалительный процесс.

– Ты мой принц на белом коне.

Наклейка: довольно похотливая Рапунцель.

– Меня беречь надо.

Гифка: Клинт Иствуд шурится, пожевывая травинку.

– Как хорошо, что мы друг от друга ушли когда-то.

– А как хорошо, что не расписались!

Наклейка: глумливая ворона.

– И не говори.

– Я тебя люблю.

– Я тебя тоже.

Наклеек, смайликов или гифок нет.

Автокомментарий, не записан:

Приближается пост. Смешно мне держать посты. Однако хочется. И я буду готовить чили с картофелем и двумя видами фасоли, зеленой и красной, и заворачивать его в лепешку, и разогревать на кокосовом масле. Перед подачей добавлю острой соус. Всего этого мне нельзя, но я люблю чили и Питера Фалька в роли Коломбо. И еще люблю бывшего мужа Дюшу, хотя он изначально был коллегой, каким и остается. Дюша тоже психотерапевт, защищает докторскую (понятно, что не колбаску, это нас объединяет: мы едим мясо, но не едим колбасу, потому что докторская), а тема «Начальные признаки психопатии и проблемы диагностики в этот период». Он всерьез считает психопатов социально опасными, даже больше, чем маньяков. Маньяков он любит, это последствия работы в закрытом психдиспансере.

Личное сообщение 2

– Мария Георгиевна!

– Верик, я здесь.

На самом деле она Вероника.

– Не поздно? Один вопрос.

Без пятнадцати полночь. Самое Верочкино время, мужа ждет с так сказать работы. Она, кстати, Вероника Павловна, Вера Павловна, как я ее называю.

– Да?

– Я снова слышу запах чеснока в сливочном соусе. Танюша вчера все вымыла, но запах по всей спальне, такой сильный.

Она живет в доме на Рублевке. Трогательная простая здоровая бабенка из Орла. Или нет, из Курска. Но удивительно тонкая, у нее смертельная интуиция, хотя иногда в разговоре кажется городской сумасшедшей. Думаю, у нее народное чутье.

– Верик, у тебя же включена вентиляция?

– Ах нет. Сейчас включу. Сколько я вам должна?

– Ну что ты, Верочка, зачем ты так.

– Я вам пятьсот рублей переведу, у меня нет больше. Антон Михайлович денег не дает, вы же знаете.

Антоша не миллиардер, но это пока. Они устойчивая пара. Вероника от природы умеет закрывать глаза на то, что видеть не нужно. И от огорчения, что так нужно делать каждый день, нашла себе работу, шьет из дешевых платков бохо-вещи. Продаются плохо, но дорого, так что бюджетную зарплату она имеет свою: тысяч двенадцать в месяц. У нее есть Ванечка, ее одноклассник, и это любовь на всю жизнь. Видятся они очень редко. Антон, по моим наблюдениям, знает про женину любовь к Ване, но что уж, между супругами негласный договор. Вероника любит детей, и они у нее получились, двое, от Антона, а его пока устраивает фасад. Но ох уж мне это пока.

– Мария Георгиевна, это снова я.

– Да, Верочка.

– Про запах. Дмитрий Петрович (это приходящий повар, двадцати семи лет и сложения Шварценеггера) курицу готовил, оказывается. Антон ведь через полчаса придет. Но почему запах в моей спальне, когда кухня в пристройке?

Потому что, Верочка, ты не хотела, чтобы курица подгорела.

– Вот и хорошо. Я думаю, можно вентиляцию выключить и открыть окно. Ночи прохладные, но такие свежие!

– Как я не догадалась! Сейчас открою. Храни вас Бог.

Аминь, что еще сказать.

Пост 2

Без числа

Я хочу прилюдно признаться в любви к фб, и делать это каждый день, так часто, как захочу. Фб это регулярный секс, постоянный партнер, и это хорошо. Это новая социальная эротика. Я не вижу, что эротика в прежнем, доцифровом виде еще возможна. Ее нужно поддерживать на худой случай аналоговыми средствами. Например, телефоном, с вибрацией. Человек как регулярный сексуальный партнер потерял свою ценность для меня, и не сомневаюсь, что еще для многих, за которыми нарисовалась пошлая тень большинства, детей скромной эпохи цифровой буржуазии. Хотя какая буржуазия, амиго, даже я не помню ее. Я могла ее помнить, но мне было слишком мало лет!

К посту прилагаются три фотографии роз в августе на закате, видимо, сделанные автором поста в Москве, предположительно в Сокольниках.

Лайков нет.

Одно недоумение.
Одно возмущение.

Комментарий
Друг 2

– Манечка, неужели все так плохо?
Поставила лайк, не ответила, ничего не подумала. Бедная женщина.

Комментарий
Друг друга 1

– А я не хочу жить в цифровом мире! И не навязывайте его нам! Если вы сами не человек, не стоишь думать, что и другие такие же, как вы!

Лайка не поставила и ничего не ответила. Не знаю, кто это. Но могу забанить. Порой банить это необходимость.

Автокомментарий, не записан:

Однако верная мысль. Я не человек. А кто я? Я это психотерапевт, женщина и инвалид, которая с подозрением относится к любой идентификации. В общем, я не я, то есть я лошадь и извозчик одновременно. А еще стая волков, привет доктору Гваттари. И еще мне тошно, когда вдруг в разговоре или в тексте возникают слова «Фрейд» и «Юнг», но здесь имеет место профдеформация.

Личное сообщение

– Мария Георгиевна!
– Да.
– Я намерен отказаться от ваших услуг, вы не тот терапевт, который нам нужен.
– Я буду рада, если найдете другого.

Не выдержал. Творчески одаренный, но изъеденный завистью и гонкой за жизнью человек, Валентин, сорок лет. Работает в топах консалтинга, но по сути своей электрик. Отличается тем, что говорит правду, но уж очень темпераментно.

– Я не смогу пользоваться услугами врача, который не смог доказать свою компетентность. Вы не смогли разобраться со своей личной жизнью и нищетой, а беретесь за других. Это нечестно и некрасиво.

– Вполне с вами согласна. До свидания.

Поставила бы лайк, хотя да, сейчас можно. Ставлю лайк. Стихи ему писать надо, у него бы отлично вышло. Про электрика на столбе ЛЭП. Видимо, трезв. А так у него очень глубокая зависимость, и что удивительно, без запоев. Он пьет постоянно, по глотку. На последнем сеансе, полгода назад, от него ярко пахло «Гленморанжем». Вот ведь цветок делирия на мою голову. Но уж как я-то рада от него избавиться. Забанил. Ну туда тебе и дорога, дорогой делирий.

Он прав в том, что мои бывшие однокашники и коллеги уже имеют по две машины, загородные дома с терапевтическим ландшафтом, квартиры и много еще чего: у кого офис, у одного даже своя клиника. Мне все это, по несчастью, не интересно. И я не думаю, что я хуже всех.

Пост 3
Без числа

Мой мастер говорил мне. Хотя не так, он теперь тьютор, а я коучер всем и вся, такой родилась и такой воспитали. Итак, мой тьютор говорил мне, что хабитус буржуазии ослаб, но она еще существует. Или что-то в этом роде. Затем говорил (он считает себя марксистом) о несчастных миллионах рабочих, которые весь день не могут отойти от станка и потому работают в памперсах. У них нет и десяти минут на туалет или на обеденный перерыв. Сначала я слушала тьютора, затем

что-то во мне переключилось, и я поняла, что он лжет. Не потому, что этих миллионов нет, а потому, что он никогда не мыл полы на регулярной основе, а я мыла в августе 1991 года и не только. Это ничего не значит само по себе, но кто моему тьютору несчастный рабочий в памперсах – да никто в кубе и на Кубе. Однако все это говорил мой тьютор, и мне теперь со всем этим жить. С памперсами, то есть.

Мне нравятся новые идиомы. Сокращения: евпоча, омг, лол. И вот это пошлейшее (забыла, теперь ведь пошлости нет): вот это все. Звучит эмоционально, емко и красиво. Но употребляемо только в редких случаях.

Вербально невдуваемо.

К посту прилагается видео песенки «Рокси Мьюзик» «На Стренде».

Лайков нет, прочего тоже.

Комментарий

Друг друга 8

– Немедленно к врачу! Вы больной человек.

Автокомментарий, не записан:

Что тут скажешь? Да, я записалась к своему специалисту, и это не психолог и не психотерапевт, потому что я психотерапевт, а заодно и псих в одном лице, но это снова профдеформация. Я думаю, что если у человека, живого и еще не совсем цифрового, как я, есть настоящая болезнь (так и хочется сказать: любимая болезнь!), он не полезет в соцгруппы по социальным болезням да и просто в группы по заболеваниям, не до того ему. Мне по полдня не до интернета. У меня начались боли, и идут уже долго. В статье на Яндекс Дзене прочитала, что женщины пожилого возраста с такими болями скоро умрут. Наконец хоть какой-то прогноз, а не это вечное неврологическое: «Что вы хотите, у вас возрастное». Но сначала будет лежачка, хотя пока ее нет, и это мучительная петля – от бега к лежачке, – которая каждый день уменьшается. Пока бегаю (то есть хожу без палки и довольно долго), лежачка отодвигается, но любая нагрузка ее приближает. Я живу одна, нагрузка это большая, это нелепо и принципиально.

Я пожилая женщина. Я смотрю каждый день, как моя полынья покрывается льдом на чуточку больше, чем вчера. Когда лед идет вперед, и это видишь, наблюдаешь лучшее из зрелищ.

Личные сообщения особенного интереса не представляют.

Пост 4

Без числа

Чем расшифровывать мое никому не нужное мировоззрение и внутренний мир (о нем речь впереди), нужно пояснить, что я не считаю себя пошлым романтиком, я не марксистка, верю в будущую жизнь и воскресение мертвых, и не верю, что человек исчерпывается плотью. Я слишком долго и с процентами выплачивала долги, видимые и невидимые, чтобы оставить себе нечто, подверженное времени, то есть тело. А оно у меня еще ничего, в смысле целлюлита.

Я с недоверием воспринимаю любую идентификацию, потому что идентификация для меня сигнал ослабленной личности. Если нет тебя во всей задуманной свыше полноте, значит, ты красивая феминистка, эффективный менеджер и много кто еще. Если ты есть, «я» на письме почти не нужно. Так что лучше катафатика, отрицание, чем я на самом деле не являюсь. А феминизм мне не чужд, а очень свойственен. Я женщина и люблю поиздеваться над мужчинами, как и они надо мной.

К посту прилагается видеофрагмент концерта 1977 года в клубе «Аполло», Игги Поп поет песенку «Пассажир».

Лайков 3

Возмущение 1

Недоумение 1

Комментарии

Друг друга 1

– Надо было замуж выходить, пока молодая.

Поставила ха-ха. Потом подумала и заменила на лайк. Хороший парниша.

Друг друга 2

– Не все же так плохо! Нужно стараться видеть в жизни преимущественно светлую сторону.

Поставила восторг, что еще ей сказать.

.....
И что мне со всем этим делать, как говорит Лев из Иерусалима.

Кстати, почему лайкают одни и те же? Потому что лайкают. Дорогие вы мои, за что вам я такая, собака страшная. Впрочем, я люблю вас, знайте это.

Личное сообщение

– Ты деньги получила?

– Да.

– Почему не написала? Ты всегда думаешь только о себе.

Автокомментарий, не записан:

Проснулась в два, так как до пяти шли сильные боли и смотрела отечественный сериал. Потому что уже привыкла к отечественным, и они мне начали нравиться всем: картинкой, лицами, звуками. Наблюдаю, ожидая действия ксефокама, второе и третье поколение советских актеров. А какая все же мощная была школа! Дети не уступают. Было бы странно, если бы дети уступали родителям в игре и прочем. Этим детям намного сложнее в культуре, чем их родителям.

Личное сообщение 2

– Дюшенька, я еще в прострации. Но со мной все хорошо, боли ушли.

– Дура, что сказать.

– Ты мой заяц золотой, будешь ты всегда со мной.

– Не смешно.

– Мне тоже. Я люблю тебя.

– А уж как я тебя.

Автокомментарий, не записан:

В 1989 одна знакомая, ученица моего мастера, вела нечто вроде квартирному семинара по увеличению любви в мире. Мы все сидели косо, чтобы не сказать в позе лотоса (привет, Майк Науменко!), и говорили только это: я люблю тебя. Нужно было сказать «я люблю тебя!» на всех уровнях своего существа и потом пойти еще выше. Мы с Дюшей ржали, глядя друг на друга, это было заметно всем, и ведущей тоже, но она не сделала нам ни одного замечания. Само по себе зрелище пятнадцати человек (на сундук покойницы, той знакомой уже нет), которые говорят, скорее, орут разными и порой дурными голосами «я люблю тебя», впечатлило. Возможно, тогда я и решила выйти из окна, то есть: стать психотерапевтом.

Никто не мог предположить, что веселые и сравнительно легкие отношения с Дюшей будут длиться тридцать лет, и все эти тридцать лет я то живу у него дома, то прячусь как побитая собака в комнате своей родной квартиры.

Но в какой-то момент мне повезло, я переехала в съемную квартиру в одном дворе, где и живу: в родном дворе. Что из этого выйдет, не знаю, но Дюшу мне не жалко, – ни того, что мы

так и не стали мужем и женой, ни того, что, по его словам, мы теперь чужие люди. В отношении отношений между людьми он всегда врет, даром что психотерапевт. Мне не жалко и того, что мы не чужие, и это для меня унизительно; рядом с Дюшей я всегда в белом пальто, но и это унизительно тоже, так что я его люблю как брата.

Пост 5

Без числа

Хорошее чтение делает жизнь милой и удобоприемлемой, хотя чтение дело неоднозначное.

Итак, вот письменные опыты Алины Сергеевой, – для меня и для тех, у кого есть время и способность к чтению. На самом деле опыты эти не мои, как может подумать читатель, а одной покойной пациентки, страдавшей синдромом Алисы в стране чудес, пленницы Тодда. Она доверяла мне, и я полюбила ее по-своему, как может врач любить пациента. Мне трудно было читать эти записки, но потом я втянулась, потому что в молодости любила Брэдбери.

Что потом стало с Алиной, лучше не рассказывать. Она некоторое время писала довольно удачные стихи и размещала их в своих блогах; их заметили, и даже издали небольшую книгу. Однако потом все пошло как-то не так. Мне было очень тяжело читать умные и тонкие сочувствия, которые писали ей в фб в течение последних двух месяцев, когда заболевание развилось и дело шло к концу. Умерла она от внутреннего кровотечения, да и органы были порядком изношены. Она была очень сильным и одаренным человеком, женщиной-инопланетянкой: худая, с густыми волосами и миндалевидными глазами, в которые смотреть было страшно, потому что в них была бездна. Я приукрасила, но об Алине потом расскажу, это будет просто необходимо.

Какое детство все это: бездна, воля, личность. Я некоторое время имела дело с ангелом, и навсегда это запомню. Дивный новый мир, открывающийся на этих страницах, вполне может вырасти из нашего.

Приложения в виде фото и видео отсутствуют.

Автокомментарий, не записан:

Фб точно скоро отучит меня читать, хотя я пишу и читаю сравнительно много, но не Роб Грие по-французски или Диккенса по-английски. Восприятие чтения стало совершенно другое: как акта дежурного, необязательного, отвлекающего от реальной жизни. А что мне реальность? Сметанный крем в «Пятерке»? Кстати, его уже не выпускают, а вместо него трехсотграммовый пластиковый стакан сметаны, порой вполне приличной, а порой пахнущей сладковато, едва не трупом. Я люблю кислую десятипроцентную сметану, а эта конформистская, пятнадцать процентов. Да какая разница, какие продукты есть, лишь бы изо рта не воняло. Я каждое утро и вечер полощу рот слабым раствором перекиси водорода.

Но к делу, вот страницы записок Алины Сергеевой из моих рук.

Читать дальше

Начало записных книжек Роя Обрана Роу

Этот документ висел в воздухе очень долго, пока наконец не спустился, как люминесцентный плафон, и раскрылся трижды проверенным на вирусы архивом. Иначе нельзя, и все равно оставалась вероятность тройна или руткита. Но какой смысл говорить на языке современности о том, что находится одновременно рядом и невероятно далеко?

Гарри Флит, устроившись так удобно, как позволяло жилище Роя, потягивал горячий напиток и говорил. Рою нравилось слушать его мрачноватые, но веселые мысли, некоторые казались ему верными.

– Шестьдесят человек сидели, теснясь, отражаясь в зеркалах информационной залы, и боялись Руперта и бога. Ты знаешь, что такое бог? Это почти как Руперт, он всегда всем хозяин. Шестьдесят человек делали движения, напоминающие о молодых ветвях, и не руками, а мыслями

показывая, что они считают хорошим и что плохим. Ты веришь в то, что для них вообще есть хорошее и плохое? Я не верю. И Руперт для них есть лишь трендовое движение, благодаря которому можно нарастить баллы. Если ты сделаешь пять движений, обозначающих, что Руперт плохой, получишь пять баллов. Если сделаешь одно движение, обозначающее, что страна Руперта плохая, получишь один с плюсом, что равно пяти баллам. Это нечто вроде обучающей игры для менеджеров нижнего звена, в результате которой никакой материализации не произойдет, но по фейсу на улице получишь.

Руперт был главным управляющим страны. Управлял он долго, порой действия его вызывали возмущение, но отнимать у него управление не решались ни элита, ни мирные жители. Гарри не любил Руперта, но ценил его устойчивость и потому не упускал случая поиронизировать над молодежью, требующей отставки Руперта. Каждая их акция поднимала рейтинг Руперта еще на несколько позиций.

И без того немалодому Гарри иногда хотелось выглядеть совсем уж старомодным, однако Рой обращался с ним как с равным, хотя к пожилым людям испытывал брезгливость. Гарри был худ, тело имел плотное, всегда был завернут в несколько слоев добротной теплой одежды и постоянно курил. Рой сам любил дым, заключенный в трубки из безопасного органического стекла, с добавками и ароматизаторами, иногда просто молочный пар. Но Гарри носился с любимой уродливой вещью как со своим плохим зрением, и Рой наконец привязался ко всему: к Гарри, к его трубке, да и к его плохому зрению тоже. Впрочем, Гарри трудно было обмануть, он каким-то образом видел все и очень точно.

Рой Роу не любил свое имя, не знающее национальных границ и не имеющее сколько-нибудь веской причины. Сказать, что он завидовал приятелям, имевшим характерные имена – Джон, Иван, Айван – тоже нельзя. Рой был доволен, что он Рой, он узнавал себя в этом имени. Его занятием было проектирование вещей и действий в многомерном пространстве и составление примерного описания материалов, из которых эти вещи могли производиться.

Лайков нет, прочего тоже.

Комментарии

Случайный читатель

– А где вы это взяли? Это не ваше? Продолжение будет?

Ответила лайком. Будет, куда денется. Тут целый роман.

Друг 2

– Ты совсем на пенсии или еще принимаешь?

Оффтоп. А куда я денусь.

Личное сообщение 1

– Ты хочешь порекомендовать мне клиента?

– Да, если ты не против.

– Ты знаешь, что я практикую редко и какой у меня рейтинг.

– Тут особенный случай. Нужны именно твои заморочки. Девушка видит во сне фильмы, которые никогда не были сняты, с известными актерами. Некоторые из актеров уже умерли. С живыми актерами фильмы она почти не видит.

– Фильмы ей нравятся?

– Очень.

– Дай ей меня в фб. Ты знаешь, как я не люблю телефоны.

– Ты сегодня невероятно виртуальна!

– Как всегда. Нужно знать, когда обновлять профиль. Мое время пока не настало.

– И все же я не поверю, что ты не смотрела «Игру Престолов».

- Принципиально. И «Гарри Поттера» тоже.
- Что с тобой делать! Доброй тебе ночи.
- И тебе. Выпиши мне трамал. Ксефокам уже не держит.
- А если 16?
- Так и есть, 8 утро, 8 вечер. Или ты хочешь, чтобы я ушла на 32?
- Не надо. Следи за тем, чтобы не было сильных кровотечений. Десна там, синяки.
- Кровотечения есть, но пока терпимо, не сильно.
- Большой палец вверх. Ты молодец.
- Еще бы, я лучше всех.
- Дюшенька, а трамал будет?
- Ну что с тобой делать.
- Значит будет.

Пост 6

Без числа

Я люблю скудость своей хроники фб на дискуссии и комментарии. Мне нравится, как во мне борются черная желчь и молодая кровь при виде успешных хроник с большим количеством внимания. А я утром после службы хочу только стакан теплого разбавленного вина и пару виноградин. Это и есть большое количество самого лучшего внимания – стакан разбавленного вина, ведь нам всем его раздают по одной кокотнице. Если остается, можно выпить еще одну-две. Но дело в стакане, нужен стакан!

В «Пятерке» видела розовое вино за 176 рублей, наверняка виноматериалы. Несмотря на лимит, хочу купить его да принимать утром и вечером в разбавленном виде. Однако посмотрим, что скажут платежи. Я полюбила рассчитывать свои копейки и не думаю, что это унижительно. Преимущество голодного в том, что он сможет съесть то, что в сытого не влезет и что сытый скорее в помойку выбросит, чем отдаст голодному.

А все же не нужно больше поднимать таблетки с пола, а также есть одновременно мясное и молочное, потому что это ослабляет организм. Например, бутерброд с маслом и ветчиной, или с ветчиной и сыром.

И еще: мне не нужна собственная квартира, автомобиль, семья, бизнес и имя в моей специальности. Мне не так много осталось, чтобы от этом думать.

Приложения в виде фото и видео отсутствуют.

Читать дальше

Из записок Роя Обрана Роу

Продолжение

После катастрофы оказалось, что никому не конец, а все только начинается. Те, кто выжил, по инерции продолжали думать, что самое печальное и достойное внимания на свете – конечность человеческой жизни. Однако в результате катастрофы возникло новое излучение, и оказалось, что проблема бессмертия почти решена, породив еще несколько проблем, гораздо более сложных. Еще слабая, но уже возрожденная планета готовилась к новому витку развития, который навскидку не сулил ничего хорошего. Однако люди были бессмертны и молоды, а молодости свойственна надежда.

Рой Роу жил в одной из центральных стран, на острове посреди океана, и к этому острову (который после катастрофы посчитали новым материком) от других континентов шли мосты из молекулярного металла. Считалось, что этот металл вреден, так как содержит частицы, транслирующие и усиливающие неблагоприятное излучение, но ученые на его производство все же дали добро, потому что опыты показали: во влажном климате излучение связывается растворенной в воде солью. Страна делилась на две части: одна аграрная, другая

административная, где располагались университеты, институты и научные центры. Мягкий климат на юге благоприятствовал растениям, север проветривал городские улицы.

Город, в котором жил Рой Роу, был не самый большой на острове и в стране, которой принадлежали еще две области на другом материке, но был типичным. Дома ходили от самых облаков до подземелья, это были подвижные и способные к росту конструкции, обычным считался дом в десять подземных этажей, один из которых оставался нежилым и считался резервным, на случай новой катастрофы. Особенность этих домов была в том, что они росли кустами, так что город с определенной высоты казался огромным кустарником. Открытие прочного минерала, способного к быстрому самонаращиванию, позволило проектировать жилища, на строительство и содержание которых уходило намного меньше времени и средств, чем в прошлом мире. В этих квартирах всегда было опрятно, отсутствовали навязчивые запахи и домашние насекомые.

Некоторое время подземного существования после катастрофы прошло как цивилизационный обморок. Когда облученное человечество вышло наружу, первый день выхода из подземелья еще долго казался отправной точкой, и то, что было до него, словно бы перестало существовать. Манипуляция звуками, линиями, движениями тела, позволенная средствам массовой информации, едва лишь касалась памяти о том, что было до того. Да и память вечно молодым не нужна была.

Память была неизбежным злом, которое психологи пытались взять под контроль и, кажется, в этом преуспели. Идея контролируемой памяти возникла еще в прошлом мире, а сейчас появились возможности ее воплотить.

Рой Роу немного знал о том, как в прошлом мире боялись генной инженерии, генного моделирования и комбинированного человека. После катастрофы оказалось, что это совсем не так страшно. Многие неимущие шли добровольно в команду испытуемых и заканчивали жизнь в тепле, сытости и уюте лаборатории, с любимыми дисками музыки или книгами, которые новые люди уже начали путать с папирусами и глиняными дощечками. Умирали чаще всего от отека легких и высокой температуры, при которой сворачивалась кровь. С этим пока еще не научились бороться, хотя уже изобретен был препарат, позволяющий выдерживать температуру тела до шестидесяти градусов Цельсия часа два-три. Но потом кровь все равно сворачивалась. Рой Роу вступил в жизнь тогда, когда овеществление человека уже не пугало. Более состоятельные люди посещали порой плантации внешних и внутренних органов тела, присматривая себе подходящие.

Однако борьба с памятью еще завершена не была, и кажется, память даже приносила пользу: выборочная, дистиллированная, материализованная в плотную жидкость, наподобие слез, спермы/флоры или слизистой. По роду занятий Рой Роу имел дело с известной Фабрикой снов, где порой требовалась память, там он и познакомился с Гарри Флитом.

Лайков нет

Комментарии

Случайный читатель

– А что это?

Личное сообщение 1

– Ты где? Мать девушки спросила меня, как прошел сеанс.

– Нормально. Она просто счастлива этими фильмами. Но вообще медлительна, и потому увязает в своем воображении. Но тут такое дело. Я не думаю, что эти фильмы есть порождение воображения. Это середина какой-то очень непростой истории, но какой, пока не понимаю, да и вряд ли это нужно. Девушка оказалась в области сверхценных идей как Элли в стране Оз. Она хотела быть актрисой и не поступила, потому что родственники задавили ее, а она поддалась. Нарушение неглубокое, все это мягко выраженные (и красиво) компенсаторные дела. Ей еще 23. Нужна новая профессия. Думаю, родителям можно это объяснить.

Личное сообщение 2

- Привет, не спишь?
 - Нет. Что-то нужно?
 - Не подкинешь тысячи три до пятого? У меня ничего, от слова совсем.
 - Ладно, что с тобой делать.
 - Ты лучший на свете. И спасибо.
 - За это не благодарят.
 - Что бы я без тебя делала!
 - То же, что и всегда. Ждала бы, когда деньги переведут.
 - Точно. И все равно: спасибо!
- Большой палец вверх, затем забавная рожица на гифке.

Автокомментарий, не записан:

Я бы отдала все свое оставшееся время, чтобы Дюша защитился. Потому что я тоже считаю психопатов социально опасными. Я за то, чтобы не назначать на руководящую должность человека с психопатией. А теперь – в стойку полного покоя, ее название «иди ко мне, мой богомол»; спать то есть. Завтра сложный день: нужно идти за рецептом на трамал, а это час дороги; сейчас нужно выпить ксефокам, и 16 сразу. Итого за день 24. Иногда мне кажется, что если бы в начале болевого приступа мне дали бы элементарный револьвер, я научилась бы стрелять за минуту, а через час стала бы снайпером. Потому что расслабляться нельзя. Расслабляться нужно в кровати, а сегодня у меня скайпы, два. Я унизилась до двухсот пятидесяти рублей за сеанс, однако даже такие бывают не каждый день. С завтрашнего дня дешевые консультации прекращаю. Не стоит вытирать о себя ноги, ведь не все клиенты ушли, и еще эта новая девочка появиться должна.

Личное сообщение 3

- Мария Георгиевна!
- Я здесь.
- Понимаете, я никому, кроме вас, не могу объяснить, что наш новый Дракула лучше, ну о котором я вам рассказывала, с А. в главной роли. Жалко, что кроме меня его никто не увидит.
- Шесть серий, говоришь?
- Да! А Трансильванию снимали в Крыму и в Краснодарском крае.

Это уже некто. А. жив, но недавно сильно поболел. Как странно она видит эти картины и как влюблена в них, счастливая девушка. И хорошо, что хоть кто-то (читай: я) понимает, что она счастлива. Но меня смущает А. Если она видит его во сне, это значит, что я влияю на нее сильнее, чем нужно. Однако посмотрим, что даст разворот событий. Нужно действовать очень аккуратно.

Пост 7

Без числа

Мой переход в цифровую реальность состоялся на грани нулевых и десятых. Сначала я напоминала себе бабочку в валенках, затем старуху в сандалиях на крылышках, скользящую на каждом шагу, но гаджеты так и не полюбила. У меня до сих пор элементарный кнопочный телефон. Гаджеты нужны гаджетам.

Это очередное рождение, состоявшееся после новой и снова не совсем удачной реанимации (в буквальном смысле я училась ходить) сделало меня такой, какая я сейчас: лук в два раза меньше внутренностей. То есть изношенность организма чудовищная, а лук (внешность) обновленный. Это дало массу довольно любопытных и порой приятных ощущений, но повлияло на характер; да было бы странно, если бы не повлияло. Обстоятельства сошлись так, что с появлением в моей жизни фб я родилась заново. История далеко не новая, но не без фактуры.

Поначалу интерфейс фб отталкивал, так как мои знакомые и я с ними привыкли к жж, а там, как считали мы, все неторопливо и красиво. И вдруг возникла будто из ниоткуда бешеная

динамика, в которой видео, аудио, фото и пронзительные записи оказались на одной линии, а обратного хода (разъединить линии) уже не было. На первый план вышло лицо, личность. Морда из мордокниги.

Я и сейчас не владею половиной фб-инструментов, хотя это и не комильфо. Возможно, я не-плохой пользователь, а могу стать еще лучше – и не хочу. Манечка, одно слово. Но когда поняла, что если есть фб, не нужен телефон, обрадовалась. И телефон в моей жизни стал отсыхать, как ненужный орган, хотя окружающие, наоборот, наращивали его с помощью гаджетов.

Вскоре я смогла без посторонней помощи сделать личную страничку для клиентов, то есть второй аккаунт, но он живет сейчас очень вяло, так как я не могу выносить прежние нагрузки и принимаю очень мало.

Почти сразу ко мне пришло чувство облака, сообщества, чего в жж не было, и если было, то отчасти. Время ожидания уменьшилось, обманчивая близость начала прорастать настоящей, пластик ожил, и мне теперь во всем этом жить. И я живу, вместе с фб. Это далеко не единственное средство общения. Телефоном я пользуюсь не чаще и не реже, чем до цифровой эры, я и тогда его не любила. А любила приходить без звонка и радоваться встречам. Фб хорошо имитирует то чувство, и меня устраивает даже эта имитация.

Приложение: видеофрагмент концерта группы «Аквариум» 1988, композиция «Она может двигать собой».

Лайков три.

Комментарии

Друг 24

– В жж было хорошо, медленно так, красиво, я понимаю. Я мог там сделать пост в честь дня рождения с тридцатью-сорока фотографиями, расположенными как мозаика, и было очень красиво. Потом эти фото, конечно, выглядели как битые пиксели, квадратики с глупой иконкой вверху, но первые два-три часа были роскошными. Мне жалко, что неторопливые диалоги жж сменила агрессивная болтовня фб.

Друг 17

– Даже эстетически жж выглядит лучше. И говорят, там снова жизнь, народ уходит из фб в жж, это радует.

Автокомментарий, не записан:

Я сама почти не читаю ленту жж, а ленту фб смотрю в прострации. Да не обидятся все сразу две тысячи моих друзей. У меня нет времени на чтение, хотя я обожаю чтение, у меня совсем другая фб задача.

Пост 8

Без числа

Моя любимая болезнь не возникла на пустом месте, она зрела и росла во мне долго, начиная с юности. Заведение, где я получала специальность, было довольно популярным. В нашей группе были в основном девушки, старшей едва исполнилось семнадцать, а мне было пятнадцать.

Первые признаки возникли именно в пятнадцать. Помню день в феврале, на перемене. Лицо мое вспыхнуло, будто к нему прилила вся кровь организма, хотя за пару секунд до того было бледным, что отметили мои собеседницы. Им, и мне самой тогда казалось, что это какой-то сильный эмоциональный перепад, а причины для него не было. Затем я сильно вспотела, лоб увлажнился. Вечером пришлось устроить стирку, а тогда все стиралось на руках, и к ночи нехорошо заныла поясница. Ныла она еще пару дней, но я думала, что это к месячным.

В конце недели должны были прийти месячные, но они не пришли. Я была девственницей, и если предположить, что в мире масса беременных девственниц, то я одна из них. С тех пор

месячные стали приходить нерегулярно, а в двадцать четыре года полностью ушли, в самый разгар бурных отношений с красивым молодым художником, в которого была влюблена как сорокалетняя учительница. Ни болей, ни какого-либо другого беспокойства, кроме обильной крови, у меня не было. Хотя синие мухи в глазах и нечто похожее на галлюцинации, что бывает при сильно и резко падающем давлении и вообще при потере крови, были. Но тогда, в двадцать четыре, я еще не была медиком, я была психологом-недоучкой. И на психолога пошла только потому, что об этой профессии мало что было известно.

Месячные шли неделю, питание было плохое, потому что жила одна и почти ничего не зарабатывала, но через неделю они закончились, и я настолько обрадовалась этому, что с художником рассталась, в качестве подарка на расставание устроив ему сцену ревности. Ну да, ревности, хотя он тогда был мне совершенно не нужен. С тех пор, а прошло уже больше половины жизни, месячные не приходили и вряд ли уже придут. О том, что это за знак и что он с собой несет, я узнала спустя почти десять лет, когда мне было тридцать два, я уже была психотерапевтом. Все десять лет на медосмотрах я говорила, что месячные ходят регулярно, называла обычное число, потому что помнила его. Хотя на самом деле через пару месяцев после того, как они закончились, и думать о них забыла.

Эта часть жизни как-то сама собой выпала из фокуса, что говорит обо мне красноречивее, чем любое самоопределение. В моем мире у женщины в принципе не должно быть месячных, но меня окружают женщины с месячными. Иногда я ловлю себя на том, что они выделяют в критические дни особый запах. Это как тушеное мясо с клубникой. Не с брусникой, а с клубникой. И я его слышу; это очень интригующий запах. За четверть века у меня не было ни одного конфликта на почве того, что у меня нет месячных, а, скажем, у коллег есть. Это не тот предмет, ради которого можно пойти на конфликт. А женщины прекрасны, и я люблю их больше мужчин, хотя мужчин просто обожаю. Но уже многие годы на расстоянии, как и женщин.

Видимо, для меня эротика и секс живут по каким-то совершенно другим законам, о которых я только догадываюсь, а с местными законами не складываются отношения. Но я люблю мужчин, у меня была полная и счастливая в отношении чувственной жизни юность. Я не вынесла из нее брака, но сохранила много любви. Можно сказать, что я прошла пила брак, потому что любила трахаться. Даже тогда, когда месячные закончились и это уже приносило боль. Однако я находила способы и смазку, потому что любила того, кто со мной был. Я любила многих.

Приложение: видео группы «Наутилус Помпилиус», фрагмент выступления на рок-фестивале в Подольске с песней «Я хочу быть с тобой».

Лайков нет

Два возмущения.

Два сочувствия.

Одно недоумение.

Комментарии

– Вам не стыдно об этом писать?

Конечно нет, ставлю лайк комментарию.

– Благодарю вас, что прочитали.

Комментарий был срочно удален.

Личное сообщение 1

– Я всегда знал, что ты крыса и предатель, но что ты дойдешь до такого бесстыдства и начнешь торговать своим влагищем, которое никому на хер не нужно, это что-то новое. Ты же урод, посмотри на себя.

– Ну да. Ты же мое зеркало.

Запрошенный контент более недоступен.

Забанил! А что ему еще делать? У него влагалище в голове, и он им живет. Нет, не забанил.

- Манечка, а ты все же сволочь.
- Конечно, дорогой.
- И я тебя люблю.
- Наконец-то! А уж как я люблю тебя!

Личное сообщение 2

- Мария Георгиевна!
- Я здесь.

– Помните, мы говорили о В. и вы рассказывали о старых фильмах с ней? Сегодня я видела с ней Гамлета, но она играла Гертруду. Она шла к Гамлету в последней сцене, как бы никого не видя, оцепенев, величественная и беззащитная. Потом она играла Гонерилью в «Короле Лире», и это была самая красивая и несчастная женщина в мире. Регану играла И., но В. намного сильнее. Она подпорхнула к сестре (Регане) как птичка, плеснув на нее своими руками, и в этом было столько любви к Эдмунду, что я поверила: Гонерилья любила его, а Регану только хотела им обладать. Потом она была леди Макбет, и это была лучшая сказка за всю мою жизнь. Она переливалась как пламя, ее миндалевидные, густо подведенные глаза то сияли, то становились туманными к концу драмы; она всех за собою вела, ей покорялись все, а она гасла и таяла как свеча, и было так больно смотреть на ее смерть! В общем, это был шекспировский марафон, а В. играла все самые значительные роли. Играла она и Оливию в «Двенадцатой ночи», которая у нее вышла почти робкой, как девочка, как принцесса на первом балу; Геро, от которой исходила провокационная чувственность; Елену, которая была аристократичнее всего окружения, но при этом одновременно влюблена и цинична. Но в целом это было так красиво! Это был праздник!

- Ты заметила, сколько ты спала?

– Четыре часа. Сон длился около двадцати минут, потом я почти проснулась, но где-то через полчаса уснула снова.

- Выпей на ночь теплое молоко с квадратиком горького шоколада. Обязательно. Поняла?

- Да, спасибо.

Уже второй раз ей снятся живые, и это что-то важное обозначает. Но что? Усопшим проще, они свободны от того, что есть здесь. Но живые еще очень заняты.

Читатели хотят видеть в книгах ясных, красивых и здоровых героев. Я тоже хочу, но приходится иметь дело с людьми, у которых измененное состояние сознания. Мои клиенты все вместе дали мне то, что ни один здоровый человек дать не мог: тихий мир симпатии, а это ступенька к любви. Благодаря им я не смогу ненавидеть человека, даже если захочу. А эмоциональная усталость – величина переменная.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу

Нерящество Гарри забавляло Роя, так как оно было утонченным и ненавязчивым. Гарри, даром что долговязый, был подвижен и легок в движениях. Поскольку вопрос возраста был снят давно, а фантомные проблемы еще сохранялись, недостатка в эмоциях ни Рой, ни Гарри не испытывали. У Роя, в отличие от Гарри, был страх исчезновения, порождающий желание спрятаться; Гарри своими разговорами помогал преодолеть этот страх. После катастрофы, несмотря на новый комфорт, страх исчезновения распространился очень широко, это была эпидемия. С ним умели работать, но пока только научились купировать на время. Гарри, в котором все же больше было человека, жившего до катастрофы, хотя прошлый мир он помнил смутно, кажется, никакого страха вообще не испытывал, и это раздражало. Однако Рой любил поговорить с Гарри под крепкие напитки, напоминавшие виски, существовавшие до катастрофы, о том, что было тогда.

– Мы овладели многомерностью, но сколько бы измерений мы не добавили бы к уже открытым, найдется еще одно. Оно скорее привлекает, чем пугает, и оно намного более мощное, чем все остальные. Оно действует, оно создает. Мы манипулируем, но не создаем.

– Однохренно, – пожал плечами Рой. Ему нравилось, когда Гарри «ретроградит».

– Ретрогадит, – обычно добавлял Гарри.

На Фабрике снов Гарри считался одним из самых рейтинговых консультантов, хотя прекрасно понимал, что и язык, и костюмы, которые он создавал, – жителей ушедших эпох только насмешили бы. Рой Роу, как и Гарри, любил ретро тренды: причудливые слова, вытянутые формы одежды, странную обувь и еду. Более молодые люди охотно пользовались дешевыми копиями с эпох, а люди более серьезные вкладывали в ретро очень много средств. Деньги в новом мире никуда не делись. Гарри даже рассказывал, как в старом мире боялись, что деньги совсем исчезнут из оборота, но они не исчезли, а видоизменились. Вопрос денег для нового мира был одним из главных вопросов, но человек старого мира вряд ли понял, в чем его суть.

Гарри был высок, в его образе было много неуловимо-юношеского: медовые, но уже с серебром, жесткие пряди, косо идущий, через все лицо, крупный нос, напоминающий не то парус, не то клюв, низкий голос, который внезапно становился мягким, но ненадолго; глубоко ушедшие под лоб глаза цвета предгрозового неба, тяжеловатая нижняя часть лица с крупным ртом, которая с возрастом стала легче, суше, так что у него почти не заметно было двойного подбородка, и доверчивая улыбка, которую Рой полюбил, которую ценил едва ли не больше, чем свои синтетические интеллектуальные создания. Но в целом Гарри был скорее смурной и недружелюбный, хотя, конечно, так только казалось; Рой и это полюбил в нем.

Первый день года и первый день месяца пришелся на начало нового сезона, не самого теплого, но вполне комфортного. Гарри не появлялся уже несколько дней, отчего Рой немного загрустил и стал задумываться о приготвлении блюд, которых он еще не готовил. В момент размышлений, идущих от выбора рынка до выбора продуктов питания, появился Гарри.

– Ненадолго исчезну, – сказал он без предисловий, – а сейчас зову тебя есть туда-то, там отличное вино и кухня.

После довольно дорогого ужина Гарри сказал, протянув небольшое средство индивидуальной связи (сис).

– Это Джина. Возможно, пока меня не будет, тебе захочется поговорить с кем-то вроде меня.

Рой Роу и Гарри Флит попрощались наскоро, легко, как будто расстанутся на несколько часов, ну в лучшем случае на сутки. Однако прошло две недели, а Гарри не объявлялся. Рой не хотел говорить с Джинной, но на сис поглядывал.

Внезапное потепление принесло невиданный по силе циклон с ветрами.

– «Манфред», – сообщали службы, – идет «Манфред».

Циклонам, как и в старом мире, давали имена.

Всему городу был предписан трехдневный отпуск. Не совсем понимая зачем, скорее из темной внезапной жажды, Рой Роу уехал на побережье, в хлипкое новое бунгало. После дороги затекла спина, легкая судорога свела правую ногу. Выйдя из средства передвижения, Рой услышал, как его что-то легонько ударило по ноге. Это было сис Джинны. Чудак Гарри, когда же ты появишься снова. Рой наконец выпил напиток и заснул. Старая гардина штормового цвета прикрывала окно.

– Родители, – вдруг подумал Рой, засыпая, – чему научили меня мои родители.

И пожал плечами. Как всякий новый человек, Рой Роу сделал себя сам. Некогда хрупкая блондинка подросткового объема и принц мускулов международного спарринга пожелали создать человека, и так появился Рой Роу. Конечно, ему что-то подобрали, что было бы полезно с точки зрения родителей, но они почти никак себя не проявляли, а только сезонными взрывами нежности и праздниками дома, которые он очень любил. Все остальное время с ним была идеальная природа юга, опрятные помещения учебного заведения и такие же, как он, копии родителей. Однако порой ему казалось, что есть еще нечто. Он слышит, видит или чувствует его запах, или узнает его вкус, или поглаживает – но что это, Рою было неясно.

Тьютор появился внезапно, после молодого раската грома и смешной девической молнии, хвост которой осветил его длинное лицо. Гром разбудил Роя. Тьютор сидел на его постели в ногах, положив длинную, капризную кисть руки на покрывало. От него исходила странная волна симпатии, а легкий, цвета пыли и некрашеной шерсти балахон на тощем теле слегка волновался.

– Привет, сынок. Я твой Тьютор.

– Очень приятно, привет, – ответил Рой.

Тьюторов в жизни Роя было несколько, он им не удивлялся. Даже фамильярный «сынок» его не задел, Гарри порой обращался к нему «гад», и звучало это скорее ободряюще. Даже случайный человек мог назвать себя Ваней или Джоном и добавить «тьютор», – Рой принял бы это как должное. Но сидевший на его кровати в ногах человек, который имел вес около восьмидесяти килограммов, излучал волну тепла, не похожего на то тепло, которое Рой испытывал до этого момента. Рой даже видел, как это тепло расходилось желтыми, с медным оттенком, лучами.

Рой моделировал вещи, линии были его работой и его знакомыми. Он понимал характер каждой кривой, которую ему приходилось рисовать, отличал звучание одного объема от другого, на первый взгляд похожего.

Голова Тьютора имела яйцевидную форму, затылок был мягкий и чуть выпуклый, это было видно, ветер шевелил не очень густые, но пышные светлые волосы. «Темный блондин, – отметил Рой про себя, – и редкий оттенок волос: песок, морской песок». Удлиненные, очень светлые, золотисто-зеленые глаза, чуть прищуренные, на длинном лице поблескивали. У них была своя жизнь, отличающаяся от жизни сухого лица с кожей тонкой, как бывает у тяжело больных или у людей, долго употребляющих допинг.

Рой что-то читал об африканских масках, которые до катастрофы очень ценились собирателями, и даже видел несколько изображений. Наиболее понравившиеся сделал четырехмерными, и в них можно было помещаться целиком. Лицо Тьютора контуром отчасти напоминало одну из масок, знакомых Рою. Глаза не были маленькими, но их прищур, тяжеловатые веки и манера ими двигать создавала другое впечатление. Это была почти нечеловеческая голова.

Если бы Рой жил до катастрофы, он посчитал бы Тьютора пришельцем. Рот – длинная верхняя губа была узкой и многократно нервно изогнутой, как волна на мягком обкатанном камешке нижней, – слегка осел внутрь лица, и это завершало эфемерное, но оттого еще более тревожащее сходство с маской. Но перед Роем была не маска, а живой человек, плоть которого была еще более плотской, чем у Роя. Он чувствовал – и не мог преодолеть этого чувства, сочетавшего мгновенное желание и сильнейшее отторжение.

Тепло кисти, имевшей красивую форму и вытянутые, чуть плоские пальцы с ухоженными ногтями, даже касалось стоп Роя, и он не сопротивлялся.

– Что будем делать? – спросил Рой, вполне понимая двусмысленность этой фразы.

– Пойдем в театр, – ответил Тьютор, – Ты должен знать, что такое театр.

– Театр – это то место, где персонажам обязательно должно сначала сделаться плохо, чтобы потом стало хорошо?

– Нет, – ответил Тьютор, – это то место, где живут.

Странный ответ.

– Почему живут только в театре? Живут все и всегда.

– Скоро ты увидишь, что это не так.

Тьютор отвечал, как будто знал, о чем его будут спрашивать, и даже скользил несколько вперед, что Роя уже начало раздражать. Он вспомнил, что до катастрофы было еще кино, кинематограф.

– А может, в кино пойдем?

– И в кино пойдем, – прозвучал ответ, – но сначала на репетицию.

Тьютор встал и сделал знак Рою: вставай!

– У вас нет смерти, и потому вам недоступна жизнь целиком. Те, кто жил задолго до нас, были знакомы со смертью лучше, чем мы, и они были сильнее. Смерть присутствует и в вашем мире,

но ее образ стал почти нелепым и действительно страшным. Для нас ее статья выглядела почти благородно.

Рой Роу слышал и даже сам делал материалы об отношении к смерти человека, жившего до катастрофы; один материал был даже о беседе с душами умерших и был опубликован в день древнего ритуала. Но Тьютор совсем не напоминал о древности, он выглядел как Гарри, и еще живее. От него пахло табаком, по описанию Рой узнал этот запах, лавандой и немного лимонной травой. Впрочем, эти древние запахи Рой знал только условно, но ему невесть почему захотелось их назвать и даже хотелось, чтобы они были именно такими, как он назвал их. Гроза усилилась, полотнище на окне захлопало, как однокрылая птица.

Приложения к посту в виде фото и видео отсутствуют.

Лайков 3

Комментарии

Друг 3

– А ничего так. Бойко пишешь.

Друг 4

– Ты выдумываешь потому, что у тебя нет в руках уникального материала. Смотри, вот Д. или Л, они располагают уникальным материалом, и потому очень известные. А кому интересен твой тьютор?

Друг 5

– Все равно за границей это никому не интересно. У них своих сумасшедших полно, там целая такая литература.

Автокомментарий, не записан:

Поставила лайки всем. Текст все равно не мой. Да, я часто ловлю себя на том, что почти издеваюсь над читателями. Потому что у меня нет выбора. Все же не дает покоя статья в Яндекс Дзене о болях с моим диагнозом, остеопороз высокой степени в сравнительно молодом для него возрасте. Лежачка, потом отек легких и конец. Обычно это происходит так; я живу с мыслью, что закончу именно так и одна в квартире. Меня не пугает это, наоборот, получаю стимул жить и писать в фб про то, как люблю друзей, про то, какие прекрасные у меня пациенты, про то, какая я горгона и медуза. Это лучшее занятие на свете.

Пост 9

Без числа

Женщина, 79 лет. Нянится с едой, как одна моя знакомая с шопингом. В разных частях квартиры у нее секретик с едой: на кресле возле кровати, на столике, в холодильнике, который зябко ноет в двух шагах от ее кровати. В секретиках спрятаны и шоколадка, и картошка из макдональдса, и кислая капуста в крохотном контейнере, и огурчик, и стакан компота. Все расставлено аккуратно, скрыто от чужих глаз и употребляется по мере желания.

Женщина очень полная, неповоротливая, но как все полные пожилые умеет отвоевать себе жизненное пространство, и в основном за счет других людей. Сейчас она живет с дочерью, так что дочь почти ничего не готовит. У нее начинается тихая или громкая, в зависимости от усталости, истерика, когда она видит еду матери. Но дочь не без силы воли и научилась спускать на тормозах эмоции, так как почти все пожилые люди что-то прячут по углам. Но тут особенный случай. Женщина любит еду, играет с ней, любит, наслаждается ей, как будто это нечто волшебное. Ее увлекает вкус, она не без художественности относится к пище, но мания сильнее, и хрупкие формы разрушаются, не достроившись.

Например, двухлитровая банка с квасом, созданным из французских сублимированных дрожжей «Саф момент» и дарницкого хлеба. Кусочки хлеба, довольно крупные, ходят, вернее,

бродят по банке, вырабатывая кислый и никак не похожий на квас напиток. Это скорее бродило, что-то вроде браги или пива, но не квас. А женщину это не беспокоит. Для нее это самый лучший квас в ее жизни. Дочь уже не обращает внимания на эту банку, впрочем, правильно делает. Мать настолько любит этот напиток и так заботится о нем, что промывает марлю на горле банки два раза в день.

Я работала с ними обеими, по просьбе дочери, которая искала халяву и очевидно платить за мою работу не хотела, но платить пришлось, потому что я довольно сильно занизила цифру. Порой интересно наблюдать, как люди разводят на деньги сами себя, желая заплатить дешевле. Ничего нового я им сказать не могла, но дочь после сеанса выглядела сомнамбулически мирной, а у матери поблескивали глаза, ей было интересно побеседовать.

Клиентка она сложная, из тех, кто живет глубоко в своем мире, и потому все окружающие должны поступать, как в этой глубине решили. Дочь, по счастью, настолько цинична, что вполне уживается с матерью и особого дискомфорта не испытывает. Но у нее выраженная остеопатия, что в ее возрасте неудивительно, и потому таскать сумки с гелем для стирки, другими моющими средствами и крупами ей трудно. Остеопатия развилась после курса химиотерапии, тогда же у нее ушли месячные. Ей было сорок пять лет. При онкологии после облучения это бывает. Мы с дочерью нашли общий язык на почве отсутствия месячных. Пора бы создать целый комитет по защите женщин с ранним остеопорозом и выраженной остеопатией. Но пока этот комитет даже присниться не может. Хотя фб говорит, что есть такие группы. Нужно проверить, но ведь я все равно не вступлю. Я терапевт, у меня нет иллюзий относительно человеческих контактов.

Мать просто не думает о том, как дочери трудно, она так устроена, и это по-своему хорошо, умение отключаться помогло ей пережить много страшного, что было в ее жизни; не думать о том, что другому тяжело – просто и удобно. Знакомые считали ее милым душевным человеком, тонко чувствующим и щедрым.

На большом расстоянии так и есть, однако, когда она рассказала мне о том, как родилась на этот свет, я поняла, что ей руководит хорошо скрытая надменность и вполне сформировавшаяся агрессия, которую может вызвать любой человек, даже случайный, не говоря о родных. И только когда на нее, по ее же выражению, «орали» ее «оружие» родственники (чаще всего дочь), она немного примирилась с действительностью, постоянно строившей ей козни.

– Я же видела, я ясно видела, мне Матерь Божья показала. Как они (кто, я так и не поняла, примечание психотерапевта) поставили меня на четвереньки и сбросили сюда с крыши дома, как собаку, как собаку... Я ела песок и плакала! Я не хотела сюда. Что же на мне такое висит, что я несу смерть.

Смерть эта женщина никому не несла и сумасшедшей не была. Как все довольно крепкие пожилые люди, она прекрасно слышала и отличала одно от другого, но, повинувшись старческому страху, намеренно отвечала невпопад. А еще ей свойственно было лгать, причем лгать постоянно. Это был случай, когда человек не может не лгать.

Однако я уверена, что нашла ее занозу. В юности она выпускницей техникума работала на урановом руднике в Средней Азии. Там же работало большое количество зеков, а девочка ими командовала, и с большой вероятностью можно предполагать, что ребята наказали москвичку-задаваку, и сделали это жестоко. С тех пор она видит агрессию во всем. Как она вышла замуж и прожила двадцать пять лет с мужем, не знаю. Странное сочетание сверхчувствительности и бессердечия. Хотя почему странное, это почти логично.

Дочь живет сегодняшним днем, здесь и сейчас, но от природы доверчива и вполне контактна, уравновешена. Она айтишник.

Моющие средства и крупы мать покупать не умеет, зато может потратить шестьсот рублей на колбасу из индейки, добравшись до рынка. Уборка квартиры тоже лежит на дочери, хотя мать вполне чувствует себя хозяйкой съемной квартиры, в которой они живут, и порой совершает с сознанием собственной исключительности необходимые для гигиены жилища действия. Уголки ванной, например, протереть. Поскольку мать не имеет достаточно воли, она иногда копирует

дочь, например, заявляет, что на уголки ванной флаконы ставить не нужно, потому что там разовьется плесень. Ремонт в ванной дочь сделала не так давно, и потому ее реакция мне понятна. Да и мама, честно говоря, с придурью.

Я вела их два года, пока не слегла. Самое интересное, что я потом встала. То, прежнее рождение, видимо, пробудило во мне бессмертие, хоть и слабое.

Завершение истории было неожиданным. Позвонила мать и сюсюкая сказала мне, что Ксеничка умерла. Случилось это зимой. Ксения не то простыла, не то был ревматоидный приступ: пару дней пролежала дома. Выпив таблетки, вспотела, почувствовала себя лучше, открыла окно и заработала отек легких, который мучил ее довольно долго, но в общем не сильно. Скончалась весной. Она была натуральная блондинка, немного рыжая. Помню, мне подумалось, когда рассматривала ее веснушки, что она долго не проживет.

Приложение к посту в виде фото, страница из изданной на ризографе книги со стихотворением, в котором есть строчки: «Мне бы только весенние клены / На бульваре Тверском повидать».

Лайки: нет.

Сочувствие: одно.

Возмущение: одно.

Комментарий

Случайный читатель:

– Вы не любите людей! Вы их презираете.

Автокомментарий, не записан:

Ну я же психотерапевт. Я всех люблю, это мой профессиональный долг. Поставила лайк, сказала спасибо, ответив на коммент.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Рой

Одно пространство сменяло другое пространство; перед Роем развернулась целая цепь пространств, связанных между собою чем-то похожим на старинный дверной проем – на то, что Рой видел в материалах о мире до катастрофы. Некоторые проемы были огромны, так что верхней планки видно не было, некоторые широки, так что не видно было боковых планок, и кажется, что наполнение пространства вещами соответствовало конфигурации проема. В широких гулял сильный ветер и порой возникало то, что в мире до катастрофы называли бы пейзажи, в высоких с потолка, иногда почти недоступного взгляду, свисали светильники, которые порой превращались в детали обстановки. Одни проемы были населены куклами, манекенами разного вида и скульптурами, от нежных и небольших до самых причудливых, в некоторых слышалась далекая речь, но на каком языке говорили, Рой не понимал. Тьютор шел легко, на полшага впереди. Рой подумал, что если бы не изумительная легкость его движения, ему самому почти невозможно было бы преодолеть эту цепь пространств.

Рой с Тьютором прошли по коридору, затем поднялись по небольшой лестнице и вошли в просторное помещение, разделенное на две части. Большая часть тонула в густой ультрамариновой темноте, и что там находится, было не особенно важно. Меньшая часть была приподнята над остальным пространством, убрана в темно-красных тонах и пронзительно, мглисто освещена несколькими источниками света, с которыми очевидно было что-то не так. Они светили микроскопической пылью, хотя, конечно, никакой пыли не было. В чем было дело, неясно. Не то стекло в плафонах помутнело от старости, не то сами лампы были плохого качества. Но эта мгла света изумила Роя.

Первое, что он увидел, это люди, частью стоявшие на возвышении, частью ходившие по нему, кроме двух фигур в центре, мужской и женской. Сначала они показались Рою двумя случайными

мазками краски, темной и светлой, но потом он увидел их ясно, как не смог бы разглядеть и находясь рядом.

Это были юноша и женщина, которая с натяжкой могла быть его матерью. Пятнадцать лет – зыбкий срок, в возрасте пятнадцати лет женщины некоторых народов рожают. Итак, она была старше него на пятнадцать лет.

Рой сначала хотел защититься от увиденного, и даже приподнял руку. Затем очнулся, отер глаза ладонью и оглянулся, где Тьютор; тот сидел в углу возвышения, но Рой знал, что может услышать даже его шепот, и голоса юноши и женщины тоже. «Если это театр, то нужно смотреть», – сказал он себе и мягко расположился в уютной мгле кресел.

Юноша в темном наступал, очень осторожно, однако все же наступал, обвивая ее, но не обнимая, окутывая собой, настаивая, дерзко, как уличный пацан, и нежно, как если бы он был ее шалью. Она не отступала, наоборот, ловила его движения, возвращала их, облив холодом, тянулась к нему, чтобы потом отстраниться внезапным доверчивым жестом.

– Вы меня не поняли, – услышал Рой. – Подождите, вы меня не поняли.

Рою было известно о причуде людей до катастрофы обращаться к малознакомому человеку во множественном числе; внезапно по всему его существу прошла искра, и он вспомнил, о чем говорил Гарри.

– Это конфликт, – послышался голос Тьютора. Он перекрыл собой довольно приятную сумятицу звуков: как бы сразу готовилось к началу игры несколько инструментов. С точки зрения Роя все инструменты эпохи до катастрофы были не инструментами, а только попытками. Но он понимал, что для этих людей инструменты его мира кажутся игрушками. Его разрывало, но это было и приятно.

– Это конфликт, – повторил Тьютор, – затем они встретятся через много лет, она наконец ответит ему.

Помещение с людьми растворилось, и Рой снова оказался у себя в бунгало. Сырой ветер свирепствовал, но вреда постройке не причинял. Перед ним лежало его любимое устройство просмотра, а на нем был открыт дневник Джины.

– Я даже не разговаривал с ней, неужели там, на возвышении, была она?

«Нет», – ответил кто-то внутри него; голос показался знакомым. – «Это была не Джина. Но ты скоро увидишь ее».

Пост 10

Без числа

Я никогда не относилась серьезно к френдшип в фб, а тем более к бану. Бан предполагает несколько административных мер, которые принимаешь не ты, а по твоей наводке фб. Ты как будто жалуешься, и потому у многих блогеров есть мысль, что банить в разгар дискуссии это слабость. Но я и дискуссии всерьез не могу принимать, потому что это текстовое общение. Все равно как я провела бы сеанс по переписке, не видя глаз и цвета кожи, а только догадываясь о реакции по письму. Это интересное дело, но вряд ли плодотворное. Это будет полсеанса или четверть сеанса, но не сеанс. Для меня в некоторых лицах даже цвет глаз имеет огромное и порой решающее значение.

Что я освоила довольно быстро и что не все мои более мягкие и человеколюбивые знакомые не освоили – смотреть хронику после появления запроса на добавление в друзья, и делать это желательно глубоко. Бот проявляется почти на поверхности, но бывает, что сложно отличить человека от бота, а бота от засланного казачка. Если я нахожу признаки, что передо мной хроника человека (скажем, комментарии общих друзей), но по какой-то причине я не хочу, чтобы он читал мои записи, я снова удаляю его из друзей, а если хроника агрессивная, то баню. Для меня в самом факте бана ничего особенного нет.

Еще примерно раз в неделю, как мою пол в квартире, я чищу группы, которые нарастают как сопки на стояке, и тогда вполне ощущаю себя единицей общества.

Теперь уместно в стиле фб сообщить пять фактов обо мне.

Я почти ничего не зарабатываю сейчас, у меня даже нет постоянных клиентов, только те, которых мне приводят коллеги.

Я обожаю свою работу и мне не стыдно, что кроме работы у меня ничего в жизни нет, хотя это и современный тренд: ничего, кроме работы.

Я абсолютно счастлива, потому что когда-то пережила сильнейшее чувство влюбленности, а потом любви.

Уже три факта!

Я инвалид со всеми вытекающими последствиями, я женщина-инвалид.

Я скоро умру, и это пробуждает во мне авантюризм.

Приложение к посту: видеозапись концерта группы «Слэйд», композиция «Так далеко».

Лайки: три.

Сочувствие: три.

Ха-ха: одно.

Возмущений нет.

Комментарии

Случайный читатель:

– Прикольно! Весело вы живете.

Поставила лайк, какая-то милая морда.

Пост без номера

Без числа

Сегодня был резкий скачок состояния, боли. Справилась, конечно, лекарствами. Сколько-то времени эта практика еще будет работать, но к настоящей лекарственной зависимости нужно готовиться уже сейчас. Осматриваю съемное свое жилище, коробки, три большие плюшевые игрушки – по мнению нежных мамаш, пылесосы, – и думаю, какая истерика будет, когда перейду в новое качество. Так что навыки мытья без залезания в ванну и приготовления супа без поджарки на сковородке нужны уже сейчас. Я люблю мыть посуду, но я живу одна, и потому мытье посуды занимает больше времени, чем приготовление немудрящей пищи и ее поедание. Мне все время пишут и говорят, как только возникает тема еды, что я не люблю готовить и равнодушна к еде. Это неправда, и я всегда расстраиваюсь, когда так говорят. У меня уже нет ресурсов на приготовление пищи.

Видео и фото приложения к данному посту отсутствуют.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу.

Рой был красив текучей, но запоминающейся красотой: довольно высокого роста, ни блондин, ни брюнет, ни рыжий, с густыми пепельно-шатеновыми волосами, которые на солнце приобретали красный оттенок. Лицо в одном из ракурсов казалось треугольным, хотя было удлинненное, остро-овальное. В память глаза мгновенно врезался фактурный профиль, открывавший недюжинную волю и одаренность. Длинный, но приятной формы, хрящеватый нос шел как звук скрипичной струны, сразу, из-под ровного прямого лба, линии которого смягчали резкость профиля, к чуть вытянутым нешироким нежным губам. В движении Рой казался то опьяненно-нелепым, то невероятно ловким, но в общем его фигура могла показаться фигурой танцовщика, хотя он предпочитал некоторые виды единоборств. Несмотря на худощавость, Рой был силен и вполне мог на короткое время поднять груз, равный своему весу. Глаза его меняли

цвет в зависимости от времени дня. Но когда он был сосредоточен и задумчив, они казались очень светло серыми, с добавлением зеленого и синего.

Именно такими глаза Роя были и сейчас, когда читал то, что оставил ему Гарри. Это был учебник прошлой жизни, живые записи мертвеца – Джини.

Лайков нет
Комментарий
Друг 6

– Спасибо! Интересно вы пишете.

А то. Конечно, поставила лайк. Алина была действительно очень талантливой.

Пост 11
Без числа

Я не была замужем, но в жизни у меня есть человек, с которым прожила довольно долго, а дружбу с ним сохранила и после того, как расстались. Мы были веселыми молодыми любовниками, которые не считали, что мир ограничивается только второй половинкой. Мы не поняли вовремя, что у нас настоящий инцест, хотя мы не родственники. По сути, не было встречи и не было расставания. Мы сразу не сказали друг другу, что мы два яйца одного органа, а потом было поздно.

В фб мы контактируем редко, в смысле комментариев и прочего, кроме личных сообщений, так что опознать его среди моих друзей сложно, если не знать заранее, кто это. Коллеги и однокашники знают, но они знают так же, что у каждого из нас своя жизнь. Он тяжело зависит от секса, причем это вариант сложный, он ищет постоянного партнера, так что случайных партнеров может и не воспринимать как сексуальных партнеров, это вполне серьезно. Ему как-то сказала его пассия: а вот прошлой ночью я поняла, что нужна тебе навсегда. Он ответил: а мы разве были вместе прошлой ночью? И он не шутил, он просто не считает, что был секс.

Постоянного партнера он искал и тогда, когда мы встретились. Мы невероятно похожи: я тридцать лет влюблена, а мой коллега все ищет женщину, достойную своей любви. Это и соединило нас на время. Он называет меня своей бывшей женой, а я его своим бывшим мужем. Но это не потому, что мы так считаем, а потому, что мы договорились, так нам обоим удобнее, все-таки неплохой статус; то есть к пятидесяти у нас за плечами устойчивые и ровные отношения. Ну да, они такие же инфантильные, как были тогда, когда мы защищали диплом.

Нужно договориться: словом «отношения» Дюша называет только сексуальный контакт. Все, что кроме физического контакта: взгляды, интонации, общее сознание, общее дело, общие интересы – это не отношения. Как все сексоголики, он ни во что не ставит жизнь вне секса. Но и на него случилась проруха: он захотел защититься (диссертация). И я думаю, она станет его идеальной женщиной.

Приложение: видеофрагмент записи концерта группы «Ноль», композиция «Школа жизни».

Лайки: нет
Ха-ха: три.
Возмущение: два.

Комментарии
Друг 5

– Они все такие идиоты.

Поставила лайк, хорошая девушка, сочувствует мне.

Друг 69

– Он хоть диссертацию защитит, а у тебя одно воображение.

Нет у меня ни воображения, ни подсознания, я психотерапевт. Поставила лайк. Это довольно высокая оценка моих профнавыков.

Личное сообщение

Два двадцать четыре ночи

– Мария Георгиевна!

– Ау, куда я денусь.

– Мне снилось.

– Еще бы не снилось тебе! Что или кто на этот раз?

– А. Он пел в опере.

Мне поначалу стало дурно, хотя дурно мне давно не бывает. Немного перекрыло дыхание, помутилось в глазах, обычная сосудистая шалость. А затем свело той самой, единственной на все времена моей судорогой. Ей приснился А., и я ждала, что он появится в снах этой девушки. Он не может не появиться, у него такая специальность, он лучше всех людей на земле, он актер. Ален Делон, хотя зовут его совсем не так, и сейчас ему самое время играть Дракулу.

Он жив, а в снах этой девушки появляются в основном усопшие. Люблю это слово, «покойник» кажется неуместным. Есть особые сны с особым пространством, похожие на театральные коридоры, в которых много комнат и зал, и там живут только усопшие, а живым там места нет. Для живых есть другие сны, тревожные или радостные, но там другое пространство, в котором есть улица, а не коридор. Впрочем, все это лишь примерные ориентиры: коридор, улица, а не примерны только живые и усопшие, их во сне распознаешь мгновенно.

Что это за сон, где живой ходит по миру, в котором расположились усопшие? Это предсказание или шалости воображения? У А. очень приятный, богатый, но несильный голос и абсолютный слух, однако в опере петь он не смог бы. Я много раз вслушивалась в его речь, он говорит свой фрагмент как музыкальную песню, он очень музыкален. Но опера это другое, это тяжелая трудная работа, не для хрупкого А., и все же.

– Что давали?

– «Риголетто».

Конечно же Верди и именно «Риголетто», там Джильда, а Джильда это я, такая почти детская была мысль, Джильду Риголетто перепутал с Герцогом, потому что она была в плаще Герцога, и Риголетто убил свою дочь.

А. самый лучший Герцог, именно ему бы и петь «Женщина изменчива», А. единственный Герцог на свете, а Герцог самый лучший и единственный возлюбленный. Нелепость оперной красоты только обрамляет уникальность образа вечного жениха и возлюбленного. Я не поверила бы, если бы кто-то на свете смог с ним сравниться, или хоть одно явление в мире было бы лучше и выше Герцога, и конечно А., потому что он Герцог.

Меня снова свело судорогой, еще сильнее, пришлось вызвать камеру и посмотреть, как меня перекосило от одного упоминания об А. Иногда асимметрия в лице признак односторонних отношений. Впрочем, Герцог отвечает всем, мягко и легко, как только он может, и не любит назойливости. А женщина, как правило, назойлива. Для Герцога я не женщина, а Джильда.

– Он пел «Questa e quella»?

– Конечно! Моя любимая ария во всем «Риголетто».

Она могла не рассказывать, я знаю, как это выглядело. А. был не в камзоле, а в кремовой рубашке, с узким кружевом, строгой, и палевых велюровых штанах, кушак был широкий, в тон штанам, с густой тонкой вышивкой. Сапоги кордовской кожи, с золотым тиснением по голенищу, какая-то мистическая надпись.

Надо же. Я думала, он наденет алое, чуть светлое, гриновское, что к его темным волосам так идет. «Раненый тайной печалью», так он как-то в шутку сказал мне о себе. И надпись на сапогах в наличии, все, как и должно быть у Герцога. А. верен себе даже в таких мелочах. Ему нет дела до мистической надписи, но он любит волшебное, потому что сам волшебный.

Он вышел, щеголяя ростом, тонкий и текучий, немного пружиня, сытым хищным зверем, но легким на подъем, как будто немного уже проголодался. Стол посередине сцены невысокий, вокруг низкие темные стулья. Он взлетел прыжком на стул и поставил одну ногу на стол. Эти

скачки ему удаются как никому. Сверкнул острым, раздражающим локтем, а такие локти бывают только у тех, кто замкнут и не любит выяснять отношения. В лице его всегда было что-то напряженное, почти отталкивающее, возможно женственный разрез глаз. А теперь все это перенасыщенное очарование лилось с лица, обтекало мягко нежно-хрящеватый нос с загадочной горбинкой и острый подбородок, возвращалось в глаза и плескалось в них приглушенным светом.

Петь он начал скорым голосом, увеличивая громкость понемногу, видно, что вслушивался в дурацкие вердиевские духовые; запев, распрямился, заиграл как рубин, соскочил со стола и начал обходить пиршественную залу, обращаясь к каждому небольшим и все же заметным движением. Это движение говорило не то «как вы восхитительны», не то «как я сегодня восхитителен».

Конечно, «как я восхитителен». Впрочем, все это нужно скорее забыть. И этот прошедший праздник красоты, и тот единственный мгновенный диалог. Теперь все другое: и красота, и время, и обстоятельства. Только он прежний, Герцог.

Однако сколько совпадений, как много совпадений. Это точно, если А. скоро умрет, я надолго его не переживу, не для того была моя жизнь и моя любовь.

Но, возможно, он из тех, кому дано ходить по коридорам времени; не зря он приснился девушке в снах, в которых обычно приходят усопшие.

Приложений в виде фото и видеофрагментов к посту нет.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу
Дневник Джинны

«Я только и делаю, что пишу дневники, и у меня это получается плохо. Начинаю и бросаю, а некоторое время назад совсем перестала писать. Тот поток, который идет сейчас, не совсем дневник, это история моих встреч с Ксавьером и с его коллегами, если так можно выразиться.

Некогда существовало понятие раздвоения личности, но после катастрофы личность человека стала скорее чем-то собирательным, так как можно было выбирать даже гены, так что говорить о раздвоении личность теперь более чем странно; тем не менее в фантазмагории последних нескольких месяцев есть что-то от той доброй старой болезни, и мне это нравится.

Был один писатель, свое самое лучшее произведение он начал с того, что заболел, и после выздоровления ему открылось, что есть любовь и что есть ненависть. Со мной было не так. Я была совсем юна, но знала, что на свете есть Ксавьер, и очень хотела его увидеть.

Я не знаю, что такое знание, но про Ксавьера я поняла очень рано и влюбилась, как можно влюбиться в то, о чем слышишь, но что недоступно. Однако он не был недоступен, он был как первый снег, как те всадники, выгуливавшие лошадей в парке. Как я люблю лошадей. И как хорошо, что у Ксавьера есть лошади, особенно трехлесток Воронок.

Ксавьер был тайной всего нашего приморского города. Он приходил, когда его никто не ждал, и исчезал, когда вздумается. Он был прекрасен, но при свете дня его лица еще никто не видел. Существовала легенда, что та, кто увидит при свете лицо Ксавьера, будет любить его до конца своих дней, и у нее не будет ни семьи, ни детей, потому что она будет принадлежать Ксавьеру.

Потом он сам сказал мне, что почти все хотели видеть его в роли темного всадника, а он вовсе не был таким. На самом деле Ксавьер был бродягой».

Пост 12
Без числа

Его дела тогда шли в гору, он переехал в наш подъезд со своей парковой окраины. Лицо его было знакомо почти всей стране, а деньги пока были советские. Однако у него получилось обменять жилье с доплатой. И вот в один прекрасный осенний день, конечно, теплый и солнечный, я увидела его в нашем дворе. Тогда мне было почти восемнадцать, часть прядей была выкрашена зеленой, часть йодом, кончики пальцев тоже были зелеными и коричневыми, цвета чередовались. На теле

болталась огромная, но шотландской шерсти отцовская безрукавка с клеткой на груди, ноги чуть натерты теннисными туфлями, выкрашенными тушью и высушенными феном, а джинсы были индийские. Как я не люблю джинсы теперь. Я ходила прямо, быстро, иногда начинала сутулиться, роста была скорее высокого, но казалась ниже, как и теперь, с маленькими руками и ногами, из-за чего обувь покупала чаще в детских магазинах, что злило, потому что в «Лейпциге» моего размера не было.

Он шел к своей машине, черные жигули, кажется, тройка, плащ непонятного светлого цвета, как оказалось, очень модный, волновался на стройном теле. Тогда меня поразило, как он двигается, так никто до – и никто после не двигался; текуче, как бы по одной ему ведомой диагонали, которая рассекает все вокруг. То, что у него длинные породистые пальцы, не удивительно, но то, как он поднимал и опускал кисть при ходьбе, говорило, что он рисует, что он художник.

Пару лет назад он решился на выставку, а тогда только рисовал, и я знала об этом, потому что пару раз видела его с мольбертом, новым, и с пакетом, в котором явно лежали коробки красок и бумага для рисования большого формата.

Смотреть на все это текучее движение – тела, плаща и приближающейся машины, которая на самом деле стояла, но от его движения почти поплыла, – которое венчал мягкий и почти надменный золотистый профиль, – было выше моих сил, и я подошла.

– Здравствуйте, – обратилась я официально.

– Здравствуй, – охотно ответил он, предлагая сразу «ты», это был хороший знак. Глаза его оказались теплого зеленого цвета, почти янтарные. Я любила, когда он так улыбается, одними глазами.

– Теперь мы соседи, – вырвалось у меня само, и он рассмеялся. Мягко и весело, как никто в моей жизни никогда не смеялся, так, что я не почувствовала себя смешной, наоборот, посмотрела его глазами на женскую фигурку с цветными прядями, в шотландской безрукавке, из-под которой торчали рукава фланелевой дедовой рубахи. На шее болтался переделанный в кулон значок «Фак ю».

– Тогда привет, соседка!

Он не спросил, как зовут, он только улыбался и вдруг пошел навстречу. Как никто никогда ни до, ни после ко мне не шел, я чувствовала, что нужна ему, и даже если это только игра, она лучше не-игры. Во мне сработал, единственный раз в жизни правильно, защитный механизм. Я восторженно подняла глаза, вобрала в себя все, что вижу, все его прошлое и будущее, и, как кошка, мяукнув что-то вежливое, исчезла в арке.

После всего, что произошло тогда, за пару минут, я поняла, что сказать ни ему, ни тем более другому человеку «ты мой» не смогу. И уже не смогу быть чьей-то, и даже его. Все, что связывает нас, находится за пределами отношений, мое сердце знает об этом, и возможно, его сердце тоже. Кажется, я произвела на него симпатичное впечатление.

Теперь нет смысла выходить замуж, заводить мужчину своей жизни или заводиться как женщина чьей-то жизни. Теперь не важно, как скоро я состарюсь, стану безобразной или нет, сколько у меня будет мужей и детей, если я, благоразумно поглупев, начну строить свою семью. Есть он, и этого более чем достаточно. Он будет приходить ко мне, когда захочет, во снах или в безумии, если я окончательно сойду с ума. Наяву нельзя, нужна техника безопасности. Однако если он сам заговорит... Нет, это невозможно. Он может заговорить сам, но он интроверт, я тоже, – продолжения не будет.

Мы виделись сравнительно часто, в разные часы дня, он все так же приветливо, иногда совсем весело, иногда вопросительно говорил мне:

– Привет, соседка!

Я отвечала так же односложно, радостно, бессовестно фотографируя его всем своим существом.

Со временем эти встречи стали восприниматься как повторяющийся сон. Я читала его немые вопросы: ему хотелось что-то знать обо мне, покрасоваться, поговорить, но я каждый раз

говорила нет и научилась делать это тепло, тонко и красиво. Ему понравилось; он, как я поняла по его привычкам, меланхолик.

Несколько лет я наблюдала его гостей, подруг, дам; одну к нему приревновала: она была прочим не ровня, это была почти богиня, наша с ним любимая актриса. Но А. с ней на одной площадке, а я смотрю, как они входят в подъезд, как он держит ее руку, и безоблачно, нагло счастлив. Ее темные тревожные глаза на пудрово-бледном лице искали в нем то, чего, вероятно, и не было никогда. Лицо ее в форме ядра миндального ореха – и глаза миндалевидной формы – всегда несло на себе несколько сумрачное выражение, не сходившее, кажется, никогда. Но при взгляде на него глаза ее расширялись, в них открывалась полнота дочерней и материнской любви. Она смотрела как дочь и мать, а не как женщина на любовника, и от этого взгляда он сиял еще сильнее. Актриса немного старше него. Однажды он подал ей руку, когда спускалась со ступеней, а я в этот момент вышла из арки, уже начинавшая трезветь после одного мощного сейшена. Он поднял голову от ее лица, словно я его позвала, оглянулся и сказал, как всегда ласково, но чуть более заговорщицки:

– Привет, соседка!

И мы поняли, что обожаем одну и ту же женщину.

Я тогда уже трахалась с Дюшей, переехала к нему, но дома бывала сравнительно часто, и потому видела А. изредка. Однажды пришлось прожить дома неделю, болела мать. А. был почти каждый день пьян и, судя по всему, пил уже давно. Пил он, конечно, с размахом, но мне кажется, что в одиночку, это больше на него похоже. В лице стали проступать новые черты – маньяка, Дракулы. Затем ему все надоело, и он бросил пить, вероятно, легко, но возможно и нет. Это его свойство: кажется, что ему все дается легко, а на самом деле он страдает. Машин у него на тот момент было несколько, одна спортивная красная, квартира та же, окна закрыты жалюзи, этаж третий, одеваться стал неброско и очень дорого. А было время, когда лаковый красный плащ видно было с другой стороны улицы.

А. снял фильм, уникальный, но общая ситуация в кино была такова, что этот фильм никто бы не оценил по достоинству. Я смотрела этот фильм у Дюши, на кассете, плохого качества, он мне понравился очень, и подумалось в этот день, что А. встречу пьяным. Так и было. Не знаю, штрафовали ли его по дороге, но он встал из машины, пошатываясь. Вскоре после фильма он занялся театром, и, видимо, ему понравилось. Мне думалось тогда, что он испытывает чувство вновь обретенного дома.

Он уже не говорил мне привет, а только глазами задерживался на лице, как бы поглаживая его. Однажды летом остановился, в джинсах и твидовом пиджаке, пижон, и сказал, чуть наклонив вперед лоб, его обычный жест, когда хотел, чтобы его слушали, сказал тихо и доверчиво:

– Я скоро перееду, женился наконец. Она меня добила.

– Она замечательная, – ответила я, но речь была не об актрисе. Жена его оказалась милая и тоже, как он, худощавая женщина, которую я видела в нашем дворе раза два. Мне бы хотелось дружить с ней, у нее особенная искристая улыбка.

С Дюшей мы весело прожили несколько лет, но никогда, даже в периоды доверия, которые сделали из нас брата и сестру, упавших в колодезь инцеста, меня так не крутило, как тогда, когда вспоминала А. Не было ни слез, ни истерики, ни муки, а только душевное, почти навязчивое ощущение присутствия А. рядом, очень тесно, как будто он не сжимает рук только для того, чтобы я сама попросила об этом, как будто зовет сделать следующий шаг, провоцирует и не отпускает.

– Раненый тайной печалью это я, – сказал он полушуткой, увидев меня возле машины. Я не выдержала, пришла посмотреть, как грузят его вещи. Мебель всю он заранее продал, а других вещей было немного. В основном аппаратура, видимо, очень дорогая, и одежда, тоже дорогая.

– Я тоже раненая тайной печалью, – вырвалось у меня, и рядом с ним это прозвучало не глупо. Он засмеялся, как в тот первый раз, светло и чисто, как будто точно знал, что мне сейчас нужен именно этот его дразнящий смех. В тот момент у меня было абсолютно мое лицо, а это бывает редко. По большей части выражение либо усталое, либо глуповатое, смешное. Но тогда на него

смотрела юная влюбленная женщина, хотя какая юность за тридцать, и все же. И он запомнил ее, ту женщину.

Приложений в виде фото и видеофрагментов к посту нет.

Лайков тридцать
Суперлайков пять

Комментарий
Друг 36
– Какую красивую историю ты написала.
Поставить суперлайк за такое внимание, что еще.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу

– На сцене В, – сказал Тьютор, – посмотри. Это В, одна из великих актрис прошлого. Я наблюдал за ними очень долго и хотел тебе показать, что будет потом.

По глазам Роя прошелся пыльный луч света. Теперь темная мужская фигура стояла на значительном расстоянии от женской, люди ходили по возвышению парами, по одному или по три, с бокалами, и никто не решался нарушить пустое пространство. Мужчина и женщина разговаривали, но о чем, не было слышно. Его глаза светились и плескались в радости, а она замерла, как слегка прихваченная заморозком листва. Он вызывал ее из оцепенения пережитых бед, он звал ее, покалывал словами ее уши, порой делал почти пошлые гримасы, чтобы она наконец рассмеялась. И она улыбнулась. Сначала робко, изумленно, затем строго и почти тепло. А ему того и нужно было. Он продолжал звать за собой, выводил ее из пережитого, заменяя мрак своей улыбкой. И она пошла за ним.

Из дневника Джины

«Ксавьер был бродягой и актером. Была такая профессия – актер, и такой образ жизни – бродяга. Когда я впервые увидела его, поняла, что мне нужно только одно: чтобы он был счастлив и любим. Это первое бестолковое чувство может преобразиться в мощнейшую силу, но не у всех это получается. Мне помогали обстоятельства. Я не могла быть слишком близко к нему и не стремилась быть близко, я боялась его спугнуть.

И тогда он заметил меня».

Автокомментарий, не записан:

Удивительный и страшный мир без смерти, где можно смоделировать человека, мне показался гуманнее, чем наш. Я уже плохо помню историю о Питере Пэне, но я бы хотела жить в Нетландии, где нет мам. Наверно, я сволочь.

Пост 13
Без числа

Мои первые опыты секса были ни рыба ни мясо, а какими они еще могут быть в наших краях и с нашими ребятами. Самый первый опыт прошел довольно смело и легко на фоне дремучих суеверий, связанных с гименом и с прочим; моему молодому человеку было около тридцати, а мне только семнадцать; ему казалось, что все на свете дается даром. Затем меня укладывали раза два или три, соседи, братки, один раз вдвоем; видимо, от меня фонило вновь открытой женщиной, как только что открытой бутылкой или банкой с тушенкой; это особенно привлекательный запах, вызывающий неправильные мысли и неубиваемое желание, и тогда я поняла, что до меня ребятам дела нет, у них свой отдельный ритуальный танец, а я просто лежу как принадлежность этого ритуального танца, наблюдающая и свидетельствующая, что танец исполнен. Я не кончила даже

после секса втроем, но мне стало смешно, и это смешно сильно смягчило печаль несостоявшейся любви.

– Че ты ржешь? – спросил меня один из них. И не дав ответить, закрыл: – Вот не женщина ты, не любишь трахаться.

Я рассмеялась в голос, но меня, по счастью, не ударили.

Одного из братков нет, был подстрелен на разборке, мне было его жалко, так как он был смешной в постели, у него было теплое волосатое тело. Оставшийся в живых был контужен, получил инвалидность, но остался братком. Руки у него были холодные как у лягушки даже тогда, наверно, сейчас еще холоднее. К нему у меня тоже неряшливое теплое чувство, он очень любил «Дип Перпл».

Соседи куда-то пропали на время, а потом, после одного из семинаров по увеличению любви в мире, появился в моей постели Дюша, – вернее, я появилась в его постели. И вот тут мне стало интересно сразу в нескольких смыслах. Во-первых, оказалось, что секс – это приятная манипуляция. Стоило видеть Дюшино лицо, когда он на ленивую мою просьбу пошел за стаканом воды. Он и боялся, и хотел продолжения, и согласен был платить, и хотел торговаться, и уже шантажировал своим показным равнодушием. Милое приятное занятие, почему нет; секс, говорят, даже полезен.

Сложнее стало, когда впервые случилось нечто вроде припадка. У того, кто лежал со мной рядом, должна была быть другая грудь, другие глаза и совершенно другие движения. Того, кого я бы хотела видеть, на этом месте не будет никогда, но эта постель – Дюшина, бунтовать в ней смысла нет, только ради нового акта с Дюшей можно бунтовать. Но руки и ноги перекосило, и кажется, даже лицо поползло по диагонали, благо Дюша считал, что если женщина в постели не притворяется, если ей очень хорошо, то она выглядит почти уродливо. Очень хорошо мне не было, пришлось увеличить объем движений, что Дюшу обидело, и он кончил слишком быстро. Когда накрыло впервые, я разрыдалась, Дюша успокоил и стал нежен. У него всегда жили маленькие собаки: йорк, чихуахуа, но в основном йорки. На моей памяти их было два: Клинт и Шерри. Когда секс с Дюшей только начался, у него жил Клинт, которому тогда было года три. Так вот, эта тварь начинала звонко лаять именно тогда, когда мне становилось хорошо, и переходила на вой, когда я кончала. Ощущения экстремальные, но Дюша испытывал наслаждение от того, как меня изводит этот лай во время оргазма. Кроме этого у Дюши было в сексе несколько неоднозначных привычек, о которых я, может быть, и расскажу. Выхода у меня не было, пришлось жить с Дюшей; мать уже решила, что я выхожу за него замуж, и только ждала приглашения в ресторан; когда его не последовало, она разочаровалась во мне; ей повезло: я в ней разочароваться не могла, так как в отношении нее иллюзий у меня не было. Но ведь были же у нее какие-то ко мне чувства, игнорировать их нельзя, да я и не буду их игнорировать.

Однако вернусь к моим открытиям, сделанным в первый период жизни с Дюшей, когда я по неделям жила у него дома. Каждый раз приходилось преодолевать припадок не то отторжения, не то ненависти к себе. Потом я неведомым мне образом успокоилась, в ясный морозный зимний день, и меня ненадолго отпустило.

Как все сексозависимые люди, Дюша очень чувствителен и эмоционален, но таким нет дела до партнера, хотя именно они говорят о том, что главное для них в сексе это партнер; теории эти возникают на почве замкнутости на сексе (так и хочется сказать: с самим собой). На партнера нужно время, а сексозависимый всегда торопится, власть их над партнером держится на сильной интуиции, что недостатки торопливости компенсирует. Этой задней своей интуицией Дюша понял, что я особо серьезно к сексу с ним не отношусь, что иногда он мне даже мешает, и поступил совершенно правильно. Сначала обозвал меня шлюхой, затем фригидной. У него даже концепция была: мол, любящие секс женщины не спят с кем попало, они выбирают, и, конечно, Дюшу. Для меня же секс был нечто вроде стихии, она могла захватить и на пустом месте. Я быстро сообразила, что расстроена, что сейчас начну доказывать Дюше, как он неправ, даже против своего желания. Но перезагрузка была нужна; уходить от Дюши только по причине его истерик было неумно. Тог-

да у меня несколько раз был грубый и сытный секс, который мне нравился, необязательный и яркий. Возвращаясь к Дюше, я испытывала нежность, что отношения поддержало.

Но Дюшу обмануть было сложно. Он нашел подходящий объект и развернул передо мной теорию любви. Я приняла ее, а вскоре мы разъехались. Я вернулась домой, когда А. уже был женат, работал в театре, а вместо Герцога по городу ходил Дракула и Ганнибал Лектор в одном лице. Мне невесть почему эта перемена понравилась, но А. жил уже в другом районе, у него давно уже был круг поклонниц, который расширялся от года к году, и мне возле его подъезда делать было нечего.

Затем начались те самые боли, меня направили на денситометрию, сделали снимок и поставили диагноз. Все это случилось в период, когда коллеги по компании, в которой я работала, мощно поднялись, а я оказалась почти нищей. Мне не стало места в их избранном кругу, и я занялась частной практикой. Поначалу цены за консультации были приличными, съемное почти пустое жилище (никто ведь не смотрел внутрь шкафов-купе) производили солидное впечатление. Но вскоре болезнь взяла свое, и мне пришлось опуститься до детских цен, на которых сейчас и держусь. Несколько месяцев назад я получала тысячу рублей в неделю, не считая пенсии, а сейчас и этого нет, я уже не способна плотно сосредотачиваться на проблемах клиента.

Но у меня еще довольно много дел, и есть А. О нем, кажется, здесь больше не будет.

Приложение к посту: клип на композицию Эрика Клэптона «Лайла».

Лайков семь
Возмущений три

Комментарии
Друг 7
– А ты и правда феминистка. Только фригидная.
Лайк, молодец, защитил свое достоинство.

Друг 8
– Совершенно верно все, про мужиков, им все равно.

Лайк. Конечно, не все равно, они намного чувствительнее женщин. И потому гораздо более слепы.

Личное сообщение
– Привет, как ты там? Я вернулся, помирился.

У новой пассии Дюши гинекологические проблемы. Так и хочется спросить, в стиле наших прежних бесед, нежно и едко: «Ну что, пишу ей вырезали, а дырочку оставили, полизать можно?» Но уже не спрошу, сама такая. Хотя кунилингус Дюша любит.

Пост отредактирован, добавлен нижеприведенный текст.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу

Рой Роу заинтересовался мерцающей реальностью, которая ему то открывалась, то уходила волной, оставляя после себя неуютное чувство голода. В новом мире голод был важным признаком здоровья: легкий, румяный, молодой. Поселивший в Рое Роу голод ныл и скулил, как бездомная собака, а Рой никогда не видел бездомных собак, но его ощущения вполне могли воссоздать ее образ.

Тьютор приходил, набивал трубку, играл в настольные игры, чрезвычайно популярные в новом мире, внимательно смотрел на Роя и не торопился уходить. Обычно они играли пять

или шесть партий, затем Рой начинал дремать, и ему нравилась эта дремота, а Тьютор уходил. Говорил он мало, но если говорил, то мысли и слова были очень странные.

– Воля человека к смерти есть художественно оформленное чувство, некий основной инстинкт человека, благодаря которому человек работает, находит и готовит пищу, словом – живет крепкой элементарной жизнью, которую этот инстинкт удерживает своим силовым полем. Когда я умер, я стал свободен, но во мне стало меньше тепла и привычек; поначалу это удручало, но потом оказалось даже удобно. С точки зрения меня, который жил до смерти, я теперь гораздо более инфантилен и беспечен, но это не так. Беспечность есть неготовность к смерти. А когда готовишь мясо на мангале или везешь женщину в торговый центр, о смерти не думается.

Рою нравились эти рассуждения, но для него они были малопонятными.

В качестве приложения к посту дана ссылка на официальный клип группы «Токин Хэдз» «Она была».

Пост 14

Без числа

Не скажу, что рассталась с Дюшей безболезненно, я же собственница; конечно переживала, но на фоне основных обстоятельств это расставание было лишь деталью, в отличие от отношений с ним, которые выдержали несколько ядерных войн. Переживания, вызванные расставанием, смягчила работа. Не могу сказать, что я специально искала забытья в работе, просто тогда ее было много, и мне удалось кое-что скопить, но без толку, все ушло на исследования и лекарства. Секс с Дюшей мне был уже противен, а привычка жить вместе нравилась, нужно было эту вилку сломать, а это было трудно. Дюша сам шел на контакт, он ведь не злой человек; но где вы видели злого извращенца; злыми, как правило, бывают здоровые или не сильно больные люди. Человек с патологией как морская галька, он обкатан своей патологией; он человекен – такие вот чудеса опыта.

Тогда произошел один из первых в десятых громких терактов, и я пошла волонтером; меня встретила неделя недосыпа, на второй день я оказалась беспомощнее котенка, а тем более тех, с кем приходилось работать. И вот что было интересно: хуже всех было тем, кому было что терять. Депрессивным и одиноким было намного легче. Кому-то я тайком приносила алкоголь, хотя было запрещено, кого-то поила литрами чая и кофе, но в основном слушала и мысленно затыкала себе рот, который, конечно, желал говорить много, вспоминая, что слова им сейчас не нужны. И вот что заметила: у получивших увечья, переживших болевой шок сознание, когда они приходили в себя, было более ясное, они оказались лучше готовы к жизни в новом качестве, чем те, кто увечий не получил. Это меня саму привело в шок, я попыталась определить, где могла ошибиться, ведь наверняка ничего в психотерапии нет, но общий результат был такой же: пережившие физическую боль лучше адаптируются в мире, чем эту боль не пережившие.

А с Дюшей развились трогательные новые отношения, в которых, как и прежде, я играла служебную роль (он так мне подсознательно мстил, над чем мы и сейчас смеемся), и мне стало намного легче. Он иногда выводил на меня своих клиентов, и я, надо сказать, работала хорошо. Я знала Дюшин стиль, а клиенты чувствовали себя комфортно. Однако такие удачи были редко.

Зато началась новая война с родными, особенно с матерью. Она обеспеченный и очень уважаемый в верхах города человек, сохранившая фигуру Одри Хепберн в семьдесят, и это на самом деле ужасно смотрится. Как все сытые жизнью люди, она не зла, но лучше была бы стервой, хотя она стерва и есть, но неправильная, сытая стерва, а стерва должна быть всегда хотя бы немного голодной. В шестнадцать лет я была для нее проституткой, Дюша мне был послан, по ее мнению, как дар свыше, потому что я и такого не заслуживала. А в целом она никогда мной не интересовалась и деньги давала всегда небольшие, трогательно говоря, что у нее нет больше, и это была ложь.

Мать моя с шестнадцати лет работала на нервной работе, при руководящих, и потому, когда ей пришлось время рожать, – а завести ребенка, то есть меня, она решила поздно, – начались

проблемы. Отец мой, кажется, всю жизнь пил и был этим счастлив; он был бизнесмен; кажется, бизнесмен и сейчас, а в семидесятые делал что-то и продавал из-под полы. Отец, когда матери пришлось время рожать, ушел в алкогольное плавание, а матери стали колоть немалые дозы атропина, чтобы снять напряжение и поправить состояние при родах. У нее отказала печень, моя работала за двоих. Я родилась худой, золотушной и рахитичной, с несколькими патологиями, 3150 весом и длинноногой. Мать, когда наконец пришла в себя, тут же решила, что я буду баскетболисткой, и очень долго этого ждала, но я ее разочаровала. В шестнадцать я оказалась ниже метра семьдесят, и мать сказала, что толку из меня никогда никакого не будет.

– Вот если бы ты меня послушала, ты бы выросла как модель.

После того как она это сказала, ее посетила новая идея: сделать меня моделью, но и этого не вышло, потому что как раз тогда я познакомилась с Дюшей и собралась замуж. Я была хорошая девушка и думала, что одному быть в старости нехорошо, что обязательно нужно иметь семью. Здесь начинается нерезкий пунктир отношений, потому что я помню только ее сухие истерики, когда появлялась дома, а ведь было же и с ее стороны тепло, всю мою жизнь оно было, но я его не помню. Еще до Дюши, после того как появился А., мать стала чем-то вроде контрастной декорации моей жизни, что, конечно, хорошо обо мне не говорят.

Когда мать узнала, что я стала зарабатывать в разы меньше и пошла волонтером, разразился скандал со слезами и без молний. Тогда я уже снимала это жилье в нашем дворе, а своего не предвиделось. Мать и под страхом вечной муки не оставила бы мне свою квартиру. Телефонные разговоры с ней оставляли гаденькое эдипово чувство: меня изнасиловали. Ну что делать, очень много молодых советских женщин изнасилованы матерями до потери девственности, как бы абсурдно эта фраза не звучала, хотя звучит она скорее смешно.

Бог миловал меня, и после каждого безумного разговора мой мозг, проанализировав не только мою ситуацию, но и ситуацию текущего клиента, выдавал новое наблюдение по теме вечных ценностей, одно из ведущих мест в списке которых занимает семья. За двадцать пять лет работы психологом и психотерапевтом у меня набралось на докторскую, а я не стану ее писать, потому что сама придерживаюсь женской советской точки зрения: семья как родина, должна быть, и все тут. Но семья сама по себе унижительна в мире, сползающем в виртуальность; эта унижительность ощущается членами семьи особенно ярко и переживается особенно остро, болезненно, требует восполнения, а взять его негде. Мой опыт говорит, что сейчас каждая семья обречена на провал, хотя в отдельно взятый период можно сделать красивое селфи.

Я прервала общение с матерью, и вовремя: боли вышли на новый уровень, и пришлось привыкать к тому образу жизни, который у меня и сейчас. Сначала я выглядела нелепо с полотенцами на шее и пояснице (денег на корсеты не было), затем сняла их, увеличила дозу обезболивающих и добавила красное вино, разбавленное кипятком, на ночь. Я испробовала все: валики из полотенца под спину, маленькие подушки под колени и поясницу, массаж, физиотерапию самого разного уровня, наслушалась почти агрессивных рассказов о том, кому как и что помогло, и вернулась к обычной схеме: ксефокам-диклофенак-ксефокам. Фб любовь моя много раз мне хамил словами комментаторов, которые не верили, что какие-то боли (от которых они, комментаторы, тоже страдали) не снимаются валиком из полотенца под поясницу. Но я фб простила все, как жениху, сбежавшему из-под венца. Шучу, конечно, но мне нравится так шутить.

Приложение к посту в виде пяти фотографий, бутылка вина, бокалы, салфетка, виноград, расставленные на фоне закатного окна.

Лайков нет

Сочувствия: три.

Комментарии

Друг 17

– Вы поправитесь, только нужно верить. Скорейшего вам выздоровления.

Есть же на свете милые люди. Конечно, не поправлюсь, и это единственное знание, которое помогает мне справляться с ежедневными болями. Лайк ей.

Друг 21

– А при чем тут мать? На себя посмотрите, вы плохая дочь! А еще психотерапевт! Ужас, чему вы людей можете научить, к чему привести. Я бы лишила вас лицензии.

Диплома и сертификатов меня никто не лишит, это враки. Лайк, я сама агрессивна, агрессия может хорошо тонизировать психику, мне это сейчас нужно. Если честно: меня не покидает ощущение, что мой диплом и сертификаты есть чистой воды филькина грамота. Ну что такое в современном мире профессия? Только инструмент шантажа, сделанный для работодателя, а в случае такой как я городской сумасшедшей – дело жизни, других вариантов нет.

(Не записано в посте, сохранено в отдельной папке на внешнем диске)

Сегодня приходил А. Мне было тяжело, боли были сильными. Он принес стакан виски, «Гленморанж», около ста грамм, что называется, чуть выше дна. Я выпила, он держал свою руку под моей шеей, которая мне уже к этому моменту надоела. Хорошо, что он есть, хорошо, что есть кому меня посещать.

Читать дальше

В записках покойной Алины о мире после катастрофы есть удивительно прочная и тонкая подлинность нашей сегодняшней жизни. Для тех людей, у которых уже позади то, что нам страшно, мы будем неандертальцами, и никто никогда не объяснит ни величие Шекспира, ни гениальность Эйнштейна, ни пластику Вертинского. Все это будет как наскальные рисунки. Но я все же думаю, что понемногу, в укромных уголках душ, течет и развивается новая жизнь, где возможно то, что здесь не было возможно.

И нужно заканчивать с девушкой, которой порекомендовал меня Дюша. Она слишком впечатлительная, я ее гипнотизирую.

Личное сообщение 1

– Мария Георгиевна!

– Да, солнце.

– Мама говорит, что если нет домашних заданий и проработок, то значит вы считаете меня здоровой.

– Так и есть, ты психически здорова.

– Мама просит полное описание болезни и работы с ней.

– Через час все вышлю, у меня почти все готово.

Ничего не готово, но тут все налицо, думать не нужно, нужна бюрократия. А с тех пор как боли усилились, я дружу с бюрократией.

– Мария Георгиевна, можно я вам буду звонить?

– Конечно, солнце мое.

Наконец-то. И со слезами на глазах. Я научилась легко плакать. И ведь она, мать ее, переведет мне эти унижительные тысячи. А я не гордая, возьму.

Пост 15

Без числа

Мне даже понравилось волонтерствовать во время обострений, а это натуральный мазохизм, хотя я все же садомахохист, хотя и не сильно выраженный. Особенно интересно становится, когда от холода или зноя и ветра начинает трескаться кожа возле ногтей, а при этом спина выдает полную гамму ощущений Аппассионата. Когда начался новый набор волонтеров, я пошла, у меня остались связи в той страсти.

Поведение слушающего и кормящего намного сильнее и благотворнее поведения говорящего. Иногда человеку, пережившему шок, нужно было позволить самому сделать себе чай, помочь выйти из палаты, бывало, контрабандой, и вот эта пассивность является мощной поддержкой, и присутствие другого человека тоже. Я гуляла людей, поила и сама пила, говорила с родственниками по телефону и в кафе, которые возненавидела; все это был умный полезный омут нового опыта. Как только я появлялась дома, едва не за волосы втаскивала себя в ванную, в душ, мазала волосы специальным маслом, мыла, сушила, снова мазала маслом, чтобы не секлись, ела суп из картофеля и плавленого сыра без лука и моркови, пила крепкий чай, смотрела тупые отечественные сериалы и, за волосы же, волокла себя в постель, чтобы проснуться невыспавшейся и в болях. Утром начинался душ, лекарства и почти радость от того, что я могу передвигаться. Как только оказывалась в госпитале, ситуация изменялась, пару-тройку часов я летала, кормя, говоря и даже переворачивая и моя людей, таких же, как я. Затем наступали почти что ломки, приходилось искать место для того, чтобы полежать и подождать, пока новая порция лекарств подействует. Место не всегда было, и к концу дня я гасла, эмоции уходили, чувствительность тела тоже. Но дома все возвращалось, и кроме как за волосы, насильно, ничего делать не получалось. Я озверела, но стала доброжелательнее. Мои представления о милосердии и справедливости претерпели сильные изменения.

В фб часто и много говорят о религии, но все эти разговоры неряшливы и как-то изначально тоскливо-неправильны. Религия, по-моему, это обратная связь, а когда она возникает, то «по-моему» исчезает, остается этот самый закон обратной связи, никакого «а я думаю вот так и эдак». Полагаю, то же и с искусством; там просто нет «я так считаю, потому что я художник», там есть факт запечатленной связи, извещение. И потому в большей части проблем и споров вокруг них я не вижу ничего религиозного или художественного. А вот в одном нервном семинаристе, ругавшемся матом и выносившим судно за девушкой, оставшейся без ноги, религиозность была. Он вынес судно, затем принес тазик, литра на три, с нелепыми розочками по бокам, с теплой водой, в ее палату. За дверью послышался его истерический голос: «Ну чего ты еще хочешь?» – «Капни туда перекись водорода», – плача ответила она. И он точно капнул в воду перекись водорода. Так уже Бог заботится о человеке.

Я бы хотела много написать о религии, о своем новом и позднем опыте, но не стану пока.

Приложение к посту: видеоклип группы ДДТ «Предчувствие гражданской войны».

Автокомментарий, не записан:

А в сияющем храме лики святых тебе говорят, что церковь не ты... Кто бы знал, что эти строки из песни повторила я, уже глубоко воцерковленный человек, часто приступающий к Таинствам и уже не отделяющий себя от церкви. Но мне теперь не до маленьких откровений и бытовых чудес, у меня новые задачи и новые пространства. Хорошо, что не написала этого в посте, а то с меня станется.

Лайков два

Комментарии

Друг 100

– Что-то не верится, чтобы вы волонтерствовали.

Друг 69

– А он прав, если бы вы работали волонтером, вы были бы добрее.

Случайный посетитель

– У верующих нет вообще никаких чувств, кроме гордыни.

Это уж точно, кроме гордыни и нет ничего. Ха-ха. Всем поставила лайк, хотела ответить, но подумала, что уж слишком будет.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу

Джину привел к Рою Тьютор, накануне того дня, когда они собрались в кино. Как Рой и думал, она оказалась рыжей, с огромными мягкими волосами, которые нагло вились, так, что казалось, над ними работал полк эльфов-парикмахеров, и процедура укладки повторяется каждый день. Когда-то такой вид вызывал ассоциации с дорогой «щадающей химической завивкой», но у Джини волосы были свои. Глаза, светлые, серые, с темно-зеленым лимбальным ободком, близко идущие у птичьего носика, смотрели прямо и почти ласково, голос был очень тихий, связки Джина сорвала во время одного занятия пением. Высокая, не худая, она казалась хрупкой: движения ее были трогательно-неуверенными. Губы были почти неприятные: бледные, длинные, узкие, ровные, без вырезов, но они прекрасно гармонировали с глазами-рыбками, отчего весь облик имел складку некоей грозной тревоги, передававшейся собеседнику мгновенно.

– Таких и называли ведьмами когда-то, – сказал Тьютор, – ведь ведьма это не что-то, облаченное в черную кожу, бледное и яркое, это всего лишь то, что ведаёт, знает и действует.

– Так ты давно умерла? – спросил Джину Рой, удивляясь, как свободно он спрашивает об этом.

– Да, но в наших мирах разное время. Так что в вашем я еще, может быть, жива! – улыбнулась она.

– А что это был за мир?

– В целом рассказать не могу, я помню только наш городок, недалеко от моря, он упирался в дюны, уходившие в забвение пески.

– Тьютор сказал, что ты утонула в песках. – Джина начинала нравиться Рою, его влекло к ней, а мысль о том, что это другое существо, даже и не возникала. Вот она сидит рядом, он даже чувствует, какие у нее прохладные руки.

– Можно коснуться твоей руки? Ты не исчезнешь?

– Конечно, нет, – тихо рассмеялась Джина. – Ты даже можешь меня обнять. Мы ведь совсем как вы, потому что еще не произошло того, что нас разделит, а это будет еще не знаю когда. Было время, когда слова Страшный Суд значили очень много.

– Страшный Суд? – изумился Рой. – Звучит торжественно и красиво.

– Да, именно так! – глаза Джини стали светлыми-светлыми. – Там все увидят друг друга.

Рой осторожно и робко обнял Джину. Ее, кажется, несколько знобило. И он не предполагал, что у нее плотное большое тело, особенно спина и плечи.

– Ты выглядишь такой хрупкой!

Она снова рассмеялась.

– Я же деревенская девушка!

Рой отстранился, пышные волосы в беспорядке, мысли пошли молодым табунком. Обнять существо, которому неизвестно сколько лет, возникшее неизвестно откуда, которое вовсе не должно бы существовать, было очень приятно. Джина понравилась ему как девушка, он даже некоторое время назад мечтал о такой, светложерой, рыжей, с длинными волосами. Обнимая, Рой понял, что быть с ней как с женщиной ему не составило бы труда, и он хотел этого, но что-то, сознание того, что она может состоять не из плоти и костей, блокировало его желание как самый сильный антивирус, и Рою даже нравилось это. В глазах Джини чуть плескалась рябь печали, она была доступна и недоступна одновременно. Рой выбрал недоступность; ему показалось, что Джина угадала его выбор и молча одобрила, тем, что немного задержалась в его объятиях.

– Расскажи о Ксавьере. Как он тебя заметил.

Теперь она сама обняла его, легко и цепко, сказала, заглянув ему в глаза:

– А ты лучше почитай! Читать разучился?

Худые щеки Роя налились краской:

– Ты смеешься?

– Нет конечно, – ответила Джина, – но ты почитай.

Из дневника Джины

«Ксавьер ночевал или в замках, вместе со старшими слугами, ему отводили тогда отдельное помещение, либо на сеновалах и в амбарах. Он не любил постоянных дворов, избегал их как места ночлега, но часто бывал там для обеда и представлений, приносивших небольшой, но верный доход.

Из его любимых трюков были три, действовавшие на зрителей, даже деревенщину, очень сильно: хождение на голове, прохождение сквозь огонь и поедание стекла. Еще он мог устроить состязание в количестве выпитого и победить, а также (это наверное самое важное) знал триста песен священного древнего цикла, умел их петь, играл на струнах, барабанах и колокольчиках. Все это было в его сумке, притороченной к седлу. Коней он менял, но это всегда был конь, а не лошадь, и всегда Воронок.

В тот день я особенно хотела его увидеть, родители мне запрещали смотреть на его представление, а он как раз приехал на ярмарку в соседнее село. Чтобы не нарушить данное родителям слово и все же хоть как-то остаться наедине с ним, хотя бы с мыслями о нем, я пошла к заливу и села на берегу, под ивами. Залив был длинный, он шел сразу в море. Я задумалась, что залив навсегда связан с морем, и все же остается на отведенном ему Богом месте.

Да, Богом. Тогда у нас было знание о Боге; мы верили, все, даже мои родители, пекари, и мы любили вкус молитвы, хотя часто она была бесплодна в нас. Теперь, как я слышала, Бога нет, а есть Руперт, и он почти вечен. Забавно. Скучно. И наверно слежка за каждым, за каждым шагом каждого человека.

Уже начало темнеть, день был пасмурный, заката я не видела, а были только клубы облаков и мягкие тучи. Фырканье лошади меня побеспокоило, захотелось спрятаться в самое сердце ивовой заросли. Но это был Ксавьер, в одежде для представления, с гримом на лице, за который его едва не проклял наш старенький священник. Я слышала, что Ксавьеру очень много лет, что он бродит как Вечный Жид из страны в страну, и нигде ему нет покоя. Но при взгляде на него, стройного и гибкого, такие мысли на ум не приходили.

Заговори со мной, вскричало мое сердце, подойди ко мне, заговори со мной. Но вслух я так никогда не сказала бы. Однако он услышал и подошел.

– Я не напугал тебя?

– Нет. Я знаю, ты Ксавьер.

– Да. А ты Джина, дочь пекаря. Я помню тебя совсем маленькой, ты была толстенькая и смешная, а сейчас ты красавица.

Я вспыхнула, конечно.

– Правда? Мне никто еще не говорил, что я красавица. И ты возьмешь меня кататься?

Он секунду молчал, самую трудную в моей жизни секунду. Затем сказал просто, почти радостно:

– Да. Только сначала Воронок попьет воды. У тебя есть хлеб? У тебя всегда должен быть хлеб, ведь ты дочь пекаря!

У меня были две белые булки в мешочке у пояса.

– Покорми моего Воронка.

Конь, вдоволь напившись, брал хлеб горячим огромным ртом, пышущим как печь, а Ксавьер стоял рядом и смотрел мне в лицо.

– Если бы у меня была сестра, она была бы такой, как ты.

Затем он легко подкинул меня, посадив в седло, и у Воронка словно бы выросли крылья. Мы окунулись в ночь, которая совсем не походила на ту, которая стучалась над заливом, понеслись в сторону моря, поднимавшего ночную седую пену. Я смогла потрогать крылья ветра и коснуться руки молнии, так как там, высоко, где мы летели, разразилась гроза. И тогда я увидела черный замок Ксавьера и те самые красные печи в нем, которых так боялась округа, а внутри языки пламени танцевали огромный, причудливый, текучий хоровод.

– Я учусь у них, – сказал Ксавьер, – послушай, как они поют.

Языки пламени действительно пели, это была лучшая песня во всей моей жизни. Пока мы были в черном замке Ксавьера, я ни разу не вспомнила о родителях. Там я увидела множество еще более странных вещей, чем пение пламени, но оно запомнилось мне, и я стала повторять его напев про себя.

– Тебе пора, – сказал Ксавьер. – Ты вернешься к ивам в то самое время, когда мы встретились. Но больше ты не сможешь жить как жила, с родителями, с людьми, но и со мной тебе жить нельзя. Ничего не бойся, я не оставляю тебя, тебе достаточно будет позвать меня, чтобы получить мою помощь. Даже когда тебя поймают, оденут грязными тряпками и поведут на виселицу, не бойся ничего, я постараюсь, чтобы этого не случилось.

Ответить ему мне было нечего. Как он сказал, так и будет. Прощай, Ксавьер.

По возвращении к родителям я заболела и слегла в жару. Звали священника и врача, но мне стало лишь ненадолго легче. Когда я читала псалмы царя Давида, здоровье возвращалось ко мне, а вскоре я поправилась совсем. Я ушла из дома в одну тихую обитель. Действительно, обо мне ходили разного рода сплетни. Но в доме каждого сплетника потом обязательно что-то случилось: дочь выколола глаз и сошла с ума, жена разрешилась от родов поросенком, и что-то в таком духе было в других домах. Обитель эту мне подсказал сам Ксавьер, он привел меня на рынок в тот самый день и час, когда мать настоятельница, лично закупавшая муку, приехала туда и подошла к тому же торговцу, что и я. Ксавьера увидела возле ее телеги, он улыбался, да и она сама охотно со мной заговорила.

– Не молись мне, – однажды сказал мне Ксавьер, – это разрушит тебя. А придет время, и я расскажу тебе свою жизнь, но это будет нескоро. Я и сам не знаю, как скоро мы встретимся.

В обители мне понравилось, потому что там постоянно было много людей и скучать не приходилось. Мне дали новое имя после пострига, Роза Анна, Розанна, оно мне понравилось и прижилось, так что я почти сразу стала на него отзываться. Я спала хорошо, не как дома, где всегда было душно, а еды в обители каждый день было вдоволь, и самой разной, и тоже не как дома, там только хлеб и сыр.

Однажды в конюшню обители случился пожар. Я вывела на волю всех лошадей и коней, меня предупредил Ксавьер или Господь, но в любом случае тот, кто выше; внутри горячей постройки остался только черный жеребенок, который от испуга забился в самый дальний угол. Я пошла за ним. И тогда из среды пламени вышел Ксавьер, сказал мне: а теперь не бойся совсем, и на меня упало пламя, в котором я начала танцевать, как те языки в его черном замке.

– Не бойся! – повторил Ксавьер, и я увидела себя у него в седле, мы неслись на Воронке, только было не раннее лето, когда конюшня загорелась, а зима, под ногами хрустели опавшие листья, ветви с треском ломались о грудь коня. Я забеспокоилась, закричала, что же случилось с жеребенком, который мне так напоминал Воронка.

– Смотри, – сказал Ксавьер и провел рукой у меня над глазами. Я увидела жеребенка, чуть опалившего хвост и гриву, скачущего к другим лошадям, а в среде пламени, которое уже начинало опускаться, спала я сама, и так крепко, что меня никто не добудил бы.

– Я умерла? – спросила я Ксавьера.

– Да, – ответил он, – ты тогда умерла, а теперь ты жива, жива твоя душа, и она со мной.

Мы выехали из леса, открылись дюны и море за ними. Я поняла, что мы едем к черному замку. В городе и в деревнях были слухи, что пламя в черном замке Ксавьера это похищенные им девушки, но я знала, что это не так, я видела это пламя и слышала, как оно поет. Души его девушек стали созвездием на небе, он показывал его мне, но мой путь лежал не туда. Было странно знать, что я не такая, как они, и это было лестно, а что именно будет со мной, я не знала.

В качестве приложения к посту – видео с концерта 1996 года группы «Дэд кен дэнс», «Песня сивиллы».

Комментарии

Друг 51

– Красивая средневековая сказка, но к чему она? Проза должна быть большой, в ней должна быть густота языка. Вот Толстой написал «Войну и мир» так, что там несколько сюжетных линий и усики маленькой княгини, когда она умирает, это так щемит.

Лайк, лайк, суперлайк, он же писатель, романист. Глядя на таких, в литературу не захочешь. Умница, я ничего этого без тебя и не знала. Ну помахать ему, палец большой показать, мол, согласна. Вот так.

Друг 5

– Как вы красиво написали! Я так и увидела эту девушку, и Воронка.

Еще одно трогательное создание. Как мне на них везет, как я их люблю. Не хватает только грязного поэта.

А вот и он.

Друг 13

– Все это фигня. Нужно спасти Россию и свергнуть Путина. И Собянина. Он снес ларек, где я покупал пиво.

Ты мой золотой. Лайк, лайк, и пива тебе виртуально, вот и наклейка.

Личное сообщение

– Мария Георгиевна, вот скан перевода. Вы получили?

– Да, конечно получила. Доброй ночи тебе.

Кажется, это последний мой большой заработок, но мне все равно. Думаю о семи упитанных коровах и семи тощих. Видимо для меня, как и для многих, настало время тощих коров. Это из Ветхого Завета, кто не знает, сон Иосифа перед тем, как в Египте начался голод.

Чтобы день закончился в соответствии с новым стилем моей жизни, нужно еще личное сообщение от Дюши, пьяное и злое. Он по-своему, именно по-своему, честен, когда напивается в хлам. Тогда сексозависимость немного отступает и на свет выходит неудавшийся менеджер, еще не вполне лишенный таланта руководителя. Очень забавно он блох из меня вытаскивает, когда пьян. Но я иногда включаю блокировку уведомлений, если нет настроения развлекаться таким жестким образом, а сейчас уведомления включены.

Личное сообщение

– Привет!

– О привет, я как раз тебе ждала. Ты хочешь наговорить мне гадостей?

– Такой, как ты, наговорить гадостей просто необходимо. Скажи, ты совсем с ума сошла или еще нет?

Я поняла, что именно сейчас развлекаться с Дюшей не хочу, и включила блокировку уведомлений. Поначалу мне было интересно, что он там понаписал, но потом стало скучно. Он пишет всегда пять или семь фраз, в разном порядке. Этот минимализм ему помогает работать с клиентами. Дюша форевер, хороший мужик, кроме шуток, сейчас и на таких очередь, несмотря на его мужские проблемы.

Пост 16

Без числа

А потом началась война. Первую неделю я почти не ела, хотя к ночи что-то в желудке просыпалось, и я бежала за охлажденной пиццей в «Пятерку», нервно грела ее в духовке, пицца всегда подгорала, то больше, то меньше, и я съедала со слезами. Я не могу сказать, было мне жалко людей там, на территории войны, или нет, но я точно знала, что я на их стороне. Страх мой, его мощные приступы шли от того, что я уже решила поехать туда волонтером.

Пока шел майдан, мне было весело, хотелось уехать в Киев и умереть на баррикадах, но затем вернулось депрессивно-здоровое чувство, а такие бывают, и я не поехала на майдан. А вот туда поеду, это необходимо.

Новости тогда я читала по несколько часов в день, из-за границы коллеги писали, чтобы я ждала натовских самолетов над Москвой, пророчили наперебой страшное продолжение, и все это ложилось на мой позвоночник так, что начали отказывать руки. Если не действует элементарная защита, нужно снять всю и пойти пузом вперед, хотя какое у меня тогда было пузо. За неделю я похудела до веса, о котором мечтала несколько лет. В пятницу к ночи собрала сумку вещей на отpravку, принесла из «Пятерки» круп и тушенки, днем пошла на почту. Адрес взяла из интернета. Денег, чтобы дожить месяц, уже не было, но на них было наплевать, я ждала какого-то мини-перевода, и он кормил бы меня до пенсии.

На почте, пока ждала оформления посылки, случилось небольшое показательное происшествие. Молодая женщина, лет тридцати, из породы рабочих лошадок, красивая, кареглазая, в красной курточке, с сияющим лицом, спросила, заглянув в окно через мое плечо:

– Переводы на Украину принимаете?

Дама в окне даже не подняла головы от монитора, продолжала выстукивать адрес, который я ей написала на квадратике бумаги. Этот демонстративный акт молчания можно было расшифровать и как обычную лень, и как нежелание связываться с переводом на Украину. В свете последних событий второе толкование казалось более очевидным.

Молодая женщина с переводом на Украину не смутилась, мол, знаю я, как вы нас тут любите, зажались совсем, и подчеркнуто доброжелательно, даже интимно, спросила во втором окне:

– Принимаете переводы на Украину?

– Ну да, – неохотно ответили ей. В ответе была полная апатия: мол, ну вот тебе твой перевод.

Женщина с переводом на Украину тут же исчезла, видимо, ей только нужно было узнать, ходят ли деньги туда и сюда.

Конечно, я никуда не поехала. Недельку провалялась в постели, два раза поговорил с клиентами по скайпу и один раз выбравшись в сбербанк. Путешествия в «Пятерку», в семь вечера, после того как, наконец, обезболивающие подействуют, не в счет, есть хотят все, даже люди с острой болью.

Когда кризис миновал, чему подтверждением стала усиленная стирка, почти вся домашняя одежда была в поту, пришла Одесса второго мая. Третьего позвонил Дюша и сказал, что идет волонтерить. Я подняла дозу и выдвинулась в пункт, куда направлялся и он. Никакой поездки на территорию войны мне не светило, потому что боли, но работы и в столице было много.

Тогда меня накрыло, и то было, вероятно, подлинное видение. Как будто открыли двери ада, и оттуда вышли люди. Они выглядели и говорили именно как побывавшие в аду и ничего уже, кроме ада, не ожидающие, а часто и ничего не ожидающие. Устроены они были кое-как, заниматься собой многие не хотели, так что на третий день мне казалось, что я работаю с бомжами, хотя это было не так. Я выводила их из себя, провоцировала к действию, дарила шампуни, заставляя себя цепляться за этих людей, возиться с ними, тратить на них, а в основе была одна простая вещь – эти люди парадоксально делили со мной бою болезнь, и за это я им благодарна.

Возмущение в адрес правительства шли в основном не от них, а от амбициозных работников-волонтеров, и это сильно портило атмосферу, делало из трагедии глупый фарс. Какому правительству и когда нужны были беженцы, кому вообще нужны лишние хлопоты? Правительство никогда никому ничего не должно.

И все же. Это были люди.

Долго находиться на пункте я не могла, часа через два или три падала с ног, уезжала под пламенные взгляды более здоровых работников, считавших меня плохой, на моем языке – выпендренницей и халявщицей, но мне было уже все равно. Я хваталась за эту игрушечную помощь как дитя за палец матери, тогда у меня в жизни не было ничего, кроме этого, если не считать А., о котором, кажется, и думать перестала, но уж нет, я думала о нем, отдыхала в мыслях о нем, но их было немного, и приходили они редко. Думать о нем тогда было даже невозможно,

даже если бы очень хотелось, чувство сохраняло само себя, прячась, свертываясь клубочком глубоко-глубоко.

Однако нужно было искать клиентов, и я этим занялась. Вообще поиски работы, клиентов есть дело унизительное, и как некая милость свыше таким делам посылается благословенная смягчающая нелепость, чтобы человек не осознал глубину своего падения. Так что за неделю я пережила несколько ситуаций, после которых нужно было или смеяться, или покончить с собой, или жаловаться на дивный новый мир, который на самом деле еще и не наступил. Я смеялась, смех был черным, новой дозы обезболивающих не потребовалось, осталась на прежней.

Вспоминался дневник покойной Алины, земной рай из ее «Роя Обрана Роу», и порой мне казалось, что так и будет; даже не волновало, что я всего этого не увижу.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу

Каждый спектакль, который Рой видел, был единой мыслью, жестом, выражением вещи или понятия, которое тоже можно назвать вещью. И у каждого спектакля было лицо. Оно возникало из лица актера, игравшего ведущую роль, расцветало лицами всей труппы как оттенками смысла, то есть у каждого оттенка было свое лицо, и все это вместе было восхитительно.

Тьютор провел Роя на несколько спектаклей. Это был мир тьмы, рождающей свет, мир пестрый и очень стройный, хотя эти качества не любят друг друга. Роя поразило, как вроде бы монотонное действие (люди ходят по жестко структурированному пространству) может передавать так много. Тогда Рой только начал понимать, что такое искусство и как оно красиво. Так Тьютор открыл ему искусство через театр.

— Пока ты ничего не знаешь о Шекспире, кроме слепых упоминаний. Но скоро ты увидишь и «Гамлета», и «Короля Лира», и «Ричарда третьего», и «Двенадцатую ночь», и «Ромео и Джульетту». Ты поймешь, что во всех доступных нам мирах мало что может сравниться с мыслью и красотой Шекспира.

Тем временем борьба со смертью в стране Роя Роу была объявлена завершенной, и по этому поводу все небо, скалы, стены зданий и вода оказались в световых знаках, которые то возникали, то исчезали, меняя цвета и время паузы, чтобы глаза и мозг людей отдохнули. Приближался великий праздник победы над смертью. Даже люди, не любящие Руперта и Бога, впечатлились новым открытием и устроили на этот раз санкционированный митинг против Руперта и в поддержку бессмертия, щегольнув парой выставок фигуративного дизайна.

Рою поручено было несколько проектов по разработке оформления. Дни его оказались плотными, так что вырваться в бунгало, где впервые встретился с Тьютором, он не мог. Рекреация по поводу победы над смертью намечалась на последний день условной весны, нужно было доработать еще несколько программ, и Рой углубился в них. Искусственный интеллект, в общем, все делал сам, но разработчики знали, что ему необходим собеседник. За пару дней Рой прочитал об идее постоянного обновления и омоложения организма человека столько, что почувствовал себя несколько хуже, чем обычно. Искусственный разработчик, которого Рой прозвал Шайном, даже пошутил, включив свой машинный юмор, что Рой теперь полностью готов к обновлению.

Человек растворялся в самом себе, таял в новых тканях и силах, а возрождался другой, в котором было несколько меньше памяти о том, который был, но было чуть больше ничем не занятой памяти. На первый взгляд это было преимущество, но только на первый взгляд. После третьего курса процедур возникала зависимость от них, и в человеке (если так можно было назвать это существо) не оставалось ничего, кроме ожидания новой волны. Так когда-то ждали нового денежного перевода и новой покупки, так наркоман в старом мире ждал новой дозы.

Перспективы, развернувшиеся перед Роем, были красивы, пестры, желанны, бесконечны и бессмысленны, так как никакое действие в этом мире, в котором есть одно только продолжение, завершить было нельзя. Можно было только плыть и плыть, загребая все, что попадет под руку,

для нового курса омоложения. И все это происходило на фоне портретов омоложенного Руперта и весьма законопослушной оппозиции, в которой фотографировался каждый чих.

Тьютор рассказывал Рою, что еще задолго до катастрофы мир планеты уже напоминал театр, правда не тот, прекрасный, который видел Рой, а театр дурной и ненужный, но этот театр управлял всем.

– Так вот почему он показал мне сначала театр, – воскликнул Рой, расписав очередное звено светового шоу бессмертия.

– Да! – услышал он ответ.

Тьютор сидел прямо на полу, напротив него, чуть щурился и почти улыбался. Рой полюбил эту улыбку и сейчас понял, как сильно ждет ее увидеть.

– Как хорошо, что ты можешь приходить ко мне! Мне так не хватает тебя и Гарри!

– Погоди радоваться, я не просто так. У меня вопрос.

Секунда молчания заострилась, но никак окрашена не была. Рой ничего не ощутил, кроме того, что в нем самом образовалась глубокая полость и он должен немедленно ее заполнить своим ответом.

– Вопрос? Ко мне?

– Да, Рой. Если бы тебе представилась возможность умереть, как до тебя умирали люди, ты бы согласился? На агонию, например?

– Но я ничего об этом не знаю.

– Тогда завтра мы идем смотреть «Короля Лира».

Приложение: ссылка на фотографию некогда очень известного, а теперь легендарного актера, умершего в конце восьмидесятых, где ему сорок лет. Великолепной красоты тело контрастирует с глазами голубоглазого щенка, сочетание в общем убийственное для мужчины, но здесь все работало на него.

Лайков три.

Смешно – два.

Возмущений два.

Комментарии

– Да как вы смеете такое писать, у вас совести нет, вы деструктор по жизни, вас нельзя допускать к клиентам!

– Ты что, типа, крутая, крупы из пятерки отправила сепаратистам. На себя посмотри, у тебя все мозги сожжены, наркоманка.

– Точно, наркоманка, у нее зависимость! Нужно выяснить, что за таблетки она пьет.

Лайк, лайк, всем лайк, спасибо, а теперь в бан. Не жалко. Но и это люди, и, судя по всему, им сейчас ох как несладко, если такое пишут. Нет, пожалуй, отвечу, нарвусь по собственному желанию, хотя это и пробуждение агрессии:

Общий ответ на комментарии:

– Скидка тридцать процентов, сеанс психотерапевта по скайпу за двести пятьдесят рублей, сканы сертификатов и диплома могу выслать вам на почту.

И в бан, скорее в бан. А мне нужно в душ.

Личное сообщение 1

– Ты там не все мозги свои куриные сожгла, дура? Зачем такое пишешь? Ты что, самая смелая.

– Да, соли мои, я самая смелая. Я вообще самая-самая.

– Дура ты.

– Не без этого, мужчинам нравится.

– Да какие у тебя мужчины, стерва фригидная?

Дюша к вопросам эротики и секса относится очень ответственно. Нужно, чтобы все понимали, что его женщина самая Женщина в мире.

Личное сообщение 2

– Здравствуйте, я священник. Хотел просить про сатанинскую сказку, которую вы вывесили в фейсбуке: вам не стыдно за нее?

– Стыдно. Но сказка не моя, а девушки, не дожившей до двадцати лет и умершей от редкого заболевания. Сказка очень красивая. А стыдно, потому что я чувствую себя грешной.

– Ну так убрала бы сказку и не писала бы кошмар, который читать совестно.

Переход с вы на ты через слово грешная, ну и ладно, не похудею от этого ты.

– Меня в школе называли Таня Савичева. Вот я и пишу дневник Тани Савичевой двадцать первого века.

– Простите, не думал, что вы сумасшедшая. Прощайте.

Забанил. Чисто работает.

Пост 17

Один из принципов моего существования в фейсбуке – не комментировать записи друзей или комментировать редко, и уже как следствие – отказ от участия в обсуждениях, даже если мне есть, что сказать, даже если они касаются меня или меня упоминают, но это бывает редко. Однако случается, что я читаю обсуждения, но сил на все комментарии просто нет, это многим понятно; силы подразумеваются как моральные, так и физические.

Мою небольшую информационную группу, где есть фото клиентов и занятий, размещенные по согласию, короткие видео клиентов, отзывы и скан сертификата, особенно не рекламируют, я сама этим не занимаюсь уже давно, однако просматриваю ее регулярно, и порой удается найти клиента, тем более что прайс-лист шадающий. Коллеги обвиняли меня в демпинге, но увидев, что я уже ни на что не претендую, оставили все как есть, кроме случаев, когда клиент обеспеченный; его у меня уводят, и я уже привыкла к этому.

Сегодня переписывалась в одном пожилом уже человеком, оказался очень осторожный, галантный и трогательный. В первый раз за довольно долгое время побеседовала с мужчиной. Он стареет, и на этой почве у него возникли суицидальные моменты, которых он вдруг испугался. Он мужик, зафиксированный на «сказал – сделал», так что вероятность суицида довольно высокая. Но уже то, что он со мной проговорил полчаса (я видела, как ему было нелегко), уже хорошо. Надеюсь, что его спасут сила воли и воля к жизни. Цену запросила шадающую, женскую, в смысле – заниженную, сейчас ему нужен покой; цена – это всегда шок.

В одиннадцать, обычное дневное для меня время, хотя это двадцать три, препарат еще не подействовал и началась тревога. Воздух исчез, дышала невесомостью, давление взросло до прединсультной отметки, несмотря на выпитую утром лористу, но я все эти разводки собственного организма на жалость знаю уже хорошо. Да, я шаталась, пока шла в прихожую, налетала на все углы в квартире, получила несколько новых синяков на теле и ногах, хотя старые еще не рассосались. Но я надела ботинки, черные, российско-итальянского производства, марки «Бонджорно», замшевые, с пятками и носами из искусственной кожи и искусственным мехом внутри, взяла три пакета с мусором: один из кухни, один из сортира, один из ванной комнаты, вышла из квартиры, закрыла ее ключом, привыкая к пространству, ступенька за ступенькой, пешком спустилась по лестнице и мгновенно расплылась в блаженстве теплого воздуха. Тревога растерянно отошла в сторону. Я знала, что она вернется перед сном, так как впереди у меня еще скайп, соответственно – напряжение, а потом, для компенсации, возможно чтение или фильм, затем подготовка ко сну, так скажем, и душ, перед которым обязательная чистка зубов. Часа два перед тем, как заснуть, я буду вращаться в постельном белье как яйцо или молодильное яблочко на тарелочке; не самый лучший момент дня.

А пока я постояла на крыльце, нелепо, с пакетом, с виду довольно молодая женщина в яркой куртке, и пошла к помойке. Это надо было видеть, как я иду. Но лучше не надо, потому что я все равно дошла до помойки, она оказалась убранной, хотя вчера пакеты и вещи лежали вокруг нее и ничто не предвещало уборки, но теперь баки были пусты. Я люблю пустые мусорные баки не

меньше полупустых троллейбусов, не знаю, о чем это говорит, но я часто стираю белье с таблеткой аспирина, впрочем, иногда и верхнюю одежду тоже, так как это убивает бактерии. Возможно, я стремлюсь к гигиене во всех ее проявлениях.

В половине двенадцатого я ощутила знакомый удар изнутри, затем вспышку ярости, затем на пару минут стало так худо, что, кажется, пережить нельзя, и это была не боль, это было – как если бы я была свечой и на меня подул очень сильный и очень холодный ветер. Так подействовал препарат, средняя доза. Я люблю эти короткие немотивированные приступы ярости и жар с потом после них, напоминает утренний душ. Тревога снова отступила, но ее мохнатая лапа еще держала меня за сердце, и я сначала перебрала все свои пижамы, чтобы найти ту, в которой хочу спать, а затем залезла в ноутбук, с целью гигиены, убрать ненужные файлы. Я не храню информацию о клиентах, если только это не постоянные клиенты, а таких очень мало. Открыв «Мои документы» начала удаление и вдруг едва не упала в панической атаке от ужаса и восторга вместе, а панические атаки бывают у меня только с хорошего недосыпа.

В отдельной, крохотной по весу папке, почти затерявшейся среди папок клиентов, вложенной почему-то в общую папку «Работа», лежало фото А., когда-то давно скопированное из интернета, где ему от силы двадцать девять. Руки сами отдернулись от клавиатуры, словно она была раскаленной, потому что еще миг, доля секунды, и я открою фото, чтобы жадно и долго на него смотреть, а этого нельзя. У А. теперь другое лицо, не потому что сделал пластику, а потому что он не боится своего лица сейчас. Он изменился, но все так же прекрасен; у него другая внешность, но это все равно он. Я смогла пробраться между короткими взрывами нежности, как по минному полю, хотя было чувство, что вот-вот взлечу, столько было тоски и ласковости в этом мгновенном влечении. Удалила файл, затем закрыла все и очистила корзину. Теперь этого фото на моем ноуте нет, но оно, уже против моей воли, мерцало перед глазами.

Самым главным в этом фото было лицо: чуть грустное, без позы, словно ему было лень, хотя ему никогда не лень быть красавцем, и он может до смерти засмеять за комплимент, потому что знает, что выше всех комплиментов. Фото сделано в период, когда он уже не был худ как юноша, но еще не превратился в алкогольно-худого мужика, тогда у него было тело. На этом теле висела дурацкого цвета, но безумно дорогая и очень модная для того времени рубашечка, из шелка, поло, он на меньшее не согласился бы. Вроде и вида не имеет, просто поло, но ценитель сразу распознает дорогой материал. Фото было сделано видимо почти случайно, он шел и оглянулся, тут его репортер и поймал. Этот ракурс, поворот шеи и разворот плеч мне были знакомы до последней степени нежнейшей любовной злости, все это звучало его голосом: «Привет, соседка!».

Я отошла к окну, чтобы видеть темноту и хотя бы приглушить в себе это фото. Из окна видна была местная стоянка, а на ней – мне не показалось – его машина. Заехал домой. Сдает он квартиру свою, что ли? Или так просто, надо же иногда появляться. Но я знала эту машину, она у него уже год. Пока смотрела в окно, вроде бы отвлеченно, прошла секунда или две обморока, омута из мелких воспоминаний и противостоящей им воли, что в общем одно и то же.

– Вот зачем ты всегда так рядом, – сказала я в пространство, и фото, и машине. После этого безгolosого вопля стало легче, я вернулась за ноут – готовиться к скайпу. Делать мне больше нечего.

– Меня ждет новый разворот событий, а не хочется. Мало ли что мне хочется и чего не хочется.

После скайпа записалась к врачу, узнать результаты исследований. Жалоб накопилось много, но ничего из ряда вон выходящего. Это моя особенность: я отыгрываю свою болезнь как отыгрывают роль, но довольно быстро заигралась. Я очень увлекающаяся натура.

Вспомнился диалог при выписке направлений; их теперь бюрократически много, и все такие большие, тщательные. Хорошо хоть принтеры в каждом кабинете есть, а то бы всех врачей положили в одно отделение неврологии с приступом заболевания, которое называется писчий спазм.

– Какая слизистая, когда у вас обезболивающие уже много лет? Потому и сухость, и аллергии, и кровотечения. Скажите Богу спасибо, что и внутренних нет, а бывают, уж поверьте. Вы хотя бы

дозы иногда снижайте. А дистрофия костных тканей прогрессирует, что вы хотите, такое у вас заболевание. И парестезии пошли, но не особо выраженные. Вы же без палки ходите? И радуйтесь.

Вот кому нужно работать психотерапевтом – этой женщине. Врач была ухоженная шатенка, моложе меня, но видно, что работу и пациентов любит; все врачи немного манипуляторы. Писала она много, долго, рецепт распечатала с наслаждением, мол, дело окончено, смачно поставила печать и отправила меня сначала к администратору, а потом в аптеку.

Хорошо, что есть бесплатные лекарства. Хорошо, что я не отказалась от бесплатных лекарств. Рецептов было три: диклофенак, циннаризин и бетажистин. Лоратадин у меня еще есть, но он слабый, нужно купить зиртек. И панкреатин, и дротаверин. В общем, из аптеки в аптеку, а потом домой. Сегодня скайпа нет, сегодня я смотрю кино, долго и с наслаждением. Хотя есть одна дама, она позвонит завтра, и нужно быть наготове, как оружие. Старое такое оружие, порой оно стреляет с очень нелепым звуком, но попадает в цель.

Из записных книжек Роя Обрана Роу

После катастрофы отношения со временем на планете мало изменились, но все же изменились. И потому «завтра», о котором сказал Тьютор, было его завтра, а Рой, не торопясь, доводил многомерную графику до требуемого масштаба и просто его ждал. И ожидание не обмануло. Рой раньше не задумывался, как это приятно и просто: ждешь, а потом дожидаясь. Он родился и вырос в мире, где все создают сами, здесь ожидание имеет небольшую ценность, длится недолго, если ты не находишься на нижних ступенях мировой пирамиды, в самом ее основании, и не ждешь элементарного пособия на необходимое для жизни. Таких немного, и даже Гарри не захотел жить на пособие, но все же такие люди есть. Рой видел их, порой разговаривал; ему нравилось, что они живут как животные, это казалось даже красивым. В его работе над новым проектом ко дню победы над смертью такие образы нужны: беззаботные с виду, но грозные. То, что это мысль творческая, Рой чувствовал, хотя осознать не мог, потому что о творчестве имел лишь самое общее и утилитарное понятие.

Однако ждать и дожидаться было очень приятно. Рой сказал себе: это особенный день. Тьютор появился в белой сорочке, несвежей, но ему так шла эта легкая несвежесть, с трубкой хорошего табака (теперь Рой знал это слово и в целом понимал всю привычку), в зелено-золотистом охотничьем жилете. Рукава рубашки были закатаны, весь вид выражал почти радость. Рой поймал себя на том, что ему очень хотелось бы изобразить улыбку Тьютора в эскизах для праздничного шоу.

Они прошли по густо заставленным вещами коридорам, где каждый проем, была дверь или ее не было, казался рамой для портрета нового пространства. В одном помещении старый музыкальный инструмент, огромный, как несколько поставленных друг на друга брусков, смотрел в профиль из нижнего угла, а сверху насмешливо показывал на него длинный палец кронштейна, на котором висела пара белых женских платьев, подозрительно похожих друг на друга, и пара мужских сорочек. Все волновалось от ветра, идущего непонятно откуда, ведь окон в помещении не было, так что порой нельзя было отличить платья от сорочки. В другом – примерно такой же белый инструмент, весь белый, у которого была словно выкроенная по лекалам огромная крышка с подставкой, смотрел анфас из самой середины; помещение было в белых обоях, но по полу и даже по стенам и потолку – как именно, Рой не смог бы сказать, – валялись корзины с пыльным хламом: перчатки, носки, платки, туфли, мужские и женские, так как Рой уже научился различать виды этой старинной обуви, и, кажется, все грязное, нестиранное; там же лежали чашки, несколько были треснутыми, у одной отсутствовала ручка. Когда Рой и Тьютор проходили это пространство, откуда-то из верхнего угла выкатилась алюминиевая кастрюля и загремела, как духовой инструмент, но откуда Рой знал все эти слова: алюминиевая кастрюля, духовой инструмент? Назвать интервьюером то, что видел Рой, было бы не совсем точно.

Наконец, они вошли в темный зал, густо заставленный креслами, уже знакомый Рою. На приподнятом прямоугольнике впереди были раздражающие, колючие светильники, их было сравнительно много.

– Это называлось генеральной репетицией. А здесь это длится всегда, и только по желанию наплывает публика, как облака, и волнуется, выражает восторг или неодобрение, да, и такое бывает.

Рой и Тьютор подошли к прямоугольнику, Тьютор сел с краю, Рой устроился в кресле. На сидении рядом оказалось небольшое печатное издание, видимо, уже не раз бывшее в употреблении. Буквы были знакомы Рою только отчасти, но он все же раскрыл издание наугад и понял, что может читать, хотя этого языка он почти не знал. Этот язык был уже мертвым.

– Зачем сразу из середины? Ты читай с самого начала, – сказал Тьютор и выпустил облачко, которое пошло на сцену, хотя ветер шел именно со сцены. Резкий холодный ветер, Рой ощущал его касание.

Рой открыл первую страницу; там было предисловие, какая-то научная статья шекспироведа, теперь Рой тоже знал, что тогда, до катастрофы, были шекспироведы. Статья никак не шла, Рой даже растерялся.

– А ты читай сразу пьесу, – подсказал Тьютор, молодежато соскочил со сцены, подошел к Рою, мгновенно, как будто пальцами знал все страницы на ощупь, открыл нужную, и вернул Рою книгу. Да, это была именно книга. Какое теплое забытое слово.

– Статью я прочитаю потом, – зачем-то сказал Рой, как будто оправдывался, но это было не оправдание, а скорее выражение желания прочитать эту статью.

Тьютор снова сел на сцену, возвышение называлось именно так, трубка его погасла, но зато сцена начала наполняться дымом от факелов, пахнувших неприятно и тяжело, и людьми. Одним из первых вышел невысокий человек с круглой головой, у висков которой кружились легкие облачка вьющихся волос. Он был невысок, плотен, лицо в тяжелых и ровных морщинах, но когда заговорил, оказалось, что голос довольно высокий. Глаза, светлые, пронзительные, однако как бы немного сонные, двигались как два ясновидящих, держащих друг друга за руки. Рядом с ним шел молодой красавец с недлинной густой гривой и изумительной лучезарной улыбкой, преображавшей его полноватые щеки и подвижные губы, которые на мгновение замерли, в подобие древней изысканной вазы. «Это Кент и Олбани, – сказал себе Рой, – воины короля».

Выход актеров продолжался, а на сцене тем временем рос абсолютно белый, как бы известковый лес, где скрестившиеся в сильнейшем борении ветви никак не могли оторваться друг от друга, и вся эта битва словно бы врывается в огромные пустые глазницы тронного зала. «Это и есть тронный зал», – сказал Рой. Ему показалось очень важным, что есть такое место, как тронный зал, где много факелов, огромные окна и на стенах волнуются от ветра не то шкуры невиданных животных, не то ручной работы ковры. Ковры тоже было новое слово для Роя, и оно, как и все здесь, нравилось ему.

Вслед за Кентом и Олбани вышли Корнуолл и Глостер. Рою уже не нужно было заглядывать в книгу, он словно читал страницы, глядя на сцену. Глостер был высок, с конической тяжелой головой, низким повелительным голосом, каждое движение его словно впечатывалось в мягкий металл еще не прошедшего мгновения, чтобы остаться навсегда. На прямоугольном, сильном лбу мерцали складки борьбы и счастья. Корнуолл был невысок, с яркими, живыми темными глазами, головой, похожей на слишком вытянутое яйцо, где по лбу ходили тайные волны, поднимавшие рябь из морщин. Голос его был почти детский; казалось, так говорит лис, а не человек, но перед этим лисьим обаянием устоять было невозможно. Рой следил, не отводя глаз.

Вслед за ними вышли сыновья Глостера, Эдгар и Эдмунд. Рой, увидев их, восторженно, почти встал. Одного актера, который играл Эдмунда, он уже видел, в лирической сцене спектакля, где играла великая актриса В., который так и не досмотрел. Эдмунд не шел, он переливался как пламя, как дикий зверь, который задрал добычу и ушел от охотника одновременно, узкий хищный дикий

зверь с лицом молодого человека. Эдгар отчасти напоминал самого Роя: нос, идущий необычной горбинкой, густой низкий голос, небольшой рот.

А по сцене уже рассыпались слуги и охрана в пахнущих псиной кожаных латах, только немногие были в кольчугах; герольды в нелепо ярких нарядах держали довольно тяжелые трубы, больше похожие на рога.

Наконец возвестили выход короля и дочерей. Мужья двух старших дочерей уже стояли по правую и по левую руку от тронного кресла, черного вороновой чернотой, простого как сон солдата и угнетающе величественного.

Король Лир вышел почти скользя, так парусный корабль плывет по небу, людям видно только его днище, а вся роскошь мачт и парусов недоступна. Так и в нем все его чувства, метания и слава были скрыты небом. Он шел, блее бледного, в белом одеянии, щеки в шрамах и наростах, словно присыпанных мукой, небольшие, небесного же цвета миндалины глаз смотрели тепло и чуть грустно, но отстраненно, что, кажется, он и не видел ничего перед собою.

Рой представлял короля Лира именно таким. За те минуты, которые провел перед сценой, он успел вспомнить – именно вспомнить всю пьесу, как будто знал ее раньше едва ли не наизусть. Знаменитый голос актера журчал негромко, ему и не нужно было говорить громко, он растекался, заполнял собою все пространство, как наводнение или буран.

Сразу за ним шла старшая дочь, белокурая, стройного роста и с совершенным телом, с невероятно глубокой и почти пугающей улыбкой, а в приподнятых краешках губ таились бездны. Рой, секунду за секундой погружавшийся в новый для него мир, узнал эту актрису. Коварный или страдающий образ она создавала, это всегда была женщина-меч, в ней было нечто неотвратимое и грозное. Это была Гонерилья, что в переводе может значить – почитаемая за то, что сохранила честь.

Средняя дочь была не так красива, как ее сестра, но это была воплощенная война. Крупные, светлые, как у отца, глаза смотрели холодно и вместе нежно, распахнутое от гладко убранных волос, но изящно вылепленное лицо, в котором неправильности сияли утонченнейшим очарованием, несло себя над сухошавым телом в ловком платье, как драгоценный плод на блюде. Рядом со средней дочерью шла служанка, которая несла ее двуручный мужской меч и богато украшенные перчатки. Это была Регана, что может означать царственная.

Корделия, что значит верная, нестигаемая, шла следом, чуть склонив светловолосую голову; в ней было сходство с сестрами. Видимо тот, кто ставил эту пьесу, тщательно подбирал актеров и ориентировался не только на шок от контраста, но и на элементарное внешнее сходство. Улыбка Корделии отчасти напоминала улыбку старшей сестры. Но эта улыбка была живая и подвижная. Она то уходила вглубь, то выплескивалась наружу, то жгла. Рой еще не видел таких лиц, хотя уже начал вспоминать актрису, грезу и мечту многих мужчин. В этой сияющей, нежной внешности не было ни тихости, ни покорности. Эти опущенные долу зеленые глаза таили вызов, этот идущий одурманивающими волнами голос таил слова обличения, эти тонкие цепкие пальцы были готовы собраться в кулак. Корделия напоминала плетение из золотой проволоки, где углы уже не углы, а округлости кажутся острыми. На нее невозможно было смотреть: только появившись, она уже несла стыд проклятия и печать гибели. Впрочем, эта печать лежала на всех трех дочерях.

И тогда возле ног Лира, но в тени тронного кресла, возник, как из воздуха, Шут. В его лице было нечто от черепахи: ввалившиеся глаза, крупный длинный рот, а тело скорее напоминало птичье, особенно руки. «Полторы октавы берет свободно», – невесть почему подумалось Рою, и он понял, что говорит о фортениано или о рояле, хотя ни того, ни другого в жизни не видел. Шут был в шкурах и ярко выкрашенных куртке и штанах, но расцветка была более яркой и нелепой, чем у герольдов. Лир, небесно-белый, парящий надо всей открывшейся пестротой, чуть склонил голову, как бы переглядываясь с Шутом. А тот ответил, вскинув испуганные глаза, заполз на заднице поглубже в тень, и действие началось.

Король распоряжался, не повышая голоса, повелевал мирам скупым движением руки, но в полных темной жизни глазах Шута его отражение темнело, становилось серым, как предгрозовое

небо. Гонерилья лилась как расплавленное золото, смешанное с медом, Регана пламенела как благородный кедр, голос обволакивал, жесты гипнотизировали, Корделия улыбалась, но фразы ее гремели как брошенные сосуды, все в цель. Зачем она, зачем она так...

Рой думал, что теперь он живет только для этого: чтобы вместе с ними нестись в метели действия, как один из снежных комочков, сплетаться и расплетаться, слышать, что они говорят, стоять рядом.

В книге был перевод; спектакль начался на языке перевода, а теперь все говорили на староанглийском, казалось: еще секунда, и возникнет сам Мастер. Иногда Рою казалось, что он действительно здесь, играет Корнуолла.

Почти все, кроме самого Лира, с восхищением смотрели на Эдмунда, а он расцветал животным цветом, он был необходим всем, он рос и хорошел так, что это казалось уже невозможным, однако и на его мягком матовом лбу сияла корона смерти. Эдгар же был в тени, и как бы дурнел с каждой сценой, пораженный в самое сердце своей жизни, превращался в нежить, в призрака, в чудовище. И чем более страстное и живое чувство просыпалось в Эдмунде, тем более опасным казался Эдгар. Глостер на глазах седел, а гордая сильная его спина гнилась.

Король Лир парил над своей страной, и ему не было вреда от ее разделения, но сама страна уже ползла в разные стороны, так как в ней уже не было Корделии. Вокруг него все так же собирались его воины, кони и собаки, а перемещение их вызывало воспоминания о дикой охоте, но может быть это она и была.

Наконец, только Шут, слепой Кент и Лир остались под худым кровом ночлежки, и началась буря. Тогда Эдгар, как луна в ясную ночь, а только что были тучи, возник перед королем, но тот уже никого не узнавал, и теперь можно было рассмотреть его мачты и паруса, по-прежнему плотные и высокие. Теперь корабль мчался так быстро, что впереди была только кончина.

Наконец Корделия вернулась: спокойная в блеске всеоружия, огромная, как икона, с обручем смерти на голове. И одна за другой в лебединой песне любви упали с воцеленных небес сестры, а затем мрачный Эдгар напал на сияющего последним светом поражения Эдмунда, как молния, как воплощенный суд, величественный, как гибель в бою; Эдгар и был воплощенным смертным приговором.

Рой уже забыл, что плачет давно, однако, едва внесли носилки с телом Корделии, зарыдал, а такого с ним не было с рождения. Это переживание: ритма слез, их раздражающей щеки ласки, их прозрачного острого вкуса – и поднимало, и уничтожало.

- Это похоже на смерть? – спросил Рой Тьютора.
- Совсем немного, – ответил тот, улыбаясь. – Смерть выше и чище.
- Как Эдгар, поразивший Эдмунда?
- Еще лучше.
- И вы так жили?
- Да, мы так жили.

Лир, чьи подошвы были уже помечены мелом небытия, опускался к носилкам без лишних жестов, почти смешно, ведь этот актер был почти совершенным комическим актером, почти нелепо, и это зрелище было действительно страшным. Рядом с Корделией, вероятно, для соблюдения темной фразы Шекспира (и мой дурашка повешен) лежало тело шута с распахнутыми глазами и с улыбкой сказочника на губах. Но ничего давящего или ужасного в этой светлой сцене не было. Была любовь и грусть, пронизывающая глубже костей, о тех, кто ушел далеко и уже не вернется. Ни бессмысленности бытия, ни пустоты не было в ней, а для Роя все, связанное со смертью, и до сих пор было полно бессмысленности и пустоты. А здесь видна была новая и еще совсем не освоенная жизнь.

В приложении к посту размещено видео, слайд-шоу из фотографий группы «Кинг Кримзон», с композицией «Фрейм бай фрейм», альбом «Дисциплина».

Лайков нет

Недоумение: три.

Комментарии

– Вы только интернет-пространство занимаете.

Комментарий к комментарию:

– В конце девяностых я думал, что интернета всем не хватит, нужно излагать мысли кратко.

Что же, вполне здравая мысль. Лайки всем, все молодцы, спасибо, а у меня скоро очередной скайп.

Личное сообщение:

– Привет! Как ты там?

– Пока два раза по сто.

– Держись хотя бы на этой дозе. Возможны кровотечения. А знаешь, любопытный роман у тебя получается. Но мне больше нравится, когда ты пишешь смешное.

– Будет и смешное.

– Имей в виду, клиент дорогой. Будь с ним ласкова.

– А у него что?

– Я, что ли, тебе объяснять буду.

Понятно, Дюша признался в своей зависимости, хороший мальчик. Но я-то плохая девочка. Впрочем, надоело быть и хорошей, и плохой, и девочкой, и бабой.

Пост 18

Без числа

За восемь лет ведения фб не помню ни одного ветвистого обсуждения в моей хронике, ни участия в ветвях чужой хроники. Но мне доставалось, особенно когда начала демпинговать. «Девочка-дерьмовочка» – одно из самых ласковых имен, которые придумали для меня коллеги. Конечно, дерьмовочка, а кому нравится демпинг? Но и без профессии, тишком, меня не один раз помыли. В основном в личных сообщениях, и в основном женщины Дюши, да и было бы за что, а то ведь нет. Так что мне отменно везет на тишину в фб и на гигиенические процедуры.

Один молодой и амбициозный коллега несколько раз употребил слово «сумасшедшая» именно как выражение моей профессиональной несостоятельности. А мне просто скучно. Я примерно рассчитала время, которое мне осталось, и теперь могу позволить себя всякие паллиативные развлечения, не в ущерб другим. Волонтерствовать я уже вряд ли смогу.

К чему я завела разговоры о дискуссиях в фб: за ними интересно наблюдать, но читать не следует, если нет вкуса или шкурного интереса. Чаще всего столкновение возникает там, где комментатор не прочитал поста до конца или приписал автору поста свою мысль, проигнорировав мысль самого автора. И здесь интереснее поведение сокомментаторов, а не автора поста, хозяина хроники или первого комментатора, хотя бывают интересные ходы. Сокомментатор, как правило, занимает одну из сторон: автора поста или автора комментария. Есть случайные комментаторы, которые зашли выразить свое мнение по поводу/без повода, но это милый и вполне пока безобидный солипсизм. Люди, будьте солипсистами, не мешайте другим! Так вот, что именно вынуждает человека занимать ту или иную сторону, мне так и не ясно, но само желание просвечивает четко. «Я на определенной стороне!», «У меня есть принципы!», «У меня четкая картина мира!». Ведь все это мысленно-словесное барахло можно оценить золотой монетой желаний восстановить утраченную цельность мира, но что-то не получается, и возникают ветви дискуссий, мысли разбредаются, начинается (и чаще всего) ругань. В конце концов пост висит как обглоданное хищными птицами тело и на него каплют вполне бессмысленные комменты еще несколько дней. Восемь лет не могу привыкнуть к этому явлению. Какой-то аркан таро, и не какой-то, а – Повешенный.

Мои посты лайкают мало, и это выводит из себя, меня то есть, но редко, так как я вполне осознала свою неспособность писать в таком же количестве гелевой или даже шариковой ручкой в блокноте, тем самым соблюдая эти самые принципы из комментариев, и пользуюсь хроникой почти как записной книжкой, а сейчас и вовсе к ней охладела, хотя пишу регулярно. Но таков наш новый дивный мир: возраст, внешность, походка, голос человека, выражение его лица, весь облик – ничего не значат. У Дюши глаза и голос девственника, он таким себя и считает, а мне никто не уступит место в транспорте, хотя в последние месяцы ситуация все же изменилась: иногда уступают, если пот с носа капает. Так что мои записи в хронике не значат, что мне интересно вести фб и что у меня на него какие-то планы.

Именно от малозаметности моей хроники меня так развезло, в смысле постов и публикации текста Алины, это как с холода войти во влажную теплую комнату, сразу в кухню, где никого нет и в окна никто не смотрит. После такого сравнения хочется подыграть глупцам, намеренно, провоцируя их тупую агрессию, и сделать жест сумасшедшей: как хорошо, что в окна третьего этажа с той стороны никто не смотрит! Пусть считают меня наркоманкой или маньячкой, это лучше, чем быть с ними (кто не понял, я о своих коллегах), – лучше, чем быть с ними наравне.

Сюжет моего фб рассказа, если не отвлекаться на провокационные картинки, расположенные исключительно для аутотренинга, чтобы по утрам умываться и краситься перед выходом на улицу, связный и простой: росла, влюбилась на всю жизнь, жила не с тем и не там, не среди тех, но жила в кайф, как могла, и прорастала в людей. Что еще нужно женщине? Я все же люблю это слово.

Приятные и почти безответственные отношения с Дюшей резко и нелепо закончились после его очередного секс-забеге, обещавшего длительные отношения. Хотя я и во время его «отношений» с другими женщинами, и уже после нашего расставания (дебильное слово «отношения»), но Дюша его любит, да и я заразилась) тщательно следила за его квартирой – в смысле обработки пола паровой шваброй, которую специально для этого дома купила, и обработки горячей водой накопившейся посуды, а также мытья фильтров некогда мной же купленной стиральной машины, а еще ванны, зеркала в ванной, стола на кухне, плиты, каждый день, и многого другого.

Женщина не может привыкнуть к изменам. Но даже если вычесть меня из числа женщин, что меня никоим образом не расстроит, а Дюшу взбесило, когда я ему это сказала, – но даже если я не женщина, отношения к изменам партнера у меня элементарно гуманное, и именно потому, что гуманное, – гуманно до определенного предела. Больше Дюши меня волновал А., но с Дюшей мы слились, я долгое время с ним жила каждый день, и это на мое состояние влияло сильно. Впрочем, я уже где-то это написала, кажется, в предыдущих постах.

Реакция женщины на измену четко обозначена, тупа и проста, как вода из крана, – это великолепный защитный экран, иначе детенышей, пусть даже и гипотетических, не защитить. Если измена есть, то детенышам грозит опасность, только и всего, но как сильно! Детей у меня нет, а в случае именно этой измены Дюши мной руководила внезапная и вполне мотивированная брезгливость. Не по отношению к Дюше, он часто мне напоминал теплый кал, и это был довольно извращенный повод поиграть в сестру милосердия, ухаживающую за инсультником. Я побрезговала его женщиной. Хотя предыдущая, с холодной рябью жира на брюшке и конусовидных бедрах, выталкивающих плоский и отвратительно широкий зад, когда потягивалась утром на кухне в короткой серой маечке «Юникло», имела повод плохо ко мне относиться, да и я за несколько лет их связи с Дюшей составила ей счет, но в ней было хоть что-то женское, да и лицо, когда выпитая, казалось вполне милым.

Новая пассия была нездорова на всю голову, потому что созависимая на почве алкоголизма, это проявлялось почти в каждом жесте; имела довольно серьезные гинекологические проблемы, в которые увлеченно игралась, умело разводя Дюшу на деньги; и еще у нее дергался левый глаз, когда волновалась. Дочь алкоголиков, жена алкоголика, полуталантливая в смысле написания дежурных текстов, чем и жила; и вообще все в ней было наполовину, так что можно назвать ее стильной, потому что ни уродливой, ни красивой она не была; условно среднего роста и бледной

внешности, с нелепо подкрашенными редкими волосенками, она очень хотела быть кем-то: под кого-то заползти или кого-то на себя надеть. Заползла она, как понятно, под меня, и надела на себя Дюшу. Ей не повезло, и вряд ли она до самого их разрыва с Дюшей понимала, как ей не повезло.

Дюшин день рождения в тот год готовился с особенными истериками и шиком. Я металась в полубреду и с сильными болями от плиты к половой тряпке, дошла до того, что стала принимать лекарства без особой надобности, но ко дню рождения мы все же установили статус кво. Я никого не хотела видеть, тем более принимать, готовить, и вот это все терпеть; но иногда я хорошо вхожу в роль, а здесь я вошла в роль. Будущая Дюшина женщина явилась случайно, фактически напросившись по фб на эту вечеринку коллег; сама она журналистка, что в моих глазах минус и знак вопроса; она тут же заявила о своей болезненности, и стала как-то особенно назойливо мне помогать. Но обезболивающие уже действовали, во мне кроме них было еще пальца на два хорошего Дюшиного виски, я была добрая и позволила ей ходить с моим чайником в руках по всей квартире и делать вид, что мерзнет.

Когда эта будущая женщина Дюши взяла на руки зашуганного множеством довольно громких звуков йорка Шерри, шелково-зыбкого, и повернулась ко мне спиной, чтобы лучше его баюкать, меня поразило, как ее уродливо сколиозная спина напоминает виолончель, только нелепо вытянутую, сломанную, словно по ней проехал трактор; это столкновение уродливости и изысканности в одной спине и определило, наконец, мое к ней отношение. И закрепила его синтетическая размахайка, черная, трикотажная, с люрексом, что при теплом, коричном колорите всего ее существа было просто нельзя вынести. Она могла бы носить абрикосовые, персиковые тона, свежие и нежные, а носила невесть что и бессмысленно мерзла. Дюша считал, что за ее неумением выбирать носильные вещи кроется тонкость чуткой души и пренебрежение всякими дамскими штучками, через которые он перепрыгнуть никогда не мог, о которые разбивался и на которые обижался. Бледная, не умеющая одеваться женщина ему показалась моделью. Модель говорила мультипликационным голосом, рот-прорезь двигался как деревянный, тискала уже притихшего от ужаса Шерри и иногда вытирала слюни. Это было пришествие очередного идеала в мир Дюши.

Кстати, квартира у Дюши теплая, как ревматоидно неустойчивый человек могу подтвердить. Наконец, я взяла фотокамеру и стала фотографировать коллег. Фотопроизводство очередного памятного альбома Дюша ужасно любил, и если у него когда возникают непосредственные эмоции, то это не при взгляде на женщину его типа, а на фото женщины, находящейся в его квартире на вечеринке, его тип или нет.

На довольно удачном фото будущая женщина Дюши сидела в профиль, в моей шали, которой я обернула ее нервные, якобы мерзнущие плечики, с жалобным длинным носом над чашкой, с прозрачными, неопределенного цвета глазами слегка навывкате, с редкими прядками тараканьего цвета на лбу. Дюша, правда, почти сразу заявил, что глаза у нее редкого серо-сине-зеленого цвета, но это сочетание мне как раз понятно. Они бесцветные серо-голубые, но от усиленной не лучшей краской рыжины в них появляется зеленоватый оттенок.

– Какая яркая внешность! – тихо, мне на ухо, восхитился Дюша. – Сделай больше фото. Предыдущая моя была красивой, но эта намного ярче! Сечешь? Конечно, я уже не опущусь до менее красивых женщин.

Такие просьбы были в порядке вещей, девственный брюнет Дюша и сам эстетичен донельзя, когда не пьян и не выясняет отношения, так что я сделала еще пару снимков модели, и меня чуть не стошнило. Разгадкой был цвет волос. Именно такой бывает у самок тараканов, да и тело будущей женщины напоминало тело тараканихи: вытянутое, с подвисшей грудью неопределенной формы, без талии, расширенное в бедрах, с оползшими щеками, а ей едва сорок три. Утром она выглядит не просто отвратительно, а оскорбительно для глаз, я успела убедиться, хотя Дюша меня за такой пассаж в очередной раз назвал бы карлицей или ущербной сукой.

В общем, они три дня в личном сообщении обсуждали условия эконо-секса за спиной ее мужа и ее любовника, здесь ей нужно отдать должное, поссорились, а потом Дюша купил виагру

(он всегда ужасно боится поражения) и поехал трахаться, и все вышло замечательно, можно только порадоваться.

Не заметив с моей стороны никаких действий, женщина включила высокую скорость внедрения в Дюшину жизнь, толком не разобравшись, что это такое. Тогда я впервые подумала снять отдельное жилье, в своем же дворе, но так, чтобы не виден был родной подъезд, и начала поиски. Деньги на то время были только на старт, чем буду жить дальше, не думала, но тараканиха вызывала устойчивые рвотные позывы, что отражалось и на моем поведении, и, конечно, на внешнем виде. Я помню те месяцы, я не походила на себя. Объяснять что-либо Дюше было бесполезно, ему можно было только грубить.

Тараканиха, сообразив, что я сделала некое действие, тоже зашевелилась, и интуитивно (все лярвы ведут себя так) пошла по моим стопам. Стала настаивать на элементарном ремонте, установила опекунский контроль над якобы безалаберным Дюшей. А в его голове не переставали хоронить телки, и он активно, если тараканиха в социальных сетях была неприветлива, переписывался с молодыми, социалистического настроя, девицами из волонтеров. Порой он показывал мне эту переписку, осуждая распущенные нравы молодежи, как, впрочем, и переписку с тараканихой, что плохо о нем не говорит. Он врач до мозга костей, и я его коллега. Тараканиха победила, что дало мне свободно вздохнуть. Квартира нашлась, окнами на подъезд А., сравнительно дорогая и неудобная. Плюсом было то, что хозяйка согласилась убрать лишнюю мебель, оставив только необходимое. Если что и ненавижу, то это основательную красивую мягкую мебель, которой так много в родной квартире.

Так я оказалась на съемной квартире, не зная, насколько долго буду ее снимать, почти без денег, в своем дворе, окнами на подъезд А., возле которого иногда останавливался его машина, в довольно крупной ссоре с Дюшей, а это был мой костыль. И начала анализировать свою зависимость от него.

Мать, узнав о моем новом месте жительства, даже повеселела и сказала не без яда:

– Если совсем сляжешь, буду тебе суп куриный в контейнере носить.

Она сказала нарочно: в судочке, что не меняет дела. Готовить куриный суп она не умеет и не хочет уметь. Готовит отец, когда не пьян. Так что мать, если не успела заказать из ресторана салат или пищу, ест жирные котлеты, в которых есть свинина и черный перец, из «Пятерки». Или пельмени «Останкинские». В последнее время мне очень хочется именно пельменей, но я их уже не усваиваю. До паллиативной радости, когда ешь все, потому что все равно, я еще не выросла.

В тот период у меня было три клиента с онкологическими заболеваниями, разной стадии.

Не знаю почему, но трогательность фб комментариев условно здоровых людей в постах онкологических больных меня бесит, хотя и недолго. Мне можно сказать: ты не знаешь, что это такое. Элементарный и точный ответ: я знаю, что бывает хуже. Онкологические больные в моей практике идут под грифом самые психически здоровые люди, и это касается именно метастазников. В них есть какое-то черноватое, но мощное и чистое веселье, я полюбила с ними работать. Они рассудительны, эмоциональны и привязчивы, но в них есть как бы тонкая спица: они особенным образом видят себя со стороны. Если такой человек устал и начинает ругаться, то это вполне понятные реакции. Я по движению рта научилась определять момент, когда нужно отключаться.

Когда я лягу, вокруг меня не будет всех этих хлопот и споров, лучше одной, и мне нужен только Бог, чтобы в нужный момент помыться. Впрочем, обо мне и так никто не вспомнит.

Считается, что психотерапевт не должен и не сможет помочь себе, это почти суеверие в нашем кругу, хотя его придерживаются далеко не все. Так что развернуть свои отношения с Дюшей, как я разворачиваю чужие отношения, у меня не вышло бы. Тем не менее зависимость от Дюши была, фантомная память подсовывала то злые, то трогательные фрагменты, и я бесчеловечно задала себе вопрос: а кто, собственно, для меня Дюша? Недолгий любовник, долгий коллега, который помогает всегда с пуантом, обращается только унижительно-бранными словами. За тридцать лет знакомства я не увидела ни одного подтверждения его чувствам, которыми, по его словам, он

живет, и которые так в нем сильны. Однако у Дюши есть сила, он отчасти о ней знает, но понимает, как и все на свете, извращенно. Он маньяк, причем довольно опасный, я знаю по тому, как он меня избивал. Это было раза два, но последствия еще напоминают о травме, с которой я, конечно, не обратилась в травмпункт. По очень простой причине: мне было все равно; нужно было прожить, как прожевать, эту ситуацию. Мне даже не хотелось заболеть, чтобы скорее умереть. А вот Дюша на эту тему любит поговорить, его понт в том, что у него каждый день последний, а если стоит на остановке, то не знает, придет автобус или нет. За годы этот синтетический романтизм мне надоел.

Итак, я запустила в себе программу анализа, как ставят опасную прививку. И оказалось, что А. и Дюша родились в одном году, а кроме того, оба худы и темноволосы. Открытие не вызвало эмоций, но возможно это был шок. Я налила кофейную чашку дешевого, из «Дикси», коньяка, чтобы снять блок, и когда он подействовал, начала смеяться: в голос, русалочьим ведьминым хохотом. Затем включила «Посейдон» «Кинг Кримзон», легла на свои матрасы, закинув руки за голову и погрузилась в довольно ироничное блаженство.

– Тридцать лет, дура. Тридцать лет тебе понадобилось, чтобы понять очевидную вещь: у них есть эфемерное сходство. Ты же на самом деле послушная хорошая девочка. Ты не уехала от Дюши раньше только потому, что у тебя есть элементарные и очень христианские принципы. Виват, теперь мне дали знать, что моя миссия выполнена, я могу удалиться.

В этот же вечер начались личные сообщения от Дюши, что с тараканихой у него не ладится. А как он думал, она очень устойчивое насекомое. Однако от Дюши так просто не уйдешь, он хороший гипнотизер, и порой гипнотизирует словами, это не шутка. Так что тараканиха засуетилась и стала бросаться на Дюшу, мелко и неприятно.

– Она меня все время опускает, говорит гадости, – написал он не так давно.

Слово было точное, но Дюша вряд ли понял, что оно относится к его зависимости. Для него он зависит только от человека, которого любит, а любит он только того, с кем есть секс, причем довольно извращенный. Я хорошо знаю Дюшины комплексы. Но со мной он трахался как сам с собой, без понта, а с женщинами он играет, он должен себе нравиться. Впрочем, он милый и довольно жалостливый человек, потому и подбрасывает мне то клиентов, то деньги. Если бы он меня не оскорблял, деньги я вряд ли получала бы.

В качестве приложения дано видео с концерта 1973 года артиста Уэйн Каунти.

Лайков нет.

Возмущений восемь.

– Вы очень мягко описываете ситуацию насилия. А вообще проблема важная. Нужно еще написать о насилии над трансгендерами, ЛГТБ и про половое неравенство.

Люблю таких комментаторов. Это, как правило, симпатичные женщины со здоровым румянцем на щеках, не старше тридцати пяти.

– Женщина, а вам не стыдно все это писать?

Дама лет пятидесяти, ровесница. Конечно нет. Лайка ей много, хитроватый смайлик подойдет лучше. Нет, не стыдно мне все это писать.

Личное сообщение 1

– Ну ты сука даешь. Я у тебя какой-то плоский. Ты же не художник, ты создала плоский образ! Я не такой.

– Что ты, любимый, ты самый лучший.

– А я опять поссорился. Истерику закатил.

– Да у тебя все истерики высшей пробы.

Его фраза, пусть порадуется немного, а то каково такое про себя читать.

– Вот, она мне написала. Одумалась. А знаешь, я водку пью. Это так необычно. Виски все же не наш напиток.

И вот этот набор фраз уже тридцать лет. Как хорошо, что я уехала от него.

Пост 19

Без числа

Я вру, когда говорю, что фб для меня – только записная книжка, это давно не так, но верно в одном: в моем отношении к моим записям. В остальном это довольно удобное существование, из которого порой не хочется уходить. Мне пятьдесят, но я понимаю подростков, которые сидят в социальных сетях или вызывают такси только для того, чтобы посмотреть, как машинка бежит по экрану гаджета. Но, несмотря на это родство, я не понимаю, как можно разговаривать в фб. В фб можно читать посты, смотреть фото и видео, отправлять почту, делать видеозвонки, но разговор в комментариях для меня недоступен.

Новая волна этого непонимания поднялась, когда я открыла для себя флешмобы. Флеш – это выпышка. Но если произнести гласные по-другому, получится плоть, в общем, фб-секс, социальное секс-партнерство или цифровой свальный грех, – плотского совокупления уже не нужно, так как есть словесное, слово «плоть» содержится в самом названии действия.

Один из первых флешмобов, который я помню, был посвящен дню кошек и казался невинным: много красивых необычных фото, лента манила как тарелка с молоком, хотелось посмотреть все опубликованные фото и даже будущие. Теперь я почти не смотрю ленту, и это не решение воли, это естественно, как обойти помойку. Никким образом не хочу обидеть коллег и прежде всего щедрого Дюшу, с которым вот уже месяца два видимся только в фб. Но есть рефлекторные гигиенические движения, и я очень их люблю.

Следующий флешмоб был посвящен живописи. Я поучаствовала, но довольно вяло, лента стала однообразной, комментарии пустыми. Зачем мне читать чье-то мнение в комментариях; я бы прочитала пост и не стала бы комментировать, но прочитала бы точно. Затем были флешмобы, посвященные поэзии, памятным датам и, наконец, девяностым, но тут история с продолжением, так что о ней немного позже.

Сначала о том, как любовь моя фб впервые разочаровал меня. Этот флешмоб коснулся всех стран, это был me too, миту. На него наложилось несколько местных, и даже московских, историй о насилии, в частности, об учителе одной элитной школы. С первых же постов мне стало ясно, что «у них там» в Европе и Америке этот миту – совсем не то, что у нас. У них отжимают свои деньги, у нас торгуют своим стыдом. Зыбкое, хрупкое чувство общей боли, которое так наивно обещалось в самом начале волны, оказалось приманкой, провокацией – чтобы манипулировать массой.

Посты с хэшем миту я читала нехотя, соскальзывая в этот грех, волнуясь порой не на шутку, желая написать свой. А мне было что написать: Дюша насиловал меня, когда у него не ладилось с очередной волонтеркой, корявыми грязными пальцами в сеledке и водке, потому что хрен свой он берег для любимой женщины, которой в тот момент еще не было на горизонте, да и вообще любил трахать пальцами. Я проходила через эти ситуации как через стену, я тогда не могла изменить весь расклад, и я зависела от Дюши: он подбрасывал клиентов и деньги.

После третьего-четвертого поста мне стали видны супервайзеры и дистрибьютеры этого флешмоба, миту. Те, кто размещал материал красиво и ловко, почти никогда не говорил о себе, но мог пересказать трогательную историю, якобы из первых рук. Они задавали тон, вовлекали в дискуссию, давили количеством лайков на свои посты и активностью комментирования. Изредка возникали более тяжелые фигуры, они высказывались конкретно и веско, с ними порой не соглашались, но активные ориентировались именно на эти высказывания.

Если были рассказы о себе, то они выглядели прилично и аккуратно, ничего шокирующего в них не было. По скайпу я слышала и видела вещи гораздо более страшные. Тогда же я повадилась смотреть отечественные криминальные сериалы, чтобы хоть как-то разгрузиться от человеческого ужаса, который на меня шел во время работы и который я стала плохо переносить. Час-два сказки на ночь – и можно идти на сон грядущим. Вот что интересно: в сериалах было намного более страшно, чем в постах с откровенными рассказами о насилии.

Тогда я поняла, что фб провоцирует тревогу и даже страх быть зомбированной, как будто я еще не зомби цифровой жизни. Но я знаю, что я зомби, и давно зомби, но в общем моем раскладе это мало что значит. Моя зомбированность кончается, когда начинаются боли, а я с ними просыпаюсь и живу, пока не подействует препарат, и вечером – то же самое. Человек не есть его боль, человек – это скорее реакция на боль, а при отсутствии подлинной боли это игра в боль, и часто очень убедительная.

Я написала все же длинный спокойный пост о том, что со мной было в жизни, и назвала «Письмо Алену Делону». Пост еще висит в моей хронике, френдз онли, как и почти все мои посты, и я уже его забыла. Реакция была слабой именно потому, что написано было незмоционально. А такие вещи, говорю как терапевт, нужно рассказывать и писать только без эмоций или по возможности без них, иначе повторная травма неизбежна. Просто излагать факты. «Из его рта несло как из помойки, он хмыкал «ха, ха» и совал суковатые пальцы глубоко, не веря, что там есть дно. Потом несколько дней были боль и выделения». Примерно так.

Это была первая измена фб, но и через нее я прошла как сквозь стену, как сквозь насилие Дюши. Однако я увлеклась. Последующие флешмобы, плоть к плоти, я либо игнорировала, либо участвовала постольку поскольку, поддавшись общей волне, так что иногда и мне хотелось написать беспомощное: «все побежали, и я побежал». Тогда частыми были флешмобы со старыми фотографиями. Старых фотографий у меня почти нет. Те, которые висят в хронике, пришли ко мне из полуслучайных рук, оказией, а все детские свои фото я когда-то отнесла на помойку: два альбома, один с Дон Кихотом на обложке, атласно-синий. Сам по себе альбом очень нравился мне, но не было смысла его хранить. Второй альбом был еще годов пятидесятых выпуска, бордового цвета, с полустертым фото кремлевской башни на обложке, и непонятно, почему там оказались мои детские фото. Я очень тяготилась своей семьей, и даже когда-то хотела жить в Нетландии, но сейчас мне все равно, есть семья или нет.

– Раньше я не знала, как ты живешь, – однажды сказала мне мать, – и потому хотела тебя контролировать. А теперь я вижу, как ты живешь; все это хорошо: клиенты, заработок, Дюша. Но ты...

Она не договорила, как делала всегда, если хотела придать значение своим словам, именно тогда и пустым. Я прекрасно поняла, что она хотела сказать: «Но ты не делаешь, что я считаю нужным, ты мне чужая». Эта вуаль чуждости будет висеть над нами до смерти, в этом отчасти мое спасение: не от влияния матери, с ним ясно, окончится оно только со смертью. Спасение в том, что благодаря этой чуждости моя душа живет. Впрочем, мать – это главный флешмоб любой человеческой жизни.

Пока я анализировала свои отношения с фб, который все больше и теснее входит в мою жизнь и все больше мне изменяет, пришло время очередного скайпа. Не знаю почему, но мне вдруг вспомнилась Алина Сергеева, автор «Записок Роя Обрана Роу». Я вспоминаю ее каждый день, читая псалтирь, и, когда есть наличные, подаю на литургию. За две недели до кончины ее соборовали и причастили, она была в ясной памяти, отвечала трогательно и смело. Она почти не боялась смерти, хотя внутренние органы уже отказывали, то были последствия сильнейших стрессов и лекарств. В последние месяцы ее жизни я видела ее по скайпу, всего пару раз, хотела приехать, но родные меня не пустили. По изображению на экране трудно сказать, насколько плохо ей было. Она немного располнела, но змеистый силуэт сохранился, светлые глаза смотрели прямо. Мне нравилось, как она смотрела: как будто у нее только что отняли дорогую вещь или очень крепко обругали, но в этом было ее подлинное лицо: строгое, стыдливое, доверчивое.

Воспоминание об Алине накрыло как раз перед звонком мужичка, боявшегося импотенции. На звонок ответила замешкавшись, ковыляя из кухни с чашкой зеленого чая. Вот ведь глупость: я люблю черный чай, просто черный чай и черный чай с чабрецом, но во время скайпа все время держу возле себя огромную чашку пакетированного зеленого чая, не важно какой марки. Защищает он меня от негативных энергий, что ли; смех да и только. Так вот, я с чашкой, конечно, облив руку, включила скайп, извинилась. Человек, назову его Валерий, как будто и не заметил

моей оплошности. А ведь за такое требуют снижения платы. Но у него тариф женский, я уже говорила, что сделала ему скидку.

Лицо Валерия было задумчиво и гладко, почти никаких следов сомнений. Мы поздоровались, и он начал рассказ. Лучше бы его лицо было перекошено, лучше бы он был бледен или красен, но только не это. Час он рассказывал мне, каким открытием оказалась для него мастурбация. Он не мастурбировал в детстве, ну, может, раз или два, даже не дробил, он обнимал животных и прижимался к девочкам, а тут ему очень понравилось. Он едва не сиял, и понятно почему. Решена проблема! Отношения не нужны. У меня был случай, когда клиент, с похожим рисунком, стыдливо попросил на меня подрочить. Я не выключила скайп, не стала запрещать или разрешать, что в этой ситуации одно и то же. Я сказала как есть: у мужиков ужасный запах. Меня трахали много раз, но я так и не поняла, зачем это нужно, хотя и кончала. В моей жизни было много траха, но не было мужчин. Пока говорила, мне казалось, что несу бред, однако клиент насторожился, засмущался совсем, извинился и исчез, совсем, больше не звонил.

Валерий все время беседы, фактически, его счастливого монолога, выглядел представительно, как на переговорах.

– Влюбиться бы вам, – с сердцем сказала я. Все же очень они жалкими становятся, когда доходит до нижних дел, их нужно беречь и ценить, мужиков то есть. Хрупкие создания.

Валерий сначала оторопел, затем едва не сник, а потом встрепенулся, и наконец по-хорошему просиял.

– А в вас можно? Вы красивая!

– На экране да, – ответила я. – А влюбиться в меня знаете почему нельзя? Я сука фригидная. Валерий рассмеялся.

– Как вовремя вы выругались! Это так интересно. Вы удивительная женщина.

– Вы должно быть очень хороший человек, – ответила я тем же.

– Знаете, за вашу последнюю фразу я вам хорошо заплачу, мне понравилось. И я теперь точно знаю, что влюблюсь, и у меня будет все хорошо.

– И я надеюсь. Улыбайтесь чаще.

– Спасибо вам!

– И вам!

Типичный сеанс, хотя я далеко не все рассказала.

А вот сеансы с Алиной проходили как художественные фильмы. Мне нравилось, что она манерничает, подбирает одежду и макияж, меняет интерьер в комнате, хотя бы немного. Помню, как расстроило меня появившееся в ее комнате темно-зеленое покрывало, в черную клетку и с узорами, странное, как будто вовсе не из этой жизни. У нее действительно было очень редкое заболевание, однако считать ее посланницей иного мира я не могу. Это было довольно апатичное привязчивое создание, как они все теперь, подросток, который хотел остаться подростком. Но в ней была мудрость, перед которой все разговоры о семье, любви, мужчинах и женщинах меркли. В ней было послание свыше не то об изначальном одиночестве, не то о изначальной нерожденности человека, и я верила именно этому посланию. В целом же характер Алины был противный: она всех обвиняла в своих несчастьях, меня тоже, и едва не первую. Я так и осталась ее главной предательницей, я не выгнала ее, а она надеялась. С этим нужно жить: на тебя возлагают надежды, а ты идешь на крест, и надежды распинают. Так что неизвестно, кому хуже: мне в муках несделанного дела – или людям с распятыми надеждами. Думаю, что последним; мне проще: немного осталось, и то хорошо.

Алина была очень высоко и странно одарена. Она рисовала, сочиняла музыку. У ней были гитара, лютня и мандолина, – ее родители могли себе это позволить. Но мне казалось, что она писатель-фантаст, так поразил меня увиденный ею и записанный мир после катастрофы. Впрочем, что вспоминать об Алине, ее уже давно нет, хотя я привязалась к ней. Но я люблю придумывать себе детей, братьев и сестер, а еще учителей, – как на Рождество раздают в храме всем шоколадные конфеты, так и я придумываю себе людей, чтобы уравновесить свою от них

отчужденность. Я ведь очень привязчивая: тихо, просто, спокойно, но пока не станет скучно. А заскучать я могу мгновенно.

Второй скайп был почти в полночь. Сравнительно молодая женщина, недавно похоронившая онкологическую знакомую. Это были подруги до смерти, знавшие друг о друге все. Очень неприятно было мне поведение умершей. Я помню ее немного, это была довольно известная актриса, не мелькавшая в шоу, но искренне любимая за живой веселый характер. Она все время где-то зажигала, была, кажется, с большой частью восточной крови. Онкология нападала на нее три раза, и на третий победила. К третьему разу женщина уже не могла работать и даже деньги на лечение за нее собирали другие. Образовался довольно большой штат невольников и невольниц будущей покойницы, и все это крутилось некоторое время у меня перед глазами в фб, так как подруга, многим в этих сборах рулившая, была моей постоянной клиенткой. Умирающая оставляла на этом свете бабушку и сына, и уже решила, куда отдаст обоих, когда все случится. Основными ее занятиями в последний месяц были обезболивание и денежные расчеты, кому и куда сколько, как у заправского торчка, без лишних сантиментов. Это не могло не шокировать, но мы все делаем стойку, когда появляется чужая беда: а вот ты бы на ее месте... Я бы смотрела кино.

Наконец красавица умерла, тридцати семи лет, красивей не бывает, гроб обили кремового цвета атласом, такой пошел бы и на платье невесты, пристроив бабушку и сына по домам, соответственно, и оставив денег на поминки с фирменным блюдом. Когда все это происходило, у меня самой были боли, и нормально относиться к этой насмешке над теми, кто остается жить, было сложно. Говорю же, в последний месяц это была обычная торчиха, а именно такие могут устроить свои собственные похороны.

Одна моя клиентка рассказывала о своей дочери, умершей от меланомы в двадцать пять лет. В последний месяц та тратила почти всю свою пенсию на угощение для друзей. Она покупала натуральные дорогие продукты, мать готовила, ставила стол, приходили люди, включали музыку или сами играли, кто мог (помню мальчика, под Александра Васильева из «Сплина» работал), смотрели фильмы. Кто хотел – говорил с больной. А она научилась засыпать во время этого праздника. Она засыпала – была музыка, просыпалась – ей предлагали что-то вкусное. Когда все уходило (а иногда и во время праздника), ей делали укол или давали таблетку. Она так и отключилась, дома, как на вечеринке, накормив и напоив гостей.

– Машка уснула, – были слова ее матери тогда, – вызывайте скорую и полицию.

Кто был в квартире, человек пять, все так и поехали, в нарядах, в морг, а Машкино тело несли на руках, уговорили не класть в носилки. Так она до самого морга и лежала, на коленях.

Теперь подруга умершей расчётливой красавицы в стойкой депрессии. Потому что та ушла, оставив свои дела другим, и в частности ей, а это все равно что жить чужой жизнью. Подруга – дама довольно плотная, без особого блеска, словом, противоположность умершей, и ей очень сложно продолжать чужую жизнь в себе. Я понимаю, что во многом условность эти слова: жить чужой жизнью, жить своей жизнью. Но оперативно они приемлемы, так что я пользуюсь ими.

На сегодня с жизнью все.

Вышла с пакетом к помойке, она за густыми голыми кустиками сирени. Когда возвращалась, подъехала машина А. Он вышел, один, в темной крутке и новых трекерах, и тут же обернулся. Узнал, подошел, походка все такая же легкая. У него теперь лицо Дракулы. Я бы все отдала, только бы он сыграл в таком фильме, я бы сама написала сценарий.

– Тебя давно не было, я тебя потерял.

– Нет, я здесь.

– Ну привет, соседка.

Он хотел обнять, но я, кивнув, умоляюще и жадно глядя ему прямо в глаза, отошла. Он тоже кивнул, улыбнулся этой своей змеиной улыбкой, которую мне так и хочется назвать всепорочной, и пошел к подъезду.

– Я рад, – бросил он тихо, – я рад!

Какой бред. Какое счастье. Какой дурной признак.

При чистке зубов из десен пошла кровь, а вода была не розовая, как обычно по утрам, а красная, и ночью. Вкус крови меня встретил и утром. Да что ты будешь делать, но кровотечения возможны.

Читать дальше

Из записок Роя Обрана Роу

«Короля Лира» Рой увидел еще раз, с другим актером, старше того, который был в предыдущей постановке, но в этот раз пьеса шла скоро, и у Роя осталось чувство черно-бело-серебристого потока, идущего зигзагами.

Лира играл актер уже пожилой, очень известный, высокий, с грацией огромной птицы, может быть даже страуса. В пьесе одного известного британского автора он играл Юлия Цезаря, это было за пару лет до постановки «Короля Лира», а в пьесе одного известного русского драматурга играл Короля Людовика Четырнадцатого. Царственные роли ему шли, он знал в них толк.

Этот Лир наплывал как северное сияние или как августовские зарницы – в нем был ветвистый, металлический блеск и того, и другого. Он был недоверчив, бежал от сна, его темные глаза, как выросшие до размера сливы терновые ягоды, глубоко мерцали. В этих глазах были любовь и надежда, которые пытались сбросить оковы мрака. Весь его облик был столкновение, вспышка, крушение, но и птичий взлет в нечто, пока еще не доступное взгляду человека.

Рою этот образ показался точнее и убедительнее в силе и царственности, но обаяние идущего на погибель корабля стереть из памяти было сложно. Этот новый Лир словно дернул с тросов кулисы и открыл совершенно другое пространство на этой же самой сцене. Очарование и восторг уступили место глубокой яркой муке, у которой точно была великая цель, но Рою она пока еще не была ясна.

Рою уже не составляло труда перемещаться из своего мира в мир, который открыл ему Тьютор, но все же перемещение требовало сил. Вернувшись после второго представления, Рой ощутил, что ему просто необходимо выспаться, иначе он впадет в доселе незнакомое ему состояние и не скоро из него выберется. Однако, не иначе посещением Тьютора, на столе в прибрежном бунгало оказался незнакомый длинный и высокий сосуд, полный жидкости. Рой угадал, что там, в другом мире, это называли бы бутылкой вина. Рой открыл ее, хотя он это делал впервые, пробку достал довольно аккуратно и горла не разбил.

Понюхав жидкость, острый и тонкий запах, Рой пожалел, что рядом с ним нет Гарри Флита, который точно бы оценил такой подарок. Только Рой подумал о Гарри, как увидел недалеко от бутылки лежащее письмо. То, что это письмо, Рой тоже скорее угадал, чем знал. Писать письма на бумаге после катастрофы было занятием дорогим, даже составлялись списки людей, имеющих средства писать письма на бумаге. Так что Рой приободрился, увидев это письмо, нагое, без конверта, свернутое вчетверо. Написано оно было на листе, вырванном из альбома для рисования, было теплым и коротким.

«Друг, – писал Гарри, – я уже немного знаком с твоими обстоятельствами, и потому желаю тебе скорее и лучше завершить твою работу над праздничным шоу, и уверяю всем, что есть во мне привязчивого, у тебя это очень хорошо получится. Мы увидимся скоро, я сердцем жду, что мы увидимся. Вино тебе передал Тьютор. В этом вине нет сочного южного солнца, но есть полнота и сладость согретых теплыми рассветами лугов».

Рой угадал, что выпить нужно только после того, как прочтет письмо, и это будет как если бы он выпил вместе с Гарри. Из посуды у Роя были две-три красивые непроливашки с голограммами довольного Руперта, пьющего напиток здоровья и долголетия, но пить вино Тьютора из непроливашки Рою показалось смешным, он глотнул из горлышка. Напиток был тихим, острым, и сразу понятно, что коварным. Внутри поднялась удивительная музыка, силы зашумели и стали подталкивать к действию. Рой решил им не сопротивляться и сел за работу.

Сел – сказано довольно условно. Прозрачный экран почти в человеческий рост стоял напротив Роя, а Рой водил по нему пальцами. Этот экран можно было класть на колени, свернув. Если нужен был какой-то один угол, его можно было пригнуть и на нем работать. Световые и пространственные опции в этом инструменте были почти совершенными, так что Рой испытывал даже наслаждение, занимаясь рутинной, по сути, работой. В короткий промежуток времени ему удалось довольно много сделать! Он смог смоделировать многомерное изображение Руперта, выходящего из сияющего облака и парящего над праздничным пространством. Это изображение долго ему не давалось; Рой решил, что удалось оно только после того, как он увидел Короля Лира.

Мысли снова вернулись к театру, и теперь уже держались за того актера, с грацией страуса, который играл во второй постановке. Рой снова и снова вспоминал эти длиннопалые подвижные руки, в которых суставы словно выгибались наружу. Он сравнивал эти руки с руками шута, которые свободно брали полторы октавы, но в этих была новая, еще неизвестная Рою власть и сила, которые привлекали и перед которыми всеильный Руперт казался ковбоем. Кстати, кто рассказал Рою о ковбоях, и почему он узнал о них только сейчас? Наверно, это все проделки Гарри.

Задание было выполнено, макет отослан мановением руки в координационный центр, в отдел ивента, там его зарегистрировали и протестировали, а через час Рою пришло сообщение о новом поступлении кэша: работу приняли. «А ведь когда-то была зарплата, – подумалось Рою, – Тьютор говорил, что они жили на зарплату или на суточные, если была командировка. Командировкой называлась поездка для работы в другой город. Мне трудно представить, как это происходило. Ведь работать можно везде, нужно только по геомоделингу заказать макет нужного пространства».

Мир связи – вот что привлекало Роя. Но он уже ощутил влияние более сильной и мощной, пусть и более тяжелой связи, чем та, что была в его мире.

Приложение даны пять интерьерных фото, сделанные почти в темноте и, кажется, на зеркальную камеру: окно, зеркало, чашки, банка меда.

Лайков нет.

Ха-ха нет.

Сочувствия нет.

Возмущения нет

Комментарии отсутствуют.

Личное сообщение 1

– Мария Георгиевна, когда вам можно позвонить?

– Набери сейчас, в скайп.

Елена, тридцать два года, успешный менеджер. Но я не очень понимаю, как она остается успешным менеджером, ведь у нее всегда словно бы виноватый, хрупкий вид. Соня Мармеладова, одно слово. Хотя когти у нее тоже есть.

Личное сообщение 2

– Мария Георгиевна, я вас беспокою, хотела уточнить одну вещь, в прошлом году сеанс был.

Есть минутка?

– Через час наберете мне?

– Конечно, спасибо!

Николай, трогательный папа с талантливой, но бездетной женой и приемными детьми. Но у них все точно будет хорошо, жена его очень любит детей, да и при выяснении отношений чувствует себя на своем месте. Красивый мужик, вот идеал семьи. Но и там все источено болями.

Пост 19

Без числа

Одну из загадок фб для меня составляли группы. Мои милые френды и френдессы в отношении групп были активны и даже имели вкус публиковать у себя то, что нашли в той или иной группе. Мне непонятно было, зачем они это делают, и я специально для изучения, что же такое есть в группах, подписалась на несколько наиболее популярных в своей ленте. И была разочарована. В группах оказалось много смешных и глупых видео, фото, с циничными подписями или без, но все они, как мне показалось, имели смысл только в сочетании с удачным жестом публикатора. Я никудышный публикатор и комментатор, так что мне лучше держаться от групп подальше.

Меня добавляли в группы, видимо, просто так, чтобы добавить, не спросив согласия, а потом все добавленное нужно было удалять. Я даже стала находить удовольствие в этом процессе: удаление групп – как генеральная уборка перед праздником. Однако, овившись в фб, я создала свою группку, небольшую, но она живет и сейчас, там каждый день возникает новая запись. Это может быть благодарность, просьба, возмущение или фото. Я сама в этой группе уже давно не размещаю ни фото, ни других материалов, но раз в неделю публикую прайслист, файл с недавними отзывами и приглашение к сеансу; порой оно оформляется мною даже красиво.

Тем не менее группы имеют сильное обаяние. Например, кот, завывающий голосом мага, или собака, выключающая будильник. Порой темные небеса дают прореху, и тогда меня добавляют в группу, где много загорелой плоти, которую приходится банить немилосердно.

Досаднее всего то, что если хотя бы раз засветишься в группе, потом несколько дней на все устройства будут приходить сообщения о том, кто и как чихнул в этой группе, и кто на чих ответил. Потому я и перестала появляться даже в группах, контент которых мне интересен.

Так что жду дня, когда, желая бездельничать в ожидании очередного скайпа, начну чистить хронику от новых групп.

Что касается ботов, то они довольно любопытны. Фб любит надевать маски, а боты – это те же маски. Некоторые боты очевидны сразу, там только селфи с перекошенными, как правило, чертами и огромное число перепостов неизвестно чего – статей о новых (сомнительных) открытиях сомнительных ученых, поп-сплетни с уродливыми фото бедных поп-звезд, просьбы поддержать кого-то, кого на самом деле нет. А есть боты с историей и комментариями, такие распознать сложнее, но все равно можно. Друзей у меня всего около двух тысяч, уже год я только отвечаю на запросы и никого не добавляю сама. А перед тем, как добавить, подтверждаю запрос и читаю хронику, довольно прилежно, чтобы понять, что за зверь ко мне пришел. И бывает, что сразу баню, не сомневаясь, хотя хроника скорее нейтральная. Зачем мне именно такое человеческое общение? У меня есть Дюша, он стоит если не роты, то звезда молодых накануне дембеля.

Чем больше времени я провожу дома, тем больше времени забирает фб. Не в том смысле, что я читаю ленту или отвечаю на комментарии, или даже пишу, хотя пишу я сравнительно много и часто, но только сравнительно. Фб превращается в няньку, в Арину Родионовну Цукерберг, просто в собеседника, наконец. Написание двух моих постов растягивается на полдня, вот и уже полдня прошло рядом с фб и внутри него. Мне сложно представить, что то, что я написала, могла бы сказать голосом. И дело тут не в том, что стыдно. Из-за болезни у меня очень тихий прерывистый голос, так что собеседник элементарно не слышит моих слов, и еще улыбается трогательно, не то жалея, не то раздражаясь, что, впрочем, жалости не мешает. Разговора вживую не получается. За последние полгода, если с кем и разговаривала помимо скайпа, а там все же микрофон, наталкивалась не то что на непонимание, на невнимание того, что сказала. У каждого, с кем возникал разговор, рождалась своя версия того, что я ему сказала, а в таких случаях переубедить невозможно. Ну, мол, произнесла, я понял или поняла, так что возвращаться назад не будем. Лучшим вариантом беседы было: а я не понял, о чем ты. В скайпе наоборот, все четко и понятно, потому что микрофон, и то хорошо.

Так что фб любовь моя теперь не только мой собеседник, но и мой голос. Хотя бы такой, искаженный, неровный, но он пока есть.

К ночи состояние снова скакнуло вниз. Это были уже не боли, которые понятны. Они могут быть тупыми или острыми, тянущими или распирающими, но тело их узнает, как узнают в

лицо неприятелей. Началась изматывающая пляска неприятных и неопределенных ощущений, ограничивающих движения и мешающих дышать; горло свело так, что сделать глоток стало трудно.

Приближалось время очередного скайпа. За полчаса выпила ксефокам и сирдалуд. Я не люблю сирдалуд, хотя он облегчает состояние и дает на короткое время нормальный сон. Дело в том, что выпив сирдалуд, я быстро засыпаю и потом просыпаюсь часа через два, чтобы после не спать часов до пяти утра. Так что приходится после приема лекарств пить полстакана теплой, почти горячей воды напополам с красным вином, иначе действие препарата будет слишком резким и коротким.

В туалете обнаружили малоприятные новости, а именно кровотечения. Не менструация, конечно, хотя по виду можно предположить; но все же это точно была не она. Я была готова увидеть свою кровь в унитазе, но не сию минуту. После скайпа нужно будет записаться к врачу и попросить хотя бы рентген. Сейчас это очень большая проблема, ведь медицина перебирается на платную основу. Я могу принять это умозрительно (кстати, к гинекологу я недавно ходила платно), но инстинктивно – нет. Так что если вдруг все сразу станет платным, я просто не буду ходить к врачу.

Скайп прошел просто отлично, спасибо клиенту. Нервный молодой банкир, скупердяй, по всему видно, потому и пошел ко мне, искал выход из довольно сложной личной ситуации, которая могла повлиять на его карьеру. Я настроила его спасать карьеру, и это было правильно. Среди слуг капитала встречаются гуманные и трезвомыслящие люди, мой клиент был из таких. Его скупость, в духе французских романов девятнадцатого века, никому не вредила, а вот его щедрость испортила бы всю картину жизни. Без нынешней личной жизни он остался только презренным токсичным нарциссом, каким на самом деле не был, а с личной жизнью мог бы влипнуть в очень неприятные дела. Судя по фото, его женщина была связана с наркотиками, причем самым пошлым и тупым образом, она их продавала. По некоторым деталям из рассказа клиента я не сомневалась, что так и было.

После скайпов снова пошла в туалет. Кровь капала, редко, и будто совсем остановилась. Нужно все же пойти и записаться на прием к врачу. А пока найти марлю, урологические прокладки (которые кожу раздражают, но без них жить невозможно), в очередной раз подмыться и помыть белье. Моча и кровь, кровь и моча – куда от этого денешься.

Записалась на послезавтра. Пока не могу представить, как будут развиваться события. Наверно, никак, я же очень устойчивая, на мне еще воду возить можно.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу

После получения средств Рой заказал себе легкий, но дорогой ужин, за которым допил вино, подарок Гарри, однако ни сон, ни лень не приходили.

– Попросить новую работу или уйти к Тьютору, что лучше. Выбор смешной, конечно, одно не может помешать другому.

И Рой решил попросить новый проект. Теперь важно было составить правильный запрос. В облаках Руперта всегда наличествовали более или менее интересные проекты, но хотелось чего-то особенного, а Рой еще живо помнил, как легко и красиво он сделал предыдущее задание; ему хотелось повторения. Запрос он составил довольно быстро, и пожалел, что выпито все вино.

– Зависимость! – вдруг возникло в его голове. – Как хорошо, что есть зависимость! Зависимость и смерть, превосходная, блистательная связь.

В то счастливое мгновение Рою пока не приходило в голову, что его поиски полностью противоположны заданиям центра Руперта, и, по счастью, анализатор еще это не установил. Ответ пришел довольно скоро; необходимо было подобрать саундтрек к победной речи Руперта. Пожелания центра были скромными и одновременно глобальными. В звуке должен был быть

изображен идеальный мир, нечто гармоничное и чувственное; например, шум воды или пение птиц. Рой пожал плечами и сам удивился своей реакции. Раньше он принял бы это без оттенков, а теперь ему казались глупыми эти пожелания.

Однако он подумал, задал начальный поиск, затем, получив файлы, собрал их в отдельную папку, свернул экран до размеров платка, и пошел к Тьютору.

Погода над побережьем менялась сильно: муссон уходил, но еще не ушел совсем. Рой ощутил даже нечто вроде мигрени, хотя он только догадывался, что это такое. Почему он пошел именно в бунгало, Рой не сказал бы. Опыт предыдущих перемещений показал, что место старта не важно.

– Наверно, это сентиментальность, – решил Рой, – потому я и здесь.

Переход прошел как обычно, с небольшим утомлением. На этот раз в проемах было много, просто очень много цветов, преимущественно белые и красные, яркие, так что Рой даже удивился.

Тьютор стоял на сцене в зале, уже знакомом Рою, и говорил что-то невысокому человеку с вытянутым лицом, почти виновато улыбаясь:

– Нет, нет, я не Дон Кихот, прошу простить, тут нужен другой.

Человек смотрел небольшими, по-детски ясными глазами почти растеряно, однако от этой невысокой фигуры веяло властью и силой. Рой пригляделся внимательнее: человек, с которым разговаривал Тьютор, был высок, однако худощав стеснительной и робкой худобой, отчего и казался ниже ростом.

– Хорошо, я подумаю, – просто ответил человек, и Тьютор соскочил со сцены в зал.

– А, вот и ты! – приветствовал он Роя. – Сегодня здесь «Дон Кихот», ты знаешь, что это за книга?

Рой, услышав название, поддался волне воспоминаний, властвующих здесь, и заулыбался. «Дон Кихот» был бы его любимой книгой, живи он в старом мире.

Тем временем на сцене появились люди, а худощавый человек разговаривал то с ними, то с группой сразу, жестикулируя и волнуясь, то с одним из группы, бормоча почти на ухо, нервно передвигался, порой кричал, бросал вещи, садился на сцену, вскакивал, даже подпрыгивал, и однажды заплакал.

– Это режиссер, – сказал Тьютор, – печень всего действия.

Из нестройного гула и движения на сцене понемногу возникла причудливо-пышная и почти давящая величием композиция. Собравшиеся словно ждали кого-то, разделившись на две группы, сходящиеся в глубине сцены. «Часть первая и часть вторая», – отметил для себя Рой.

Тот, кого ожидали, главный персонаж, появился сбоку, из-за кулис, да не один, а в сопровождении двух человек: одного невысокого, полного, с несколько плаксивым лицом, по форме похожим на подовой хлеб, и другого, одетого в костюм коня, худого, как и его хозяин, такого же роста, отвечавшего на каждое его движение. Это был актер-мим, актер без голоса, игравший коня. Рой ничего не знал о мимах, но глядя на мосластые коленчатые ноги, затянутые в узкие черные штаны, на стройные сильные руки – понял, что это великий мим. Затем Рой вспомнил и фамилию мима; его называли трагическим клоуном. Его Росинант был огромен, нелеп и чужд окружающему небольшому уютному миру, как и его хозяин; он плакал; зритель видел лошадиные слезы, но, кажется, никто из персонажей на сцене не догадывался, что Росинант плачет: над жестокостью добрых, над нелепостью вдохновения, над ранимостью великого.

Дон Кихот и сам гарцевал как породистый конь, с глубоко посаженными небольшими глазами ясного разреза, смотревшими пронзительно, так что от них хотелось скрыться, непропорционально изящный, напоминающий витые стержни от пальцев до стоп. Широкая переносица и изящнейшей формы нос, отмеченный легкой поперечной складкой, выражали отрешенность, возвышенное и сладкое мучение, так что все лицо светилось, а рыжеватая острая бородка волновалась от движения, как небольшой вымпел. Вокруг него было сильнейшее поле, выйти из которого не представлялось возможным, в нем были все, кто был на сцене, и весь мир, все начиналось с его тихого глубокого восклицания. Он держал за руку Росинанта, а тот следовал,

во всем подобный господину, почти копируя движения рыцаря Печального Образа. Похожий на тучку Санчо, в волнении протянувший длинную мягкую руку, едва поспевал за ними.

А затем началось действие. Невысокая, с мягкими, как чернослив или шоколад, глазами, Альдонса кружилась вокруг раненого Дон Кихота, утешала его, щебетала голосом сиплым и нежным одновременно, роняла непослушные локоны, касавшиеся ран рыцаря, отчего тот вздрагивал, вспыхивал и меркнул, сознавая недоступность возлюбленной. О, это была настоящая Дульсинея из Тобосо, одновременно покорная и властная, родная и недоступная.

Уже выбежали вместе со стадами, которые изобразили все персонажи, коварные янгуасцы, уже аристократичные дамы подняли холеными руками лопасти мельниц, уже Дон Кихот увидел своего Бриарея. Уже плакал Санчо, и на его слезы нельзя было не ответить слезами.

Но еще сильнее была вторая часть. Герцогиню играла та же актриса, что играла Корделию, только теперь это была не трепетная девушка, словно нарисованная на фреске, а молодая влюбленная женщина из плоти и крови. Герцог великой тенью всегда находился поблизости от нее, его темные глубокие глаза возникали мраком на мраке, что казалось невозможным, но именно потому в них был потусторонний ответ. Он следовал за ней как Аид за Персефоной (откуда Рой знал об Аиде и Персефоне?), но не останавливал ее, а она едва не со слезами всматривалась в лицо рыцаря, надеясь увидеть в нем хотя бы надежду на взаимность, но он смотрел всегда вверх, как если бы был хромым цаплей, решившей умереть на зимовье.

Особенно хороша был сцена полета на луну, иллюминированная фейерверками и самыми разными светильниками, от небольших свечей до садовых факелов. Рой не знал о древних римских свечах, что свечой становился человек-христианин, но эти садовые светильники напомнили ему римские свечи.

Дон Кихот, самое изящное тело во вселенной, нелепо раскачивался на выкрашенном петушиными красками деревянном коне, и Санчо, умный, нежный и верный Санчо, теплелся рядом с ним, а смотреть на все это было невозможно, потому что было так красиво и беспощадно, что хотелось тут же умереть. В этой сцене были горы щемящей надежды и столько надежды разбитой, что обычное человеческое сердце, если бы не театр, лопнуло бы от боли.

Вторая сцена, над которой Рой плакал, были мнимые похороны влюбленной девушки. Изысканный траур волновался белыми и черными букетами цветов, охваченная страстью герцогиня сияла темным аметистом наряда, предупредительно разметав золотые волосы, но рыцарь видел только Дульсинею, и герцогиня исходила жаром как камень среди кострища, от нее почти летели хлопья седого пепла, и только в зеленых, янтарного оттенка, очах сияло материнское неизбывное горе. Это ее рыцарь, единственный возлюбленный и сын, хотя в романе этого, кажется, нет, но такова была настоящая герцогиня. Мнимую покойницу играла та же актриса, что играла Альдонсу, только теперь шоколадный чернослив глаз спрятан был под синеватыми, цвета цветков цикория, веками, а все ее тело в белом облачении было как ночной кипарис. Она и шевелилась, и не шевелилась, коварная и беззащитная, как жительница неведомых островов.

Дон Кихот рыдал от нежности и муки, текучий и ломкий, как весенний ручей, его суставы трепетали, из каждого словно бы тянулся наружу цветок скорби. Никаких цветов, конечно, не было, но общее чувство тоски и обмана, которое потом сменилось гортанным вселенским смехом, действительно можно было бы изобразить как цветок, и режиссер сумел это показать.

Рой чувствовал и облегчение, и почти физическую боль, словно внутри него было наглухо закрытое окно, а теперь оно вдруг раскрылось, само, без внешних усилий. Коленчатый золотой рыцарь стал ключом или тараном в неведомое ранее миробытие. В ушах Роя еще звучали слова Дон Кихота, обращенные к Санчо, о сне.

– Нет, он не сон имел в виду, а нечто другое, более глубокое и страшное, что Тьютор называет смертью. Дон Кихот говорит и о смерти, но вероятно это некая вторая смерть, ужаснее первой, конечная смерть, если это возможно.

Мысль о смерти, о том, чего еще не знал, если можно было ее изобразить, напоминала бы именно этого Дон Кихота, с плоским лбом солдата, глубокими глазами и поразительно подвижным

телом. Так что же это такое – смерть, победу над чем будут праздновать в мире Руперта; неужели это так прекрасно и победительно, несмотря на нелепость? Жизнь – это мельницы, Дон Кихот – это смерть, и негоже от нее убегать человеку. Рой насторожился, как будто кто-то внутри него и в самом деле сказал эту фразу.

– Тебе понравилось? – Тьютор оказался рядом, глаза его влажно блеснули.

– Но ведь поначалу Дон Кихота должен был играть ты? – Рой смотрел с новым чувством, как будто он такой же, как и Тьютор, человек старого мира.

– Да, но Т. – лучший Дон Кихот из всех живущих и живших.

– Мне очень понравилось!

– Так вот, Рой, на самом деле все не так. Мельницы – это смерть, а Дон Кихот – это жизнь.

Лайков пять

Ха-ха нет

Сочувствия нет

Возмущения нет

Комментарии

Друг 55

– Про короля Лира интереснее было.

Друг 47

– Можно написать готический роман вроде Мориса Дрюона.

Автокомментарий, не записан:

Ну конечно можно, я бы с удовольствием заработала на писании романов много денег, но у меня сейчас другая задача. Такое чувство, что развязка моей жизни уже наступила. Лайк всем.

Ни фото, ни видео приложений к этому посту нет.

Пост 20

Без числа

Кровотечения усилились, и по общему состоянию: слабости, искрам в глазах, мушкам, по тому, что тело не согревается, – стало ясно, что потеря крови есть. Я ждала, что так будет, но нужно понять, что делать сейчас, ночью, и стоит ли именно сейчас вызывать скорую, ведь кровотечения еще не очень сильные, и я в общем довольно сносно себя чувствую. Так что лучше лечь и подождать до утра.

Когда легла, противное ощущение текущей жидкости заснуть не дало. Что ты будешь делать. Тем не менее встала, выпила две таблетки валерьянки и погрузилась в зыбкий сон, длившийся не очень долго. Когда встала в туалет, оглянулась: на простыне была кровь. Вот еще хлопоты, дополнительная стирка с пятновыводителем. Давно я постель не пачкала, и больше не нужно.

После туалета села на кухне и стала думать: стирать сейчас или вызвать скорую? Очень хотелось спать. Нашла толстую марлю, сделала новый толстый подгузник, подмылась как могла и снова вернулась на кухню.

У меня был безотказный прием для засыпания: кусок белого хлеба и чашка сладкого какао. Какао сделала, в турке, с растительными сливками, слипавшимися в воде, но как только вода нагревалась, они растворялись без остатка, выпила напиток очень горячим и ушла в постель.

Проснулась с головокружением, внизу было мокро и липко. Значит, все же нужно вызвать скорую. Однако тело слушалось, предметы я различала ясно, так что решила запустить машинку. Если бы я покупала стиральную машинку, я бы никогда не выбрала модель с фронтальной загрузкой, только с вертикальной. Но здесь, на съемной, стояла неновая «Веко» с фронтальной загрузкой, за ней следовало ухаживать и любить ее. Опыт мой говорит, что «Ваниш» – отличное

средство, хотя дает много пены. Пену можно регулировать кондиционером, добавленным сразу в раствор. После стирки с большой долей «Ваниша», небольшой долей геля и умеренной долей кондиционера (я выбрала «Кашемир и шелк») пятна уходят совсем, но белье становится грубым, как бы бумажным, и дополнительная доза кондиционера не спасет. Прикинув, что испачканное белье служит мне около трех лет, не жалко, я сделала ядреную смесь с «Ванишем», поставила машинку на экспресс-режим, запустила ход и сделала экстренный вызов. Молодой голос отозвался сразу, выспросил меня про самочувствие, температуру, давление и стул, спросил, наконец, про кровь и сказал, что бригада приедет в течении пятнадцати минут.

– Час минимум, – решила я, и ошиблась.

Ровно через пятнадцать минут раздался звонок, а машинка еще не вышла в режим полоскания. Придется кому-то звонить, и скорее всего отцу, ему можно доверять в отношении быта. Ключ от этой съемной есть у матери, у нее всегда есть ключи от меня (то есть, от мест, где я живу, даже от Дюшиной квартиры был, пока я от него не съехала). Папа, пожалуйста, вытащи белье и разложи его на сушке, я уже расправила ее в комнате. Как смешно, на самом-то деле.

Бригада скорой состояла из трех человек, и все как из сериала: красивая строгая молодая женщина, к которой я сразу ощутила симпатию; очень высокий, полный и некрасивый мужичок, почти мальчик, но видно, что умный, и настоящий врач, не знаю, почему я так решила; и супермен красоты небесной, кавказский брюнет с зелеными глазами и мягкими руками, даже на глаз определить можно, что мягкими.

Я открыла в чем была, в длинной тунике, по подолу которой пошли пятна крови; все же я сколько-то ходила и садилась. Что было на тунике сзади, не знаю, но вероятно, что много пятен. Кровь спустилась даже по левой щиколотке, но потом видимо передумала и остановилась, на стопе пятен не было.

– Ну, что у вас?

Оформив документы по вызову, группа дружно велела мне собирать вещи, что я и начала делать. Еще до их приезда я определила, что и куда положу, так что сборы были недолги. В это время машинка волшебным образом вышла в режим отжима.

– Пять минут нужно подождать, – взмолилась я, как королевская фаворитка перед казнью, – всего пять минут, и потом пять минут, пока белье развешу.

– Что уж. Давайте мы вам укольчик пока поставим, а то что-то вы бледная.

Пока ставили укол, пока поили противно сладким чаем, машинка успокоилась и я, скорей-скорей, разбросала по сушке белье. Затем быстро, кажется, даже в присутствии мужчин, заменила тунику на велюровый костюм, в котором обычно хожу в больницах, ему уж лет десять, взяла сумку и двинулась к выходу. Белье вытащила, оно сохнет, значит, никому звонить не придется, как же это хорошо!

И вот тут начались странности. В прихожей не то что банкетки, а табурета нет, а я, чтобы снять обувь, сажусь на подзеркальную полку, благо я не толстая. Но в тот момент четко помню, что я села на банкетку и еще подумала, что взялась она как будто из «Лигеи» Эдгара По, из второй части, из странного дома, куда герой привел леди Ровену. Я посидела на банкетке, затем встала и вышла из двери; вся бригада шла за мною, а женщина держала меня своими розовыми пальчиками за локоть. Я закрыла дверь, положила ключ в строго отведенный для него карман сумки и, довольно сильно пошатываясь, начала спускаться по лестнице. Мужички обогнали меня, кавказец страховал, но я шла сама и кажется довольно твердо.

Однако на самом крыльце, а оно в нашем доме длинное, до невозможности парадное, довольно высокое, меня накрыла усталость, которую, если бы могла, назвала бы смертельной. Я, ничтоже сумняшеся, села прямо на плиты, это в октябре месяце и с кровотечением, по-бабьи подперла щеку рукой и сказала:

– Устала. Не хочу больше идти.

Мужички приготовились меня взять на руки, благо до машины было шагов десять, но тут случилось такое, что я до сих пор думаю, был это бред или все произошло на самом деле. Скорее всего это был бред; я та еще фантазерка.

А. только что припарковал свою машину, вышел, активировал сигнализацию и вдруг направился прямо ко мне. Он шел так же, как тридцать лет назад, по одной ему ведомой диагонали, молодым зверем, рисунком Шиле или Мунка во плоти, прекрасен и порочен именно оттого, что слишком красив. Но только сейчас я заметила, сколько в его волосах седины (на него падал свет от фонарей) и что у него усы, шалочкой, ну чистый Гитлер.

– Да что ж вы стоите, – сказал А, обратившись к группе, хотя они уже поднимали меня, – она же сама идти не может.

Кавказец возмутился было, но А., даром что худой, уже подхватил меня и понес к машине.

– Как это ловко у тебя вышло, – сказала я. А. умел носить на руках, а Дюша нет, – но зачем ты отрастил эти ужасные усы?

Он улыбнулся, скорее ослабил; лицо его было и близко, и одновременно далеко, так что я по счастью не могла сделать какую-нибудь глупость, например, его поцеловать, хотя мне и хотелось, очень. Кавказец был уже в машине, они вдвоем с А. уложили меня на каталку без единого лишнего движения, словно вылили.

– Красное вино! – крикнул А., – Не поверю, что в скорой помощи вообще нет никакого алкоголя. Красное вино сюда! Или хотя бы что-то.

Красное вино оказалось в наличии, конечно, у кавказца, домашнее, издававшее довольно резкий запах.

– Пей! – Приказал А. и наклонил флягу. Жидкость полилась по моему языку, потом глубже; я захлебывалась, но глотала; это было лучшее вино в моей жизни.

– Глотай, глотай, – настаивал А., но глотать было довольно трудно.

– И все же, зачем тебе эти усы?

И тогда он рассмеялся, как будто ему не было и тридцати: беззастенчиво, полно, негромко.

– Ты знаешь, кто мне их делал?

Я смеяться не могла, но на самом деле смеялась, всем своим нутром.

– А теперь я хочу спать.

Сон накрыл меня слишком быстро и мощно. Когда я проснулась, я не помнила ничего. Подо мной была больничная койка, надо мной потолок больничной палаты. Я сколько-то пролежала, поддавшись лени, накрывающей после шока, возможно, прошло довольно значительное время. Наконец, в палату вошел врач, немолодой отечный умница, и медбрат, рослый малый с дредами, связанными в хвост.

– Рентген показал, что кровотечение есть, но насколько оно серьезное, не можем определить. Нужно сделать МРТ, а потом возможно придется делать операцию.

– Хорошо, – ответила я, – у меня только одна просьба: можно ли позвать священника, мне нужно собороваться и причаститься.

– Есть при больнице батюшка, – просто ответил доктор, – Я ему позвоню утром.

Причащаться следовало натошак и хотя бы отчасти подготовившись. В телефоне было все необходимое, но мелко, руки слушались плохо, так что я часовое правило читала едва не полдня. Ночь была ужасной, в смысле бессонницы, даже началась мигрень. Вставать мне нельзя было, нужно было пользоваться судном, но я партизанила, вставала, шла медленно, как ползла, до туалета, где было холодно и дуло изо всех щелей, делала свои дела, подмывалась холодной водой и по тем же стеночкам ползла обратно. Забылась сном около четырех утра. В семь начались звуки утренней больничной жизни, не проснуться было нельзя, но я героически засыпала снова.

Разбудил меня батюшка, тихий, теплый, сонный, осторожный, в изящном подряснике и новой епитрахили. Исповедь была короткой, но строгой.

– Ты же воцерковленный человек, взрослая уже, а так себя ведешь, – с сердцем сказал батюшка, и я испугалась, что не причастит. Но он прочитал разрешительную, а я получила пуговкой епитрахили по лбу.

Правило, небольшой кусочек, дочитали вместе, и наконец меня причастили. Едва причастили, вошли повариха и сестра, принесли таблетки и завтрак, кашу с маслом и яйцо.

- Кушайте-кушайте, – сказал батюшка и погладил по голове, как ребенка.
- Вы так много для меня сделали! – ответила я.

Батюшка напомнил Дюшу, тот был искаженным фото с него, но и Дюшу я люблю. Я вообще всех теперь люблю.

На МРТ повезли в соседний район, ждать исследования пришлось долго. О том, что творится в моем низу, предпочитала не думать, но кровью от меня пахло. На МРТ задремала, так что даже немного удивилась, когда процедура закончилась.

– Что ж, – сказал врач, посмотрев результаты, – вам повезло, операция не нужна. Острый, но неопасный случай. Выпишу препараты, сегодня поставлю капельницу и уколы, а завтра – домой. Не взыщите, мест нет.

- И то хорошо, – подумала я про себя.

Меня все это время занимал по-настоящему только один вопрос: мне приснилось, что А. довез меня до больницы, или нет. Когда выписали, пошла в приемное отделение, и (о счастье!) увидела того самого толстяка, кушавшего чизбургер с кефиром.

- Можно вас спросить?
- Да-м?
- Позавчера вы меня везли одну? Никто меня не провожал?

Толстяк отстранил ото рта бутылку, посмотрел сожалеительно и сказал:

– Ты сознание потеряла, прямо на пороге, сказала, что устала. Так мы с Арамом тебя на каталку положили, благо шагов десять до машины было.

- Я бредила? Что говорила?

Толстяк оживился. Он точно не без художественного воображения.

- Да, говорила про усы и про Гитлера.

– Вот оно что. Бывает.

- Ну да. Я еще и не то слышал.

– Спасибо вам. И приятного аппетита.

Я протянула пятисотку, стыдливо, в кулаке, но толстяк снова принял за кефир.

- А вот этого не нужно! А то решат, что ты мне взятку даешь.

Дорога домой оказалась долгой и выматывающей, словно я полгода пролежала, а не сутки. Наверно, я мерзла просто потому, что этого хотела, так было стыло и неуютно вокруг, и вдобавок меня лихорадило. Из симптомов кровопотери были только синие искры с черными мушками, и чувство сильно пониженного давления.

На свой третий этаж обычно я поднимаюсь без лифта, с одышкой, но своими ногами. А тут на первом пролете пришла невероятная усталость, что не просто захотелось воспользоваться лифтом, а идти не хотелось совсем. Как позавчера, я села на лестничную клетку, схватилась за прутья перил, как бы улеглась ничком, и подумала тихо и ясно:

– Осталась в живых. Я осталась живой, со мной ничего страшного не произошло, и это чудо, самое настоящее чудо.

Такая мысль могла вызвать только смех, если вспомнить все мои обстоятельства.

В голове зазвучала тема из седьмой симфонии Бетховена, тающая, вобравшая в себя все самые чистые и светлые воспоминания, путь к которым навсегда закрыт, но они могут прорасти как цветы – там, в неизвестном будущем.

Там та-та там та

Та-та-та-та там та

Там та-та там та

Та-та-та та там

«На сегодня запланировано два скайпа. Это столько-то по деньгам. Я куплю новые ивановские туники. Лучше покупать в фирменном небольшом магазине. Они теперь делают такие магазины, нечто вроде аутлетов. Нужно купить две новые туники, я никогда не покупаю по одной. И денег совсем нет».

В телефоне было три сообщения от Дюши: «Ты где, дура? С тобой все в порядке? Я тебе звонил, ты трубку не берешь. Я встретил женщину своей мечты». А как иначе, это же Дюша и его женщины. «Она из волонтеров». Кто бы сомневался. «С тобой все в порядке?» Ответила ему бодро: «Я жива и сегодня буду вести скаип, сплшемся как обычно».

Вдохнула, потому что хотела сделать картинный жест, схватиться руками за голову. И поставила Игги Попа, «Пассажир», что, в общем, тоже картинный жест.

«По ночам я смотрю, как движется надо мной небо,

Сидя у окна рейсового автобуса».

Так, что ли.

Читать дальше

Из записных книжек Роя Обрана Роу

– Если ограниченная, конечная, по сути, ущербная жизнь приносит столько эмоций и наслаждения, то вечная жизнь, которая есть у нас, должна приносить несоизмеримо больше?

Они сидели в зале вдвоем: Рой, задававший вопросы, Тьютор в своем охотничьем жилете и Гарри с трубкой. За всю свою жизнь Рой не чувствовал себя так хорошо – так счастливо. Он очень много думал о счастье.

– Вечная жизнь – это не то, на что ты работал, – ответил Тьютор резко, но смягчив ответ улыбкой.

– Кстати, Джина скоро будет здесь. Ты же хотел ее увидеть?

Рой вскинул глаза и засиял. Ему очень понравилась Джина.

– Однако мы все здесь не за этим. Сейчас начнется пьеса одного – будем говорить, что русского – о румынском, а по-старинному трансильванском графе Владе Дракуле, и мы будем ее смотреть. А потом тебе, Рой, предстоит сделать выбор. Ты уже очень изменился, так что в мире Руперта тебе будет сложно.

– Мне нужно будет умереть? – Спросил Рой.

Тьютор и Гарри переглянулись.

– Мне по душе твоя прямота, однако ты взял неверный угол атаки. Ты не жертва и не больной, ты свободный и свободно мыслящий человек, но тебе нужно будет сделать выбор.

– Я уже сделал его, – ответил Рой, и это была правда. Его проекты прошли самые сложные тесты, однако в резюме была одна фраза, которая перечеркивала все их достоинства: «здесь имеет место фантазия». Что такое фантазия, Рой знал только отдаленно, для него это было слово из прошлого мира, из мира Тьютора и Гарри. Возвращаться в мир Руперта было все равно что отрезать от себя выросшие и уже действующие органы, которых раньше не было и которые так понравились Рою. О смерти он знал только то, что ему показал Тьютор, но догадывался, что это болезненно и трудно.

– Тебе может показаться, что мы давили на тебя или зомбировали тебя, но это не так. Ты сильный человек; мы лишь показали тебе красоту, которая была скрыта от твоих глаз.

Джина, в сиреновом длинном платье, в котором как будто путалась, подошла и села рядом. Теперь Рой понял, что все неизвестные найдены.

Тем временем пьеса началась.

Актера, играющего главного персонажа, Рой уже видел, в первое свое посещение, в сцене с великой актрисой. Теперь он играл не молодого человека, а правителя, бога своей земли, хозяина, создавшего из небольшой страны, у которой не было даже особенной истории, вождельный рай. Его почти нагие виски поблескивали серебром, локоны с темени падали свободно, открывая неукротимый нрав воина, мощные руки даже в часы досуга поигрывали оружием. Особенно хороши были сцены, где граф читает книгу и, в минуту передышки, бросает кинжал или просто вертит его в руке.

Костюмы графа были изысканы и пошиты с тщательностью, которой в то время не могло быть в Европе, окружали его самые образованные и смелые люди. Но в какой-то момент все изменилось. Словно нашло на страну кровавое облако, а народ обвинил в нем правителя, графа Влада. Он не пожелал оправдываться, и только провоцировал все новые и новые выплески ненависти, словно хотел уничтожить свое создание, свое дитя, дело своей жизни, свой народ. Его черный, дикий, варварский смех сплелся со смиренным желанием креста; актер смог передать муку сознательно принятых страданий и потустороннего смеха.

Рой смотрел на актера и думал, что иначе в жизни не бывает. Есть четкое и ясное, светлое предназначение, от которого можно отказаться, но оно привлекает сильнее чувственной любви. И если отказаться от этого предназначения, можно умереть от подлинного голода, который страшнее физического, хотя о последнем Рой ничего не знал. Граф Влад не боялся смерти, он смеялся над нею, и вместе с ней надо всем народом своей страны, которую сделал раем, над тем, что сделал сам, над людьми, наконец, и это было хуже, чем если бы он боялся смерти, но он не изменил своему предназначению, хотя изменил своему народу.

Начались покушения на графа, он сам говорил, что вызвал их. Люди, которые готовили покушения, были коварны и изобретательны, но граф опережал их: лилась кровь, убивал граф жестоко. Дурная молва о нем давно окружила плотным кольцом его дворец, ставший диким логовом, и граф затосковал. В одиночестве он стал все чаще вспоминать о покойной жене, звал ее, и несколько раз даже вызывал ее душу, за что Господь прогневался на него. Актриса, игравшая княгиню, была молода, но очень талантлива. В лице ее перламутрово-прозрачная невинность сменялась бледностью помешанной, жесты казались единым танцем, в котором от сцены к сцене росла тревога.

Наконец, граф Влад решил умереть; он словно бы сам вызвал к себе убийц, желавших очистить райский край от ненавистного демона.

– Это я хочу, чтобы вы убили меня, а не вы меня нашли, чтобы убить! – крикнул граф в лицо ночным гостям, а те отступили и заорали:

– Дьявол! Это сам дьявол!

Но дни графа были уже сочтены; видимо, у него была долгая болезнь, и он умер до того, как кинжал убийцы коснулся его груди.

На сцене поднялся ветер, осенние деревья играли как языки пламени, и было так красиво, что Рой заплакал – просто потому, что было очень красиво.

Затем они все, Тьютор, Гарри, Джина и Рой, сидели в каком-то милом месте, где подавали вино и пирожные. Когда вино было выпито, Тьютор сказал:

– А теперь идем.

– Я с ним, – отозвалась Джина, и они, держась за руки, пошли вслед за Тьютором. Гарри остался за столом, он только посмотрел, прощаясь. А может быть, с надеждой на встречу.

Они шли по трудному и холодному снежному переулку, по обе стороны которого виднелись изящные, но мощные стены; переулки были почти пустынными, но раз или два на них возникала шумливая яркая толпа очень маленьких людей, и Рою казалось, что это дети, но среди лиц он увидел и морщинистые, и бородатые. Затем Тьютор, Джина и Рой прошли мимо небольшой круглой площади, на которой, в чем-то прихотливо черном, сидел актер, игравший Короля Лира во второй постановке. Затем они свернули на летнюю улицу, где был синий от жара асфальт, на котором, как на снегу, валялись собаки, подошвы обуви порой прилипали к нему. Тьютор, Джина и Рой шли очень долго и наконец вышли к морю. Тьютор с наслаждением снял жилет, распластался на песке, и Рой сделал так же. Вдруг он увидел рядом с собой женщину в чем-то графитово-сером, с ножом или тесаком в руке. Она шла прямо к Рою, порой наклонялась, поднимала раковины и вскрывала их этим инструментом. Вдруг Рой увидел, что одна из раковин – это он сам. Вскрыли и его, но он не ощутил особенных изменений. Он сначала как бы поперхнулся, затем стал задыхаться, затем вовсе перестал дышать, но вскоре его дыхание перешло на новый

уровень, стало легче и полнее. Руки и ноги, которые словно бы в беспорядке валялись на песке, приобрели новую пластику. Все, что с ним случалось, приносило боль, но боль эта восполнялась удивительной полнотой ощущения жизни. Теперь он вполне понял, что говорил ему Тьютор о Дон Кихоте, что это – жизнь. А Джина все время сидела рядом, смачивала Рою губы и смотрела ему в глаза.

Наконец Рой встал, себя почти не узнавая, и сказал Тьютору, все это время смотревшему на море:

– Это и была смерть?

– Да, – ответил тот, – но не многие способны пройти сквозь нее.

Лайков три.

Ха-ха нет.

Вот те на – два.

Возмущение одно.

Комментарии

Друг 55

– Вы не знаете, о чем пишете! Вы все придумали!

Друг 13

– Мне важно, чтобы в произведении места и персонажи приходили не отсюда, не из автобиографии и не из книг или фильмов, чтобы они жили сами по себе. А здесь и автобиография, и книги с фильмами. Это компиляция, это не интересно мне.

Друг 22

– Спасибо, такая красивая повесть! Особенно про Дракулу.

Всем лайк, всем спасибо, и тебе, терпеливый фб, любовь моя, говорит твой верный солдат.

Удивительно, но мне не снится Алина, да и не снилась никогда, словно ее и не было. Только ощущение от ее взгляда, тяжелого и робкого, порой приходит, не зависимо от меня.

Маргарита ГОЛУБЕВА

ВЕСНА БОЛЬШАЯ

В моём аду котлы немывты
и наказания забыты,
и демоны упразднены.
Там Пасха. Апогей весны.

Лучи над ржавыми штырями,
заброшенными пустырями,
от бывших огненных болот
до патины печных ворот.

Там кто-то, верно, плачет. Птица,
решившая в жерло спуститься,
бесплотной тронет белизной
его чело: «Лети за мной».

А инвентарь весь этот страшный –
не более чем день вчерашний,
но и не менее того.
Нет, не забыто ничего –

откуда эти пепелища
и рвы, где ныне ветер свищет,
воронки, пояса, круги.
Кто вылез – ближним помоги.

Врачуя, узы разрешая,
воротится весна большая –
тебя согреет и меня
в апреле на закате дня.

Маргарита Голубева родилась и живет в Москве. Заканчивает историко-филологический факультет РГГУ. Публиковалась в журнале «Волга».

1993

На время перемен приходится
рожденья год,
за поколением ровесников
пришёл аборт.

На лапки и хребты нетвёрдые
расщеплены –
возможно, это наши лучшие
не рождены.

А кто живые-невредимые,
кто плоть и кровь –
тех матери не больно слушали
подруг, свекровь.

В пустом родильном отделении
являсь на свет,
годами позже я заметила,
что прочих нет.

В пустых яслях рыдали призраки,
но всё равно
ни права голоса, ни имени
им не дано.

За тонкою стеной расплачется
сквозь свой покой,
кто в красной книге века значится
пустой строкой.

И в школьной клеточной отчётности
был недобор.
Безрыбье, словом, ощущается
и до сих пор.

Кто плотен, кто в тумане времени
растаял весь –
а мы (кто – «мы»? числом немногие)
остались здесь.

Мужчины как будто хотят умереть,
вот и не надо на это смотреть.
Женщина прав не имеет на смерть.

Женщина выпьет сухого горя.
Это ветра с Балтийского моря,
где смертно волнуется вольная воля.

В каменном вертограде холодном
я буду тёплым живым животным
ради жизни богоугодной.

Я дверь смогу за любым закрыть.
Ночью сяду крупу варить,
с мёртвыми женщинами говорить.

Был в день седьмой от сотворенья мира
ещё благоразумен человек.
Ещё он слышал, как идут светила.

Благоразумный Бах не свёл с ума
меня, и сердца не разбил, что раньше
уже разбито. На дворе зима.
И с глаз долой – в совок метлой – осколки фальши.

Закрыв глаза, годами грежу я
Германией загробной – у столба
позорного – Саксонией сиротской.
Читать и ввек не поднимать бы лба.

Включаю фоном за работой ХТК,
собраться с духом как-то, попуститься.
Сгустились снеговые облака.
Сомкнулись спазмом мокрые ресницы.

На райском облачке своём мычит Гленн Гульд,
великий исполнитель Баха,
немой, как немец. На земле метель.

Белым-бело – от рукава до взмаха.

молочная белеет вермишель
очередей глаза большие
снег детства первого за шиворот
с улыбкой глупой до ушей

везде завязочки пришей
и странных слов не переспрашивай
и варежкой растеряшиной
останься между малышей

Оставь меня здесь.
И. К.

Так странно время пролетело
для мошки в капле янтаря,
и бабье лето догорело
в тридцатых числах сентября.

В лучах развоплотилось солнце.
На десять страсть и мысль деля,
рассудок над душой смеётся,
и стынет тёплая земля.

Огромно было лето. – Мало,
короче всех времён в году!
Я счастлива. Я так устала.
Я просто дальше не пойду.

Данила ДАВЫДОВ

когда казалось бы всё на месте
всё устаканилось, тишина
мы совершаем какое-то действие
точнее, не совершаем, и вот ведь, на

нас внезапно бросаются силы
не сотворенные ничьей рукой
прости, моя милая, прости, мой милый,
но вот они – тишина и покой

нельзя оставить всё так, как было
хотя оно и неясно как
ты знаешь, милая, да, я знаю, милый
это всё бессмысленный, но пустяк

я опасаясь открытых окон
оттуда будущее так и прёт
промозгла степь, но затхл кокон
с какой стороны ни глянь – это вот

окажется рядом, что твой избыток
вспонимания, что твой навяз.
не так уж и плохо, а мы-то, мы-то?
а мы – бесконечный такой рассказ

матвею валентиновичу снится до сих пор
как на одном киносеансе чапаев выплывает,
как на следующий же день солнце встает на западе,
ну, или как поглядеть,
где-то там, возможно, вообще не встает,
но, как ни посмотри, это ничего не меняет

Данила Давыдов (р. 1977, Москва) – поэт, прозаик, литературный критик, эссеист, художник. Кандидат филологических наук. Автор десяти книг стихов, книги прозы, книги статей и рецензий. Переведен на основные европейские языки. Многочисленные публикации в толстых и тонких журналах, альманахах и сборниках. Трансгуманист.

мир, спровоцированный и поколебленный,
ты сам и не заметил, думает матвей валентинович,
что с тобой это неоднократно уже бывало,
но вновь и вновь, отмечает он, новый шаг
отменяет предыдущий, будто бы
и воскресенье не было чудом

кто ходит в гости по утрам,
тому просыпаться трудно,
а хозяевам-то вовсе лечь
еще пока не удалось

пока немислимые игры
ты ведешь с воображаемым своим
собеседником, хозяева
смиряются, с тем, что ты вот к ним

напевая песенку,
задремывая на ходу,
поднимаешься по лесенке
туда, где ох тебе не рады,
но ждут

говорят что работал в полиции
александр семенович штырь
врут, наверно – он враг амуниции
признает только ветер и пыль

по ночам ему кажется: чучелом
век стоять бы, стеречь огород
существо его этим измучено,
на работу никто не берет

серый плащ производства советского
промелькнет среди гаражей
и исчезнет. он родом из детского
и похоже, что умер уже

когда на цепь посажена собака
она возможно аллегория чего

а может просто на цепи собака
корми ее, и больше ничего

так много с чем, проснемся и уснем,
и вновь проснемся, за окном темно
и даже если жуть – она ведь жуть и всё
а вовсе даже не какой символ

Д.К.

слов всегда сильнее предметы –
здесь не нужно объяснять –
у кого-то вроде где-то
кто-то силился понять,

отчего при этой силе
мы с предметами враги
а слова в презренном мире
отмеряют нам шаги?

нет ответа персонажу
скучно, что не отвечай
но и в скуке этой даже
слышен стон первоначал

мир, устроенный нелепо
не дающий мирно жить
он, послушай, просто скрепа,
то-чего-не-может-быть

он, поверь, в расчеты даже
не пролезет, как ни тычь
все мы хрюши и степаши,
он – закадровый кузьмич

плюнет, разотрет и спляшет
нечто вроде гопака
так вот и дела все наши
ну, хоть живы мы пока

приснилось средь ночи: шпильгаген
под утро приснилось: степан щипачёв

но не было рядом бумаги
и мы не узнаем, зачем и про что

когда средь волшебного бала
волшебных видений твоих
какой-то вещает: тебя, мол, не стало –
приснится скорей не шпильгаген, а жмых

не следует у сновиденья
выспрашивать, что за фигня
возможны любые значенья –
но всем схоронить бы меня

засунуть за шкаф или в ящик
сказать щипачеву, был тут, но исчез –
вот это у нас на настояще,
а сон – бытия ненадежный протез

но нет, я не верю в такие ужимки
случайных, но верных врагов
сердца их пусты так, мозги их так жидки
в реальности без берегов!

мне снятся кроты, гугеноты и лисы,
мне снится изысканный панголин,
мне снятся чапаев и крысы,
а значит, я тут не один

(Несостоявшаяся басня)

большевики поймали зайца
и ну его обобществлять,
а заяц спорит и ругается:
я либерал! вам не понять!

тем временем у анархиста
все зайцы заняты трудом
в доме светло, у зайцев чисто
и на стене висит прудон

когда бы нас звали Митоз и Мейоз
мы горя не знали б вобще
летали бы наподобье стрекоз
сидели б на чьем-то плече

когда бы нас звали Колхоз и Совхоз
мы мирно б паслись как стада
к природе вещей обращая вопрос
откуда, зачем и куда

но нас называют Тильтиль и Митиль
мы тени в фонарном свету
из пыли родились и следуем в пыль
на марс или в караганду

простонать сквозь набухшую тишину
сквозь вот эту всю вашу весну

и повернуться обратно к стене глухой
чуть слышно шепча, бог ты мой,

обернуться плоскостью, вернуться ко сну
пусть двумерный, но пока что живой

один за реализм
другой за гуманизм
а третья за любовь и веру
о господи что за учебники они читают
нет даже в википедии такого
на лекциях я говорил иначе
всем «хорошо», пускай идут домой
а я покуда сигарету покурю на лестнице
где строго-настрого, почти под страхом смерти
запрещено

потом придут другие

гейдельбергский человек
не курьер, не менеджер
он в макдональдсе не ест
сам добычу режет

у него огонь в лесу
костный мозг на ужин

воздух свеж здоровый сон
нам бы этак тоже

кто думает; кто думает, что ду-
мает, кто мнение лелеет
всё это копится, пылится, преет, тлеет
но каждый ценит эту ерунду

я не хочу на шею ржавый колосник –
поэтому живите сами
с раскосыми и жадными глазами
ну или же без них

злобный мозг, исчадьё плоти,
как ты, духу вопреки,
смеешь, горд и беззаботен,
имитировать стихи?

пусть бы дух лишь порожденье
первобытного ума –
сладко это наважденье! –
за тобой же тлен и тьма

ныне думать мозгом стало
непристойно и грешно,
славим мы первоначала,
а тебе опять смешно

всё тебе не слава богу
всё не то и всё не так
радость нам или тревога,
для тебя утиль и шлак

но представши безстелесны
за причинами вещей
мы-то хоть и не известно,
ты-то ясно будешь чей!

ты мыслительным экстрактом
в мёртвый короб погружен
будешь лишь занятым фактом,
перед миром обнажен

весь в плену фантомной боли
вспомнишь тело, вспомнишь дух,
вспомнишь нас невидных, что ли,
вспомнишь зренье, вспомнишь слух

и пока мы обитаем
за пределом бытия
суррогатами питаем
вопрошаешь ты: где я

нету нас как ни бывало
ну и что, и хорошо
ты же, хоть тебя не стало,
в мир транслируешь стишок

вечной муки передатчик,
ниспровергший низ и верх,
никогда уж не заплачешь,
хоть и пережил ты всех

надо, надо растворяться
среди эфирной пустоты
и не надо изгаляться
над натурою, как ты

кто же это всё вещает?
ох ты, сам же мозг бухтит
всё чего-то обещает
всё кого-то костерит

Андрей КРАСНЯЩИХ

НИКА – 2

(А зори здесь тихие)

Рассказ

А ведь мы были храбрыми, о какими мы были главными в наших славных милитари-играх. Всё детство, всю юность и – что там за ней пришло, наступило, как это назвать, трусость, нет? Олеги кошевые, вики космодемьянские, молодые героини, руки вверх, попу вниз, признавайся, ты – фашист. Ты?

Играх? Да нет, не играх. Если б просто тогда играли. И потом. Вы думаете, всё это было по-нарошку, мы приходили домой, садились за уроки, решали задачи, «а» и «бэ», и возвращались в, так сказать, общечеловеческую оболочку? Мы и дальше стреляли, по «а» и «бэ» – фашистам. Стрелять по фашистам стало нашей субстанцией.

У фашистов были глаза голубые, мы им выкалывали их в учебниках на картинках, всем рисовали усы, как у Гитлера, и чёлочку. О, Гитлер всегда был смешной, фашисты – нет, они были красивыми, кто-то и влюблялся в них, таких мы называли предателями и расстреливали. Расстреливать предателей было ещё лучше, чем стрелять в фашистов, предатели жили рядом и легко отыскивались в соседних дворах, когда мы, всей гурьбой, пятые, шестые, и седьмые классы, устраивали на них облаву. Маленькие предатели прятались по подвалам, вдруг не заметят. Играли в свои предательские игры, в куклы, мамы, в баюшки-баю. Так и сидели, нянчились, смотрели круглыми глазами, когда мы врывались, чтобы расстреливать и убивать – и чёрным фломастером визжащим, вырывающимся нарисовать чёлочку и усы. Пленных мы не брали.

Я выросла, поступила, вышла, родила, и маленькие фашисты сами взяли меня в плен, кормить, вытирать им попу, следить, чтобы не ударились, стало моей субстанцией. И дна у этой субстанции не было видно: каждый день я засыпала, чтобы утром делать то же самое, играть с ними, кормить, готовить, убирать, различать в бессмысленных звуках проблески разума. И это уже фашисты меня щипали, царапали и кусали, как бы в отместку за то, что мы делали в детстве.

Вопрос о счастье не стоял: я должна была быть счастлива, и я была ею, – вот только всё равно мне снилось, что это не они меня, а я их побеждаю и казню. Мои подруги, соратницы по тем на-

Андрей Краснящих родился в 1970 году в Полтаве. Окончил филологический факультет Харьковского госуниверситета. Сооснователь и соредатор литературного журнала «Союз Писателей». Автор многочисленных журнальных публикаций, сборника рассказов «Парк культуры и отдыха» (2008; шорт-лист премии Андрея Белого). Лауреат «Русской премии» (2015), премий им. О. Генри «Дары волхвов» (2015), журнала «Новый мир» (2015), Дмитрия Горчева (2017) и др. Живёт в Харькове. В «Волге» публикуется с 2015 года.

шим играм, рассказывали, как представляют своих маленьких фашистов вываливающимися из окна или сгорающими в случайном пожаре, и сквозь ужас на секунду, на раз ощущали себя счастливыми и свободными – как тогда, когда мы ловили, держали, рисовали. Но страх, беспокойство снова накрывали, и наша тайна растворялась в них сама собой. Как-то я увидела по телевизору Гитлера, и господи, каким же он милым мне показался, словно никогда и не расставались.

А по телевизору всё чаще звучало «фашисты», и их, говорящих на нашем, но каком-то чужом языке, показывали. Вообще, это были другие фашисты, в другой форме, с другими глазами. Но и мы были уже не те, что в детстве, и знали, что такое настоящий обыкновенный фашизм.

Бежать от одних к другим, от тех, кого нельзя, к тем, кого можно, мои подруги записывались и записывались, медсестрой, кофеваркой, ложкомойкой. Их брали и не брали, кто оставался, рассказывал о жите-бытье, ежедневных заботах, о том, чего они никогда не сделают со своими маленькими. Те, кто уехал, писали по «вайберу» об иных буднях, об оторванных ногах, выбитых глазах, о том, что фашисты защищаются. У них, наверное, и не было другого выхода, ведь дома у фашистов свои маленькие фашисты, писалось мне по «вайберу».

Я три раза подавала на отъезд и потом забирала документы, дома были то сопли, то цветы из разноцветной бумаги к 8 марта, то никто не мог вместо меня. А подруги всё писали о том, как они счастливы, и что в этой крови, грязи и мужском шовинизме рождается и крепнет, ни пяди, стоять насмерть, все как один. Им выдали новые гимнастёрки, очень похожие на те, в которых воевали деды, и у некоторых гимнастёрки уже были опалены или в крови. Эти фотографии в чате обсуждались – фашистская это кровь или наша; но чьей бы она ни была, подвиг не становился меньшим.

Ну а глаза наших подруг всё голубели, выцветали на солнце и под пулями, страх, беспокойство, отчаяние растворялись, исчезали. Я смотрела им в глаза, взгляд мой твердел, и ещё долго потом каша доедалась до последней ложки, а истерика, каприз, как начиналась, так и заканчивалась тут же.

Именами моих подруг называли улицы, в тех городах и в нашем тоже, их детям показывали табличку на доме, чтобы не плакали. На табличке ничего не говорилось о подвиге, и сам подвиг мы представляли как в детстве – летящим, манящим и завершённым, без долгого эпилога в конце. «Зойка», «Женька», «Викуся» – так эти таблички мы называли между собой: «Встречаемся у “Женьки”», или «Напротив “Зойки”», много появилось имён.

Моё имя Ника, я думала, как оно тоже появится – на моей улице; и собиралась, собиралась, относила документы, возвращалась, забирала к себе девочек погибших подруг, делила их с другими. Было сложно и тяжело, их воспитывать, смотреть на них взглядом их матери, твёрдым, с фотографии, голубым. Этот взгляд на них действовал и не действовал, я чувствовала, что не имею права, и то же чувствовали они. Подчинялись они лучше моих, но требовали другого, чего мои подруги дать уже не могли. Дети видели, как меняется взгляд с каменного, когда я смотрю на них и на чужих детей, и не слушались, упорствовали, позволяли себе, я теряла авторитет, всё время искала, подбирала слова, чувствовала себя в плену. Я отнесла и не забрала документы.

В предписании говорилось «до границы», а на границе меня нашли трое, двое не представились, а третьего звали так, как моего мужа. Лагерь, или база, находился в лесу, сюда не долетало, только слышалось время от времени – когда наши стреляли, или фашисты, – но это случалось нечасто. Обычно мы просто держались. И, хотя может быть, мне казалось, постоянно, утром с побудкой и по вечерам, где-то звучала песня, не разобрать с какими словами, нашими или фашистскими.

Пришёл август, фашисты, и мы, активизировались, чтобы успеть до сентября, до школы. Но успевать было нечего, приказы приходили – стоять. Меня назначили снайпером, но затем батальонным художником, и я рисовала большие плакаты «Миру – мир», «За будущее наших детей»

и «Не допустим!» с падающим снарядам, перечёркнутым крест-накрест. Когда плакатов набиралось много, их отдавали в ближайшие школы, которые красили и наряжали к 1 сентября. В одной из них меня пригласили учителем рисования, но я не взяла диплом, а скан не годился. Возможно, тогда кружок, сказали мне, после уроков, с 1 октября.

Иногда я стреляла на кладбище, брала чью-нибудь винтовку и уходила, представляя, что меня окружают фашисты и я отстреливаюсь. Прячась среди могил, я читала фамилии, имена, должно быть, фашистские, но вполне вероятно, что наши. Там на кладбище меня и поймали, случайно.

Нет, правда, они словно выросли из-под земли или вышли из тех могил. Сначала я даже подумала, что это наши, и когда рассмотрела нашивки, было уже поздно. Меня долго вели по лесу, по незнакомым местам, пока не дошли до базы. Говорили они на чужом языке, но слова были нашими, и я всё понимала – и то, что они поймали фашиста, и то, что не знают, что с ним делать. В итоге, после того как я посидела под замком, меня пристроили на картошку, здесь её собирают в августе. База располагалась в бывшем пионерском лагере, а за лесом были поля. Картошка, ни крупная, ни мелкая, как обычно; если бы меня заставили готовить снаряды или чистить оружие, я бы отказалась, но картошка предательством не была.

Вместе со мной работали другие женщины, кто-то был в плену полгода, кто-то год, к фашистам они относились как я, но чувства их притупились, они стирали фашистам и убирали, насколько вышло замуж, никто не знал, насколько затянется плен.

С картошкой мы закончили до дождей, а когда всерьёз задождило, бои прекратились совсем, и стали поговаривать о зиме. Зимой всё вставало окончательно, и нужно было искать себе работу. Её искали все заранее, но у всех, как у меня, не было документов. Каждый устраивался как мог, куда брали, как правило, в подсобные хозяйства или техничками. Домой никто не ехал, а в соцсетях выкладывались фотографии в форме и с одолженным оружием.

«Ну что же вы так и не появились», – сказала мне директор школы, встретив в деревне, на кружок рисования никого не взяли, место было за мной, дети ждали, сорок учеников из разных классов.

Владимир КОРКУНОВ

ЗА ДВА ДНЯ ДО НОВОГО ГОСУДАРСТВА

В эту подборку я включил новые стихотворения, написанные в Чебоксарах и Харькове весной 2019 года, а также несколько более ранних текстов – либо неопубликованных ранее, либо переработанных.

В название подборки попала строчка из харьковского стихотворения «в ночь твоего переезда в меня», в котором описываются (не связанные с политикой) события, произошедшие за два дня до второго тура президентских выборов.

В.К.

I

*

на айги-юба слетаются тени ворон
лес прекращает рост вечерами
когда
тающий снег шепчет
подошвам моих кроссовок

*торă, пире сѣт șолпа кайма пар
șу șолпа пире киле килме пар*

и тогда с повязанных на столб лент осыпаются
поднесённые слова –
прямо в клювы
встающих на крыло птичьих теней

в этот момент земля выдыхает подснежники
и лес становится
понятен и прост
и ребёнок глядится в узор
оставленный лапкой невидимой птицы

Владимир Коркунов родился в 1984 году в г. Кимры (Тверская область). Окончил МГУПИ и Литературный институт им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук. В 2018-2019 гг. соредактор журнала «Контекст». Стихи и переводы публиковались в журналах «Цирк "Олимп"», TextOnly, «Литература», «Воздух», «Двоеочие», «Гвидеон», «Арион», «Иностранная литература», «Интерпоэзия», «Крещатик», альманахе «Артикуляция», в антологиях «Raza de actiune», «Современный русский свободный стих», на сайтах Soloneba, Litcentr, «Полутона» и др. Рецензии и статьи – в журналах «Новый мир», «Новое литературное обозрение», «Знамя», «Волга», «Вопросы литературы» и др. Автор книг «Кимры в тексте» (2014), «Танзания» (2019, перевод на румынский Лео Бутнару) и «Кратковременная потеря речи» (2019). Стихи переводились на английский, польский и румынский языки. Живёт в Москве.

*

в городе х.
люди дышат правильно
у них носоглотка правильно устроена

не то что я

вдыхаю как привык в городе м.
одной ноздрёй скрепы
другой – оковы

практически никогда не выдыхая

*

в ночь твоего переезда в меня
светлячки вылетали покурить во двор

ещё живые вспышки на уровне глаз

мы переносили столицы наших сердец
в сердца друг друга

не замечая как насекомые
стряхивали пепел своих крылышек
в ночь тишины

за два дня до нового государства

*

девочка ходит изнутри аэропорта
у неё больничные глаза
и завязанные в хвост мысли

*где она была когда самолёт шёл на посадку?
что она делала когда он ещё не взлетел?*

в этом взгляде тонет косая линия маршрута
строчкой по карте мира

бьётся что-то красное в уголках
сбегающих от расспросов
равновеликих сердцу пульсирующих глаз

слегка постанываешь во сне
вжавшись в споры одеяла
шепча ему
что оно несёт полную чушь

нужна ещё половина сна
для окончательного примирения

✻

она ещё не научилась ходить
только
отталкиваться взглядом от бинтов уток стен
голосов завёрнутых в марлю
пустоты на месте коленей

едем в курилку
а она вспоминает полуночный бадминтон
походы на байдарках к устью Медведицы
чтогдакогдашние тренировки по четвергам

курим
сигарету на двоих как в тот раз
он вернулся а вы трахались в семейной постели
выпускает моллюсков в озеро простыни
анальгетик фаллических тел
[оранжевые муравьи выедают костную ткань]

а сейчас
говоришь о себе во втором лице
пришпиленная обломками тела к скамье
теплишься в плоскости между самой собой
и не торопишься обживать

✻

воды у алтаря шторма
отошли брусьями рыбацких лодок
шов между морем и океаном
больше не разойдётся

это ты целуешь
запуская в мой рот своих рыб

это я влажными ладонями
глажу спины пловцов
увлекая на дно

тысячи брызг
разлетаются во время наших ссор
и любовных игр

маяк боясь оступиться
стряхивает водоросли наших мальков
с покрасневших кирпичей тела

*

царь надевший рясу
выключил тёмный век
крестил города за шахматной доской
закрывая на четыре створки
земли

tsar надевший рясу
ткань из человеческих тканей
[агмог+2 по правилам D&D 3.5]
постриг по шее
выжал воздух из митрополита
в финале turn-based strategy
с элементами RPG

non-binary

донжон из своих костей
на холме диалекта соединённого с небом
ниже зубные гласные и согласный язык
в обложке губ

85 миллионов словарный запас дыхания
лестница проворачивается
по талии башни
аутолингвофелляция бессобытийной речи

проникновение во внутренний двор
курсив мой прикованный к выемке рва
распускается кожа выплунувшая рот из себя

лес вокруг башни осадили дожди

два этюда о рыбах

I

голоса рыб
бьются о внутреннюю сторону воды
глубже закапываясь в ил

2

рыба бьётся в объятиях
а потом
вспоминает что человек
и успокаивается

*

в тексте зарождается жизнь
эмбрион внутри дерева
растет в белые фазы ветвей

раскрытое окно земли
пускает корни пунктиров

смерть возможна но
не в этой жизни

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ МИР

Повесть

Итак, смотри: свет, который в тебе, не есть ли тьма?

Лк.11:35

I

Затаив дыхание, я сосредоточенно рассматривал комнату. Казалось, что-то в ней изменилось, пока я чистил зубы. В комнате появилась какая-то новая вещь, которая вот-вот отыщется – нужно только ждать, смотреть внимательнее, не сдаваться...

– Ничего ты здесь не найдёшь, – улыбнулся папа, как будто прочитав мои мысли, и прикоснулся к выключателю кончиками пальцев. Он пришёл, чтобы погасить свет.

– Подожди, пап! Ещё секундочку...

Он опустил руку и, вздохнув, присел на стул.

Всё выглядело предательски по-прежнему: бирюзовые обои с орнаментом из ракушек, белый потолок, рубашка на спинке стула. Стопка тетрадей на столе, серебристая лампа, стаканчик с ручками и карандашами. Возле кровати – небольшой комод, чуть правее – этажерка, игрушки, конструктор в коробке из-под мясорубки. Стена, снова стена. Всего их – четыре. На полу – линолеум: треугольники и квадраты. Да, ещё люстра... Я задрал голову: люстра всё та же. Но что тогда, где?

– Не найдёшь, говорю же, – повторил папа, уже без улыбки. – Пора бы тебе понять. В сущности, в этой комнате нет вообще ничего.

– А стены как же? – я начал перечислять, загибая пальцы: – Кровать, покрывало, тапочки...

– Незначительные мелочи, – отрезал папа. Я держал перед собой крепко сжатые кулачки и не мог поверить, что в них – ни словечка.

– Хотя что-нибудь имеет значение?

– Невидимое, Лёва. Только невидимое.

Я узнал об этом, когда мне исполнилось десять. О том, что я должен создать мир, папа сообщил тогда же. В мой день рождения он пришёл с работы в шесть – на полчаса раньше обычного. Под шорох полиэтилена из пакета с логотипом «Ваш выбор» появились шоколадный торт, коробка зефира, пломбир с изюмом и леденцы в разноцветных фантиках.

– Приготовься, – предупредил папа, проткнув торт ножом. – Хочу рассказать тебе кое-что важное.

Я улыбнулся, подставив блюдо. Он попросил:

Елена Кузьмичёва родилась в Ярославле в 1991 году, окончила ЯГПУ им. К.Д. Ушинского по специальности «Журналистика». Работала копирайтером, корреспондентом на новостном портале. Публиковалась в журналах «Мера», «Сетевая словесность», «Плавучий мост» и нескольких сборниках короткой прозы. Автор книги «Позвонки мышей» (М.: Русский Гулливер, 2017).

– Представь себе дерево.

Настоящих деревьев я тогда ещё не видел – только кофейное, которое росло в сиреновом горшке на кухонном подоконнике...

– Представил? Теперь пойми: дерево и семя, из которого оно проросло, едины в своём истоке. Корни и ствол, ветви и листья существовали ещё в нераскрытом семени и дожидались своего часа. Потом семя дало росток, и дерево стало деревом. Так вот, у меня вопрос. Как ты думаешь, может ли лист помнить, как был семечком?

– А что, у листа есть память?

– Неважно, – отмахнулся папа. – Но ты представь, что есть.

– Ну, тогда, наверное, и помнить может....

– Именно! Всё, что произошло раньше, чем раскрылась почка, не может совсем пропасть из памяти листа. Однако, ещё не став этим самым листом на этой самой ветке, он пережил множество превращений. Прошлое затуманилось. Информация о нём стала похожа на шифр, потому что зерно и лист говорят на разных языках. Это ясно?

– Так получается, лист был всегда, даже когда его не было?

– Верно. Был, но другим.

– Понятно, – я принялся за второй кусок торта. – А откуда ты знаешь?

– Я понял это интуитивно. Дерево – просто пример для наглядности. А рассказать я хотел о мире. По одной из версий, он состоит из бесконечного времени и бесконечного пространства. Скорей всего, наша планета возникла четыре с половиной миллиарда лет назад. С момента появления первого человека прошло несколько миллионов лет. На сегодняшний день на Земле живёт семь миллиардов людей. Но никто из них не может с достоверностью ответить на вопросы о происхождении мира, размерах Вселенной, взаимодействии материи и духа, смысле жизни, в конце концов... Никто не может ни создать новый мир, ни кардинально изменить этот. Все делают вид, что так и надо. Но я знаю способ...

– Пап, а можно ещё кусочек? – попросил я, глядя, как соблазнительно блестят на торте ярко-красные вишенки.

– Последний, – предупредил папа и потянулся к лопатке. – Ты, главное, слушай. На чём я остановился?

– На том, что знаешь какой-то способ.

– Да! В его основе – память и творческая активность. Есть память индивидуальная и память всеобщая. Индивидуальная память – это наши личные воспоминания о произошедших с нами событиях. Всеобщая – воспоминания о жизни человечества. Врождённое знание обо всём на свете. Всеобщая память есть у каждого, хотя знают об этом немногие. Лист может вспомнить, как был зерном и первым ростком, но только при подходящих условиях... Тот, кто откроет для себя всеобщую память, сможет пронаблюдать всю историю человечества, и, уходя всё дальше вспять, добраться до памяти Бога. Наш мир был сотворен, Лёва. Он тоже когда-то пророс из зерна. Добравшись до этого момента, наблюдатель перестает быть наблюдателем, а память – памятью. Происходит преобразование. Прошлое становится реальностью, а человек – творцом. Приняв участие в акте творения, он может изменить историю или создать новый мир. Такая возможность есть у каждого. Проблема в том, что никто не догадывается. Или догадывается, но слишком поздно... А теперь – самое главное, – он выдержал паузу. – Это сделаешь ты, Лёва. Именно ты создашь новый мир. Поэтому ты и не выходишь из квартиры.

– Но ты же говорил...

– Я говорил, снаружи опасно. Так оно и есть. Но это не вся правда...

– Подожди, пап. Можно я запишу новые слова, пока не забыл?

– Тьфу ты! – нахмурился он. Но в день рождения ругать не стал: – Бог с тобой, записывай. Продолжим завтра.

Мы допили чай и разошлись по комнатам. Свою он называл «кабинетом», и входить туда мне было строго запрещено. Чтобы сосредоточиться, папа нуждался в тишине и одиночестве. По-

нятия не имею, на чём именно он сосредотачивался. Скорей всего, читал и медитировал, а может быть, просто размышлял, лёжа на диване под лампой с холодным светом.

В тот вечер я записал в свой словарь «преображение» и «Вселенную». До тех пор, пока папа не рассказал мне о памяти Бога и сотворении миров, коллекционирование слов было моим главным, можно сказать, единственным занятием. Разницы между словом и вещью для меня не существовало. Буквы, записанные на бумаге, я считал рисунками слов. А сами слова, думалось, реальны и весомы, как кухонный табурет или крючок для куртки. Если невидимое действительно важнее видимого, то «радость», «мысль», «желание» важнее «ложки», «потолка» и «зубной щетки». Такой порядок вещей казался мне несправедливым.

На следующий день, как и было обещано, наш разговор возобновился. Папа объяснил всё заново, и я начал понимать, что он говорит серьёзно. Однако перспектива создать мир особой радости не внушала.

– Почему ты сам не можешь всё создать? – недоумевал я, обхватив руками колени.

– Вспомни колдовские чары из сказок. Думаешь, это выдумки?

– Не знаю.

– Так вот, не выдумки. Мы все заколдованы миром, как чарами ведьмы. Все, кроме тебя. Увидевший мир, хочет того или нет, тонет в нём безвозвратно. Мы увидели и обо всём забыли. Забыли прошлое, забыли самих себя. Мы почувствовали себя пылинками в Космосе и отказались от возможности стать творцами других миров. Это у нас называется: принять мир таким, какой он есть. Я слишком долго пробыл снаружи, Лёва. Я тоже заколдован. Но ты – нет.

– Ого! – мне нравилось чувствовать себя героем сказки. – Но что я должен делать?

– Хороший вопрос, – папа чуть заметно улыбнулся. – Возможно, ответ мы найдём вместе. У меня есть несколько предположений... Но дело в том, что я слишком много знаю об этом мире. Все мои методы годятся только для него. Я могу научить человека меняться и в какой-то степени менять реальность вокруг себя. Для этого существуют духовные практики. Но научить создавать миры я не могу. Да, на первый взгляд это похоже на сказку «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Но я не сомневаюсь, что ты справишься. Главное – чётко осознавать цель. Теперь ты знаешь, в чём состоит твоя. Средства найдутся, если ты будешь искать. Временных ограничений нет. Для начала советую тебе поработать с памятью. Ничего сложного – просто вытаскивай из неё всё, что найдёшь. Или, ещё вариант – попробуй создать что-нибудь небольшое. Возможно, погружение в память – не единственный способ творить.

– Попробую, – со всей серьёзностью согласился я. – А как понять, что мир создан, и больше ничего не надо делать?

– Не беспокойся, – папа присел на кровать и обнял меня за плечи. – Если всё получится, стены исчезнут, и ты его увидишь.

Раньше слово «мир» означало для меня примерно то же, что «квартира». Когда папа сказал, что там, за стенами находится какое-то бесконечное пространство, я спросил, сколько в нём комнат. Позже, изучив план квартиры, я стал представлять её как серый параллелепипед, закупоренный со всех сторон. Семь миллиардов людей бродят вокруг него в бесконечности и не знают, что внутри живу я, единственный незаколдованный. Но есть и те, которые не бродят. Их называют мёртвыми. Они лежат под землёй, невидимые и немые. Их больше, чем живых – и моя мама с ними.

Её тело положили в яму, а потом забросали землёй, точно такой же, как в сиреневом горшке. Мама умерла в тот момент, когда я родился, поэтому я видел её только под стеклом. На фотографии, которую папа повесил в прихожей. У мамы были счастливые глаза, светлые волосы и красивое имя – Злата. Я не мог представить её ни живой, ни мёртвой. Мама была на фотографии – больше нигде. Но папа говорил, что это можно исправить.

– Ты можешь создать мир, где все будут живы.

- Правда-правда?
- Да, но начни с малого.

2

Достав из шкафа половник и глубокую тарелку, Марина на минуту задержалась возле окна. Небо было неопределенно светлым, как перламутровая изнанка речной ракушки. Двор пустовал. Только старичок из соседнего дома выгуливал седую овчарку с перебинтованным животом, мерно постукивая клюкой по тротуару.

– Завтра придут гости, – напомнила Марина и, резко задернув полупрозрачную занавеску, подошла к плите. Зачерпнула из кастрюли борщ. Наполнив тарелку до краёв, осторожно донесла до стола и поставила перед своей свекровью.

Галина сидела на табурете, прислонившись плечом к засаленной стене, положив локти на стол. Когда-то её глаза цвели васильковой синевой, но теперь потускнели, состарились. Морщины вошли в кожу глубоко, словно прутья невидимой клетки, которая со временем стала тесной.

– Я никого не жду, – Галина осторожно отхлебнула из ложки.

– Но гости всё равно придут. Ваш бывший муж с дочкой от второго брака. Станислав с утра звонил. Билеты, говорит, уже купили... Вам достать сметану?

– Не было у меня никакого мужа! – убежденно возразила свекровь. – Который день одно и то же. Думаете, я совсем из ума выжила?

– Просто кое-что забыли, – безмятежно отозвалась Марина и, поставив на стол ещё одну тарелку супа, крикнула в направлении гостиной: – Ваня, иди кушать!

Минуту спустя на кухне появился её муж, худощавый брюнет с безнадёжно искривлённым позвоночником. В профиль его сутулая фигура напоминала слепок из пластилина, обмякший и слегка накренившийся в тепле. Вялые жесты никак не вязались с напряжением сосредоточенного взгляда, который никогда не бывал рассеянным.

– Пахнет вкусно, – констатировал Ваня и уселся за стол напротив матери.

Нарезав буханку, Марина разложила кусочки хлеба аккуратным веером на плетёном блюде. Дополнила композицию веткой петрушки и, чуть склонив голову, мгновение полюбовалась получившимся натюрмортом – всё, что она делала, неизменно оказывалось красивым. Это заметила ещё покойная бабушка, восклицавшая по десять раз на дню: «Ну, Маришка! Ну, мастерица растёт!» Даже синюшные куриные ножки с пупырчатой кожей были великолепны в её кастрюле.

Было время, когда Ваня мог часами смотреть на жену, не произнося ни слова. Любовно вглядываться в янтарные прожилки карих глаз, светлые веснушки на розоватой, полупрозрачной коже и огненную шевелюру, которую Марина никогда особенно не берегла. По дороге с работы она могла завернуть в парикмахерскую и подстричься под машинку – последний эксперимент пришёлся как раз на вчерашний вечер. Новая стрижка была ей к лицу: волосы до плеч, правый висок выбрит, косая челка чуть спадает на глаза.

– Я вот говорю, гости придут, – Марина сняла фартук, развязав за спиной тесёмки. – Надо будет на стол накрыть. Но Галина...

– Опять забыла, что придет отец? – без особого интереса осведомился Ваня.

– И этот туда же! – проворчала Галина. – Папаня твой уж девять лет как помер. Совсем спился под конец... И, ещё раз повторяю, мужем он мне не был. Обошлось, слава богу.

– Звучит правдоподобно, – флегматично заметил сын. – Однако...

– Я видела его в гробу.

– Мама, – вздохнул Ваня и принялся за еду.

Каждый день просыпаясь с новой жизнью, Галина верила в неё по меньшей мере до следующего утра. По прошествии ночи воспоминания могли измениться самым непредсказуемым образом. То и дело Галина становилась старше на десять лет или моложе на двадцать пять, приобретала новое гражданство, считала себя актрисой на пенсии, с ужасом рассказывала о никогда не

происходившей авиакатастрофе, в которой якобы чуть не погибла. Но, с какими бы воспоминаниями ни проснулась Галина, сын Ваня присутствовал в них неизменно. Свою невестку она порой величала Наташей или Анютой, но за знакомку не приняла ни разу.

Вскоре после женитьбы, в пору воодушевления и кратковременной веры в медицину Ване удалось уговорить мать пройти обследование. «Парамнезия с психиатрической подоплёкой», – подвёл его итоги престарелый невролог, чинно поправив очки в подтверждение своей компетентности.

Несмотря на отсутствие органических нарушений, память Галины постоянно меняла структуру наподобие картинки внутри трубки-калейдоскопа, позволяя женщине заочно проживать множество новых, прежде неведомых жизней. Лекарства были опробованы, но не помогли. Поэтому, ожидая гостей, молодые люди надеялись только на удачу. Быть может, как раз к их приезду события встанут на свои места, и Галина вспомнит своего первого мужа, которого не видела с тех пор, как был оформлен развод...

Уже тогда Станислав любил крепко выпить. Вкупе с очевидным вредом эта привычка приносила и скромную пользу, позволяя на время забыть о сожалениях, которые с неслыханной скоростью размножались в его сознании в трезвые часы.

Второй брак Станислава продлился немногим дольше первого. То, что было названо любовью, истаяло в повседневности вскоре после рождения дочки. Он сам выбрал для неё имя – Светлана. Когда жена ушла, девочка осталась с ним. Белокурая, доверчивая, немного робкая. Ради неё Станислав годами держал себя в руках, лишь изредка утешаясь рюмкой-другой какого-нибудь горячительного напитка. Только недавно старая привычка снова одержала верх. Станислав внезапно обнаружил, что его крошка, его лапочка превратилась в красивую двадцатидвухлетнюю женщину и собирается переезжать к жениху.

Он не хотел остаться в одиночестве, в медленной смерти без цели и смысла. Старость подползла совсем близко, в этом году ему стукнет шестьдесят, но вся его жизнь – одно бесконечное сожаление. Только поэтому он решился на этот странный, на первый взгляд нелепый поступок.

Станислав думал повидаться с Галиной и раньше, но по обыкновению колебался, отодвигал сомнительную возможность подальше в будущее. Теперь время для неё, наконец, пришло. Нужно было, в конце концов, хоть одним глазком взглянуть и на сына. Он помнил Ваню пятилетним мальчиком в джинсовых шортах и футболке с оранжевым зайцем.

Света обрадовалась поездке: в детстве она мечтала о старшем брате, а «необыкновенную, ни на кого не похожую» Галину отец вспоминал всякий раз, когда разрешал себе выпить.

В электричке девушка рассеянно мечтала, поглаживая на безымянном пальце тонкое колечко – подарок жениха. В августе Гриша сделал ей предложение, церемонно опустившись на колено возле столика в ресторане. В нежной полудреме Света пыталась представить его лицо и уже предвкушала возвращение, скорые хлопоты переезда, свадьбу, тихое венчание в какой-нибудь деревенской церкви и непременно путешествие к морю – они ещё не решили, к какому. Только бы отец сумел радоваться вместе с ней...

Всю дорогу Станислав теребил в руках газету, купленную в вокзальном киоске. То скручивал её в трубу, то разворачивал, тщетно вглядываясь в буквы, то пытался смастерить бумажный корабль – и не помнил, как это сделать.

Когда гости позвонили в дверь, Марина как раз заканчивала накрывать на стол – выкладывала вилки и ножи на белоснежную скатерть. Выпустив из рук приборы, девушка поспешила в прихожую.

Она сразу отметила, что Станислав выглядит гораздо старше своего возраста. Подрагивающие руки, дряблые мешки под глазами и крупный, чуть красноватый нос недвусмысленно намекали на одну из причин рано наступившей старости. Рядом с отцом Света нарочито сияла красотой. Мягкие белокурые волосы, гладкая кожа без единого изъяна, открытый взгляд, не очерченный макияжем, – всё в ней молчаливо внушало доверие и какое-то необъяснимое сочувствие. Что-то вроде желания помочь, даже если в этом нет необходимости.

– Проходите, – пригласила Марина, улыбнувшись. – Галина в гостиной, а Ваня вот-вот вернётся.

Станислав потёрся подошвами о жёсткий коврик, долго развязывал шнурки и ещё дольше пытался просунуть ноги в тапки не по размеру. Мельком взглянув в зеркало, отвернулся, провёл по лицу ладонью. Робко вошёл в гостиную. Но женщина, сидевшая в кресле у рыжего торшера, имела мало сходства с его необыкновенной женой. Сдерживая горечь, Станислав опустился на стул:

– Как мы постарели, Галочка!

Ветер распахнул незапертую форточку, и лёгкие шторы взмыли над полом. В застеклённом шкафу звякнул потревоженный Мариной сервиз.

– Ну, какая я вам Галочка? Подите лучше форточку закройте, – отозвалась женщина, вытащив очки из замшевого футляра. Сквозь толстые линзы она внимательно изучила лицо гостя, но знакомых черт не обнаружила.

Ваня появился пару минут спустя. Холодный, подчёркнуто отчуждённый.

– Даже не верится, что мы – родня, – пробормотал он, улыбнувшись Свете трудной, с усилением вдавленной в лицо улыбкой. Заглянув в гостиную, протянул руку отцу: – На фотографиях ты другой.

Все расселись вокруг стола. Громоздкие, похожие на старую шкатулку часы громко тикали на подоконнике.

– Попробуйте салат с кальмарами, – предложила Марина, пытаясь заглушить назойливый звук. – Всегда готовлю его на праздники.

– Поделишься рецептом? – отозвалась Света, попробовав.

Их разговор быстро иссяк, уничтоженный молчанием остальных.

В центре стола, возле хрустальной салатницы заманчиво возвышалась откупоренная бутылка красного полусухого. В конце концов Станислав не выдержал её довлеющего присутствия и, наполнив бокал, опустошил его залпом.

Сидя бок-о-бок с отцом, Ваня неторопливо ел, запивая салат клюквенным морсом. В отличие от Станислава, он никогда не сожалел о прошлом и давно уверился в том, что любое событие до смешного предсказуемо.

Прошло четыре года с тех пор, как Ваня устроился на атомную станцию оператором реакторного отделения. Строго следуя предписаниям, он ежедневно отслеживал состояние основного контура и вспомогательной техники, систем водоснабжения и аварийного охлаждения, оборудования для газовой очистки, насосно-теплообменных установок, вентиляции, кондиционирования и отопления. Он очень устал строго следовать предписаниям.

Каждое утро Ване стоило большого труда заставить своё тело встать с кровати. Нашупав ногами тапочки, он приказывал рукам умыться и побрить лицо, голосу – пожелать жене доброго утра, челюстям – прожевать завтрак. Вместо зарядки добирался до АЭС пешком и, едва миновав проходную, становился частью механизма, работу которого отслеживал. Смена специальности представлялась невозможной и даже нелепой: чего ради? Только в реакторном отделении Ваня чувствовал себя на своём месте. Он был бы там счастлив, если бы не эти упорные, однообразные мысли, которые клубились в мозгу, вызывая нечто вроде щекотки: «Здесь какая-то ошибка, оплошность, фальшь».

Вилки и ножи принужденно постукивали по тарелкам. Затянувшееся за столом молчание достигло того предела, за которым невозможно произнести ни слова – Ваню это не волновало. Он воспринимал происходящее чисто фактически, как если бы смотрел не в собственную жизнь, а в инструкцию по эксплуатации оборудования. Наладить работу этой системы было не в его компетенции.

Заметив, что стакан мужа пуст, Марина потянулась за морсом. Она хорошо помнила день, когда Ваня впервые вернулся домой другим. Но уже тогда эта перемена имела для неё не больше значения, чем меняющаяся за окном погода. Их быт был невесом, почти неощутим – привычный

контекст, ставший необходимостью, в котором каждый жил наедине с собой, словно в коконе шелкопряда.

Снаружи моросил дождь. Посреди пустого двора стояла засохшая ива, вся чёрная от влаги. Вечное напоминание: когда-то было иначе. Когда-то зеленели продолговатые листья, и медовые капли скатывались по их жилкам после дождя. Вернуть то время было невозможно даже в проекции. Но память не отпускала, настаивала: верни. Каждый день Марина упрямо смотрела на мёртвую иву, так, словно ждала, что дерево вот-вот оживёт, и всё начнётся сначала.

Галина молчала в кресле. Незадолго до появления гостей она вспомнила, что Ванюша так и не заказал ей новый слуховой аппарат взамен того, что сломался на днях. А ведь она просила, и не раз... Галина была уверена, что за столом продолжается разговор, недоступный её слуху. Прикрыв глаза, то и дело уплывая в полудрему, она видела себя прежней – красавицей в свете софитов. Подумать только! Была звездой, хоть и не мировой величины – артисткой местного театра. Зрители аплодировали стоя. Недолговечные букеты благоухали, и все эти люди с блестящими глазами, восторженные, счастливые, казалось, живут в полную силу. Неважно, что этого никогда не было. Неважно и то, что Галине никогда не требовались звукоусиливающие приборы. Воспоминания тронули до слёз. Но, приподняв голову, она удержала их в резервуарах глазниц.

– Предлагаю выпить за то, что... – Stanisław решил было произнести тост, но отсутствующий взгляд Галины подействовал, как анестезия, на его голосовые связки.

Не договорив, мужчина молниеносно осушил бокал и снова наполнил его вином. Ещё недавно он чувствовал себя неловко, но с каждым глотком смущение таяло, уступая место всегдашнему сожалению. И зачем он только приехал? Здесь всё не так: бессловесная старуха, невидящие глаза, и зеркало в прихожей так некстати правдиво... Stanisław всё глубже уходил в себя, оставляя реальность за пьяной поволокой.

Только Свете негде было спрятаться. Быстро и неосознанно, памятью рук она сложила из салфетки кораблик и тут же смяла его в кулаке. За спиной тикали часы. Каждая секунда входила между лопаток, как пуля. Перехлёстываясь через подоконник, в комнату текли сумерки. На стене, возле дверного косяка Света заметила выключатель, но заставить себя встать не могла. Тишина опустошала, выжимала силы по капле. Казалось, всё рухнет, стоит только шевельнуться. Как будто все сидящие за столом были отлиты в одной гипсовой форме, которая при малейшем движении треснет, расколется – никого не оставит целым.

Лица были едва различимы, когда, к удивлению Светы, отец встал с дивана и решительно направился в прихожую. Гипс хрустнул, выпуская наружу живых, лишь немного покалеченных людей.

– Спасибо за прекрасный вечер, – тихо, с сожалением поблагодарил кого-то Stanisław. Одевшись, продолжил уже громче: – Я сейчас вернусь, дочка, только винца возьму на дорожку...

– Постой! Давай лучше...

Он вышел, не дослушав. Дверь захлопнулась тихо, без вызова. Оцепенение схлынуло. Света встала и, обогнув угол стола, щёлкнула выключателем. Рука на мгновение замерла в воздухе, как отколовшийся фрагмент статуи.

– Не вернётся он, всё.

Ваня на мгновение зажмурился от яркого света. Бесшумно постучал пальцами по столу.

– Кто не вернётся? – очнувшись от дремоты, спросила Галина.

Марина отвела взгляд от окна:

– Может, переночуете у нас? Гостиная свободна. Ты ляжешь на диване, а для Stanisława кресло разложим.

3

– Надо прибраться в комнате, – бросила мать по пути на кухню, стараясь выполоть из голоса раздражение. – Всё в пыли, прямо дышать нечем.

– Но я дышу, – сказал Филипп самому себе.

Планировка квартиры на первом этаже серой кирпичной высотки не оставляла ему шансов на уединение. Комната Филиппа, сохранившая отделку ещё с советских времён, располагалась между кухней и родительской спальней. Сидя за письменным столом или лёжа в кровати, он постоянно слышал близкие шаги, которые отдавались в скрытых под линолеумом половицах вибрацией и лёгким скрипом.

– Приберись, слышишь? – крикнула мать из кухни.

На столе пылились две стопки учебников, позаимствованных у библиотеки ещё в прошлом году. Филипп сидел рядом, подперев голову рукой, и задумчиво смотрел в окно.

– Фил!!!

– Да слышу я...

На инженерно-техническом факультете местного вуза он учился из рук вон плохо и минувшим летом был отчислен из-за прогулов. «Четыре года коту под хвост! Что теперь будешь делать?» – то и дело сговаривала мать. Филипп ткетно отвечал, что начнёт сначала. «Начнёшь, как же! Знаю я, как ты начинаешь. Посуду помыть попросишь – и то два дня ждать приходится...» Теперь он подумывал о том, чтобы выучиться на врача. Ближайший медицинский университет был не так уж далеко – пять часов пути, если ехать на поезде.

В запасе оставался почти год, чтобы подготовиться к вступительным испытаниям. Но Филипп был слишком рассеян для самоподготовки. Внимание подводило всякий раз, когда он пытался заниматься. Знания распадалась на агрегаты знаков, чей суммарный смысл проплывал мимо разума в неизвестном направлении.

– Снова спишь с открытыми глазами! – теперь в голосе матери было больше сочувствия, чем упрёка. Она шла в спальню с чашкой кофе. – Лучше бы работу нашёл.

– Я посмотрю вакансии, – отозвался Филипп, не поворачивая головы.

– И доктору надо бы показаться, – добавила мать.

– Это ещё зачем?

– Как зачем? Голову проверить. Ты стал такой рассеянный...

– Я чувствую себя хорошо, – медленно выговорил Филипп, надеясь, что фраза не фальшивит. Мягко шелкнув, захлопнулась дверь спальни.

Прошлой осенью, возвращаясь из университета, он шёл оживлёнными перекрёстками, больше ориентируясь на течение собственных мыслей, чем на правила дорожного движения. Только в воздухе, ударом подброшенный над асфальтом, он обратил внимание на сигнал светофора. Красный штрих света пролетел над ним кривой траекторией и погас в темноте. Филипп потерял сознание, оставив на бампере микроавтобуса глубокий отпечаток своего черепа. Крупными каплями падал дождь. Пассажиры высыпали из салона и обступили тело плотным полукругом. Какая-то пожилая женщина присела рядом и раскрыла над его головой чёрный зонт.

Очнувшись, Филипп обнаружил себя в больничной палате. Над головой повис белый потолок с матовым квадратом света по центру. Мама держала на коленях маленькую красную сумочку с золотой застёжкой.

«Наконец-то! – женщина крепко сжала руку сына, бледным крабом лежавшую поверх одеяла. С момента аварии прошло три дня. – Ты поправишься, мой хороший, поправишься очень скоро». «Сумочка под цвет ногтей», – шепнул Филипп и, вздохнув, снова уплыл в уютную без видений тьму.

Он действительно скоро поправился, но травма не осталась без последствий. «Я вижу странные, слишком реалистичные сны», – записал Филипп через месяц после выписки, конспектируя свои опасения вместо лекции по физике. Он снова ходил на пары, но только для проформы.

Явь стала похожа на сны, а сны – на явь. Как-то после занятий Филипп решил зайти в гости к деду – попить чайку и сыграть партию в шахматы – но по пути вспомнил, что пять лет назад сам покупал венок на его похороны. В другой раз студент-четверокурсник проснулся с уверенностью, что опаздывает в школу. Битый час он разыскивал в комнате учебники для десятого класса и не находил даже ранца...

Не столько запутавшись, сколько испугавшись, Филипп обратился в клинику.

«...Поражение лобной лимбической системы приводит к дефициту психической избирательности, – монотонно объяснял врач, без любопытства листая медицинскую карту Филиппа. – Мысли, сны, фантазии, факты – всё смешивается. Появляются, в частности, и “сны наяву”. Данное расстройство сознания называется ониризм. Можете почитать об этом в интернете. О-НИ-РИЗМ! Запишите, а то забудете... Я понимаю, феномен малопривлекательный. Но мыслить ясно, мне сдаётся, вы можете. Да или нет?» «Вроде бы», – Филипп пожал плечами. «Вот видите! – врач изобразил ободряющую улыбку. – Вам уже назначены хорошие, проверенные препараты. Менять курс лечения, на мой взгляд, смысла нет. Будьте терпеливы... Травма была серьёзной, и восстановительный процесс, возможно, займёт ещё какое-то время. Если симптомы не исчезнут или будут ухудшения, тогда другое дело. А пока – принимайте лекарства и появляйтесь раз в неделю. Вам всё ясно? Если вдруг появятся вопросы, я всегда к вашим...»

Пациент поспешно кивнул.

С тех пор он ни разу не был у врача. После посещения клиники собственное беспокойство показалось ему преувеличенным. Чтобы пережить временные последствия травмы, по его мнению, было достаточно просто соблюдать режим дня и найти какой-нибудь надёжный метод различения снов и яви.

Филипп начал вести дневник наблюдений. Каждое утро, проснувшись, он первым делом включал ноутбук и записывал свои сны. Если какое-то событие вызывало сомнения, Филипп искал доказательства его реальности или нереальности, а затем перечислял их нумерованным списком. Не имея надёжных ориентиров, он всё чаще полагался на вещи. Издали они зачастую выглядели реалистично, но при ближайшем рассмотрении обычно позволяли разоблачить сон. На всякий случай Филипп тщательно задокументировал обстановку квартиры, составив описание для каждого предмета.

Ещё один нумерованный список, составляемый ежедневно, был посвящён физической форме сновида. Филипп скрупулёзно фиксировал в дневнике частоту своего пульса, температуру тела, показатели артериального давления и прочие нюансы, сожалел об отсутствии приборов, позволяющих отслеживать состояние организма прямо во время сна. Денег на покупку таких гаджетов у него не было.

То, что поначалу сводило его с ума, со временем стало способом существования. «Отделить реальность от сна, проживать то и другое в чистом виде... Или, напротив – объединить сон и явь в единую симфонию смыслов... Может быть, это – моё настоящее призвание? – записал Филипп в дневнике наблюдений, когда в нём уже накопилось несколько сотен страниц. – С сегодняшнего дня попробую не принимать лекарства. Мне теперь кажется, что моя болезнь – не болезнь совсем, а возможность, которая выпадает единицам. Проживать две жизни одновременно! Ради этого стоило разбить голову о бампер».

Понимая, что родители считают иначе, Филипп усердно скрывал от них обстоятельства своей жизни. Это было не так-то просто, учитывая планировку квартиры. Попадаясь в ловушки сновидений, он то и дело забывал о поручениях матери, без причины пропускал учёбу, а в разговорах, неизбежных в быту, допускал фактические неточности. Мать терпеливо ждала улучшений, объясняя происходящее последствиями травмы. А вот отец временами совсем некстати проявлял настойчивое любопытство.

«Может скажешь, что происходит?» – спросил он однажды, положив на плечо сына тяжёлую руку. Филипп не отвечал, задумчиво глядя на экран ноутбука. «Вчера заглянул в твой дневник. Чисто случайно, сел погоду посмотреть, а тут – на тебе! Какая-то галиматья...» «Ничего секретного, – наконец заявил сын. – Я просто решил изучать сны». «Психоанализ?» «Не! – отыскав статью в Википедии, он прочёл вслух: – Сомнология – раздел медицины и нейробиологии, посвящённый исследованиям сна, расстройств сна, их лечению и влиянию на здоровье человека». «А что, неплохо», – одобрил отец. И опасность миновала.

Проблема выбора специальности отпала сама собой. Спустя полгода после аварии Филипп был уверен, что вполне способен прожить две жизни одновременно, оставаясь в здравом рас-судке.

Время, оставшееся до поступления, он решил расходовать целенаправленно: «Во-первых, сбор материала (ежедневное ведение дневника, поиск информации о нарушениях лимбической системы, изучение расстройств памяти и сна). Во-вторых, подготовка к экзаменам по химии, биологии и русскому языку. В-третьих, заработок. Деньги нужны на тот случай, если я буду учиться на платной основе».

Цели были добросовестно поставлены, но сосредоточиться на их достижении удавалось всё реже. Отказавшись от лекарств, Филипп начал засыпать на ходу и по несколько раз на дню поддавался соблазну «немножечко вздремнуть». Веки тянулись друг к другу, как сильные магниты. Ведь в той, второй жизни он уже стал сомнологом!

Во сне он основал «Союз живых вдвойне», члены которого обладали даром прожить две жизни одновременно. Филипп учил членов «Союза» исследовать прожитые сны согласно методам научного познания, сохранять ясность рассудка и придерживаться строгого распорядка, который наяву был недостижим даже для него самого. Порой он оставался в постели до полудня, но, вставая, не чувствовал себя выспавшимся. Его сон был похож на дремоту и не позволял как следует отдохнуть.

Вместе с тем сновидения всё лучше овладевали законами материального мира и мастерски встраивались в него, не оставляя улик. Путаница настигала там, где Филипп ожидал её меньше всего. Чего стоили одни только школьные друзья, которые являлись в его сны с чудовищным постоянством!

Он был уверен, что виделся с Мариной наяву. Бывшая одноклассница жила в соседнем дворе – вроде не удивительно, что заглянула в гости. Точь-в-точь как раньше, она принесла ему книгу. Собираясь её вернуть, Филипп вышел из дома, но возле засохшей ивы замер в замешательстве. Медленно, с опаской опустив глаза, он заметил, что переплёт покрыт пылью... Переплёт учебника по общей психологии, который он пытался штудировать в прошлом году! Отыскав на форзаце библиотечный вкладыш со своей подписью, Филипп разжал пальцы и уронил книгу в слякоть.

Вчерашний вечер высветился в памяти иначе. Ужин в кругу семьи, спагетти и пережаренные котлеты. Мать жаловалась на мигрень, отец просил передать солонку. Разумеется, Марина не приходила. Но, может быть, и ужин был сном? На лбу проступил пот. Филипп успокоился только на кухне, бережно, с благодарностью взяв в руки грязную тарелку с разводами кетчупа – единственную вещь, на которую смог опереться в своём сомнении...

Нет, Марина не приходила. Но некогда, в школьные годы они действительно обменивались книгами и во время уроков читали их наперегонки, пряча под раскрытыми на партах учебниками. В начальных классах, сбежав с большой перемены, воровали шоколадные конфеты в магазинчике за углом. Выдумывали собственные формулы для решения задач, вместе прогуливали физкультуру и, каждую четверть соревнуясь в количестве двоек, на спор выигрывали олимпиады. После уроков гуляли по заброшенным стройкам, забирались в подвалы и на крыши, бродили по лесу в поисках ежей, и время, казалось тогда, существовало только на циферблатах.

Третьей в их компании была Софи, девчонка с вызывающим взглядом, тонкими губами и необычным, немного звенящим голосом, который звучал так, словно слился со своим эхо. Она терпеть не могла школьную форму и неизменно приходила на занятия в широких джинсах с дырками на коленках. В классе её недолюбливали, но не дразнили. Одни называли её Софи, другие, из-за низкого роста – Малышкой Со, но никто не звал ни Сонечкой, ни Софией. В пятнадцать лет она отрезала себе косы, дважды лязгнув портновскими ножницами на уроке труда, а дома сбрила машинкой отчима всё, что осталось от причёски.

«Что стряслось?» – на всякий случай спросила Марина, взглянув на безволосую голову подруги. В коридоре, стоя поодаль от остальных, они ждали звонка на алгебру. Софи как обычно

отмахнулась: «Ничего». И после уроков они выпили две коробки вина, по очереди декламируя Лермонтова. Почти не обсуждая друг с другом личной жизни, после нескольких лет дружбы девушки научились пониманию без слов.

Только наедине с Филиппом Софи изредка позволяла себе некоторую откровенность. «Хватит уже!» – однажды не выдержал парень, чувствуя себя неуютно под её долгим взглядом. Они сидели на ступенях школьного крыльца. «Не дождёшься», – отозвалась Софи и закурила. Он попробовал пошутить: «Таким взглядом покалечить можно!» Но подруга продолжала смотреть на него сквозь дым: «Я просто учусь любить тебя, Фил. Мне всё ещё страшно, а ведь любовь, она ничего не боится...»

Не зная, что сказать, Филипп опустил глаза. Совсем недавно он снова влюбился. Объектом его страстной симпатии неожиданно стала Лейла, грузинка из параллельного класса. Её волосы спадали на плечи и спину, как блестящие чёрные волны, густым ресницам не требовалась тушь, а лёгкая улыбка придавала лицу какое-то неземное выражение, исполненное глубокой тишины и неведомого Филиппу покоя. По праздникам Лейла восходила на школьную сцену и пела что-то лирическое на своём непонятном языке, двигаясь так плавно и невесомо, словно не касалась ногами паркета. Однажды Филипп почувствовал, что слушает её не только ушами – всем телом и сердцем. И родственная душа, которую он уже не чаял встретить, – вот же, парит перед ним в искрящемся изумрудном платье!

«Мы все говорим на разных языках», – заявил он после концерта с такой торжественной интонацией, словно открыл нечто небывалое. Марина и Софи молчали по обе стороны от него, усевшись на низком заборе у входа в школу. «Никто никого не понимает, – продолжал Филипп. – И никогда не поймёт. Мы можем только попытаться выучить язык, в котором слышим что-то родное». Софи усмехнулась: «Хочешь выучить грузинский?» «Чего смешного?» – набылчился влюблённый, жалея, что начал разговор. Марина поддержала подругу: «Да хотя бы то, что с Лейлой ты ни разу не говорил». «Ещё успею!» – угрюмо отозвался Филипп. «Давай, – кивнула Софи. – Насколько я знаю, она любит цветы, Грузию и вечерние платья. Вот тебе и темы для разговора».

В день рождения Лейлы Филипп пришёл в школу с белым букетом роз, схваченных тонкой лентой. Переодев сменку, дождался именинницу у входа.

«Какая прелесть!» – промурлыкала девушка и, осторожно взяв цветы, поднесла их к лицу. На её ресницах блеснули капельки растаявшего инея. «Может, прогуляемся после уроков?» – без обиняков предложил Филипп. Но Лейла, как будто залюбовавшись букетом, не отвечала. Софи наблюдала за ними издали, прислонившись к подоконнику возле гардероба. «Так как насчёт прогулки?» – настоял Филипп. И Лейла покачала головой: «Ме шен ар момцонхар». «Как ты сказала?» Оглушительным диссонансом прозвенел звонок. «Извини, мне пора. Химия...»

Марина и Софи пристали на первой же перемене: «Рассказывай, мы всё видели!» «Да чё там... – нехотя начал Филипп. – Предложил погулять, а она в ответ – что-то типа “мишен армамсэнхар”. Фиг разберёшь!» «Я тебе объясню, – обнадёжила его Софи, захлопнув учебник, и Филипп на секунду поверил, что она знает грузинский. – Это значит: после школы я уеду на родину и найду себе джигита». Подружки рассмеялись. «Идите вы в жопу!»

Он больше не влюблялся. На первом курсе сошёлся с Мананой – однокурсницей родом из Тбилиси. В силу национальности девушка имела отдалённое сходство с Лейлой, но её короткие волосы не были похожи на волны, а ресницы, казалось, вот-вот сломаются под чёрной тяжестью туши. Филиппу не удавалось отыскать в ней Лейлу даже с закрытыми глазами – мешал неприятный, низкий с хрипотцой голос. Их роман не продлился и двух месяцев. Зато Манане не составило труда перевести слова, произнесённые её соперницей: «Тебя просто отшили, мой сладкий. Она сказала по-грузински, что ты ей не нравишься».

Сразу после отчисления Филипп забыл о Манане. А вот её прообраз, Лейла, так и сидел в воображении, несмотря на четыре года, минувшие с их единственного разговора. «За это время в моей жизни не появилось ни души, – записал Филипп в дневнике наблюдений, позволив себе

минутное отступление. – Манана не в счёт. При звуке её голоса у меня пропадала эрекция, и вообще...»

Звонок в дверь мгновенно вышвырнул его из прошлого.

– Это к тебе! – заглянув, сообщила мать. И Филипп закрыл ноутбук.

– Совсем забыл, что ты собирался зайти, – признался он, когда в комнате появился Никита, складный мужчина с аккуратно зачёсанной назад чёлкой, радушным взглядом и округлым животом, слегка нависающим над пряжкой ремня.

– Я не удивлен, – улыбнувшись, гость протянул другу руку.

В одиннадцатый «В» Никита был зачислен единственным новичком. Мгновенно поладив, парни без конца состязались в умении играть не по правилам. На контрольной по геометрии, «слишком лёгкой для того, чтобы принимать её всерьёз», Филипп нарисовал внутри подобных треугольников двух уродливых стрекоз, а Никита решил задачи, опираясь на формулы собственного изобретения. В знак поддержки Марина и Софи весь урок выводили в тетрадях лозунги: «Евклид – это скучно», «Нет Пифагору», «Свободу параллельным прямым»... Сбежав на перемену, компания хохотала вовсю и немного посерьёзнела лишь после того, как родителей в очередной раз вызвали к завучу.

Теперь Никита был единственным другом, который являлся Филиппу не только в сновидениях.

– Как продвигается самообразование?

– Да так... – отмахнулся Филипп. – А в городе что нового?

– Сплошной криминал, – зевнул Никита. Он работал в газете. – Один повесился, потому что не мог обеспечить семью. Другой жену зарезал по той же причине...

– Нет семьи – нет проблемы, – вяло улыбнулся Филипп.

– А, вот ещё что! – журналист немного оживился. – У нас, говорят, появилась какая-то секта. Жаль, пока не знаю подробностей... Но эти психи, похоже, с большими амбициями. Хотя взорвать АЭС, если верить слухам.

– Да ладно? Это уже интересней.

4

Я принялся за создание мира со всей непосредственностью десятилетнего творца, не стеснённого ни законами природы, ни ограниченностью собственных сил. Но даже в моей голове не рождалось ничего нового. Я просто разбирал вещи на части, а потом мастерил из них всяческие нелепости.

– Хочу создать цветок из льда и муху с железными зубами.

– Чудесно, – кивнул папа с улыбкой. – Ты, главное, не торопись...

По его совету, я начал с малого. Казалось, нет ничего сложного в том, чтобы создать ледяной цветок. Достаточно мысленно соединить лёд со стенок морозилки с формой цветка, который выпускался на кофейном дереве один раз в год.

Я достал из буфета пыльную вазу с узким горлышком и, отмыв её под краном, поставил на стол. Закрыв глаза, представил цветок из льда, но, как ни старался, не смог вытащить его наружу. Мысль оказалась бессильна: с её помощью было невозможно даже столкнуть со стола этот бесполезный сосуд! Разозлившись, я помог своей мысли рукой, и ваза превратилась в осколки. Я поранился, когда собирал их с пола, и папа перевязал мой порез бинтом.

– Ничего не выйдет, – сдерживая слёзы, я смотрел, как проступает сквозь марлю красное облако, а папа пытался меня утешить:

– Это только начало.

– Конеч!

– Перестань. Насколько я знаю, мир не создать ни мыслью, ни руками.

Он был прав. Даже если в самом деле вырезать из льда цветок, он станет всего лишь новой вещью в мире, который уже существует. Но ведь не вещь была мне нужна, а целая бесконечность!

К тому времени я уже знал, что есть бесконечности настоящие и ненастоящие. Если шагать, например, вдоль комнатной стены, путь никогда не закончится, но бесконечность будет ненастоящей. В настоящей можно идти куда угодно, ни разу не наступив на собственный след. Такую даже представить было трудно – не то что создать...

Всё изменилось в тот день, когда я перестал надеяться.

Разбудив меня, папа ушёл на работу. Мой завтрак – подсохшие бутерброды и стакан яблочного компота – остался на столе нетронутым. Есть не хотелось. Немного побродив по квартире, я вернулся туда, откуда пришёл – в расправленную постель.

Зажжённые лампы казались слишком яркими, но щёлкнуть выключателем я не мог. Только папа имел право менять день на ночь по своему усмотрению. Я сидел на кровати и, поглаживая складки одеяла, смотрел на стену. Сквозь обои проступал контур окна – не складка даже, едва заметная прямоугольная выпуклость. Когда-то я видел в этом окне небо, а потом оно исчезло под слоем кирпичей, шпатлёвкой и обоями. Папа говорил, мне тогда исполнилось два.

Я смотрел на стену, и в голове не было ни мыслей, ни воспоминаний. Только уверенность, что ничего не выйдет, и огромная, невыносимая пустота. Заполнить её помогло бы новое слово, но ждать было нечего. Только вчера папа подарил мне слово «ключ», маленькую вещицу, которая должна открывать замки, но в нашей квартире не справилась ни с одним.

Папа дарил мне слова примерно раз в месяц. В специальной тетради я вёл календарь, где каждая клеточка обозначала день. Дни, когда появлялись новые слова, я обводил красным, а остальные просто зачёркивал крест-накрест. Ждать было нечего, но всё-таки я ждал. Час за часом, сидя на кровати... Порой я воображал, как папа вернётся ни с чем, и от этого становилось почти физически больно, словно огромная железная рука сжимала мою голову.

– Появись, новое слово, – попросил я в отчаянии. Заклинания часто выручали героев сказок. Если колдовские чары – не выдумка, всё остальное тоже должно быть правдой. – Появись, появись, я прошу тебя, появись...

Раскачиваясь из стороны в сторону, я повторял своё заклинание, и в какой-то момент мне показалось, что оно сработало. По телу пробежали мурашки. Железные пальцы разжались, и вся боль ушла. Пустота наполнилась какой-то странной радостью, для которой не было повода.

Я даже разогрел в микроволновке вчерашний суп, но съесть его не успел. В замке повернулся ключ, шаркнули о коврик папины подошвы и какие-то другие, незнакомые звуки послышались из прихожей.

Когда я подошёл, папа попросил меня зажмуриться и положил в мои протянутые руки что-то тёплое и пушистое, как воротник пуховика.

– Это щенок, – объяснил он, присев на корточки. – Кто-то бросил его на улице. Если бы не я, мёрз бы сейчас на мокрой картонке...

Щенок лизнул моё запястье. Я был бы рад даже камушку или гвоздю, но появился он! Такой же живой, как я. Совсем маленький, с мягкой золотистой шёрсткой, чёрными глазами и влажным носом.

– Пожалуйста, давай назовём его Львом.

– Твоим именем – собаку?

– А что такого?

Лев стал жить в моей комнате, на пёстром коврике возле этажерки. А я был так счастлив, что боялся сойти с ума. «Заклинание сработало!» – эта мысль не давала мне покоя. Воспоминания подкрепляли мою уверенность: внезапные мурашки и радость, возникшая ниоткуда.

Я принялся за создание мира с новыми силами. Знать, каким именно будет этот мир, как оказалось, совсем не обязательно. Я только хотел, чтобы в нём жили люди – кто-то же должен помочь мне выбраться отсюда и показать настоящую бесконечность, где ни одно окно не превратилось в складку на обоях.

– Появись, новый мир, не похожий на мою комнату, мир, в котором стены исчезнут, и всё будет иначе, где люди будут помнить всё, что захотят, и создавать другие миры... – я сочинял заклинания, расхаживая по квартире, а Лев, потягивая, бегал за мной вприпрыжку. – Появитесь, люди, деревья, рыбы и птицы...

Я постоянно повторял про себя какие-нибудь слова, которые считал магическими. Теперь новый мир представлялся мне гигантским живым существом, похожим на огромного человека, внутри которого всё существует. У него тоже есть пульс, дыхание и голос, настолько громкий, что его не слышно. Мир уже начал расти вокруг серого параллелепипеда нашей квартиры, только сквозь стены его не разглядеть.

– Ну, что? – то и дело попытывался я, дождавшись папиного возвращения. – Снаружи что-нибудь изменилось?

– Вроде ничего...

– Уверен?

Я придумал кучу заклинаний, но больше они не работали.

5

Света не знала, что делать. Отправившись «взять на дорожку винца», отец превзошёл все её опасения и не вернулся ни через час, ни через три с половиной. Его разрядившийся мобильник валялся на тумбочке в прихожей.

Обращаться в полицию было рано, а плутать в одиночку по городу, виденному лишь из окна такси, означало по меньшей мере заблудиться самой. Марина принесла ей чашку чая и посоветовала не волноваться. Но последовать этому совету было не так-то просто.

Света сидела в кресле и машинально расчёсывала волосы. Она помнила отца счастливым – или он только казался таким? В пору её детства, когда они жили неподалёку от леса и, бывало, даже не позавтракав, отправлялись туда на весь день. Выбрав местечко для костра, Stanislaw торжественно снимал с плеч рюкзак. Спустя пару часов, пачкая пальцы тёплой золой, они уже уплетали приготовленную на углях картошку. Яблоки с розовыми боками, лиловые луковицы и кусочки ржаного хлеба запекали на прутьях, очищенных раскладным ножиком. Перекусив, болтали, лёжа в траве, играли в слова, учились различать голоса птиц. Папа доставал фотоаппарат, и Света со знанием дела позировала, усевшись в древесных корнях. «Чуть выше подборода, дочка...» – просил Stanislaw, медленно подкручивая кольцо фокусировки...

Квартира казалась пустой. По крайней мере, её обитатели не выдавали себя ни звуком. Только около полуночи снова появилась Марина. Застелив диван, она посоветовала госте немного поспать – Свете и самой очень этого хотелось. Но с каждой минутой ждать становилось всё труднее, а часы на подоконнике не тикали – грохотали.

В пятом часу утра она тихо проскользнула в соседнюю комнату и тронула Марину за плечо.

– Что такое? – пробормотала та, перевернувшись на спину. Ваня сопел на другой половине кровати.

– Не спится. Пойду пройдуся – мало ли. Как думаешь, где он может быть? Какие-нибудь магазины, парки...

– Куда ты одна? – зевнув, Марина села на кровати. – погоди, сейчас оденусь.

Шли быстро, макая шаги в слякоть. В густом тумане стояли тёмные силуэты: вкопанные в землю покрышки, деревья, ржавые качели... Тщательно, но безрезультатно девушки обследовали несколько соседних дворов. Промозглые лавочки пустовали и даже возле круглосуточного ларька не было ни души. Света жалобно шмыгнула носом.

– Так и знала, что он не вернётся.

– Всё будет в порядке, – не в меру смело пообещала ей Марина и надолго замолчала, увязнув в прошлом.

Воспоминания, казалось, сеялись сквозь туман. В памяти проявилось лицо Софи, строгое, с острым подбородком и тонкими бледными губами. В день, когда они познакомились, погода была такой же. Школьный двор расходился в пустоту – даже футбольных ворот было не разглядеть. На площадке у входа будущие первоклассники сгрудились вокруг учителя беспокойной толпой, пестреющей цветами, бантами и ранцами. Софи была среди них. Хмурая девочка с тонкими косичками, заплетёнными на скорую руку. Она держала перед собой букет георгинов и, по одному отрывая красные лепестки, бросала их под ноги. «Что ты делаешь?» – тихо спросила Марина и застегнула ветровку, надетую поверх белой блузки. «Ничего», – ответила Софи. Она мёрзла без куртки: голые предплечья покрылись гусиной кожей. К концу линейки от георгинов остались только стебли и жёлтые сердцевинки. По пути в класс Софи швырнула их в урну.

Потом, десять лет спустя, плотный туман снова застал их вместе. Уставшие после бессонной ночи, подруги возвращались с какой-то гулянки и переговаривались шёпотом, словно всюду, на лавочках, газонах и тротуарах чутко спали люди-невидимки...

Марине с трудом удалось остановить мельтешение образов. Пытаясь отыскать Станислава, они больше не выбирали направления – бродили наугад, надеясь на счастливую случайность. Дорожка из серой плитки вела сквозь парк, вдоль намокших кустов, покрытых изморосью скамеек, погасшей фонарей и переполненных урн. Из мерклой пелены то и дело выныривали сомнамбулы-пешеходы, собаки на длинных поводках и сизые голуби.

– Папа хочет вернуть прошлое, – вдруг заговорила Света, словно продолжая вслух некийнутренний диалог. – Знает, что невозможно, но продолжает бороться.

– Хорошо, что продолжает, – задумчиво кивнула её спутница. – Мы давно это дело бросили.

Разговор оборвался, едва начавшись. Миновав парк, они вышли к автотрассе.

– Смотри, это не он? – Марина замерла, пытаясь разглядеть мужскую фигуру посреди проезжей части. У Светы сомнений не было.

Немного вилляя, Станислав шагал по истёршейся дорожной разметке, словно по канату. На нём не было ничего, кроме шорт в серую полоску и громоздких ботинок с мехом не по сезону. Над впалым животом угрожающе нависли рёбра – того гляди захлопнутся на сердце, как ловушка на землеройке. Швырнув за спину какую-то бутылку, Станислав чудом не попал в лобовое стекло ближайшей машины. Водитель оглушительно просигналил и пронёсся мимо.

Дождавшись просвета в череде автомобилей, девушки выскочили на дорогу и увлекли мужчину к обочине. Света сняла куртку и накинула отцу на плечи.

– Где твоя одежда?

– Какая?

– Джинсы, жилет, рубашка...

– Она меня не узнала.

– Да, но дело не в тебе...

– Галина! – воскликнул он и посмотрел куда-то ввысь. На месте неба была белёсая пустота.

– Ну и ну, – Марина повела бровями. – Поедем в наркологичку?

– Куда-а? – пошатнувшись, запротестовал Станислав.

– Папа не согласится... Есть один врач, который помогает ему... в таких ситуациях. Но до него ещё доехать надо.

– Тогда побудьте пока у нас. Не на вокзал же в таком состоянии.

– А с Галиной как быть? – шепнула Света. – Им лучше не...

– Да, точно... – Марина с минуту помолчала. – Я знаю, где вас разместить. У нас на третьем этаже как раз квартира пустует. Свекровь хотела переехать, но потом забыла... Ремонт мы забросили, так что сейчас там бардак. Но, в принципе, переночевать можно. Одежду у Вани одолжим.

– Это вариант. Пусть выпьются, а там – посмотрим.

Крепко ухватив Станислава под руки, девушки двинулись в сторону дома.

Квартира оказалась хуже, чем представляла себе Света. Голые, кое-как побелённые стены, груды мусора тут и там, засохшая штукатурка в пластиковых ведёрках, кисти со слипшейся ще-

тиной, невымытые валики и почти никакой мебели. Только на кухне – стол и пара табуретов, а в единственной комнате – скрипучий шифоньер и диван, накрытый полиэтиленом.

– Всё будет как раньше, – повторяла Света, пытаясь надеть на отца свитер. – Ты не останешься один. Вот поспишь немного – и домой поедем...

Станислав посмотрел на дочь так, словно она была прозрачна, и тихо позвал:

– Галина!

6

По выходным Никита часто являлся без приглашения.

– А помнишь, как ты прикончил бабушку? – улыбнулся Филипп, поставив на стол два низких бокала.

– Ещё бы! – откликнулся друг, открывая вермут. – Бабуля потом неделю со мной не разговаривала.

Погожим майским днём Никита, без пяти минут выпускник, отпросился с последнего урока к бабушке на похороны. По его словам, три дня назад старушка скончалась от инсульта. Похоронившись, скорбящий внук стоял возле учительского стола, уставившись на ободранные носы сменных ботинок, а на следующий день покойница заглянула в класс, чтобы передать ему ключи. Все затихли, предвкушая скандал. Но Никита не растерялся. «Прошу прощения, – сказал он, поднявшись из-за парты. – Шутка должна была быть смешной...»

– Как она к стати, жива-здоровая?

– На удивление, для своих восьмидесяти... Читает мои статьи – но хоть бы слову поверила! Врёшь, говорит, как сивый мерин. Я уже не спорю...

Издание, в котором он работал, когда-то называлась «Голос правды». Однако со временем и «правда», и «голос» из названия пропали. Большую часть материалов газета «В другую сторону» посвящала историям «особенных» людей, которых в редакции называли по-простому – всякие психи. Бездомный, посвятивший жизнь разукрашиванию зубочисток, успешный бизнесмен, переехавший в заброшенный дом, основательница благотворительного фонда, выжившая после прыжка с крыши и убежденная в том, что её спас ангел от трёх голов, имели все шансы очутиться на первой полосе.

Если за день до дедлайна герой не появлялся, Никита шёл искать его в подземных переходах, под тёмными деревьями на берегу водохранилища, на скамейках в обезлюдевших парках. Его потенциальные персонажи хрипло пели, собирая мелочь в чехлы из-под гитар, спали с приспущенными штанами, вытянувшись на холодных досках, тряслись в последних автобусах, вцепившись в скользкие поручни, одиноко кричали в ночь, что живут между небом и землей, просили Никиту подсказать им дорогу, просили у него денег, просили одолжить проездной, предлагали выпить и хлопали по плечу, называя своим парнем. Принимаясь писать, он позволял себе долю доммысла, но всё-таки редко сдавал в печать чистую выдумку.

Образ жизни Филиппа – его погружённость в сны и рассеянное бездействие наяву – вызывал у Никиты недоумение. Друг тщательно объяснял ему, что сон – не просто воображение, пущенное на самотёк, а подлинная жизнь, альтернативная привычному пространству-времени.

– Эскапизм, вот как это называется! – стоял на своём Никита. Вермут уже заканчивался. – Ты вообще выходишь из дома? У тебя в комнате...

– Я прекрасно знаю, как это выглядит со стороны, – перебил Филипп. – Но поверь, моя работа ничуть не хуже офисной рутины. Занять себя чем-то вроде этого я всегда успею. А пока мне нравится изучать жизнь с другого ракурса.

– Ладно, во всяком случае индукция – наш общий метод. В последние три года я только и делаю, что коллекционирую частности. Почти двести интервью... Удивительные, смелые поступки вперемешку с пьяным вздором и самовлюблённой болтовнёй...

– Я, может быть, скоро пополню твою коллекцию собственной персоной. Но сейчас я уверен, что открыл нечто более глубокое, чем психика, бессознательное и всё тому подобное. Когда-нибудь я объясню. Нужно во всём разобраться, прежде чем...

– Прежде чем у тебя окончательно поедет крыша! – рассмеялся Никита.

– Нет, – сквозь смех возразил Филипп. – Прежде чем я смогу сделать выводы. Я хочу соединить две жизни воедино и посмотреть, что из этого выйдет. А пока – накапливаю опыт...

– Да какой опыт, Фил? Твоя «вторая» жизнь уничтожает первую и, я бы сказал, основную. Ты записываешь свои сны, меряешь температуру и что там ещё, пытаешься убедить себя, что проснулся, ищешь способ не запутаться... Так?

– Ну, допустим.

– На нормальную жизнь просто не остаётся времени.

– Я собираюсь найти работу и готовиться к экзаменам.

– Но ты не сделал ни того, ни другого, – Никита потушил окурок в стеклянной пепельнице. – Наверняка даже не начал, а?

– К чему ты клонишь? Предлагаешь пойти к врачу?

– Нет, потому что ты всё равно не пойдёшь. Предлагаю для начала придерживаться определённого режима дня. Допустим, ночью ты спишь и делаешь в своих снах всё, что захочешь. Утром тратишь пару часов на самоанализ, а затем начинаешь жить как все нормальные люди. Иначе придётся признать, что наяву ты просто неудачник.

– Как раз это я и пытаюсь сделать – пока без особых успехов. Сплю на ходу, а из прочитанного ничего не помню.

– Учебники – скука. Нужно что-нибудь поинтересней. У меня есть ещё одно предложение. Помнишь ту секту, о которой я говорил?

– Предлагаешь в неё вступить? – улыбнулся Филипп.

– В точку! – Никита хлопнул его по плечу. – Не обращай внимания на слово «секта». Наверняка религия тут не причём. Я пока ничего толком не знаю, но зато кто-то из них знает нашего главреда. На той неделе какой-то мужик подсел к нему в трамвае и давай разглаживать о будущем человечества. Главред слушал вполуха... А тот возьми и пригласи его на сходку. Вы, говорит, должны стать одним из нас. Оставил адрес. Наверняка хотят, чтоб о них написали...

– И что главред, пошёл?

– Нет, конечно. Меня посылает – на то он и главред. Может, там действительно что-то интересное... Или, на худой конец – просто забавная история.

– В тот раз ты сказал, что эта ваша «секта» собирается устроить взрыв...

– Да, как я понял, мужик из трамвая намекал на что-то такое... Говорил, мол, из-за АЭС горожане становятся безликими рабами системы.

– Тяжёлый случай.

– А то! Вот я и предлагаю – пошли со мной. Взаимовыгодное, между прочим, предложение. Мне не придётся тащиться одному, а ты развеешься...

– Уговорил.

Два дня спустя они отправились по адресу, который оставил незнакомец.

Филипп наскоро привел себя в порядок: поборился, прошёлся по вещам утюгом, взглянул в зеркало перед выходом. Тёмные волосы слегка топорщились после мытья.

– Как будто на свидание собрался! – оценил Никита. Было непривычно видеть Филиппа в брюках и драповом пальто вместо растянутого домашнего свитера. Сам Никита выглядел просто и посредственно: серая бολоньевая куртка с глубокими карманами, потёртые джинсы, чёрные ботинки.

Уже стемнело, когда они вышли на конечной после двадцатиминутной тряски в полупустом автобусе. Пахло землёй и гнилью листьев, которую дворник лениво сгребал в кучу, беззвучно переступая по слежавшейся траве.

Боясь опоздать, шли быстрым шагом. Вереница пятиэтажек сменилась крохотным, единственным в городе частным сектором. В очереди небольших домиков из кирпича отыскать нужный удалось не сразу.

С трудом разглядев табличку с номером, Никита с Филиппом вошли во двор и закурили у крыльца. Внутри горел свет, но было тихо. Человеческие тени бродили за жёлтыми шторами. Прямо со двора, если перемахнуть взглядом через забор и кустарник, можно было разглядеть чешуйчатую рябь водохранилища. Электрический свет плыл по воде, как жидкое золото. Над горизонтом возвышалась станция, удваивая свои мощности в дрожащем отражении.

– Ну что, поехали? – Никита потянулся к звонку.

– Подожди, – Филипп отшвырнул окурочек. – У нас есть какой-нибудь план?..

– Разберёмся по ходу дела. Тебе как раз пора научиться импровизировать не только во сне.

Им открыл мужчина средних лет с редкой козлиной бородкой, начинавшей седеть, худым лицом и глубоко посаженными карими глазами. Он появился так внезапно, словно всё это время тихо стоял за дверью, поджидая гостей.

– Чем могу помочь? – осведомился он и минуту спустя пригласил их войти. Никита назвалса корреспондентом, а Филипп молчал рядом, старательно изображая заинтересованность.

Первым, что увидели друзья, оказавшись в прихожей, был книжный шкаф, упирившийся в потолок. Возле одной из секций стояла самодельная стремянка.

Филипп пробежался глазами по переплётам. Руководство по моделированию самолетов со-седствовало с зарубежной классикой, а та, в свою очередь – с макулатурой о подвигах советского народа. Хотелось скорее уйти или, сейчас же открыв глаза, обнаружить себя в постели и повер-нуться на другой бок. Но о том, что это не сон, он знал наверняка.

Машинально прихватив какую-то книжку, Филипп шагнул в гостиную следом за Никитой. От прихожей её отделяла пурпурная шторка, отороченная потрёпанной бахромой. Внутри было уютно: приглушённый свет, бежевые стены и пушистый персиковый ковёр, скрадывающий звук шагов. На столике в углу закипал электрический чайник с голубой подсветкой. Там же стояли белые кружки с золотистой каймой, сахарница и широкое блюдо с печеньем курабье.

Участники встречи расположились на диванах, креслах и старых стульях с жёсткими сиде-ниями. Всего семь человек, которые тут же устали на вновь пришедших пронизывающим взглядом, обволакивающим с трёх сторон – как будто одним на всех. Филипп почувствовал себя неловко. Во сне он всегда был хозяином ситуации, а здесь – лишь случайным гостем, которому на один вечер надлежит втереться в доверие к незнакомцам.

– Можно нам кофейку? – по-свойски осведомился Никита и направился к столику. – Фил, тебе с сахаром?

– Это не столовая, – грубовато возразил некто, напоминавший уголовника: бугристый, гладко выбритый череп, массивный подбородок, синие татуировки виднеются из-под рукавов футболки. Оседлав стул посередине комнаты, мужчина вертел в руках пачку сигарет. – Вы вообще понима-ете, где находитесь?

– Не до конца, – сменив тактику, осторожно признался Никита. – Мой друг и коллега, Фёдор Борисович...

– Да, да, это я столкнулся с ним в трамвае. Мы когда-то учились вместе, но Федька меня не признал. А я как увидел его кислую рожу – чуть не расплакался спяну. Подумал – надо помочь мужику...

– Не знал, что ему нужна помощь.

– Чё ты вообще знаешь?

Никита взглянул на мужчину с добродушным любопытством:

– Он заведует редакцией. Разве не поэтому вы...

– Он – редакцией? Да в жизни не поверю!

– Конечно, не поэтому, – подал голос мужчина с козлиной бородкой. – Мы никому не навязы-ваем своих взглядов, и если наши ряды пополняются, то вовсе не благодаря пиар-кампании. Но

я до сих пор не представился. Меня зовут Вениамин. Большинство встреч проходит под моим, с позволения сказать, руководством. А это Серёжа. Иногда он бывает не в меру резок...

– Чё ты распинаешься? – Серёжа хлопнул ладонью по спинке стула. – Это всего лишь газетки. Припёрлись, бля, – кофе попить на халяву. Им подавай сенсацию! А станут писать – всё переврут к чертям собачьим...

– Брось, – мягко возразил Вениамин. – Разве имеет значение, с какими намерениями они пришли? Важно, Серёжа, то, что они здесь. Преступление – пренебрегать возможностью. Вспомни: ты влез в этот дом, чтобы украсть телевизор. А молодые люди выглядят вполне интеллигентно...

– Поверьте, ваше имущество не пострадает, – смеясь, заверил его Никита.

– В таком случае начнём.

7

Строение человека я изучил по трём рисункам, которые показал мне папа. На одном из них тело состояло из разноцветных органов, на втором – из переплетения сосудов, на третьем – из белых костей.

– Вот это – долговечней всего, – папа постучал по скелету указательным пальцем.

– Ужас, – поёживаясь, я переводил взгляд с одной картинки на другую. – Жить вообще без тел, наверное, было бы лучше...

– Раньше я тоже так думал. Мне казалось, тело – главная причина одиночества.

Когда папа устроился на работу, я понял, что значит это слово. Прежде он оставлял меня изредка и ненадолго – мы, вроде как, жили на средства, вырученные с продажи дачи и квартиры его родителей. Но потом деньги закончились. С тех пор папа уходил в восемь, а возвращался – в шесть тридцать.

Накануне своего первого рабочего дня он дал мне чистую тетрадь и попросил записать туда всё, что найдётся в квартире. Он объяснил, что моя коллекция называется словарь, и велел пополнять её, как только найдётся что-нибудь новое.

Перечислив предметы, очевидные в своей весомости, я перешёл к деталям – сгибам, складкам, отслоениям, углублениям и полостям... Когда закончились и они, папа рассказал мне об отвлечённых понятиях.

В его отсутствие я только и делал, что искал слова. Составив определения для своих находок (поначалу их было немало), я ждал папу, чтобы он дал им названия – так в словаре появились воодушевление, апатия, бессонница, энтузиазм, тревога, отвращение, предрассудок, убежденность, рефлексия... Количество тетрадей росло. Я складывал их стопками на краю стола. Но в конце концов невидимое тоже было исчерпано.

Дни без новых слов казались мне бесконечными. Я начал было выдумывать слова сам, но папа быстро заставил меня бросить эту затею. Он купил мне толстенную тетрадь в твёрдой обложке, не похожую на остальные, и предложил писать в ней всё, что придёт в голову, «хотя бы воспоминания».

Ещё не зная о существовании «всеобщей» памяти, я посвящал целые страницы повседневным мелочам. Рассказывал о том, как нашёл в папином шкафу маленькую зелёную расчёску, как научился готовить салат оливье и запускать стиральную машину, как починил стул, из которого вывалился шуруп... Скоро папе пришлось признать, что со своим предложением он поторопился. Я не мог поставить на своё место даже точку.

На моём столе появились две большие книги: учебник по русскому языку и справочник по орфографии и пунктуации. Я учил по одному параграфу в день, а после ужина, пересказав его папе, писал под диктовку текст, который он сочинял на ходу.

Новых слов в учебнике было немерено. В первый же вечер я нашёл там небо, тучи, облака, ветер, шуку, острог, холмы, пригорки, крейсер, канарейку, гвоздики, соловья и алгоритм. Мне не терпелось выяснить, что всё это значит.

– Что такое небо? – начал я за ужином. – В учебнике сказано...

– Почему ты не можешь просто выполнять упражнения? – папин голос был строже обычного.

– Мне легче, когда...

– Ты всё ещё хочешь, чтобы было легче?

Я ушёл к себе, но, уставившись в учебник, видел лишь чёрную рябь. В голове продолжал звучать папин вопрос, и, отвечая на него утвердительно, я чувствовал себя виноватым. Вдобавок ко всему на кухне шумела вода. Звонко стукались друг о друга тарелки, хлопала дверца шкафа...

Помыв посуду, папа появился в комнате. Его серая футболка потемнела от брызг.

– Прости, сынок, – внезапно сказал он, присев на кровать. Я ожидал чего угодно, только не этого. – В последнее время я много думал о том, стоит ли рассказывать тебе о мире. Каждый раз говорил себе: да! Конечно же, стоит. Но сегодня засомневался – сам не знаю, почему. Короче говоря, забудь... Что тебя интересует, небо?

– Небо, тучи, облака, ветер, шука... – схватив тетрадь, затараторил я.

Полгода спустя грамотность давалась мне без усилий. Все знаки вставали на свои места сами собой, даже если я был рассеян и писал не задумываясь. В последнем тексте, написанном под диктовку, папа не нашёл ни одной ошибки. Но его похвала меня не обрадовала. Новые слова закончились вместе с учебниками. Где теперь их возьмёшь?

– Что здесь случилось? – крикнул папа из ванной, заметив под раковиной испорченную керамическую плитку. Я разбил её молотком, но не смог приклеить осколки обратно. Изъян бросался в глаза.

– Я хотел найти какое-нибудь слово.

– Под плиткой!? – папа присел, пошевелил пальцами осколки. Я молча стоял рядом. – Ладно, давай так. Если не будешь больше крушить квартиру, я обещаю время от времени дарить тебе новые слова.

– Правда? Я-то думал, снаружи они закончились...

– Слов полно – на тысячу жизней хватит. Только не преувеличивай их значения. Просто лекция, хорошо?

8

Уныло ожидая транспорта, на остановке столпились люди. Марина наблюдала за ними сквозь прозрачную стену небольшого магазинчика, расположенного поодаль от торговых рядов. В чёрных и белых вазах по периметру помещения медленно увядали розы, хризантемы, лилии, тюльпаны, альстромерии, анемоны... «Цветы в кубе» – было написано над входом в здание, чья форма была и вправду близка к кубической. В тёмное время суток синие буквы мигали изумрудными всполохами.

Положив ногу на ногу, Марина сидела в обшарпанном кресле неподвижно, как бледный манекен. Песчаной россыпью проступали на лице веснушки. Она работала в цветочном магазине, потому что не любила цветы.

– Отчим говорит, будущее принадлежит роботам и программистам, – заявила Софи за год до выпускного. Начавшееся лето обещало быть жарким. Они бродили по городу, то и дело заглядывая в какой-нибудь бутик – выбирали себе купальники. – Роботом я быть не хочу. Так что вот, изучаю C#.

– Что за сишарп? – осмотрев своё отражение в витрине, Марина осталась недовольна: несколько прыщей на лбу, чересчур пухлые розовые щеки, жирный блеск на переносице...

– Это такой язык программирования, – объяснила Софи. – А ты чем думаешь заняться?

– Не знаю, – Марина поправила причёску, и подружки зашли в магазин, на витрину которого только что смотрели. – Мама хочет сделать из меня бухгалтера, а папа – инженера. Я думаю обломать обоих. Поступлю на филфак или сразу на работу устраюсь. Вот моя бабушка всю жизнь продавала букеты. Целую оранжерею содержала. В этом что-то есть! Какая-то лёгкость...

– А по-моему – ужас. Видела вывеску на той стороне улицы? «Живые цветы!» Идиотизм... Растения, отрезанные от корневища, совершенно точно мёртвые. Ну ладно, умирающие. Им самое место на могилах – не на празднике.

– Почему нет?

– Представь, что тебе на день рождения дарят пучок человеческих голов, надетых на палки, как чупа-чупсы.

– Фу!

– Вот именно. Мы едим мясо и овощи, потому что это необходимость. Но убивать цветы – всё равно что убивать детей.

– Вечно ты утрируешь...

– Ну и что? Короче. Если пойдёшь по стопам бабули, не вздумай себя обманывать. Ты будешь продавать цветы, потому что не любишь их, а не наоборот... О, смотри. Как тебе? – Софи сняла с вешалки-стойки закрытый чёрный купальник.

Воспоминания развёртывались бесконтрольно, словно хотели быть прожитыми заново. Пытаясь выбраться из их потока, Марина глотнула кофе и открыла учебник по флористике.

Магазин на площади Юности принадлежал её тёте, которая, получив в наследство бабушкину оранжерею, вложила в неё всю свою энергию и предпринимательские способности. Теперь ни одна цветочная лавка города не могла соперничать с «Цветами в кубе» в разнообразии ассортимента.

Марина обратилась к родственнице через пару месяцев после отчисления с филфака. Родители уже три года как переехали в Москву. Владелица оранжереи обещала им присматривать за племянницей и потому, недолго думая, отказала от места одной из продавщиц. «Будешь флористом!» – объявила она Марине с такой интонацией, словно решила её судьбу раз и навсегда. Та согласилась: «Не вопрос». Но изучать предмет не торопилась и, составляя букеты, полагалась только на интуицию. Учебник, выуженный из ящика стола, тётя принесла ещё в прошлом году: «Займись делом – хватит продавцом сидеть. Сама понимаешь, не солидно!» – «Да, да...»

Утро всё не заканчивалось, бледное, как утонувший в озерце воска фитиль – напрочь лишённое будущего.

Марина обвела взглядом магазин. Повсюду умирали прекрасные цветы. Белые, лиловые, алые... Покупателей не было. Подперев голову рукой, девушка начала читать. Она знала: стоит на секунду ослабить внимание – и воспоминания снова проползут между строк. Но вместо академических букетов ей всё же виделся пряный летний луг. Оранжевые герберы и синие ирисы, прорастающий папоротник и нежно-розовый тысячелистник, мелкая ромашка и солнечный зверобой...

– Не вини себя, – над лугом пронёсся голос, приятный, как прикосновение к бархату. – Удача тебе скоро будет, удача...

Фантазия стёрлась, и Марина подняла глаза. У прилавка стояла женщина, почему-то напоминавшая ей постаревшую русалку: смуглая кожа, собранные в тугой пучок курчавые волосы с редкой сединой, серёжки и кольцо с крупными бусинами цвета спелой черноплодки, узкое бирюзовое платье под распахнутым пальто. Она вошла неслышно, хотя над входом висели колокольчики, мелодичным перезвоном оповещавшие о каждом посетителе.

– Наконец-то! – незнакомка хитро улыбнулась, заглянув Марине в глаза. – Я уж думала, возьму розочку и уйду. Ты ничего и не заметишь.

– Что значит «возьму розочку и уйду»?

– ...Но не ушла, – поплевав на пальцы, гостя пригладила волосы на висках и осторожно выдернула из вазы белую розу. – На тебя засмотрелась. Красавица – глаз не оторвать – а душа дрожит... И прошлое, и будущее – всё ей страшно. Нет счастья, нет удачи, всё чёрное-чёрное... Ты кормишь страх своим сердцем. Но ведь сердце, милая, – это тебе не кусок говядины. Чудища только в воображении страшны. Встретить их наяву – пройдёшь насквозь и не заметишь. Вот какая ты стала сильная...

– Я не верю гадалкам, – она хотела подняться и выпроводить посетительницу, но, вопреки своему намерению, продолжала сидеть в кресле, положив ладонь на закрытый учебник.

– А я и не гадалка! – весело откликнулась женщина и теперь с каждой фразой доставала из вазы новый цветок. – Но знаю, что говорю. Твои чудовища – тайны, которые ты хранишь. Два человека без будущего – стало быть мёртвые... Они всегда с тобой, но помочь не могут...

– Откуда вы знаете? – Марина удивилась своему голосу, который, ей показалось, прозвучал чересчур доверчиво и тихо.

– Кто знает – откуда? – она прижала к груди охапку роз. – Поменьше говори с мертвецами. Тайны забирают твои силы – так открой их, пора. Не думай, милая, что я хочу тебя обокрасть. Просто у меня нет денег. Я не жалуюсь... Живу неплохо, но денег всё-таки нет. А у дочки свадьба. Она обожает розы и очень красиво танцует. Ну, пойду... Не злись, ладно? Я помолюсь, и будет тебе удача...

Через пару минут гостя скрылась в ближайшем дворе, завернув за угол многоэтажки.

Оценепение отступало, оголяя факты: женщина, подозрительно похожая на цыганку, запросто обокрала магазин и скрылась безнаказанной. Но Марина не находила в себе желания позвонить в полицию. Ни досады, ни гнева. Если женщина сказала правду, украденные розы достанутся счастливой невесте – что ж, пускай...

У входа прозвенели колокольчики, и в магазин вошла новая покупательница, дама с двумя спицами на длинных поводках. Её меховая шапка была чересчур тёплой для осени – точь-в-точь ещё один пёс, нахлобученный на затылок.

– Чем могу помочь? – вежливо поинтересовалась Марина.

– Нужно что-нибудь необычное, но без излишеств... – чтобы собаки не разбежались, женщины намотала поводки на запястье.

– Гляньте каталог, – Марина выложила на стол несколько объёмистых папок и принялась рассказывать об их содержимом. А в голове продолжал звучать мягкий, утешающий голос воровки – приятное, но малоэффективное лекарство. Вот какая ты стала сильная...

Три года назад, лёжа на кушетке в кабинете УЗИ, Марина разглядела на экране крошечного человечка, который каким-то образом очутился в её теле и барахтался там, дрыгая конечностями, словно в банке с водой. «Поздравляю!» – воскликнула врач, вытащив датчик из влагища пациентки. «Этого не может быть», – прошептала Марина, и в глазах защипало от слёз.

Следующий день она начала как обычно. Приготовила завтрак, проследила, чтобы муж не забыл ключи, на прощание бесшумно поцеловала в щёку: «До вечера, любимый». Но в университет не пошла – выкроила время на раздумья. Как назло, в тот же день позвонила тётя. Марина соврала, что приболела – выговорить «всё нормально» не смогла. «Что-то серьёзное?» – насторожилась родственница. «Пустяки», – заверила её девушка, для убедительности кашлянув в трубку.

Время потекло быстро, словно сквозь горловину песочных часов, которые никто никогда не перевернёт. Не выбирая маршрута, Марина бродила по городу, в ужасе впиваясь взглядом в набухшие почки и прорастающую траву. Под ногами, поблёскивая на солнце, плыла оттаявшая земля.

Впервые после выпускного Марина набрала номер Филиппа: «Нужно встретиться! В три возле ивы, сможешь?»

Слегка опешив от звонка, он пришёл на пять минут раньше и в нетерпении выкурил три сигареты подряд. Прислонившись к дереву, Филипп наблюдал, как девушка торопливо семенит через двор, огибая лужи: зелёное пальто застегнуто на одну пуговицу, чёрный шарф болтается нелепо и траурно, свисая ниже талии. «Что случилось? – он старался поймать её взгляд, но Марина смотрела вниз, на древесные корни. – Кто-нибудь умер?» Никакого ответа. «Так и будешь молчать?» «Прости, – наконец выговорила она. – Некому было позвонить». «Некому? – удивился Филипп, вспомнив о Софи. – Ну, ладно. Могу я помочь?» «Не знаю... – она сомневалась всего несколько секунд. – Нет, не можешь. В такой ситуации ответственность неделима». Он начал злиться: «Что, чёрт возьми, за ситуация?» «Неважно. Иди домой, Фил», – не попрощавшись, Марина зашагала прочь.

Филипп хотел было пойти следом, затем – побежать, но в конечном счёте не сделал ни шага. Он чувствовал, что не имеет к происходящему ни малейшего отношения. Под деревом развёртывалась личная драма Марины, в которую она по какой-то причине захотела его вовлечь – и он погружался в драму. Но, не зная роли, решил поступить как обычно – руководствуясь принципом недеяния, который в его интерпретации мог бы звучать так: «Не нужно решать проблемы; они тоже имеют право на существование». Последовав совету девушки, Филипп пошёл домой – а Марина обратилась в клинику, чтобы прервать беременность.

В квартире, где прошло её детство, была хорошая слышимость. Но жалобы матери Марина знала наизусть ещё и потому, что повторялись они ежедневно и, несмотря на обилие вариаций, сводились к одному и тому же. У мамы нет одежды, нет времени, денег, жизни – словом, вообще ничего нет, – потому что все эти ценные ресурсы из года в год достаются «ребёнку». Марине приходилось узнавать в этом «ребёнке» себя: других детей в семье не водилось. Не кого-нибудь – её нужно кормить по три раза на дню. Её нужно водить в школу и дважды в неделю – на танцы. Нужно всё время что-нибудь ей покупать, потому что из вещей девочка стремительно вырастает. «Смотри-ка, пиджак уже мал, – в очередной раз удивилась мать, поправляя “своему ангелочку” воротник. – Так мы никогда не накопим на отпуск...» И Марина чувствовала себя виноватой по меньшей мере в том, что растёт. Ей было неловко существовать, создавая родителям столько неудобств. Не существовать вовсе – вот был бы выход. Но мысль о смерти её не посещала. Девочка мечтала найти клад и купить маме много красивых платьев.

В четырнадцать Марина была уверена, что дети – наказание, которое вменяется взрослым несправедливо и жестоко. Поэтому, узнав о беременности в восемнадцать, не почувствовала ничего, кроме паники.

Полагая, что муж не оставит ей выбора, Марина ничего ему не сказала. Ваня заставил бы её сдаться, раз и навсегда отдать своё будущее тому таинственному человеку, который проник в её тело – важно ли, как? – по нелепой случайности или великой закономерности. Не было никаких причин так яростно оборонять туманные перспективы, но стоило Марине представить себя матерью, как сознание наводняла темнота, руки начинали дрожать, а тело покрывалось испариной.

После наркоза в голове стояла густая муть, как в гнилом пруду, где вымерло всё живое. Ошибка! Слово упало тяжёлой каплей, и по воде разошлись круги. Ошибка, ошибка... Тот таинственный человек, подумалось, мог вырасти счастливым. Он многое мог, но был рассечён на части и до последней возможности выскоблен из её тела медицинскими инструментами.

Темнота не расступилась, и постепенно Марина научилась в ней жить. Помимо родного, привычного «Я» она ощущала внутри себя ещё одно, чужое – тёмное тело без ясных очертаний. То и дело оно втягивало в себя её сознание, теснило со всех сторон и выплёскивалось в мир, вкрадывалось в предметы подспудной тенью. *Что оно такое?* Марина не понимала. Размышления не приводили ни к чему, кроме растущей тревоги, – вскоре их пришлось оставить.

Учёба на филфаке вдруг оказалась на редкость бессмысленным занятием. Не дотянув до летней сессии, Марина бросила университет. Порой она чувствовала свою вину не только в смерти ребёнка – во всем происходящем, вплоть до самоубийства соседа-слесаря, который повесился на лестничной площадке, приладив верёвку к торчащему из потолка крюку...

– Ничего, что я с собаками? – запоздало спросила покупательница, листая каталог праздничных букетов. Шпицы потягивали, усевшись на пол у ног хозяйки. – Боюсь оставлять их на улице.
– Порядок, – заверила её Марина. – Выбрали что-нибудь?
– Вот этот – заглядень! – женщина продавila ногтем страницу каталога. – Сделаете к завтрашнему дню?

Вечером зашла Света. Водрузив на прилавок завернутую в фольгу курицу гриль, по-свойски уселась в кресло. В магазине запахло как возле вагончика с фаст-фудом.

– Устала страшно, – жаловалась она. – В обед была у папы – спал как убитый. Оставила ему фруктов, а сама гулять пошла. Целый час просидела на пляже. Замёрзла, но вид – потрясный! Особенно этот пар над водой... Я читала про водохранилище-охладитель, но что оно охлаждает – хоть убей не помню...

– Конденсаторы турбин, – равнодушно пояснила Марина. – Вода там круглый год тёплая.

– Понятно. Ты поужинаешь с нами? Я вот, видишь, курицу купила. А то папа весь день не ел...

– Ладно, загляну ненадолго, – она взглянула на часы. – Пять минут – и уходим.

Почти всю дорогу молчали. Марина всё ещё раздумывала о словах гадалки, а Света уныло смотрела по сторонам, мечтая об отъезде. В этом городе она не понимала никого, включая собственного отца. Глаза слипались – бессонная ночь давала о себе знать. От одиночества и усталости хотелось плакать. Но Света держалась, напоминая себе, что сочувствия ждать не от кого.

Все её усилия пропали даром, когда, поднявшись на третий этаж, девушки вошли в квартиру. Зажегши свет, увидели: она пуста. Только нетронутые фрукты валяются возле дивана, как цветные мячи. Два красных яблока, зелёная груша, апельсин.

– Я разве оставляла вам запасные ключи?

– Нет, – с трудом выговорила Света, глядя на приоткрытое окно. По щекам потекли слёзы.

Распахнув одну из секций, Марина перегнулась через подоконник. На газоне одиноко росла тонкая берёзка, неподалёку горел фонарь. Во дворе – ни души.

– Попробуй успокоиться, – взяв под локоть, она повела девушку к выходу. – Сейчас пойдём наверх и что-нибудь придумаем...

Света молча последовала за ней. Видимые сквозь слёзы, ступени превратились в дрожащее серое месиво.

9

Все сидели в полутьме. Массивная люстра, похожая на продырявленную планету, почти не освещала комнату. Прямо под ней, оседлав деревянный стул, молча курил бритоголовый Серёжа. Никита безмятежно жевал печенье, засунув в карман диктофон. Притулившись рядом с ним на двухместном диване, Филипп осторожно рассматривал присутствующих.

В гостиной было шесть человек, не считая его самого, Никиты и Вениамина, который куда-то вышел, едва начав встречу. У противоположной стены сгорбил на стуле старичок с белоснежным пушком на макушке: рука, обвитая сосудами, как немигающей гирляндой, слегка дрожала, опираясь на клюку. Слева от него откинулся на спинку кресла худощавый шатен лет тридцати пяти, одетый в спортивный костюм. В углу комнаты, прислонившись к стене, замер колоритный тип с рыжими бакенбардами и массивной, столь же огненной бородой. Он выглядел на пятьдесят, как и Вениамин. Маленькие глазки посверкивали, как стальные блесны.

Ещё двое показались Филиппу сверстниками.

– Матвей, – представился один из них. Поймав взгляд Филиппа, молодой человек пересёк комнату и присел на пустующий рядом стул. Сквозь облегающую водолазку проступала мускулатура. – Рад знакомству.

– Ты здесь частый гость? – осведомился Никита.

– Мы с Ольгой ходим раз в неделю, – с готовностью поделился Матвей, и все трое взглянули на девушку, сидевшую у окна: прилизанные русые волосы, тонкие руки, невыразительное овальное лицо. – Это моя жена.

Ольга кивнула, в знак приветствия подняв раскрытую ладонь.

– И как, нравится?

– Не то слово. Я с детства мучился от мигрени. Ну, просто ничего не помогало! А тут – вы не поверите – пару раз поговорил с Вениамином, и как рукой сняло...

– Серьёзно? – журналист постарался не улынуться. – Чудеса, однако!

Вениамин, наконец, вернулся. Поставив на стол ещё одну тарелку печенья, уселся в невзрачное кресло, накрытое байковым одеялом. Присутствующие выжидательно замолчали.

– На самом деле нас гораздо больше, – объяснил он, повернувшись к новичкам. – Далеко не все появляются регулярно...

– Это ваш дом? – поинтересовался журналист, воспользовавшись краткой паузой.

– Нет, дом принадлежит Леониду, – Вениамин указал взглядом на рыжебородого мужчину. – Мы с ним старые товарищи, когда-то работали вместе. Сейчас он профессор, учит студентов философии. Три года назад мы решили создать своего рода объединение... Но это не секта, как считают некоторые. Скорее, союз единомышленников, которые понимают друг друга и учатся сообща менять реальность, чтобы...

– В каком смысле «менять реальность»? – снова вмешался Никита. – Я слышал, вы...

– Бля, заколебал перебивать! – скрипнув стулом, проворчал Серёжа. – Интервью решил взять по ходу дела?

– Профессиональная привычка, – с простодушной улыбкой объяснил Никита и обратился к Вениамину: – Может быть, ответите на вопрос? Не для записи...

– Конечно, – Вениамин продолжил тоном преподавателя: – Можете записывать – дело ваше. Для начала хочу сказать, что мы сторонимся любой системы, которая может дать полную картину мира. Религия, наука, философия... Любая теория – это, прежде всего, претензия на власть. Попытка поймать мир в сети концепта – как правило, безуспешная. В этом доме вы не услышите псевдоинтеллектуальных споров о теории. Значение имеют только Реальность и образы, которые в ней рождаются. Мы принимаем за аксиому лишь тот факт, что в основе мира материи, доступного нашему восприятию, лежит некий сверхчувственный фундамент – иначе говоря, Подлинная Реальность. Подобно океану, она имеет нестабильную структуру и, выражаясь образно, состоит из света, который льётся в мир сквозь множество подвижных преград. В результате – я нарочно упрощаю и обобщаю – возникают области света и области темноты. В темноту попадают люди, потерявшие опору, какой бы она ни была: семья, здоровье, Бог или что-то ещё. Темнота подвижна, но выбраться из неё непросто. Не имея сил бороться, человек проваливается всё глубже и увлекает за собой других. Один маленький импульс, одно слово, мысль – и тень стала шире, тень остановилась – как будто облако замерло в небе. В ней можно прожить всю жизнь. Незаметно для себя человек становится безразличен ко всему, что с ним происходит. С этого момента его как будто нет... Так живут многие. Разве это не трагедия? Вот мы и стараемся приводить энергию в движение. Выбираться и помогать остальным...

– Но как? – не удержался Филипп.

Он собирался тактично выждать полчаса и уйти под предлогом неотложных дел, но постепенно перестал следить за временем. Обычно время скользило, текло, шумело внутри него, словно в больших песочных часах, напоминая о том, что его единственная жизнь летит в небытие без конца и начала. Только теперь, впервые за несколько лет время как будто перестало существовать. Филипп не успел спросить себя, почему.

– В основном мы практикуем молитву и медитацию, – охотно ответил ему Вениамин. – И то и другое помогает соединиться с Реальностью за пределами форм и понятий. Почувствовать себя в единстве с человечеством и всем тем, чего нам не дано познать. Так рассасываются гематомы. Рассеивается темнота, и у людей появляется шанс из неё выйти. Наш совместный духовный

труд помогает высвободить скрытые ресурсы человеческих душ. Мы плавим застывшие формы и возвращаем океану его истинный характер. Подвижность, непредсказуемость, невесомость. Я понятно выражаюсь?

– Вроде бы, – с сомнением кивнул Никита. – Но, если верить слухам, ваше объединение собирается взорвать АЭС.

Серёжа оглушительно расхохотался, ударив ладонью по спинке стула.

– Кто вам это сказал? – удивился Вениамин, погладив пальцами редкую бородку. Он явно был озадачен.

– Во-первых, мой начальник...

– Нелепые слухи, – мужчина окончательно разочаровал журналиста. – Вам ли не знать, как работает «испорченный телефон»? Объединение возникло по нашей инициативе, но сколько человек считают себя его последователями – никому не известно. Это же не какое-нибудь «тайное общество»! Конечно, АЭС нас несколько тревожит. Но устраивать теракты – нет уж, увольте. Разрушение есть разрушение...

– Какие поводы для тревоги?

– Станция – лишь символ... – продолжил Вениамин, отрешённо глядя в прикрытый пурпурной шторкой дверной проём, словно там притаился его главный слушатель. – Символ отсутствия свободы. Одно из следствий, но никак не причина. Вот, смотрите. Есть ядерные реакции, обузданные комплексом оборудования, и есть город, поставленный в зависимость от атомного реактора. Люди верят в систему на уровне экономики – хотя бы на уровне источника заработка! Работа на АЭС – казалось бы, стабильно и безопасно. Но это только начало... Система неизбежно прорастает в быт, прорастает в души, и с той поры свет льётся в мир как бы сквозь её стальной каркас. Свобода исчезает: человек просто-напросто перестаёт её искать, запертый в своей выхолащенной определённости...

– Но ведь не только АЭС, любая организация содержит в себе элементы иерархии, – уточнил Никита. – Любой труд предполагает принуждение, если становится товаром. График работы – уже система. Существует трудовое законодательство...

– Вы правы, – Вениамин слегка склонил голову. – Поэтому я и говорю, что АЭС – только наглядный пример, локальная ситуация. Вспомним Чернобыльскую катастрофу. Вот что бывает, когда система даёт сбой. Но люди разучились восходить от конкретного к всеобщему, от примера – к закономерности. Они говорят о какой-то стабильности и безопасности в то время как цивилизация выживает лишь чудом, ежесекундно находясь под угрозой. Если хотите, рассмотрим ещё один пример...

Вениамин мог бы рассматривать примеры бесконечно. Он говорил широко, многословно. Слова выныривали из его рта, как стая рыб, серебристой россыпью плывущих по течению. Смысл дробился, выскальзывал, утекал.

Филипп был захвачен речью Вениамина, но смутно чувствовал в ней некую угрожающую недосказанность. Взгляд говорящего стремительно менялся, становясь то ясным и жгучим, то тусклым, матово-серым. Радужная оболочка мерцала, как диск пилы, бешено вращающийся во круг зрачка. Голос оставался ровным, но даже в сдержанной интонации сквозила увлечённость фанатика, отнюдь не педагога.

Никита откровенно скучал, несмотря на то что старательно поддерживал беседу. Он был рад, что взял с собой друга, на чьём лице по крайней мере был замечен хоть какой-то интерес. Интуиция, натренированная годами журналистской практики, подсказывала ему, что у Вениамина не все дома.

– ...Всякий раз, когда группа пополняется, мы знакомимся друг с другом заново, – тем временем вещал оратор. – Давайте начнём прямо сейчас и, чтобы сэкономить время, будем считать, что я высказался достаточно. Процедура такая: каждый называет своё имя и профессию, а затем рассказывает первое, что придёт в голову. Это может быть какое-то воспоминание, сон или мысль,

или произвольный факт биографии. Словом, всё что угодно. Порой одна-единственная деталь лучше подробного рассказа... Итак, кто начнёт?

– Матвей, специалист по автострахованию, – тут же откликнулся общительный парень в во-долазке. – В том году я наступил на осиное гнездо. Был июль, отпуск. Мы пошли в лес по малину... С тех пор почему-то чувствую себя другим, как будто жизнь началась сначала.

– Ольга, бухгалтер, – представилась его жена. – В августе я водила свою пятилетнюю племянницу в парк развлечений. Колесо обозрения остановилось, когда мы были на самом вершине, и девочка от страха завопила на весь парк. Я не знала, куда деваться от её крика. Но буквально через секунду колесо завертелось снова.

– Как вы помните, моё имя Леонид, – профессор философии улыбнулся в рыжую бороду. – Сегодня утром история человечества представлялась танцем стеклянных марионеток, подвешенных к небу невидимыми лесками. Когда кто-то умирает, тело предают земле, но подлинный человек, то бишь стеклянная марионетка, поднимается вверх – словно рыба, которую поймал на крючок вечно бодрствующий рыбак. Уже к обеду я стал представлять мир иначе. Внутренние метаморфозы – то, ради чего стоит жить... Ну-с, кто следующий?

– Михаил, частный предприниматель, – подал голос шатен в спортивном костюме. – Даже не знаю, что рассказать... Мне тридцать три, моей жене двадцать пять. У нас двое детей, оба – мужского пола. Раз в неделю я хожу к психотерапевту, но улучшений нет.

– Дай вам Бог здоровья! – заговорил самый пожилой из присутствующих, и Филипп заметил, что ручка его клюки имеет облик спаниеля. – А меня зовут Николай. Сейчас я на пенсии. Раньше работал учителем физкультуры. Несколько лет назад у меня нашли злокачественную опухоль. Я думал, помру. Но женушка всё время держала меня за руку. Каждый день, понимаете, она приходила в больницу и сидела со мной до отбоя. Я уверен, это она спасла меня. В таком возрасте одними лекарствами жив не будешь.

– Хотя бы раз сменил тему, дед! – воскликнул Серёжа и, цокнув языком, заговорил о себе: – Я работаю слесарем. Дважды судим за квартирные кражи. Стать вором мечтал с детства. И нечего лыбиться! Это была моя любимая игра: стырить что-нибудь и остаться безнаказанным.

– А я любил собирать фигурки из конструктора, – улыбнулся Никита, радуясь возможности быстро отделаться. – Такой вот был посредственный паренёк, в отличие от вас. Из деталей для техники собирал всяких львов, жирафов и носорогов. Сейчас я журналист и всегда ношу с собой диктофон.

– Меня зовут Филипп, и с работой пока что туго, – он не хотел вдаваться в детали. – Почему-то вспомнилось, как на днях вышел вынести мусор. Из одного контейнера доносился какой-то скребущий шорох. Я постоял немного – хотел понять, что за звук. Рядом вдруг появился мужчина, наверняка бомж... Он сказал, хотя я не спрашивал: «Это шумят крысы». До сих пор не знаю, было это во сне или наяву.

Они пробыли в доме Леонида ещё тридцать минут. Ни молитвой, ни медитацией в тот вечер не занимались. Вениамин не спеша объяснял молодым людям суть совместной работы участников объединения. Филипп тонул в образах и не мог выловить суть. Внимание то и дело переключилось на обдумывание вышесказанного. Никита кивал, стараясь выглядеть заинтересованным.

Неожиданно для всех Вениамин завершил встречу:

– Сегодня придётся закончить пораньше. Дома меня ждут дела, приятные и неотложные. У сына день рождения. Поэтому – разойдёмся. Молодые люди, вы поняли, что делать? Это ваше первое домашнее задание. Уверен, что выполнить его будет нетрудно. Ничего не выдумывайте. Просто сотрите все мысли и ждите. Вещь сама выберет вас.

Вениамин несколько не сомневался, что Филипп и Никита придут к нему снова. К следующей встрече он попросил обоих найти свою «вещь» в темноте.

Для этого следовало закрыть глаза и одну за другой стереть из сознания мысли. Сиюминутные, навязчивые, малозначительные, по плану они должны были послушно исчезнуть, оставив на своём месте обширную темноту. Её надлежало беречь и терпеливо наблюдать до тех пор, пока

не появится та самая загадочная «вещь». Она может оказаться ивовым листом, священным скарабеем, цветком шиповника, свинцовой пулей, каменной маской, столовой ложкой или любым другим предметом. В этой «вещи», пытался толковать им Вениамин, сгущается Подлинная Реальность, поэтому ни в коем случае нельзя воспринимать её как фантазию. «Вещь», безусловно, где-то существует, даже если это неочевидно для органов чувств. Насколько понял Филипп, она требовалась для совместной медитации членов сообщества, на которую всякий раз отводилось около получаса.

– Зуб даю, что-то здесь не то, – по пути на остановку делился впечатлениями Никита. – Мужик, конечно, держится отлично. Старается выглядеть нормальным, но...

– Согласен, – задумчиво откликнулся Филипп. – Как насчёт следующего раза?

– Придётся идти. Такие персонажи на дороге на валяются. Мастер чесать языком, каких поискать.

– Да. Но мне показалось, Вениамин чего-то не договаривает. Да и роль учителя ему не подходит.

– А какая подходит, по-твоему? Маньяка в розыске?

– Слушай, я бы не удивился...

– Ха! Я тоже. Но даже если это криминальная сенсация, тащиться туда снова лично у меня – ни малейшего желания. А вот тебе, должно быть, интересно. Вы с Вениамином чем-то похожи...

– Ты имеешь в виду, одинаково далеки от действительности?

– Не знаю. Так, впечатление.

Филипп вернулся домой в приподнятом настроении. В последнее время он часто замечал разрыв, который образовался между ним и окружающими людьми – во времени, пространстве, понимании жизни. За вычетом различий между ним и всеми остальными, по его ощущениям, оставались только мясо и кости. Вениамин стал первым исключением за три года. Попросту говоря, Филиппу было приятно познакомиться с человеком, ещё более ненормальным, чем он сам.

На кухне он застал отца. Вернувшись с корпоратива, тот был слегка под хмельком. Не чокаясь, они выпили по паре рюмок ликера и вскипятили чайник. Завязался путаный разговор, во время которого Филипп заметил, что, задавая вопросы, впервые не чувствует себя неловко.

Эта тягостная неловкость с детства была краеугольным камнем его общения с родителями. Всё, что Филипп знал о своей семье, было почерпнуто из разговоров, участником которых он не был. Казалось, нет ничего сложного в том, чтобы поинтересоваться, к примеру, как родители познакомились, или узнать, что произошло в их жизни до рождения сына – но Филипп не мог. Все вопросы он старался забыть, не задавая. Только в тот вечер неловкость ненадолго исчезла.

– Забавный у них ритуал знакомства, – протянул отец, когда Филипп вкратце рассказал ему о минувшей встрече. – Напоминает игру в ассоциации. Только ассоциировать нужно не слова, а целые жизни.

– А что бы рассказал ты? – к своему удивлению, спросил Филипп, и под пыльным куполом кухонной люстры мигнула лампа.

– Ну, не знаю... – отец задумался, обняв ладонями кружку чая. – О, вот что! Я бы рассказывал воспоминание. Мне было лет пятнадцать или, может, чуть побольше... Какие-то малолетки здорово побили меня на улице, просто за то, что я из другого района. После этого я решил подкачаться, чтобы постоять за себя в случае чего... И вот, значит, купил себе гирию... Но нести её в открытую почему-то стеснялся. Засунул в бабкину сумку в цветочек – новенькую тяжеленную гирию! Можешь себе представить?

– Да, – Филипп мог представить. Его гириями были вопросы, которых он не задавал.

Добравшись до постели, он против обыкновения не уснул сразу же, как только опустил затылок в уютную впадину подушки. А спустя четверть часа, по-прежнему чувствуя себя бодрым, решительно сел на кровати. Ему пришлось в голову сейчас же, не откладывая, отыскать ту «вещь», о которой столько говорил Вениамин.

Филипп попытался изобразить позу лотоса, припоминая, что она, чёрт знает почему, считается наиболее подходящей для медитации. Тело сопротивлялось, явно считая иначе. Он продержался с минуту, после чего с радостью вытянул перед собой ноги и прислонился к стене, подложив под спину подушку.

Это положение оказалось куда удобней. Веки сомкнулись, и он окунулся в тёмную тишь, где, постепенно набирая жизненную силу, бесшумными периодами колыхалось дыхание.

Мало-помалу Филиппу стало казаться, что каждый вдох немного приподнимает тело над кроватью. Он сосредоточился на этом ощущении и поднимался всё выше, стараясь неосторожным выдохом не допустить падения. Подъём скоро превратился в полёт. Комната исчезла, раскрывшись, как бутон. Из ниоткуда потянуло прохладой. Тело слетело, словно с зерна – мякина, и Филипп вдруг понял, что на самом деле всегда состоял из воздуха и темноты. «Вещь» начала проявляться.

Сначала возникли два симметричных блика. Некоторое время они висели в темноте наподобие звёзд, но вскоре, облекшись плотной материей, оказались глазами, похожими на две чёрные фасолины. Немного погодя между ними сформировалась небольшая жёлтая мордочка. На лбу, как цветки подорожника, проклюнулись тонкие усы. Вслед за ними открылось остальное: две пары крыльев, продолговатое тельце с коротким пушком, припорошенные пылью лапки. Словно двигаясь по невидимой орбите, пчела подползала ближе и вместе с тем росла, заполняя поле зрения. Из каждой её ворсинки сочилась кровь, похожая на человеческую. Алые капли замирали в темноте, образуя вокруг монстрообразного насекомого дрожащий ореол. Едва слышное жужжание переросло в невообразимый шум.

Испугавшись, Филипп заметался, забарахтался в воздухе и начал судорожно сползать по раскачивающейся лестнице вдохов и выдохов. Ничего не получалось – он падал. Сумбурно зарождаюсь в плодородной тьме, перед глазами замелькали золотые ангелы, белые скорпионы, амурские тигры, плоды инжира, чёрные пирамиды, незнакомые буквы, женские руки, собачьи головы, голящие ветки...

10

Хлопнула входная дверь, и Лев с лаем рванул в прихожую. Это могло означать только одно: вместе с папой в квартиру вошёл кто-то ещё.

Отложив ручку, я прислушался: да, действительно... Незнакомый голос звучал вперемешку с шорохом и лаем. Человек! Я страшно обрадовался, но выйти из комнаты не успел. Папа опередил меня.

Заслонив собой дверной проём, он заставил меня сесть и шёпотом предупредил, что у нас гость. Я энергично закивал – да, да, вот здорово – гость! – и нетерпеливо вскочил со стула.

– Успокойся, – строго осадил меня папа. – И веди себя прилично. Ни слова о том, что не выходишь наружу. Проговорись – останешься один. Ясно?

Я был согласен на любые условия. Прежде к нам приходил только молчаливый врач по имени Мустафа. Папа приглашал его изредка, когда я серьёзно болел. А женщин я никогда не видел, если не считать мамы на фотографии.

Людмила – так звали нашу гостью – была такой же красивой, как она. Её кожа – розовое золото – казалось, слегка мерцала, подсвеченная изнутри. Каштановые волосы выбивались из-под шапки изящными локонами, а глаза блестели, словно от радости – голубовато-серые, с тёмной каймой по краю радужных оболочек.

– Давно хотела с тобой познакомиться! – воскликнула она, поздоровавшись. Я смутился и ничего не ответил. – Ну, что такое? Так смотришь, будто впервые человека увидел.

– Нет, нет! – запаниковал я. – Каждый день вижу разных людей. Просто вы очень красивая...

– Умеешь делать комплименты, – улыбнулась она.

– Вот и познакомились, – папа вышел из-за моей спины и направился в сторону кухни. – А теперь иди, сынок, займись делом...

– Что у него за дела? – спросила Людмила, и, поскольку папа не торопился с ответом, я не удержался. Решил похвастаться:

– Мне нужно создать новый мир.

Папа обернулся, взглянул с упрёком.

– Вот оно что! – Людмила, не заметив его взгляда, поманила меня рукой: – Да ладно, идём, отвлечёшься ненадолго.

Чуть помедлив, я поплёлся следом.

– Так, значит, создаёшь мир... – продолжила гостя, усевшись на табурет. – А как, не поделишься?

Судя по папиному взгляду, рассказывать об этом было нельзя. Не зная, что делать, я разглядывал руки Людмилы. На безымянном пальце посверкивало тонкое кольцо с маленьким прозрачным камушком.

– Угадайте, – наконец нашёлся я.

– Ладно, попробую... Ты читал мифы Древнего Египта?

Вопрос не поддавался расшифровке из-за двух незнакомых слов: «мифы» и «Египет».

– Я преподаю мифологию в университете, – объяснила Людмила, запутав меня окончательно. – Демиурги – моя любимая тема. Может быть, ты создаёшь мир так же, как это делал Птах?

– А как он это делал? – простодушно спросил я, пытаюсь хоть что-нибудь запомнить: «демиурги», «мифы», «университет», «Птах».

– О, ничего сложного! Он сам назвал себя творцом. Никто не возражал, разумеется – вокруг был только хаос. Чтобы создать из него мир, Птах называл вещи по именам, и они тут же начинали существовать.

– Это правда?

– Это миф, Лёва. История о том, как древние люди представляли себе мир. Таких историй множество, и все разные.

– Расскажите что-нибудь ещё.

– Не стоит, – вмешался папа. – Я тебе, Лёва, лучше книжку принесу. А сейчас иди... Перепиши что-нибудь из учебника.

Я не стал напоминать ему, что учебник закончился, и послушно ушёл. Но в комнате, наскоро записав слова, запрыгнул на кровать и прижался к стене ухом.

Разговор был слышен хорошо. Я ждал, что Людмила расскажет что-нибудь о создании мира, но этого не случилось. Зато из их беседы я узнал ещё немного новых слов, которые записывал тут же, положив на колени толстую тетрадь.

– Ты не думал вернуться в университет? – спросила Людмила. – На встрече выпускников какая-то женщина спрашивала о тебе. На вид – лет тридцать с небольшим...

– Приятно, что кто-то помнит. Но не возвращаться же из-за этого! Понимаешь, Люд, чтобы преподавать, тем более – философию, нужно верить в то, о чём говоришь. По крайней мере, я не могу иначе. Любая система кажется мне нагромождением бессмыслиц. Каждая знакомит со своим создателем, а не с устроителем мира.

– Вижу, ты не изменился. А с работой что? Устаёшь, наверное?

– Не! Только сначала – с непривычки. Сейчас мне нравится. График удобный, да и зарплата ничего – в университете столько не получал.

– Всё-таки странно. Ты – и вдруг рабочий на стройке.

– Вдруг? Скоро десять лет будет.

– Всё равно что-то не так. У тебя на лице написано...

Ещё как минимум четверть часа они продолжали в том же духе.

Я устал слушать и перебрался за стол. Начисто переписав новые слова, положил тетрадь на верхушку стопки – и та не устояла, поползла вбок. Тетради с шелестом свалились на пол.

Одну из них я поднял и зачем-то открыл. Голубые контуры клеток, отчёркнутые красным поля выглядели так, словно чего-то от меня ждали. Вот только чего? Не моргая, я смотрел на чистые страницы, пока не понял. Они ждали, чтобы я вылепил из хаоса новый мир. Миллиарды лет этот мир ждал меня, чтобы начать существовать – и вот, дождался...

Пару месяцев назад в квартиру залетела пчела. Тогда я спросил папу, есть ли у неё кровь – но теперь понял, что не должен был спрашивать. Я должен был сам решить, каким будет ответ. «У пчёл есть кровь», – вывел я на первой странице и, повторив фразу шёпотом, почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

Я стал записывать в тетрадь всё, что придёт на ум, и даже перед сном, лёжа в кровати, продолжал называть вещи по именам.

II

– Ладно уж, поищу чего-нибудь на кухне... – Галина нехотя посторонилась, пропуская гостя в тёмную прихожую.

Пару минут назад его настырный стук заставил её подняться с кресла. Галина подумала – должно быть, вернулся сын – и открыла, не заглянув в глазок. Но вместо Ванюши на пороге стоял этот чёртов Станислав, которого, она была уверена, на сей раз никто не приглашал.

Едва шагнув в направлении кухни, мужчина споткнулся о табурет, но оставшуюся часть пути преодолел успешно.

– Так, попробуем... – пробормотала Галина, прежде чем щёлкнуть выключателем – и единственная лампа лопнула, осыпав осколками пол. – Вот зараза!

– Не волнуйся, милая! Посидим в темноте. Ты знаешь, я бы и сам купил выпить, но всё пропало – и деньги, и карманы. Ничего не понимаю...

– Пили бы больше, – отозвалась женщина, сожалея о своём гостеприимстве.

– Ну что ты! Алкоголь, наоборот, помогает мыслям проясниться.

Ничего не ответив, она достала из кармана халата парафиновую свечу и коробок спичек. В тёмные дни, как называла их Галина, ей случалось привести в негодность все лампы, кроме торшера возле кровати.

Затеpliant фитиль, женщина открыла буфет и взглянула на верхнюю полку. Стоя за её плечом, гость смотрел туда же: полбутылки коньяка, шампанское, немного виски... В зрачках Станислава раскачивался отражённый свет.

– Давай-ка я сам, – он взял с полки виски и, виртуозно удержавшись на ногах, схватился за край плиты. – Где у вас бокалы? Впрочем, сойдёт и так... Присядем прямо здесь? Посвети, пожалуйста, на табурет. Да-да, теперь вижу. Сажусь. Твоё лицо при свече... Моя любовь. Дышать тяжело. Так много хочется сказать. Но сначала выпить бы, Галочка...

– Галина, – поправила его женщина. – Я побуду с вами немного. Ваня с Маринкой куда-то запропастились. Вот вернутся – и... Батюшки! Что это у вас, кровь?

Она поднесла свечу к его лицу.

– Пустяки! – отмахнулся Станислав и потёр щёку, разделённую надвое запёкшейся кровяной просекой. – Подумаешь, кровь... У тебя тоже кровь, если хочешь знать, только снаружи её не видно.

Проснувшись под вечер, Станислав с безмерным изумлением обнаружил себя непонятно где. Голые стены, накрытый полиэтиленом диван, тусклая серость, оживлённая скоплением каких-то ярких пятен... Ага, теперь он разглядел – фрукты! Кто-то, постлав пакет, аккуратно разложил их на полу. Похоже на дочь: она всегда уходит, не выключив свет. Но куда?

Недавнее прошлое не оставило в памяти никаких следов. Вместо воспоминаний в пространстве между ушей летали туда-сюда сверкающие ножи, точно в цирке, на том представлении, куда он ходил со Светой лет пятнадцать назад. Метатели ножей... Их он помнил! И лицо Галины вспы-

хивало в сознании, как маяк – то родное, прекрасное, то изменившееся до неузнаваемости... Да ведь он затем и приехал, чтобы с ней повидаться! Значит, нужно найти её, как бы то ни было. Но для начала – выбраться из квартиры и выпить.

Опираясь на стену, он дотащился до прихожей, но вскоре был вынужден вернуться. Замки не поддавались без ключей. В мучительном раздумье Станислав поднял с пола яблоко, грушу и апельсин. Попытался жонглировать, припоминая всё то же представление, но своевольные фрукты ускользнули из пальцев.

Вслед за ними вновь пришёл в движение и сам жонглёр. Оттолкнувшись от дивана, он поднялся и старательными шагами направился к окну. Пытаясь сохранить равновесие, вцепился в край подоконника. В глазах потемнело, но Станислав подался вперёд и, нащупав рукоятку, открыл одну из створок окна. Вслепую закинул на подоконник левую ногу и оторвал от пола правую.

Стоя на коленях в оконном проёме, вдыхая дивный, головокружительный воздух, он ощущал себя на пороге. Перешагни его – увидишь всё как есть. Вернёшь упущенное, постигнешь непостижимое... Станислав заметил внизу ворону. Птица перебирала лапками по низкой ограде возле пожухлого газона, а затем, отчаянно каркнув, взлетела... Он не мог понять, куда она подевалась, но вскоре расслышал, как ворона кричит в его голове, отхаркивая своё хриплое, истощённое «кар-р!», кричит и хлопает крыльями, словно угодила в ловушку. «Да уймись ты, – пожурил её Станислав. – Скажи лучше, как мне отсюда выбраться». И, прежде чем замолчать, ворона сказала: «Выходи так, словно входишь. В тёплое море, в дом своего детства, в приятный сон...»

«А ведь верно!» – подивился Станислав пернатому мудрецу. Минуту спустя он продвинулся ещё немного вперёд и, потеряв опору, тихо полетел сквозь прозрачную прохладу.

Очнувшись на влажной земле, мужчина с трудом разлепил веки и увидел – правда, с другого ракурса – всё тот же низкий забор, серую полосу тротуара и пасмурное небо, лишённое полутонов. «Тупорылая птица!» – выругался он и попробовал встать. В голову чуть выше правого виска кто-то упорно забивал гвоздь. Обхватив тонкую берёзку, Станислав дождался, пока боль станет терпимой. Шагнул – и ноги послушались.

Вскоре он опознал дом, в котором, вне всяких сомнений, ждала его Галина, и протоптанную через двор дорожку, ведущую в магазин. Чтобы прийти в себя, магазин следовало посетить в первую очередь.

Станислав полез было в карман за деньгами, но, похлопав себя по бокам, никаких карманов не обнаружил. Он был одет в колючий свитер из овечьей шерсти, спортивные штаны с растянутыми коленями и тёплые носки в фиолетовую полоску. Поход в магазин пришлось отложить.

Мужчина обогнул дом и вошёл в подъезд, дверь которого показалась ему знакомой. Хватаясь за перила, взобрался по крутым ступеням. Дважды ошибся квартирой: громко щёлкали замки, незнакомые лица встречали недоумением. Галину там не знали. Остальные двери выглядели чужими, но – некуда отступать! – наобум выбрав одну из них, Станислав заколотил в металл обеими руками, словно это усердие могло сделать первую попавшуюся дверь искомой. И Галина открыла ему.

– Вызову скорую, – решила она, разглядев кровь на лице гостя.

– Думаешь, я умираю? – Станислав улыбнулся и глотнул виски. Силы прибывали, разливаясь по телу теплом. – Брось, это невозможно. Тем более теперь, когда я счастлив. Веришь, нет... Ты зажгла свечу, и я прозрел. Прошло уже минут десять. Разве мало?

– Вам нужен врач.

– Нет, ты мне скажи! Десять минут счастья – много это или мало?

– Вполне достаточно, – нехотя признала Галина.

Гость испортил ей вечер. Но была в нём какая-то беспомощность, пробуждающая чувства, родственные материнским. «Принимает меня за кого-то другого, – досадовала женщина, но тут же смягчалась: – Алкоголик, что с него возьмёшь?» Наклонив свечу, она пролила несколько ка-

пель воска на сплюснутый коробок и поставила на него столбик парафина. Огонёк дрожал в центре стола, освещая бок белой сахарницы и кружку с остывшим чаем.

– Уже больше, чем десять. Одиннадцать, двенадцать минут! – с воодушевлением продолжал Станислав. – Теперь уж я не уйду. Всегда буду рядом... Как случилось, что мы расстались? Не понимаю... Столько лет! Вспомни хотя бы наши прогулки по лесу. Сосновый шум, солнечные прогалыны... У меня сохранился снимок – божья коровка на твоей шее...

– Может, хватит? – Галина хотела забрать у него бутылку, но мужчина увернулся на удивление ловко.

– Вечно ты так! – его радость была близка к эйфории. – Запрещала мне пить даже в день нашего знакомства. Тебе тогда исполнилось тридцать...

– Я отлично помню своё тридцатилетие, – раздраженно оборвала его собеседница.

Всему есть предел, особенно – терпению и сочувствию. У неё давно не осталось ничего, кроме воспоминаний. И, вот поди ж ты, именно на них посягают теперь все, кому не лень. Ваня с невесткой вечно пытаются уличить во лжи, переспрашивают, выискивают нестыковки, перекраивают её же воспоминания так и сяк. Мало было их – теперь ещё этот...

– Деньёк был чудный! – Станислав достал из буфета коньяк. – Ты тогда...

– Исполняла свою любимую роль... – перебила Галина, чтобы не дать ему солгать. – Офелию! А Стёпка, помнится – Лазрта. На сцене он был мне братом, а за кулисами – женихом. Молодой ещё, только из института...

– Неправда, – упрямо возразил он. – В твой день рождения мы и познакомились...

– ...А на следующий день началось – одно за другим. Сначала подвернула ногу на репетиции, потом – со Стёпкой размолвки... На мою роль взяли дублёрку. Ничего не поделаешь – нога боле-ла зверски. Смотрела премьеру из зрительного зала...

– Я как увидел тебя – сразу влюбился. Был пьян, конечно, но не так, чтобы очень...

– Два года прошли как во сне. В роли я вживалась хорошо, но в свою жизнь – не могла, хоть убей... Оно и понятно – никакой драмы. Бездарный сценарий, актёры-дилетанты, художник по свету работает из рук вон плохо. Из декораций – только пыль и паутина, плесень в немых сковородках...

– Никогда о тебе не забывал. Пару лет прожил с Татьяной. Но женщина она была простая, приземлённая... Хотела квартиру побольше, машину, то да сё... – что тут будешь делать? Ушла, и слава богу. Помню, потом находил в квартире её вещи. То шпильку для волос, то помаду, то чулок... Прикасался с какой-то безразличностью, как если бы мне подкинули дохлую кошку.

– Потом стало полегче. Семья, сын. Похоже на жизнь, но всё-таки – не то. Не хватало трагизма. Какой-нибудь страсти, что ли, – Достоевского, Шекспира...

– Пожалуйста, перестань, – попросил Станислав. – Верю, ты прекрасная актриса... То есть могла бы ей стать. Но я-то... Я чувствовал себя живым так редко. И всё-таки пытался верить, что жив! По крайней мере, в твоей памяти. А выходит – нет, и тут не существую...

– Пришлось смириться. Как говорится, не дано. У трагических людей всегда особенные глаза. Только взгляни на них – сразу всё поймешь. Уже в этом есть своего рода трагедия. А я могла только изображать её. Не в жизни – на сцене...

– Перестань... – Станислав зажал ладонями уши, но всё равно слышал каждое слово.

– Вы тоже человек не трагический, – вздохнула Галина.

Станислав опустил тяжёлую голову на руки. Не уснул – упал во мрак, где звучало эхо только что услышанного. Очнуться бы, стряхнуть с себя всю эту ахинею – но он не мог.

Галина беззвучно выдохнула, и свеча погасла.

– Мам? – окликнул её Ваня, вхолостую щёлкнув выключателем. – Опять оставила нас без света?

– И правильно сделала! – проворчала Галина, не вставая. – Нечего было пропадать весь вечер. Наприглашают гостей, а сами...

– Каких гостей? – Ваня мельком заглянул в кухню. – Извини. Я думал, они уехали... Пойду замену лампы.

Когда в квартиру вошли Марина и Света, он как раз слезал с табурета, чтобы зажечь в прихожей свет. У сестры было взволнованное лицо, немного покрасневшее от слёз. Но Ваня этого не заметил – лампа вспыхнула слишком ярко – и, пробормотав что-то в качестве приветствия, направился в ванную.

– Он здесь! – воскликнула Света, услышав знакомое сопение. Не раздеваясь, помчалась в кухню. – Папочка, ты живой...

– Не преувеличивайте, – скептически отозвалась Галина.

12

В дневнике наблюдений Филипп сформулировал новую гипотезу: «Проблемы с концентрацией внимания возникли из-за чрезмерной продолжительности сна. В последнее время объект наблюдений часто отключался днём и в целом спал больше, чем бодрствовал».

Собираясь втиснуть сны в положенные восемь часов, на следующий день он моментально отреагировал на будильник. Поднявшись в пять тридцать, Филипп сварил себе кофе и потратил ровно час на записи в дневнике, после чего впервые в жизни приготовил родителям завтрак.

Когда на кухню, кутаясь в халат, заглянула мать, начинающий повар угрюмо размешивал пшеничную кашу с комками.

– Ты что, сошёл с ума?

– Надеюсь, что нет.

Едва ли не каждый час он варил себе кофе и быстро пил, обжигая язык и верхнее нёбо. Пробовал сесть за учебники, но внимание всё ещё подводило. От нечего делать навёл порядок в шкафу с одеждой. Съездил в «Мир техники» за новыми наушниками, прогулялся по парку, на обратном пути – купил сигарет и банку кофе. Посидел у подъезда, наблюдая двор под фортепианный концерт Рахманинова: метания сухих листьев, воробьиные перескоки с ветки на ветку, радость отпущенных с поводков собак, неторопливую самодостаточность женщин с детскими колясками. Чем дольше он наблюдал, тем острее чувствовал некую неразрушимую гармонию, непостижимый порядок – во всём, кроме себя самого...

Поднявшись с лавочки, он добрёл до засохшей ивы и закурил. Вспомнил о Марине, уставившись в серые окна. Вспомнил, как Софи донимала его взглядом. Порой он хотел повидать обеих, но как-нибудь невзначай, мимоходом, чтобы не пришлось спрашивать «как дела?», тяготясь безучастностью своего вопроса.

Ему было не интересно, как у них дела, пока его собственный быт не заслуживал даже того, чтобы называться жизнью. Отшвырнув окурок, Филипп пошёл назад.

Дома он не придумал ничего лучше, чем сесть за стол и, погладив его глянцевою поверхность, собрать в ладони накопившуюся пыль. Отряхнув её на пол, Филипп положил руки на закрытый ноутбук. Некоторое время спустя голова опустилась на них как бы сама собой. Минуту-другую он смотрел, не моргая, на размытые очертания пальцев – и веки сомкнулись.

Пустошь расходилась во все стороны. Небо цвета золы рябило, как сломанный телевизор. Бурая почва потрескалась. Кое-где виднелись высохшие кусты, клочья желтоватой травы и серые камни, припорошенные песчаной пылью.

Неторопливыми шагами к Филиппу приближалась женская фигура, одетая в белый хитон. Её лицо было скрыто тканью, спадающей на грудь. Женщина держала перед собой шарообразный аквариум, который, вспомнилось Филиппу, когда-то стоял в спальне его родителей. Только вместо золотых рыбок на этот раз в нём плавал человеческий эмбрион.

Зародыш посасывал большой палец и мерно покачивался в такт шагам, окруженный подвижной бахромой из водорослей – красных, лиловых, амарантовых. «Ты должен помочь ему», – ска-

зала женщина, остановившись, и Филипп посмотрел на ребёнка. Необъяснимая тошнота подступила к горлу. «Почему я?» – с трудом выговорил он. Женщина шагнула навстречу: «Нелепый вопрос! Ты должен...» «Уйди», – отшатнулся Филипп и попытался разрушить сон. От его усилий контуры предметов заволоновались. Но женщина не исчезла, только побелели её тонкие пальцы. В аквариуме начала замерзать вода.

Шевеление водорослей прекратилось, и ребёнок застыл во льду. Громко растрескалось стекло. «А ведь ты мог узнать всё что угодно», – с сожалением сказала женщина и развела руки. Аквариум упал на груду камней. Откинув с лица ткань, она оказалась Лейлой. Слезы, как по желобкам, стекали к уголкам губ ровными вертикалями.

Осколки человека были разбросаны по земле. В одной льдинке – розовая ручка, в другой – ухо и кусок затылка...

Снаружи уже смеркалось, когда Филипп встал из-за стола. Затёкшая шея болела. Отпечатки складок рукава розовели на щеке, как свежие шрамы. Надеясь взбодриться, он поставил кофе, но, едва ощутив его осточертевший запах, опрокинул турку в раковину. День был безвозвратно потерян – всухую проигран сну. Но прежде чем лечь в постель и, обнулив счёт, начать сначала, оставалось прожить как минимум четыре часа. Почему нельзя отрезать их от жизни, как лишний лоскут?

Зашнуровав ботинки, все ещё мокрые после утренней прогулки, Филипп вышел на улицу. Этот нехитрый способ убивать время он называл «преодолением длительности с помощью протяженности».

Направление движения подсказал ветер. Повернувшись к нему спиной, Филипп поплёлся в сторону центра города и полчасу спустя, неожиданно оживившись, ощутил, как органы чувств заработали в полную силу. Мир, только что загадочный, как «вещь в себе», наводнил сознание хаосом впечатлений. И Филипп нащупал своё сиюминутное предназначение – упорядочить этот хаос. Мохнатый пёс возле канализационного люка, улыбка незнакомой девушки в чёрной кожанке, плюшевый заяц в оранжевой витрине, дотлевающий на тротуаре окурок, синие вспышки букв над входом в цветочную лавку... Время, недавно обременительное и ненужное, понеслось сквозь сердце, как новая кровь. С удивлением и радостью Филипп наблюдал, как под его взглядом все вещи и люди вбирают в себя непостижимый, необъятный для ума смысл. Многоголосый шум звучал теперь как симфония, гениальная импровизация прохожих, даже не подозревающих о том, что они – сегодня, сейчас – вместе создают музыку...

Он мог бы слушать ещё долго, но вышел на дорогу, в очередной раз проигнорировав сигнал светофора. Взвизгнули шины, и серебристый «Мерседес» замер в нескольких сантиметрах от пешехода.

– Куда прёшь, мудила? – опустив стекло, возмутился водитель.

И недолговечная радость рассыпалась, как отпущенный из горсти песок. Глубина стремительно стёживалась в плоскость. Звуки резали слух – нелепая какофония! Люди просто куда-то шли, толстокожие, как динозавры, всегда собранные, одержимые властью, не замечающие пропасти, в которую он, Филипп, уже соскользнул. Больные рыбы на мелководье. Они не покинут яви, не провалятся, не утонут – будут бодро плавать кверху животами...

Начался дождь. Филипп понял это, увидев на поверхности лужи дрожащие окружности. Проворная капля тут же затекла за шиворот. Он по-прежнему двигался в одном направлении с ветром, не заботясь об обратной дороге. Зная, что не сделал бы ни шагу, если бы воздух не подгонял его настойчивыми толчками в спину. Он чувствовал себя предметом, которым движет ветер – смятым клочком бумаги или сухим листом.

Два часа из положенных четырех было добросовестно уничтожено, когда он оказался в частном секторе, неподалёку от того места, где несколько дней назад пил кофе с печеньем под замыс-

ловатые монологи Вениамина. Он был уверен, что придёт на встречу ещё раз, хоть и не за тем, чтобы привести в движение космическую энергию.

В самом существовании Вениамина было какое-то утешение. Он представлялся Филиппу удачливым чудачком, который умудрился стать самим собой, не съехав с катушек и не покрывшись кожей динозавра. Остался верен своим убеждениям и жил так, словно их истинность несомненна – в этом Филипп мог ему только позавидовать. Сам он никогда не доверял себе до конца. Даже мысль о том, что его болезнь – дар, явившийся во спасение, – мысль, на которой чудом держался весь его шаткий быт, – Филиппу нередко приходилось отстаивать перед самим собой.

Едва подойдя к забору, он узнал дом, в котором проходили встречи адептов Подлинной Реальности. Он хотел пройти мимо, но зажжённый над крыльцом фонарь внезапно заставил его остановиться в замешательстве.

Филипп не помнил этого фонаря. Досадная мелочь, в сущности – ерунда. Но эта ерунда могла в секунду перевернуть всё с ног на голову. Вечер, прожитый с таким трудом, мог оказаться тщетным барахтаньем во сне. Филипп сосредоточился, присмотрелся внимательней – напрасно. Лампа, обрамлённая сеткой из металла, не разрешила его сомнений... Да ну её к чёрту! Уже собираясь уйти, он услышал чавканье близких шагов.

Чёрный силуэт шлёпал вдоль участка прямо по грязному месиву, не просохшему в глубоких колеях. Он нёс под мышкой нечто похожее на лыжи, спрятанные в чехол. Филипп замер, просунув пальцы в металлическую сетку забора. Он смутно надеялся на какую-нибудь подсказку, которая поможет отличить сон от яви. Ствол яблони и густые ветви вишни позволяли ему оставаться незамеченным. В темноте Филипп чувствовал себя защищённым, крепко спянным с землёй и воздухом.

Немного помедлив у калитки, силуэт вошёл во двор. Медленно добрёл до крыльца и, поднявшись на одну ступень, снова остановился. Не прикоснувшись к звонку, постучал – так осторожно, что звука не расслышал даже Филипп – и тут же пошёл обратно, волоча за собой предмет, который в свете фонаря оказался огромным зонтом. Наконечник шеста в человеческий рост тянулся по земле, оставляя неглубокую борозду.

С лёгким скрипом отворилась дверь. На дорожку упала тёплая трапедия света с растушеванным основанием.

– Ты, что ли, Веня? – выглянув наружу, окликнул гостя Леонид.

Сквозь ветви Филипп видел его в профиль. Идеально прямой, словно прочерченный по линейке нос, крутой отвес лба, густая борода, подсвеченная фонарём.

– Я, я, – отозвался чёрный силуэт, и Филипп заподозрил, что видит сон. Вениамина было не узнать: слишком неуверенными были жесты и походка, слишком безжизненным – голос.

– Так и будешь стоять? Заходи, выпьем по рюмочке.

– Не сегодня, Лёнь, – Вениамин едва заметно качнулся, словно хотел шагнуть навстречу, но передумал. – Я хотел заглянуть, но вспомнил – есть одно дело...

– Не слишком убедительная отговорка, – Леонид вышел под мелкий дождь. В просевших досках крыльца скопилась вода.

– Верно, – грустно усмехнулся гость.

– Что-то случилось?

– Случилось... Трудно объяснить, как теряется связь с невидимым. Всюду, куда ни ткнишь, – стена. Граница, которую не перешагнуть. Реальность ускользает. Я не могу даже молиться. Слова бултыхаются в мозг, как горсть камней. Какой теперь из меня учитель?

– Это пройдёт. Пойми, люди приходят сюда не за знаниями. Я мог бы и сам прочитать лекцию об этапах духовной жизни или устроить мастер-класс по медитации... Но ты каким-то образом придаёшь им сил, даже когда несёшь ахиною – одним своим присутствием. И, поскольку в этом плане всё по-прежнему, навряд ли ты потерял какую-либо «связь». А трудности, они ведь и раньше были...

– Не знаю, – Вениамин махнул рукой и замолчал, с силой вкручивая в землю зонт.

– Под такой машиной не то что от дождя спрятаться – жить можно, – улыбнулся Леонид. – Где ты его нашёл?

– На руинах летнего кафе... Пойду я, Лёнь. Рад был повидаться.

Вениамин вышел за калитку.

– Эй, а зонт?

– Да ну его. Потом...

Он двинулся вдоль забора и, свернув за угол, быстрым шагом приближался к Филиппу, который неподвижно попрекал себя в том, что подслушал чужой разговор из-за какого-то фонаря. Он напрасно надеялся, что Вениамин пройдёт мимо.

– Я тебя вижу, – остановившись рядом, спокойно сообщил мужчина.

– Блин... – выдохнул Филипп и повернулся к тропинке.

– Знакомый голос! Выходи, чего уж теперь.

– Вы не думайте, я...

– Ага, теперь узнаю!

– Я здесь случайно. Шёл в одном направлении с ветром.

– Правда? – задумчиво откликнулся Вениамин. – Это чудесно.

Слушая тихий шум дождя, Филипп чувствовал, как исчезает неловкость, и вместе с ней пустые сомнения растворяются в очевидности. К тому моменту, как мужчина заговорил снова, опасения по поводу фонаря казались ему чистейшим абсурдом.

– Это чудесно, – убеждённо повторил Вениамин, и Филипп увидел его прежним. Жесты стали мягкими, взгляд – уверенным. Сложив руки ладонь к ладони, Вениамин открыл горсть дождю. – Раз уж так вышло, предлагаю перейти на ты и немного прогуляться в том же направлении.

– Ветер ведёт к водохранилищу, – возразил Филипп, хотя пройти было не против: как минимум полтора часа оставались неуничтоженными. – Дальше – только по воде...

– Идём. Себе я сегодня не доверяю, а вот ветру – пожалуй.

13

Лев научился умирать всего за семь дней.

– Умри! – радостно приказывал я, и пёс замирал на полу, как настоящий труп.

«Мёртвый», – объяснял мне папа, – поначалу похож на спящего. Но сходство теряется, когда тело начинает гнить». Лев, конечно, не умел умирать до такой степени. Однако его застывшая поза порой выглядела жутковато. В такие моменты я просил:

– Вставай, вставай же...

Он вскакивал, вилял хвостом и по-доброму скалил зубы – а я, в свою очередь, падал на пол, изображая мертвеца. Только троекратное «гав!» могло заставить меня подняться.

Эта игра долго была нашей любимой, но однажды вечером, в самом её разгаре папа схватил Льва за шкуру и унёс к себе в кабинет.

– Ты чего, пап? – спросил я, когда он вернулся, щёлкнув замком.

– Зря тратишь время, вот чего...

– Но я ведь сделал математику!

– Математику – и только.

Лев скулил и скрёбс когтями в дверь.

Папа стал другим – пришлось принять это как факт. Теперь он почти не улыбался, возвращался позже обычного и часто злился из-за пустяков.

В этом была и моя вина. Я научился решать сложные уравнения и разбирать предложения по составу, но стены стояли как прежде. Я многое узнал, но ничего не создал. Мне нравилось умирать понарошку и валяться на полу в обнимку со Львом. Глядя на нас, папа понял, что я – самый обыкновенный ребёнок, а вовсе не единственный заколдованный. Он понял, что я не создам мир.

Несколько дней спустя на кухне впервые не нашлось завтрака. В холодильнике было пусто, только банка кетчупа одиноко стояла на верхней полке. Я сварил овсянку на воде, но получилось невкусно. Завтрак достался Льву, а мне пришлось ждать до вечера.

Папа принёс из магазина хлеб, варёную картошку и запечённую курицу. Подгоревшая, блестящая от жира птица выглядела неаппетитно, но мы разогрели её в духовке. Покушав, я спросил:

– Проверишь математику? – хотя и не понимал, для чего мне все эти числа, формулы и фигуры. В учебнике встречались слова, которые звучали красиво – парабола, гипотенуза, синус. Но найти им применение я не мог.

– Уверен, ты всё сделал правильно, – бросил папа, смахнув со стола крошки.

– Значит, завтра?

– Посмотрим.

Скоро папа перестал заглядывать в мои тетради. Он больше не спрашивал, чем я занимался в его отсутствие, и уходил в кабинет сразу после ужина. Иногда оттуда доносились его шаги, иногда – ни звука.

Хуже всего была тишина. Я боролся с ней как мог. Читал словарь вслух, повторял заклинания, громко топал, гладил ладонью стол, шуршал фантиками, листал тетради – бесполезно. Тишину мог уничтожить только папа.

Он не делал этого, но продолжал дарить мне новые слова: разноцветную гирлянду, перо чёрной птицы, коробок спичек, восковую свечу...

Свеча продержалась ровно месяц. Я выбросил всё, что от неё осталось, накануне следующего слова, а на другой день – ждал папу с особенным нетерпением. Он обещал принести что-то интересное.

– Наконец-то! – я встретил его в прихожей. Но в ответ на моё приветствие папа только кивнул. Отряхнув куртку от капель, повесил её на дверцу шкафа и пошёл мыть руки. Влажные следы тянулись позади него.

– А как же слово? – спросил я, глядя в его спину.

Папа растерянно обернулся.

– Прости, я как-то забыл. Принесу завтра, хорошо?

– Ты нарочно забыл! И слово, и меня, потому что...

– Прости, – тихо повторил он, и всё моё возмущение разом схлынуло. – В последнее время что-то со мной не так. Всё кажется то ли безумием, то ли игрой... В общем, не настоящей жизнью.

– А как это – настоящая жизнь?

– Кто бы знал, Лёва... Кто бы знал.

Вернувшись в комнату ни с чем, я записал: «Настоящая жизнь». И долго искал для неё определение. Слова «жизнь» и «настоящий» в сумме не давали нужного результата. Я пытался найти его, припоминая папины интонации, намёки, обрывки фраз...

«Настоящая жизнь, – в конце концов, решил я, – это когда чувствуешь себя живым в квадрате. Такие минуты, которых ждёшь всё остальное время». Я был живым в квадрате, когда появлялись мурашки радости, или когда замечал, как меняются вещи, прямо на глазах становясь ярче и значительнее, словно внутри каждой зажигается лампочка.

– Папа! – проткнув бумагу точкой, я помчался на кухню. Лев – за мной, путаясь под ногами. – Я понял, что такое настоящая жизнь...

На столе ещё остался влажный круг от его кружки, толстовка висела на спинке стула. Но папы не было. От тишины звенело в ушах. Я включил воду и долго слушал, как капли разбиваются о раковину, а потом вернулся в комнату, чтобы ещё раз назвать вещи по именам.

Несколько часов подряд я читал словарь, чётко проговаривая каждое слово – и ничего, ничегошеньки не происходило! В нетерпении я толкнул стену обеими руками. Она не исчезла.

Нечто необычное произошло только следующим вечером, между семью и девятью часами. Я никак не ожидал, что Людмила появится снова, но, услышав звонок, сразу понял – это она.

- Что ты здесь делаешь? – удивился папа, приоткрыв дверь.
- Может, разрешишь мне войти? – дружелюбно попросила гостя, и он не смог ей отказать.
- Я в ваших краях вообще редко бываю. Но сегодня пришлось, подруга в больнице неподалёку. Решила – заодно и к вам заеду... Эй, Лёва, у меня для тебя сюрприз!

Я мигом переместился в прихожую с другого конца коридора. Из мешковатой сумки Людмила вытащила книгу:

- Держи. Почитаешь на досуге.

Это была очень красивая книга – потёртые буквы, золотые на алом – но я не успел даже разобрать заголовок.

- Что это? – спросил папа, нахмурившись, и забрал у неё книгу.

- Собрание мифов. Я подумала, Лёве будет интересно...

- Ты подумала... – он положил книгу на тумбочку и повернулся ко мне. – Я прочту первым, ладно? А пока – дуй к себе!

Не двигаясь с места, я смотрел, как Людмила снимает пальто. Под ним были голубая водолазка, узкая юбка по колено, стройные ноги в полупрозрачных колготках.

- Лёва, ты меня слышишь?

Пришлось уйти. Обнюхав сапоги Людмилы, Лев понуро поплёлся следом.

Я записал в тетрадь слово «собрание» и некоторое время сидел за столом, раздумывая напрасно. Почему папа не разрешил мне остаться? Почему не позволил взять книгу? Минуты тянулись так медленно, что в конце концов я не выдержал и, запрыгнув на кровать, снова прижался к стене ухом.

Говорила Людмила:

– Сдаётся мне, ты снова сходишь с ума. Один-в-один как раньше... Вспомни хотя бы третий курс. Я тогда впервые увидела, какой ты на самом деле. Помню, явился в общагу пьяный... Вахтёрша – за устав горой: не пушу и всё тут. А тебе хоть бы что – влез в комнату по пожарной лестнице...

- Не понимаю, к чему ты...

– Уселся на столе, как Будда, и давай разглагольствовать. Подождите, мол... Дайте мне лет пять... или нет, десять! Я найду способ изменить систему образования. Студенты будут искать знания у себя в головах, а не в учебниках и методичках. Платон был прав! Всякое знание – это припоминание... Все вокруг смеялись. Но я-то понимала, что ты говоришь серьёзно.

- Ну, допустим. И?..

Я отвлёкся, чтобы взять со стола тетрадь и записать несколько новых слов, а когда снова прислушался, речь шла уже о другом:

- Ты меня пугал. Всё, что ты делал, было непредсказуемо, не поддавалось никакому анализу...

- Повезло тебе. Вовремя одумалась и нашла себе аспиранта.

– Да я не о том! Волнуюсь просто... Что-то идёт не так – с тех пор, как ты ушёл с кафедры. Мне кажется, ты запутался. Снова вбил себе в голову какую-нибудь несбыточную мысль?

- Снова хочешь доказать мне, что я не прав?

– Почему ты не разрешил Лёве взять книгу? – было приятно чувствовать, что Людмила на моей стороне. – Он какой-то бледный. Не болен?

- Он в порядке.

- А ты?

- Тебе пора, Люд.

- Пойми, твои идеи хороши, пока не начнёшь воплощать их в жизнь.

– Приехали! – расплатившись с таксистом, Марина разбудила Свету, дремавшую на заднем сиденье.

Вместе они выволокли Станислава из машины и, подхватив под руки, повели к дому. Белая повязка плотно облегла его голову. Над правым виском кровоточила небольшая ранка, но кости черепа были целы. В травмпункте диагностировали сотрясение мозга и посоветовали показаться наутро. Пациент ещё не протрезвел – это мешало определить тяжесть травмы.

– Что теперь делать? – укрыв отца одеялом, Света смотрела на Марину с беспомощной надеждой. Она ждала какого-то совета. Слова, которое поставит всё на свои места.

– Подумаем утром.

В квартире стояла тишина. Ваня и его мать безмятежно спали, словно ничего не произошло. Спустя четверть часа Марина тоже легла в постель. Муж дышал так тихо, что казалось – не дышит вовсе.

Когда он проснулся, было ещё темно. Тихо накрапывал дождь, разбивая капли об оконный отлив. Сквозь открытую форточку сочился холод. На другой половине кровати, словно на краю света, посапывала Марина.

Всматриваясь в тёмный рельеф её спины, Ваня почувствовал мерзкий, пронизывающий ужас – и затаился, стараясь не шевелиться. Он понял, что не помнит лица жены. Ни цвета глаз, ни линии бровей... В любой момент она может повернуться на другой бок, и кто, кто тогда уставится на него своими закрытыми, закатившимися глазами?

Ваня отвернулся к окну, сжал в кулаке тёплый уголок одеяла. На внешней стороне стекла блесели мелкие капли. Тикал будильник на тумбочке у кровати. Скоро он прозвенит – и придётся встать, повторить алгоритм по новой.

Еле передвигая ноги, тащиться на станцию, которая заглотит его целиком, а вечером – выплюнет только тело. Недолговечную конструкцию, призванную заботиться о подлинных, незыблемых механизмах. Дни напролёт отслеживать их работу, созерцая пестреющие мониторы. Оставаться бдительным и спокойным. Служить системе, по сравнению с которой один человек – всего лишь мясо на кости. Стоит энергии выйти из-под контроля – и смерть разольётся вокруг... Если бы! Всё продумано до мелочей, и нет никакой возможности...

Уничтожить. Как приятно впустить в себя это слово, ощутить его глущее верчение в мозгу. Волнующее, почти физическое удовольствие. Истребить, задушить, извести... Как остановиться? Уснуть, не давая волю гневу. Или, разлепив веки, наблюдать скольжение капель по стеклу. Сосредоточиться на движении тучи. Желания могут быть опасны. Нужно научиться осторожности. Приструнить разум, унять воображение и...

Чёрное облако взорвалось с громким треском.

– Что такое? – восторженно вскрикнула Марина, когда Ваня закричал, продираясь голосом сквозь искры и горячую пыль.

Муж отстранил её от себя, зажмурившись до боли в глазах. И, несмотря на это усилие, видел, по-прежнему видел, что лицо жены стёрто, смазано – розовое пятно, вздувшееся пузырями...

– Проснись! Ты кричал...

– Так это был сон?

Вот оно, её настоящее лицо. Сонное, встревоженное, родное. Ваня сел на кровати, подложив под спину подушку. Не сводя глаз с жены, пытался найти в себе покой. Минуту спустя Марина снова заснула. Но чёрное облако было слишком близко... Взгляд Вани утратил резкость. Он моргнул и – щёлк! – отозвалось что-то внутри черепа, и понеслось, закрутилось...

Где-то под кадыком заклокотала ярость. Пытаясь не обращать на неё внимания, Ваня встал и умылся. Но, склонившись над раковиной, испугался искрящейся черноты, ожившей под закрытыми веками. В коридоре – чуть не столкнулся с сестрой, одетой в Маринину пижаму. Из соседней комнаты доносился незнакомый раздражающий звук – храп Станислава.

– Доброе утро, – улынулась Света.

Ваня не ответил.

Он решил заварить чай. Вскипятил воду, аккуратно отмерил четыре ложки заварки, но стеклянный чайник треснул, едва наполнившись кипятком. Бледная лужица начала растекаться

по скатерти. Ваня наблюдал за ней, ссутулившись на жёстком табурете. Помимо своей воли он представлял, как чайник разбивается вдребезги. Опрокидывается стол, падают со стен подвесные шкафы. На пол сыплются чугунные сковородки, катятся кастрюли, лопаются склянки с уксусом и маслом, разбиваются фаянсовые блюдца, стеклянные тарелки, салатницы, кружки, бокалы. Столовые приборы превращаются в бессмысленный ком металла. Шторы с треском отрываются от карниза, рвутся петли, отлетают крючки. Карниз падает, разломившись надвое. Но этого мало, мало... Стены, только что прочные, податливо крошатся под его взглядом. Трещины кромсают пол, обломки бетона повисают на хлипкой арматуре. Люстра раскачивается всё сильнее, пока, наконец, не падает, громяхая сквозь этажи. Пыль ложится на Ваню, как вторая кожа. Он похож на статую, ожившую лишь затем, чтобы изуродовать всё вокруг себя.

Фантазия растаяла, достигнув кульминации. Ваня осторожно осмотрелся: идеальный поря-док, тряпка на краю раковины имеет вид равнобедренного треугольника. Ни пылинки на циферблате часов. Кроме того – это открытие очень обрадовало Ваню – как раз с минуты на минуту его должен был разбудить будильник. Значит, ничто не упущено. Он не отступил от графика.

Старательно уместив все утренние процедуры в сорок пять минут, он пошёл на работу. Но привычка не спасла. По пути всё началось сначала: под ногами то и дело раскалывался асфальт, трещины зияли, ясное небо затягивалось дымом. Стоило моргнуть – и всё становилось на свои места: вот фонарный столб, вот голубь на козырьке подъезда, вот плывёт над улицей облако... Но вслед за очередным движением век мир распадался вновь. Опора освещения рушилась в основании, падал замертво голубь, облако разрывалось в огненные клочья. Зрение становилось как бы двунаправленным. Ване казалось, что одной полусферой глазного яблока он наблюдает привычный мир, а другой – всё, что осталось после того, как он его увидел. Обе картины мигали и гасли, порой – накладывались друг на друга, и тогда птица взмахивала крыльями, одновременно коченая. Берёза качала ветвями и в то же время рассыпалась пеплом. Люди спокойно шли мимо, но сквозь разрывы лиц виднелись кости, и одежда липла к телам, пропитанная кровью.

На подходе к АЭС Ваню нагнал его коллега по отделению, широкоплечий мужчина в прямоугольных очках с тонкими серебристыми оправами. Линзы треснули, и осколки вонзились в глаза. Но улыбался он как ни в чём не бывало.

– Привет, – через силу произнес Ваня и пожал его ледяную руку, которая при этом отошла от тела, как сгнивший кусок мяса.

Долго секунды спустя, нарочно моргнув, он увидел перед собой здорового мужчину приятной наружности, ничуть не подверженного разложению.

– Выглядишь неважно, – заметил тот. – Приболел?

– Не спал две ночи, – зачем-то соврал Ваня, стараясь придать своему голосу хоть какую-нибудь интонацию. – А в общем-то всё в порядке.

– Может, в отпуск пора? – настаивал собеседник.

– Я в отпуске с завтрашнего дня. Да толку-то? Неизвестно, что хуже...

– Ну, не скажи. Я в сентябре сгонял на Кипр – зарядился на год вперёд.

– Да?

Ваня потерял нить разговора. Ещё на прошлой неделе, написав заявление на отпуск, он почувствовал, что само это слово – «отпуск» – ему неприятно. Целый месяц наедине с собой. На что потратить такую уйму времени? Как запустить новые алгоритмы? Последние три года он отдыхал только в выходные и новогодние каникулы. Но растущая рассеянность заставила его изменить устоявшемуся режиму. Да и жена с матерью талдычили изо дня в день: «Отдохни, отдохни как следует!»

Марина сняла с плиты турку и разлила кофе по чашкам.

– Как спалось? – спросила она, когда, умывшись, на кухне появилась Света. Девушки уселись за стол.

– Дома было бы лучше. Надеюсь, уедем, когда папа проснётся, – мысленно она уже отпирала дверь квартиры, принимала душ, переодевалась в чистый халат и махровые тапочки, садилась в кресло... – С Ваней только, выходит, не попрощаемся. Но он и здоровается-то через раз. Так что беда невелика.

– Раньше он был другим.

– Но почему тогда?..

– Не знаю. Наверное, дело в работе. Он думает, это единственное, что имеет смысл. Быть частью чего-то большего, чем он сам.

– Но почему непременно частью атомной станции?

– Хороший вопрос! – Марина встала, взглянув на часы. – Ну, мне пора. Удачно вам добраться. Кинь весточку, как приедете, ладно?

Станислав мирно спал, свесив с постели левую руку. На его красноватом лице покоился свет. В нескольких сантиметрах от расслабленных пальцев стоял гранёный стакан с водой. На стеклянных стенках замерли крошечные пузырьки.

Света сварила себе ещё кофе и пила помаленьку, любуясь облаками, плывущими в солнечной голубизне. Всё прояснилось, казалось бы, и торопиться некуда. Как только проснётся отец, они перекусят бутербродами и сядут в такси, которое отвезёт их на вокзал.

– Галина... – промычал Станислав сквозь сон.

В этот момент всё было уже готово к отъезду. Светина сумочка лежала на тумбочке в прихожей, а бутерброды – аккуратной стопкой на блюде. Закипал чайник.

– Наконец-то проснулся! – обрадовалась девушка. – Как себя чувствуешь?

– А, это ты, дочка, – несколько разочарованно откликнулся Станислав и медленно сел, зажмурившись от головокружения, ощупал забинтованную голову, словно чужеродный предмет. – Что это?

– Повезло тебе, если не помнишь.

– Припоминаю... – пару минут помолчав, протянул отец и резко открыл глаза. Из-за лопнувших капилляров белки казались розовыми. – А где Галина?

– Спит, наверное. Если не встанет, разбудим перед отъездом.

– Перед каким ещё отъездом? – его мутило, но тошнота была терпимой. Он и не думал никуда уезжать. Света молчала, ошарашенная и возмущенная. – Я спрашиваю...

– Папа, у меня отпуск, – она решила доказать необходимость уехать, как теорему. – У тебя, если ты не в курсе, сотрясение мозга, не говоря уже об алкогольной интоксикации... В общем, нужны лекарства и покой. Мы в гостях, и нам здесь не рады. Следовательно, пора возвращаться – это очевидно.

– Очевидность меня не интересует, – Станислав попытался встать, но головокружение оставило его попытку безуспешной.

– Ладно, пап, тогда отдохни ещё... – нехотя уступила Света. – Позже всё обсудим...

– Ты... – он запылся, закашлялся, поморщился от боли. – Ты ничего не поняла! Такие моменты решают всё. Есть выбор – пройти мимо или приложить усилие, чтобы произошла некая перемена. В жизни много таких моментов. Я упустил их, упустил... Хватит. Тут нужно остановиться...

– Нет, нельзя. Это не гостиница!

– Тут нужно остаться... Я должен... Галина должна меня вспомнить. Пойми, пока меня нет в её памяти, меня нет нигде.

– Вот же, ты здесь.

– Это – я? – Станислав взглянул на дочь, полагая, что она над ним смеётся. Но лицо Светы было печальным и уставшим. – Нет... Это неудачи и сожаления! Жизнь, прожитая как попало. Боль такая... Как будто гвозди – молотком наотмашь... Ты видишь не меня – заколоченный гроб, в котором, может быть, ещё дышит тот, настоящий... Галина знала меня таким. Только она видела...

– А я?

– Ты тоже. Но это – другое дело... – его голос стал тише и мягче. – Хорошо было покупать тебе канареек... И, когда они умирали, врать, что улетают на небо... Но ты выросла... И вот, я один...

– Здесь ты никого не найдёшь!

– Скажешь тоже... – отец поднялся-таки с дивана и продолжил, слегка покачиваясь: – Я, коро-
че говоря, всё решил. Останусь тут, пока Галина меня не вспомнит. А ты, если хочешь, поезжай к
жениху. Зачем тебе здесь торчать?

15

Шагая вслед за Вениамином по узкой тропке между садовых участков, Филипп чувствовал себя значительно лучше, чем несколько часов назад. Лишний лоскут времени был успешно отрезан от жизни. Осталось чуть-чуть – последний шажок ножничных лезвий... Он вернётся домой и уснёт, а завтра – начнёт сначала. И когда-нибудь явь будет отвоёвана у сновидений. Он научится ощущать жизнь всеми органами чувств, как там, на перекрёстке у цветочного ларька, когда он слышал музыку...

Изморось казалась тёплой. Пахло сгнившей листвой, влажной почвой, намокшей древеси-
ной. Мокрые ветви то и дело касались лица. Ещё несколько шагов – и нет ни деревьев, ни оград.
Частный сектор остался позади.

Всё так же молча они миновали небольшой пустырь, поросший кустарником. Вениамин оста-
новился, ища глазами тропинку. Чавканье шагов смолкло. Послышался мерный плеск воды. Фи-
липп закурил. Его губы были по-рыбьи влажными и холодными.

– Так-так... Направо! – скомандовал Вениамин. – Придётся ненадолго повернуться к ветру
боком.

– Куда мы?

– Тебе правда интересно?

Шли по бездорожью, то и дело огибая поникшие кусты. Филипп ступал след-в-след. Колючие
ветви ошетинились, сделав путь почти непроходимым.

– Пришли, – вдруг сообщил мужчина.

Филипп кое-как протаскил себя сквозь немилосердный к телу куст. К лицу пристали клейкие
тенета паутины.

Небольшая площадка около трёх метров в длину вплотную примыкала к воде, окаймленная
плотными зарослями. Крупные булыжники защищали берег от волн. Далеко впереди чёрная вода
оживала яркими дрожащими полосами, красными и жёлтыми – отраженным светом АЭС.

Ботинки промокли насквозь. Филипп осмотрелся, переступая с ноги на ногу. Ничего приме-
чательного. В сущности, вообще ничего.

Вениамин копошился в зарослях, пока не извлёк оттуда два тяжёлых стула с металлическими
ножками, какие бывают в школьных кабинетах, и длинную, раздвоенную на конце палку. Воткнув
её между стульев, он достал из кармана небольшой фонарь и подвесил его на сук.

– Прошу!

Филипп послушно сел. Тихий щелчок – и они оказались в невесомой полусфере бледно-го-
лубого света.

– Я облюбывал это местечко в прошлом году, – рассказал Вениамин, глядя, как волнуется вода
в узком просвете между двумя булыжниками. – Кроме меня, сюда никто не приходит.

– Неудивительно, – усмехнулся Филипп. – Кому охота продираться сквозь заросли?

– Тебе, например.

– Я хотел убить время.

– Вот как? Постарайся не делать этого впредь, – строго попросил Вениамин, по-учительски,
но без раздражения. – Неужели ты думаешь, что существуют какие-то моменты, которые ценнее
остальных? Одной этой мыслью ты уничтожаешь всё свое время.

– Зачем вы привели меня сюда?

– Сам не знаю, – Вениамин внимательно посмотрел на своего собеседника, и Филипп невольно отвёл взгляд. В голубом свете мужчина был похож на исхудавшее привидение. Радужные обложки слились со зрачками в две блестящие синие бусины. – Обычно я здесь один. Но...

– Подождите, здесь же два стула...

– Ну, это на всякий случай. Обычно я здесь медитирую. Только в последнее время стало совсем трудно. Мысли кишат, и каждая хочет жить. Воспоминания скребутся, как мышцы. Сомнения разрастаются.

– У меня всегда так. Разве что во сне...

– Ты молод. Тебе ещё предстоит измениться. Помнишь, я говорил про свет, который льётся в мир сквозь множество подвижных преград?

Филипп кивнул. Он понял, что пришёл для того, чтобы слушать, но его не покидало смутное чувство, что Вениамин обращается к кому-то другому – тому, кто должен быть на его месте. Интересно, чью роль он должен сыграть? Старательно вслушиваясь, Филипп думал о том, что слишком часто не знает своей роли. Почему ему вечно достаются уравнения с множеством неизвестных? Он припоминал то одно, то другое... Что там говорит этот мужчина?

– Темнота спускается. Я чувствую её всей душой, но ничего не могу поделать. Знаешь, в юности я думал, что дети умирают во благо... Чтобы избежать судьбы, которая была бы большим злом. Теперь мне кажется, что их затягивает случайная темнота. Реальность подвижна и амбивалентна. Она не заботится о человеке. Для небольших перемен иногда достаточно одного усилия, направленного внимания... Но как успеть вовремя? Как угадать, куда ляжет тень от облака? Вот пьяный водитель, который несётся по трассе. Вот мяч, который катится на дорогу. Мать, которая заболталась с подружкой. И девочка, которая идёт за мячом, не глядя по сторонам. Где ангел, который уберезет её? Может быть, её отвлечет радуга или птица. А может быть и нет. Но мы должны молиться, мы должны...

Филипп перестал слушать. Одно за другим слова ускользали в никуда. Он думал о том, как несчастен, должно быть, этот невозможный человек. Он верит в то, что, подняв руки, однажды дотянется до неба и, осторожно пошевеливая пальцами, сможет бесшумно передвигать облака. Они расступятся, покорные его движениям, и унесутся прочь, а солнечные лучи хлынут вниз, в каждые беспомощные глаза...

Безобидный психопат, каких, наверное, немало. И рядом он сам – Филипп. Сновидец поневоле, который будто бы хочет жить, но при этом жизни всячески избегает. Чем он разумней Вениамина? Если пчела, которая привиделась ему в ночь на среду, кажется более реальной, чем вся прожитая неделя.

Голос Вениамина перестал быть речью. Филипп воспринимал его как чуждый слову звук – так можно слушать птичий щебет или шум осиновой рощи. Он очнулся, когда мужчина случайным жестом задел фонарь, и голубая полусфера света начала раскачиваться из стороны в сторону.

– ...Учись пользоваться своей свободой. Не нужно твердить «Отче наш», если чувствуешь, что эти слова в тебе не оживают... Вера не должна становиться ни религией, ни наукой. Никакое знание не приблизит к Богу, пока не пройдёт сквозь тебя, как электрический разряд. А до тех пор – ничего не отрицай. Ни говори ни «да», ни «нет». Мир может быть устроен и так, и эдак. Истинная опора лежит глубже любого суждения – в тишине сердца, полного любви. Ты умеешь молиться?

– Не знаю, не пробовал.

– Тогда вот тебе ещё задание. Придумай молитву – можно совсем короткую. Но такую, чтобы она выражала все твои чаяния, всю волю к жизни...

– И что, она изменит мир?

– Главное, чтобы изменился ты сам. Остальное произойдёт без твоего участия. Ты можешь даже не заметить, – Вениамин достал из кармана часы и поднёс их к фонарю. – Уже поздно, пора возвращаться. Но сначала – вот что...

Он поднялся и начал расстёгивать пальто:

– Я окунаюсь в воду каждый раз, когда прихожу сюда.

– Даже зимой?

– Заботиться о душе нужно в любое время года. Здесь я смываю с неё всё лишнее. Пара минут – и душа становится чище. Я как бы рождаюсь заново. Верующие переживают что-то подобное после крещения или евхаристии. Но лично я предпочитаю воду. Хочешь попробовать?

– Нет, спасибо, – Филипп не хотел выглядеть глупо в собственных глазах.

– Но ты ведь не простудиться боишься, верно? – Вениамин повесил пальто на спинку стула. Полы распластались по мокрой земле. – Быть самим собой – вот что действительно страшно.

– С чего вы взяли?

– У тебя на лице написано. Вышло так, что большинство людей тебя не понимает. Не потому что ты хуже или лучше. Ты пережил какой-то особый опыт, который чужд большинству. Что это за опыт, я не знаю. Но зато вижу: ты хочешь стать частью общества, в которое не вписываешься по определению. Культ разума, опора на науку, бешеное вращение в повседневности. Поглощение информации всех сортов сродни чревоугодию. Образование, недвижимость, хорошая работа... Каждый сам за себя. Кофеин, никотин, бодрость любой ценой... Тот человек, которым ты хочешь стать, сейчас не сидел бы на этом стуле. Ты смотришь на ситуацию с его точки зрения... Но ведь он – чистая фикция!

Филипп молчал. В эту минуту он увидел, наконец, настоящего Вениамина. Того человека, к которому, едва познакомившись, захотел прийти снова. Ещё тогда, в воскресенье, сам не зная почему, рядом с ним он чувствовал себя живым. Теперь ему казалось, что причиной тому было глубокое родство, понимание, которое Вениамин дарил каждому, не ничего требуя взамен.

– Ну, ладно, – Филипп встал и, расстегнув верхнюю пуговицу пальто, стянул с шеи шарф.

Вениамин остался в одних в плавающих, всё ещё похожий на привидение: широкая грудная клетка, голубые ребра, впалый живот и выпуклые кости таза. Свет фонаря доставал до основания шеи. Черты лица были похожи на небрежный эскиз – тёмно-синие тени, проложенные широкими мазками.

– Заходи здесь, – стоя по колено в воде, Вениамин указал на брешь между двух булыжников.

– Дно мягкое, но немного скользкое.

Он сделал несколько шагов вперёд и растворился в темноте с коротким всплеском.

Филипп быстро окунулся и поплыл в направлении дощатого рыбацкого помоста, который возвышался метрах в двадцати правее. Вода ласково проходила сквозь пальцы, щекотала шею и расступалась послушно.

Схватившись за узкое бревно, служившее опорой для помоста, Филипп некоторое время смотрел вдаль, слегка перебирая ногами. Пейзаж казался незнакомым. В то время, когда Марина и Софи ещё были его постоянными спутниками, Филипп видел АЭС с другого ракурса. Бывало, они просиживали на городском пляже ночи напролёт. Никита приносил гитару. Устроившись под одним из железных зонтов, круглый год торчащих из песка, они пили вино и с лёгкой руки от-вечали на все вопросы метафизики. Мир был создан, думалось, Неважно Кем специально для того, чтобы они могли вместе смотреть на звёзды. Смысл состоит в том, чтобы использовать по максимуму право свободного выбора: делай всё, что захочешь, и получай от этого удовольствие. Когда надоест, всегда успеешь умереть. Разговоры о смерти отличались особой беспечностью. В то время само это слово было словно не про них – про всех остальных, безнадёжных, смертных людей. Потом встречи стали реже и, наконец, прекратились вовсе. Иногда Филипп приходил на пляж один и, усевшись под зонтом, пересыпал песок из одной ладони в другую...

Что-то быстро скользнуло по голени – то ли рыба, то ли водоросль – и он очнулся. Воспоминания унесло прочь. Торчащая над водой шея замёрзла. Чтобы согреться, он опустился чуть глубже и минуту спустя направился к берегу быстрыми гребками.

Вениамин уже оделся и ждал его на стуле.

– Ну как?

– Я кристально чист, – засмеялся Филипп, пытаясь натянуть джинсы на мокрые ноги. – По крайней мере, ничего не чувствую, кроме холода.

Время, оставшееся до отхода ко сну, уже не казалось ему таким уж лишним. По пути назад он чувствовал себя бодрым и чистым, несмотря на то что вся одежда промокла, а на пальто налипли листья и клочья паутины.

Вениамин остановился на пустыре:

– Ты вернешься той же дорогой? Я, пожалуй, берегом пойду... – мужчины пожали друг другу руки. – До воскресенья. И не забудь про молитву!

Придерживая рукой поднятый ворот пальто, Филипп добрался до остановки. Автобусы ехали мимо. Поймать попутную маршрутку удалось только на полпути к дому.

Вернувшись, он был счастлив встать под душ и, прикрыв глаза, ощущать, как разбегаются по телу тёплые струйки. Сегодня он справился с задачей и, благодаря Вениамину, прожил, действительно прожил время, которое собирался убить – насморк и приятная ломота в мышцах тому доказательство. Но теперь явь предстояло оставить до завтрашнего дня, который, как и всякий прочий, вызывал сомнение...

Уже лежа в постели, Филипп вспомнил о молитве – но мысли мелькали и неслись куда-то стремглав, как стайка мальков на солнечном мелководье. Как найти в этом мельтешении единственно верную мысль, как выловить её живой, не надорвав крючком тонкого рта? Филипп вспомнил, как в детстве, улегшись на жарком берегу, пытался поймать крохотную рыбёшку, отрезанную от большой воды узкой полосой влажного песка. Затаившись возле тёплой лужицы, он положил на дно ладонь и лежал до тех пор, пока малёк не ткнулся в самую её середину. Мгновенно сжав кулак, Филипп выдернул руку из воды и, стараясь не уронить рыбку, бережно отнёс на глупину.

Теперь он хотел поймать мысль, как рыбу. Пытаясь внутренне замереть, напряжённым усилием сконцентрировался на дыхании. И тишина росла. Вот-вот, казалось, шевельнутся и ткнутся в ладонь нужные слова. Филипп с томлением ждал и уже приготовился сжать кулак. Но сон поймал его первым.

Смастерив крылья из облепиховых ветвей, он летел над океаном, которому не было края. Ни островка, ни буйка, ни лодки. На поверхности воды сверкали солнечные зигзаги. Люди давно обосновались на дне. После потопа у них выросли плавники и жабры. Только Филипп остался таким, как был. Он летел, зная, что его где-то ждут. Немногие, похожие на него, тоже не ставшие рыбами. Вместе они должны помочь Земле преобразиться. От величия этой, пусть и неопределённой, задачи у него слегка кружилась голова. Откуда-то сверху в поле зрения влетела давешняя пчела – он ждал её – размером с человеческую голову. Кровь капала с её ворсинок каплями граната. С дружелюбным жужжанием пчела двигалась чуть впереди, как бы указывая дорогу. Следуя за ней, Филипп чувствовал невесомость и свободу. Всё его напряжённое ожидание, всё сомнение и сопротивление бытию разрешилось в этом полёте.

Сигнал будильника превратил его крылья в труху. Шаря наугад, Филипп протянул руку на край кровати, но мобильник ускользнул из пальцев и шлёпнулся на пол. Пришлось разлепить веки. Невесомости и свободы сразу как ни бывало. Осталось лишь недоумение: «Для чего вставать?» Он выключил звук и снова откинулся на подушку.

Вскоре ему пришлось проснуться по второму звонку будильника. Накануне вечером он отлично знал, что пробуждение будет трудным. Но вместо того, чтобы обрадоваться своей предприимчивости, Филипп достал мобильник из-под подушки и вытащил из него аккумулятор.

Родители сновали туда-сюда, заставляя половицы скрипеть. Филипп отвернулся к стене и накрылся с головой одеялом. А в голове зазвучала, наконец, молитва, не пойманная накануне.

Господи, позволь мне спать и никогда не проснуться.

Тишина стояла почти всегда. Я не знал, куда от неё деваться, и взялся начисто переписать словари, чтобы навести порядок в своей коллекции. У меня появились отдельные тетради для

слов на «А», «Б», «В» и так далее. Мне нравилось записывать буквы, соединяя их друг с другом в одну непрерывную линию слова. Всё написанное я прочитывал вслух, воображая, как с другой стороны стен рождается новый мир, в котором все эти слова значат не то, что прежде.

Закончив со словарями, я вернулся к математике, но ничего не мог как следует выучить. Занятия меня утомляли, а знания быстро улетучивались. Будучи не в силах решить задачу, с которой легко справлялся неделей раньше, я испугался, что забуду всё, даже самого себя, и с особым рвением принялся за воспоминания. Для записей скоро не осталось места.

– У меня кончились тетради, – сообщил я с утра пораньше.

– Как, уже? Недавно же купил штук тридцать.

– Все кончились. Хочешь, покажу?

Я отвёл его в комнату. Исписанные тетради вперемешку с комками вырванных листов валялись на полу, на кровати, на полках этажерки. Только словарь из двадцати девяти частей возвышался на столе двумя ровными стопками. Пожурив меня за беспорядок, папа ушёл на работу.

Тем же вечером он подарил мне новое слово – «ноутбук» – и провёл со мной несколько часов, чтобы объяснить, как он работает. Я беспокойно поглядывал на часы, опасаясь, что папа уйдёт – не сейчас, так через минуту. А он не уходил, как будто стал прежним.

Научив меня печатать, папа объявил, что больше не будет покупать тетрадей – разве что для задач по математике. Я был против:

– Мне нравится соединять друг с другом буквы.

– Знаю. Но такими темпами тетради заполнят всю квартиру. Жить-то где будем?

Буквы, которые появлялись на экране, когда я нажимал на клавиши, стояли отдельно друг от друга, как в учебниках или на этикетках. Между ними не было никакой связи, которая появляется, когда пишешь чернилами, не отрывая ручку от листа бумаги. Из-за этого слова поначалу казались мне какими-то ненастоящими, хрупкими – того гляди совсем развалятся и исчезнут.

Папа убедил меня в том, что этого не случится. Всё записанное, объяснил он, будет храниться на жёстком диске, который находится в корпусе компьютера.

– Человек устроен сложнее, – добавил он перед тем, как выключить свет. – Но в нём тоже есть что-то вроде жёсткого диска, где хранится информация обо всём, что когда-либо существовало. Нужно только научиться подключаться к нему так же, как ты подключаешь лампу или часы к розетке.

– А бывает, что человек ломается, как компьютер, и ничего не может вспомнить?

– Бывает, – улыбнулся папа, словно разгадав мой страх. – Но тебе это не грозит.

Мне бы его уверенность! Я заснул только под утро, потому что боялся уподобиться сломанному компьютеру. Проспав от силы два-три часа, сел за ноутбук. Я твёрдо решил вспомнить всё заново, чтобы убедиться в том, что моя память в порядке. Никаких подсказок не было: вчера мы убрали в кладовку все тетради, кроме словаря.

В тот день я вставал из-за стола только для того, чтобы поесть или сходить в туалет. Оказалось, воспоминания никуда не делись – по крайней мере, те из них, которые я успел записать. Когда я остановился, до возвращения папы оставалось полчаса.

Я встретил его в прихожей. Лев радостно лаял, размахивая хвостом. Но папа нам не улыбнулся. За ужином я на всякий случай попросил его:

– Расскажи ещё что-нибудь про компьютер.

– Не сегодня, Лёва.

Он не рассказал ни завтра, ни послезавтра.

Я стал просиживать за своим столом с утра до вечера, намереваясь добраться до памяти Бога как можно скорее. Но чем обрадовать папу? Я не мог вспомнить ничего такого, что бы произошло не со мной. В голову лезли мелочи. Падежные вопросы, хрустальное блюдо с апельсинами, тюбик зубной пасты, волосы Людмилы, звук разбивающейся вазы... Я нервничал, нагромождал

воспоминания друг на друга, повторялся, удалял всё напечатанное и начинал заново, вспоминал ненужные подробности, тонул в сумбуре, но не делал передышки...

Только болезнь заставила меня остановиться. Как-то под вечер строчки начали двоиться и плавать по экрану из стороны в сторону. Смотреть на них было больно. Пришлось выключить ноутбук и лечь в постель. Когда пришёл папа, я дрожал, завернувшись в одеяло. Лев скулил мне в лицо, встав на край кровати передними лапами.

– Я умираю, – сообщил я папе. Мой лоб был похож на горячий камень.

– Не выдумывай, – папа дотронулся до него губами. – Просто вирус. Наверняка пробрался через вентиляцию. Ну-ка, открой рот.

Горло было воспалённым. Температура поднялась до сорока градусов. Я запил водой белые таблетки, хотел поспать, но не мог: в голове бурлило от жара. Лёжа с закрытыми глазами, я видел синий куб, повисший в темноте, который поворачивался по часовой стрелке. Когда папа включил лампы, я зажмурился от боли и попросил, чтобы наступила ночь. «Конечно, Лёва», – он тут же погасил свет.

В какой-то момент я снова открыл глаза и встретил чёрный взгляд Мустафы. Он держал большой палец на моём запястье, а потом приложил к моей груди блестящую ледяную окружность. Я не мог вспомнить, как называется эта штука. В голове образовалась какая-то болезненная пустота. Я пытался её не замечать и повторял про себя разные слова, которые помнил. Калькулятор, ноутбук, половицы. Это не помогло. В голове забурлило сильнее, и мне показалось, что вся она заполнена горячими пузырьками, которые непрерывно лопаются и надуваются снова, как в кипящем чайнике. Я изо всех сил замотал головой, чтобы их вытряхнуть.

– Так сильно болит? – спросил Мустафа, положив пальцы мне на виски.

– Это лопаются пузырьки. Вы поможете мне?

– Конечно, – он пощупал что-то у меня на шее и за ушами. – Сейчас сделаю укол, и ты сможешь поспать.

– Нет, вы скажете, как называется ваш прибор?

– Какой прибор? – удивился Мустафа. – А, этот. Стетоскоп.

– Стетоскоп, – повторил я, и стало немного легче. – Стетоскоп, стетоскоп...

Мустафа помог мне перевернуться на живот и больно уколол шприцом. Мурашки были похожи на иголки, которые прорастают по всему телу.

Если верить календарю, моя болезнь продолжалась пять дней, но сам я потерял им счёт. Когда я просыпался, всегда была ночь. Папа приносил бульон и клюквенный морс, таблетки и воду, но утро не наступало. Он только включал настольную лампу. Лев лизал мне щеки. Его язык был холодным и шершавым. Я отворачивался, но другой край подушки был ещё холоднее. Комната превратилась в огромную морозилку.

Сны пугали. В одном из них Лев «умер», но не поднимался по моей команде. Его ледяная шерсть крошилась и таяла у меня в руках. Папа принёс мне другую собаку. Он сказал: «Это Лев». Но я не поверил. Из словаря исчезли все слова. Смотреть на чистые страницы было страшно – я зачёркивал их крест-накрест. Пришла Людмила. Она рассказала, что слова теперь записаны у меня под кожей. Чтобы прочесть их, я усердно тёр руки мылом, но вместо слов на ладонях начали проявляться буквы, которых я никогда не видел – непонятные чёрные загогулины. Я хотел, чтобы они исчезли, но буквы продолжали проступать и скоро покрыли предплечья, живот и ноги. Они слипались друг с другом в широкие кляксы, и вещи, к которым я прикасался, тоже становились чёрными. Мне пришлось закричать, чтобы проснуться.

Всё было мокрым и липким. Подушка, простыня, одеяло, мои волосы и кожа. Папа включил настольную лампу и подошёл ближе.

– Ты в порядке?

– Не знаю, – я с опаской взглянул на свои руки, но букв на них не было.

– Весь мокрый, – заметил папа и потрогал мой лоб. – Поспи ещё...

– Я боюсь, – ответил я и заснул.

Наутро в голове было тихо и пусто. Я сразу понял, что выздоравливаю. По моей просьбе папа включил свет.

– Вот видишь, – он поставил на кровать серебристый поднос с завтраком. – Ты вовсе не умираешь. Просто заболел, потому что подхватил вирус.

– Нет, – возразил я. – Я заболел, потому что ты перестал меня любить.

– Что за выдумки?

– Ты хотел, чтобы я создал мир, но я не смог.

– Я лишь говорил, что ты способен создать мир, – осторожно, чтобы не опрокинуть посуду на подносе, папа присел на кровать. – Создашь или нет – решать не нам. Я слишком хочу, чтобы это случилось – в этом моя слабость. Но я буду любить тебя, даже если...

– Тогда пусть всё станет как раньше!

– Конечно, Лёва.

Я снова ему поверил. Оказалось, когда я заболел, папа взял недельный отпуск. Два дня, которые оставались до его окончания, мы делали большое белое дерево. Из медной проволоки папа скрутил ствол и густые ветви, а потом мы вместе наклеивали на них кусочки мокрой бумаги.

– У нас получается ива, – заметил он, когда голой проволоки не осталось.

– Я запишу, – чтобы не забыть, я сразу вытащил из стопки тетрадь со словами на «И». – А листья на ней будут?

– Непременно.

17

– Ну-ка выметайтесь, – подбоченившись, Галина остановилась на пороге гостиной.

Света, глядевшая в окно, обернулась на голос, но, ничего не понимая, молчала. Станислав через силу открыл глаза. Всё утро он просидел неподвижно, откинувшись на спинку дивана – не ел и не пил. Сомкнутые на коленях руки слегка дрожали.

– Галочка...

– Я те ща такую Галочку покажу! Давайте на выход – или звоню ментам.

– Подождите... – Света была знакома с Галиной всего два дня, но всё-таки знала её другой. Манера говорить, выражение лица и весь облик женщины неуловимо переменились. – Подождите, мы ведь у вас в гостях. Приехали позавчера...

– Ага, рассказывай!

– Вы у сына спросите, – бросила девушка наобум.

И слова неожиданно возымели действие. Галина достала из кармана мобильник и вышла, прикрыв за собой дверь. В течение нескольких минут ворчание доносилось из коридора: «Алё, Ванюша? Мозги у меня уже не те... Вот и номер твой забыла... Да, как всегда... Я вообще-то по делу. Тут у нас мужик с забинтованной головой – прямо мумия какая-то! И с ним – девица. Расселись, как у себя дома... Что?! Так предупреждать надо! Гости... Какие у нас могут быть гости?»

– Бог с вами, оставайтесь! – вернувшись, нехотя разрешила Галина. – Только чтоб без шума. Я тишину люблю.

– Правда? – удивился Станислав. – Я вот её ненавижу.

– А ты поработай с моё на центральном рынке – не так заговоришь!

– На рынке? – переспросил мужчина, впрочем, уже без удивления. – Ну, Галя...

Он по-прежнему отказывался уезжать и в качестве компромисса разрешил дочери ещё раз отвезти себя в больницу. Врачи подтвердили давешний диагноз и рекомендовали амбулаторное лечение.

Позвонив Марине, Света рассказала об утреннем инциденте обреченным полупшепотом. Та предложила перебраться на третий этаж. Не имея сил возражать, Света отыскала ключи и повела отца вниз по лестнице.

Станислав чувствовал себя хуже некуда. В ушах звенело, тупая боль бултыхалась в голове, мешая думать. Он мечтал воскреснуть в памяти Галины – но как? – мысль еле ползла, спотыкаясь на ровном месте. Он не мог решить, что сказать, и потому не настаивал на том, чтобы начать разговор тотчас же. Отдых был необходим – с этим не поспоришь.

Света сдернула с дивана полиэтилен и отряхнула от пыли жёсткую подушку.

– Вот, приляг. Я буду рядом.

– Скажи Галине, что я...

– Потом, потом.

Она вышла на балкон, пытаясь собраться с мыслями. Старые бельевые верёвки беззвучно подрагивали на ветру.

На улице прояснилось, но погожий день не вызывал доверия. То и дело отхлёбывая из кружки чай, Марина читала газету. Ранним утром её принесла одетая в чёрное заплаканная старушка. Девушка вручила покупательнице две красных гвоздики, а та ей – кулёк мелочи, свёрнутый из газетного листа.

Надежда, подаренная вчерашней цыганкой, не дожидаясь утра. Марина прикрыла глаза, нимало им не веря – и увидела бескрайнюю темень – своё истинное местонахождение. Сквозь неё можно часами, не щурясь, разглядывать настоящее солнце – чёрный шар без единого блика, брызжащий темнотой. Его горячие струи вытягиваются в траурные ленты, чтобы тугими петлями обвиться вокруг шей, выжечь глаза всем тем, кто устал смотреть...

Пытаясь найти себе занятие в отсутствие покупателей, Марина машинально схватила за кулёк из-под монет, оставленный старушкой. В развёрнутом виде он оказался свежим номером газеты «В другую сторону» – той самой, которую отец просматривал каждый понедельник, пока мать хлопотала над ужином!

Некоторые отрывки он обычно зачитывал вслух. Мать отпускала какой-нибудь ироничный комментарий, и между ними завязывался долгий бескомпромиссный спор, в котором никто никогда не выигрывал. В детстве Марину раздражали эти бесплодные словесные поединки, но теперь она вспоминала их с ностальгией. За ужином родители расспрашивали о школе, над столом мирно горела тёплая кувшинка люстры – и не было тогда никакой темноты...

Не было. Марина улыбнулась и провела ладонью по газетному листу, бережно расправляя перегибы. С первой полосы чёрно-белый старец в вязаной шапке, чуть прищурившись, смотрел ей в глаза. Материал под названием «Вокруг света в восемьдесят лет» рассказывал о решении местного пенсионера воплотить свою юношескую мечту. На восьмидесятый день рождения Фёдор Иваныч объявил родственникам, что отправляется в кругосветное путешествие и начал собирать походный рюкзак...

История была, что называется, душевной. Девушка и не думала сомневаться в существовании Фёдора Иваныча, пока не увидела имя, жирным курсивом пропечатанное внизу страницы. Статья оказалась делом рук Никиты, знакомого Марине не понаслышке, – чего угодно можно было ожидать от этого шутника. В одиннадцатом классе он подделал классный журнал и сообщил в полицию о бомбе, чтобы сорвать контрольную...

Ещё один материал под авторством Никиты обнаружился в рубрике «Здоровье».

ЦЕЛИТЕЛЬ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

Вениамин помогает всем, кто умеет доверять

Всегда ли лечение бьёт по карману? Сегодня этот вопрос приобрёл особую актуальность. Цены продолжают расти, а статистика заболеваемости, обнародованная департаментом здравоохранения, оставляет желать лучшего. В этом году специалисты отмечают резкое увеличение числа больных раком и распространение патологий сердечно-сосудистой системы (подробнее об этом – читайте на стр.10).

Но есть и хорошая новость. От любого недуга, телесного или душевного, теперь можно избавиться, не прибегая к услугам традиционной медицины. Человек, который знает, как это сделать, живёт не где-нибудь, а в нашем городе.

Целитель Вениамин работает безвозмездно: никакого мошенничества или рекламы дорогих препаратов. «От пациентов, – подчёркивает он, – требуется только одно – доверие». По мнению Вениамина, наш мир, если рассматривать его на энергетическом уровне, являет собой спонтанное смешение положительных и отрицательных энергий. Выражаясь условно, целитель называет их «светом» и «темнотой».

Люди, стечением обстоятельств оказавшиеся в темноте, постепенно теряют связь с мирозданием. Их здоровье слабеет, одиночество ощущается остро и болезненно. Ни общение, ни повседневный труд не приносят им удовлетворения. В какой-то момент сопротивление начинает казаться бесполезным. Отрицательная энергия концентрируется, сгущаясь. Область темноты растёт. Выйти за её пределы без посторонней помощи порой бывает невозможно.

Вениамин владеет методиками восстановления энергетического баланса на высшем уровне. Судя по отзывам пациентов, его работа приносит только положительные результаты. Многие отмечают заметные улучшения.

– Я с детства мучился от мигрени, – делится впечатлениями Матвей, специалист по автострахованию и частый гость Вениамина. – Ну, просто ничего не помогло! А тут – вы не поверите – пару раз поговорил с Вениамином, и как рукой сняло...

Встречи с целителем проходят каждое воскресенье в 19:00 по адресу: улица Космонавтов, 22.

Очередной Никитин розыгрыш? Даже если так, он слишком похож на правду. Марина перечитала заметку несколько раз. То, что она наблюдала внутри себя ежедневно и непосредственно, Вениамин признавал реально существующим явлением. И не просто существующим, а повсеместным, как распространенное заболевание. Для пущей убедительности не хватало только статистики. «По данным всемирной организации здравоохранения, в настоящее время 55% населения планеты живёт в темноте».

Девушка снова улыбнулась и, подняв глаза, увидела голубя, который клевал горбушку хлеба посреди солнечной улицы. Спасибо! – хотелось прошептать на весь мир. За то, что нет в нём никакого одиночества, никакой разделённости. В этот момент человечество казалось Марине единым существом, в которое могучим сорняком выросла темнота, но её можно выполоть, уничтожить, искоренить...

Едва она вернулась домой – в дверь постучала Света. За день девушка позвонила трижды: то спрашивала, где достать половую тряпку, то жаловалась на отца...

– Ну, как он? – спросила Марина.

– Отдыхает. Попил водички и дальше спать. А я, как видишь, прибираюсь, – поверх одежды Света наподобие фартука повязала кусок полиэтилена.

– Останешься на ужин?

– Нет. Боюсь оставлять папу. Вот проснётся – тогда... – Света замолчала. На самом деле она не знала, что делать, когда проснётся Станислав.

– Ты не беспокойся, – Марина угадала её опасения. – Пусть он поговорит с Галиной. В конце концов, поймёт, что ничего не выйдет. Вот тогда и уедете...

Ваня пришёл чуть позже, когда на кухне уже пахло курицей и варёным рисом, кориандром и кумином – Марина готовила плов. Над плитой поднимался тёплый пар.

Взглянув на мужа, девушка выронила ложку. Она никогда не видела его таким: бледное, как будто бескровное лицо, смутной синевой проступающая щетина, плотно сжатые губы едва заметно подергиваются, будто сводимые судорогой. Казалось, он хочет закричать, но удерживает крик во рту.

Ещё вчера она бы ни о чём не спросила. Но чувство причастности к человечеству всё ещё грело её изнутри.

- Что с тобой, Ваня?
- Со мной – ничего.

18

Мельком взглянув в окно, Филипп почувствовал себя неуютно. Темнота, разноцветные окна, чёрный силуэт дерева – всё выглядело слишком абстрактно и нуждалось в уточнении, по крайней мере на уровне даты и времени.

- Какой сегодня день?
- Четверг, двадцать ноль-семь, – сообщил Никита. – Снова запутался?

– Похоже на то. А держался неплохо... Вот, зацени, – он кивнул в сторону письменного стола. Между лампой и стопкой книг стояла электрическая кофеварка. – Подарок матери. Пью кофе литрами, да толку-то...

- Но в воскресенье я могу на тебя рассчитывать?
- В каком смысле?

– Сейчас поймёшь. Я ещё во вторник хотел к тебе заглянуть, но не смог – работа. Пришлось повозиться с героями статьи... На этот раз – многодетные родители. Построили дом посреди леса и живут, как отшельники. Добираться на тракторе пришлось... Шестеро детей – ни в школу, ни в садик ни ногой. Ну, да ладно. Смотри...

Никита достал из рюкзака газету и, развернув, протянул её другу. Заметка была очерчена чёрной рамкой. **ЦЕЛИТЕЛЬ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ. Вениамин помогает всем, кто умеет доверять.**

- Что это? – пробежав глазами текст, возмутился Филипп.

Никита разочарованно цокнул:

- Не нравится? По-моему, идея отличная.
- Отличная?!

– Фил, я пишу о людях, которые не похожи на остальных... Чаше всего это психи, хотя по виду, бывает, и не скажешь. Вот как наш Вениамин. Превосходный оратор, но, ты понимаешь, это всё не то. Его слова – как ширма. Что-то он за ней прячет, как ни крути.

- Даже если так – тебе-то что?

– Это моя работа. Если подумать, в заметке я ни разу не соврал. Разве что преувеличил малость... Вениамин сам говорил, что заботится о здоровье своих подопечных. Пойми, мне нужны поступки. Я хочу выяснить, что за ширмой. Как это сделать? Просто взять интервью? Проверено – не работает. Его ответы не дадут ничего, кроме новой порции красивых слов. Тут нужен импульс, раздражитель... Нужно посмотреть, как он поведёт себя в критической ситуации. Вот я и решил такую ситуацию спровоцировать... События, Фил, надо создавать! Иначе без работы останешься. Будешь иметь дело с видимостью. А кому нужна видимость, Фил?

– В голове не укладывается... Ты же наверняка представляешь, что будет в воскресенье. Просто выставишь его дураком. Допустим, Вениамин и вправду псих... Но ведь как раз поэтому с ним нужно быть осторожней!

– С такими, как он, я работаю два года. Поверь, мои методы ещё никому не навредили. Вот увидишь, он ещё обрадуется новеньким! А если нет – мы уж как-нибудь разберемся...

- Сам будешь разбираться.
- Ладно-ладно. Как скажешь.

Глядя на его добродушную улыбку, Филипп понемногу успокоился и даже упрекнул себя за то, что отнёсся к затее друга так сурово. Ну, придут, может быть, два-три человека, самые доверчивые и недалёкие из читателей – что это изменит? Их можно будет быстро спровадить, объяснив, что произошла ошибка. Он сам не понимал, почему ожидает конца недели с таким нетерпеливым беспокойством...

Воскресенье выдалось пасмурным. Из пустоты неба редкими хлопьями сыпался мокрый снег. Улицы превратились в слякоть. На остановке Филиппа дважды обрызгало грязью из-под колёс. Увидев Никиту, который шёл вразвалку, засунув руки в карманы широкой куртки, он спешно придал сигарету носком ботинка:

– Скорей!

– Куда торопишься? Уехали бы на следующем, – запыхавшийся Никита плюхнулся на сиденье автобуса.

– Сам не знаю, – признался Филипп. – С непривычки, наверное. Последние три дня – какое-то просветление... Ни разу днём не ложился. Знаю, это ненадолго... Пока есть время, хочется успеть побольше. Компенсация упущенных возможностей. И тех, которые предстоит упустить...

– Кто ж тебя заставляет их упускать?

– Выбор. Когда проживаешь две жизни одновременно, приходится чем-то жертвовать.

– Одной из жизней? Тогда в чём разница?

– Не жизнью, а её полнотой. Как тебе объяснить... Нужны особые способности, чтобы не смешивать сон и явь, переходить из одного в другое быстро и осознанно. Постоянная концентрация. Но как раз её отсутствие – моя главная проблема! Я стараюсь смотреть на вещи трезво. Что-то придётся упустить, и тут, и там...

– Трезвый взгляд на вещи – точно не твой конёк! – засмеялся Никита, и Филипп по обыкновению заразился его весельем. – Знаешь, что велит сделать по-настоящему трезвый взгляд? Сходить в больницу и слушаться доктора. Стать если уж не нормальным, то по крайней мере здоровым. Здравомыслящий, тоже мне...

Оба замолчали. Но про себя Филипп продолжал разговор, пытаясь втолковать другу свою позицию и так, и эдак.

На самом деле он объяснял её не другу (Никита не поймёт – это и так ясно), а самому себе. Разум требовал чёткой, продуманной аргументации, упрекал за безволие, нерешительность, неспособность следовать выбору. Ведь сделан же выбор, сделан! Тогда почему так трудно даются дни, почему в голове по-прежнему кишат сомнения, а мысли мечутся бесконтрольно, своевременные и неуместные, объективные и пристрастные – всё вперемешку. Свобода, простор для духа – несбыточная фантазия. Ясность ума мимолётна, её не удержишь силой. Сознание больше не подобно океану. Оно напоминает консервную банку, где вжатые друг в друга, замурованные, толкаются живые шпроты. Можно ли вскрыть эту жестянку, не прибегая к лоботомии?

Филипп был рад обнаружить над крыльцом Леонида зажжённый фонарь – лишнее подтверждение тому, что во вторник встреча с Вениамином произошла наяву.

День ото дня он становился всё более зависимым от предметов. Их форма, положение в пространстве, текстура, цвет и вес – всё имело значение. На прошлой неделе весь день был поставлен под сомнение чайной ложкой, которая показалась Филиппу слишком тяжелой. Но чаще случалось наоборот. Вещи не подводили, чудесные в своей неизменности. Просыпаясь, он тщательно изучал обстановку и, находя её прежней, убеждался в своём действительном пробуждении. Во сне вещи менялись. Складки на шторах напоминали бумажные гибы, небьющиеся тарелки крошились, кружки плавились, кровать парила над полом, а в оконное стекло, как в воду, можно было просунуть руку.

– Вот уж не ожидал! – открыв дверь, Леонид усмехнулся в рыжую бороду. – Думал, вы больше не придёте.

– Мы тоже так думали, – улыбнулся Никита. – Ничего, что раньше времени?

– Не переживайте, вы не первые.

Посередине комнаты, оседлав стул, вновь курил Серёжа – словно никуда и не уходил с прошлого воскресенья.

– Опять припёрлись... – протянул он, выпустив дым через нос.

Старичок с одуванчиковым пушком на лысой макушке уже примостился на диванчике с чашкой чая.

Вениамин вздрогнул от скрипа половиц.

– А, вот и вы! – его лицо поспешно приняло приветливое выражение. – Рад встрече... Устраивайтесь.

Филипп волновался, не отдавая себе отчёта в причинах. От запаха кофе его тошнило. Вениамин казался то ли уставшим, то ли встревоженным.

Пару минут спустя, раздвинув дверные шторы, в гостиную вошёл Матвей. Вслед за ним – Ольга. Её русые волосы, собранные в конский хвост, напоминали пучок засохшей травы. Ещё немного погода прибыл худощавый шатен с рыбьими глазами, которые плавали, как в аквариуме, за толстыми линзами очков. Кивнув присутствующим, мужчина уселся в углу комнаты.

Первые новенькие пришли ровно в семь: мужчина и женщина лет шестидесяти. Оба осматрелись с любопытством, явно удивляясь, что попали не в частную клинику.

Гостя шёпотом обратился к Леониду:

– Скажите, который из них целитель?

Не удостоив её ответом, хозяин дома указал взглядом на свободные сиденья. Никита весело подмигнул другу и, откинувшись на спинку дивана, закинул ногу на ногу.

Вениамин как будто и не заметил вошедших. Подперев голову рукой, он смотрел в пространство с такой любовью и надеждой, что казалось, вовсе не упирается взглядом в стену, а видит чьи-то родные, проступающие в ней лица.

С подачи Никиты в гостиной завязалась вялая беседа вполголоса. Включив диктофон, журналист расспрашивал Матвея о чудесным образом исчезнувшей мигрени. Пожилая пара слушала с интересом и вскоре подключилась к интервью. Разговор стал всеобщим. Только отрешенный Вениамин и Филипп, привыкший к молчанию, не принимали в нём участия.

Ещё четверо вскоре вошли друг за другом: грузная женщина под пятьдесят с тяжёлым взглядом и лоснящейся кожей; её пожилая, менее полнотелая подруга в серой шапке, отороченной мехом. Затем – их мужья: один – худощавый, одетый в чёрное, с вытянутым лошадиным лицом и глазами без выражения; другой – стройный, но коренастый, форма головы напоминает лампу накаливания.

Леонид впустил их, нахмурившись. Он ничего не понимал. Обычно новенькие появлялись редко и не без приглашения. А тут – сразу шестеро. И все, как один, говорят, что пришли по объявлению...

Вениамин очнулся, всмотрелся в новые лица: пустые, обделённые глубиной, требовательные без доверия. «Почему сегодня?» – устало спросил Вениамин у Бога, и не получил ответа. «Дай мне какой-нибудь знак, – попросил он. – Дай понять, что я живу не зря. И, может быть, тогда темнота не утащит меня в свой ад».

– Начнём! – он поднялся с кресла и по обыкновению сложил руки в приоткрытую горсть. – Я рад видеть, что наш состав снова пополнился. О том, чем мы здесь занимаемся, на этот раз расскажу кратко...

– Да уж, пожалуйста, – пробурчала себе под нос грузная женщина.

Вениамин не расслышал. Он думал, с чего начать. В обыденные слова ему хотелось вложить всю свою веру. Не запнуться, не растеряться, не упустить главного. Говорить так, словно создаёшь мир заново. Обрести голос – яркий, как свет.

– ...Но начнём всё-таки с молитвы, – решил он. – В прошлый раз много времени ушло на разговоры, слишком много. Помолиться мы не успели. Так что предлагаю исправить это прямо сейчас. У большинства присутствующих – поясняя для новичков – уже есть своя молитва. Каждый сам находит её в себе, чтобы наполниться Словом, смирением и силой. Молитва может быть просьбой из глубины отчаяния, криком о помощи или тихой благодарностью Всевышнему. Несколькими днями назад я попросил Филиппа найти свою. Ты выполнил задание?

– Да, выполнил.

– Тогда, пожалуйста, произнеси свою молитву вслух. Это полезный опыт, – добавил он, заметив, что Филипп смутился. – Он научит тебя быть открытым. Рано или поздно каждому придётся выбраться из самого себя, как птенцу из скорлупы.

– Хорошо, – кивнул молодой человек и негромко продолжил: – Господи, позволь мне спать и никогда не проснуться.

Его голос был серьёзен, но...

– Даже моя бабушка, – слишком громко шепнул Никита, – попросила бы у Господа чего-нибудь повеселее.

Взглянув друг на друга, оба беззвучно рассмеялись, не предполагая последствий.

Спустя пару секунд шестеро новичков хохотали вместе с ними бесцеремонно и единодушно. Не над шуткой Никиты – над всем происходящим. Женщины раскраснелись от смеха. Вениамин выжидал, пытаясь оставаться спокойным.

– Все запомнили? – спросил он, когда в гостиной стало тихо. – Теперь давайте сосредоточимся на молитве Филиппа. Минутку помолчим. Я прошу каждого произнести эти слова про себя и попытаться их почувствовать. Впустите в себя молитву и переживите её, как свою.

Вениамин прикрыл глаза, приглашая собравшихся сделать то же самое.

Все сосредоточенно замолчали. Только новенькие без конца переглядывались, ища поддержки в своём негодовании, недоумении – и легко находили то, что искали. Мужчина с вытянутым лицом и тусклыми глазами, самый лояльный из гостей, оглянулся на дверь, словно проверяя, на месте ли выход. Его супруга с усмешкой рассматривала тех, кто пытался погрузиться в молитву. Её взгляд задержался на Вениамине с тяжеловесным презрением. Он чувствовал его даже с закрытыми глазами и знал, что не заслуживает большего.

Он просил знак. Каждое слово, которое он только что произнёс, вмещало в себя крик, неразличимый для человеческого уха. Он сказал: «Впустите в себя молитву». Но на языке его общения с миром любое слово означало «помоги». Не только слово – вдох и выдох, шаг на месте, движение рук, дрожание век – во всём она, просьба из глубины отчаяния. О зыбкой опоре, о силах, необходимых, чтобы продолжать свой крик, даже если он просто растворится в космосе. В ответ на его просьбу в мире прозвучал смех. «Вот же он, знак!» – догадался Вениамин, и внутри всё задребезжало, треснуло, надломилось.

Он смирился, и в своём смирении раскололся надвое. Один человек старательно доводил начатое до конца, а другой – тонул.

– Господи, позволь мне спать и никогда не проснуться, – он обвёл присутствующих невесомым взглядом, словно смотрел с неба. – Пусть эти слова сольются с вашей кровью и дойдут до сердца. Поймите, люди – все до единого – ближе друг другу, чем родные братья. Не существует одиночества, не существует границ, кроме тех, которые мы сами создали. Душа Филиппа хочет спать и не просыпаться. Давайте попробуем объединить наши усилия и...

– Ну, всё. С меня хватит! – оборвала его женщина в шапке. – Мы не за этим пришли.

– А зачем? – кротко спросил Вениамин.

– По объявлению. В газете писали, что вы – целитель, который лечит каким-то особым методом... У меня вот геморрой, и ноги к тому же еле ходят. Вокруг дома обойти – уже мучение.

– Понимаю. И вы поверили тому, что написано в газете?

– Представьте себе – да. И соседей привела на свою голову...

– Ну, так продолжайте.

– Что?

– Продолжайте верить.

– Только после того как вы продемонстрируете свой метод.

– Боюсь, сейчас я не смогу вам помочь.

– Вот тебе и раз! Хорош целитель...

– Не кипятись ты так! – оборвала её подруга. – Может, Вениамин просто специалист в другой области? Скажите, а ревматоидный артрит вы могли бы вылечить? Уж не знаем, что и делать. На вас вся надежда.

– Надежда? – рассеянно бросил Вениамин.

Страстно захотелось исчезнуть. Слиться с комнатой, обернувшись шторкой или цветком на обоях. Лишиться разума и тела – сейчас, скорее! Его вера легка в противовес их тяжести. В ней нет никакого догмата – только любовь и поиск. Она есть парение в пустоте. Но люди парить не хотят. Они не понимают, что это и есть свобода. А он так слаб, что не может передать другим даже ничтожную её крупицу.

Каких-нибудь пять-десять человек – его постоянные гости. Помог ли он им, и была ли эта помощь бескорыстной? Каждый раз он ждал, чтобы увидеть, как их души становятся свободнее и чище. Он ждал их, чтобы убедиться в своей правоте. В силе своих слов – а его ли это слова? – в истинности своих открытий. Он всегда зависел от человеческой благосклонности. Нуждался в людях, оберегая свои идеи. Как бы не оказалось так, что их свет – иллюзия, тёмный оборотень, лелеемый год за годом... Как настойчиво звучали их каждодневные нащёптывания: «Живи нами, живи. Тебе потребуется лишь терпение, безжалостное терпение. И когда-нибудь ты увидишь: люди будут счастливы. А ты сам станешь чист и невесом, как луч. Может быть, тогда небо вытянет тебя наверх...»

– Я же говорил тебе, – громко обратился к жене коренастый мужчина с головой-лампочкой.

– Очередная секта. Пойдём отсюда.

– Да уж, пойдём, – женщина поднялась с дивана, опершись рукой на мужнино колено.

– Никогда не проснуться... – мужчина зевнул и напоследок взглянул на присутствующих с укоризной. – Мы люди пожилые, знаете ли.

– Смерть – это пробуждение, а не сон, – напомнил Вениамин.

Пурпурные шторы раздвинулись и вновь сомкнулись, проглотив обоих. В комнате стало просторней.

– Послушай, целитель, – женщина в серой шапке подступила ближе. – У меня в самом деле болят ноги. Но что ты будешь делать? Битый час слушаю всякую ерунду, а толку никакого.

– Сходите в больницу, – посоветовал Вениамин. – Но прежде всего – отыщите смысл в том, что происходит...

– Уж поверь, в геморрое смысла немного, – не унималась женщина. – Говори как есть. Если ни черта не можешь – ну, что делать... Просто признайся в этом. Мне не привыкать! Уж кого-кого, а мужчин я знаю как облупленных. Только и умеют, что...

В этот момент в диалог вступил Серёжа. Он долго пребывал в неподвижном напряжении сжатой пружины, заставляя себя не вмешиваться. Но чувствовал: что-то идёт не так. Совсем недавно Вениамин предостерегал его от ложного смирения. «Смирение, оно не для всех, – говорил он. – Если знаешь, что должен бороться – что ж, вперёд. Только, пожалуйста, выбирай человеческие средства».

В этот раз Серёжа выбрал за долю секунды.

– Мотайте отсюда, все четверо! – рявкнул он. – Или я за себя не отвечаю!

– Что? – на лоснящемся лице проступили красные пятна.

– Чё слышала!

Он вскочил со стула и поднял его над головой, ухватив за спинку. Женщина отшатнулась. Новички удалились поспешно и без возражений. Только во дворе, вслед за вызывающим хлопком входной двери, послышались осмелевшие, возмущённые голоса.

Леонид подошёл к окну и, улыбаясь в бороду, проводил взглядом тёмные силуэты. Лысеющий старичок, покряхтывая, безмятежно направился к столу за новой порцией чая. Матвей сконфуженно сидел на диване. Ольга с сочувствием поглаживала бицепс супруга. Филипп наблюдал происходящее словно с другой планеты. Всё было ему отвратительно, даже друг, сидящий рядом. Особенно – друг.

Никита нервно постукивал пальцами по кружке из-под кофе. Он ждал от этой встречи совсем иного и, не дождавшись, чувствовал себя виноватым. Затея оказалась бесполезной. Вместо того чтобы раскрыться в «кризисной ситуации», Вениамин погрузился в себя и, чувствовалось, увяз

там как в болоте. Теперь мужчина оцепенело сидел в кресле, упираясь локтями в колени и обхватив руками голову.

Недолго думая, Никита поднялся с дивана и сделал то, что привык делать всегда.

– Простите, – серьёзно сказал он. – Сегодняшний вечер – это моя вина.

Вениамин словно и не слышал. Зато Леонид взглянул на журналиста с интересом:

– Что ты имеешь в виду?

– Это я написал в газету. Хотел заинтересовать людей. Сейчас это трудно... Нужна сенсация, что-то из ряда вон. Вот я и назвал Вениамина целителем. Подмена понятий, в некотором смысле. Но...

– Так и знал! – воскликнул Серёжа.

– Не надо, Серёжа, – подняв голову, попросил Вениамин. – Сам видишь, ничего страшного. Моя подавленность – просто совпадение. Я...

– Ещё как надо! Со стариков, конечно, спросу никакого. Но с тебя, собака...

В несколько шагов очутившись рядом с Никитой, он размахнулся и ударил. Из разбитого носа брызнула кровь. На ладони, на махровый ковёр, на белую рубашку, отглаженную перед выходом...

19

У меня на столе долго пылилась прозрачная трёхлитровая банка, полная листьев ивы. Много дней подряд я рисовал их на бумаге, аккуратно вырезал по зубчатому контуру и чертил тонкие чёрные прожилки – напрасно. На нашем дереве не появилось ни листочка.

Папа снова не сдержал своего обещания. Отпуск кончился, и в первый же рабочий день он вернулся домой другим.

– Что-то случилось, пап? – спросил я, взглянув в его помрачневшее лицо.

– Нет. С чего ты взял? – он сделал вид, что удивился. – Расскажи-ка лучше, как твоё самочувствие.

Я рассказывал, но папа не слушал. Серебряной ложкой он без нужды помешивал свой несладкий чай и смотрел куда-то поверх моего плеча. Там ничего не было – только стена.

В тот вечер я понял, что как раньше никогда не станет, и решил не верить папе, чтобы всякий раз не расстраиваться заново. А он вёл себя так, словно ничего не случилось. Если я просил, проверял задачи или объяснял, что означает какое-нибудь слово. Но ива так и стояла без листьев. Папа забыл, что мы собирались приклеить их вместе. В ящике стола я нашёл тюбик ПВА и хотел заняться этим сам. Но сон заставил меня отвлечься.

Мне впервые приснился человек, не похожий на тех немногих, кого я знал наяву. Человек, сидящий за столом, одетый в красный свитер с высоким воротом. Засучив рукава, он что-то печатал, глядя на экран ноутбука. С кровати, которая стояла у него за спиной, я видел спину и затылок, тёмные, слегка вьющиеся волосы, подсвеченные настольной лампой. Стены комнаты были оклеены бледно-розовыми обоями с зелёным орнаментом. Стол стоял у окна, вплотную к подоконнику, но из-за штор ничего не было видно. Только свет, не холодный и не тёплый – какой-то бесцветный.

Я подошёл ближе и спросил:

– Ты кто?

– Ничего не понимаю... – пробормотал человек, продолжая стучать по клавишам быстро-быстро.

На всякий случай я сказал, что тоже ничего не понимаю, но ответа не дождался. Человек даже не взглянул в мою сторону. У него были длинные белые пальцы, нос с горбинкой, тревожные серые глаза на подвижном лице. Я хотел прочесть, что он печатает, но в этот момент комната как будто заполнилась паром. Поначалу полупрозрачный, он становился всё гуще и белее. Сон закончился, как только предметы лишились очертаний.

Было три часа ночи, но я встал, зажёл лампу и включил компьютер, чтобы записать увиденное. Казалось, сон мог означать одно из двух. Либо я наконец-то подключился к своему «жесткому диску» и что-то вспомнил, либо создал новый мир и теперь видел его во сне. Оба варианта мне нравились. Но наутро папа предложил третий.

– Воображение, только и всего, – сказал он. Сидя за столом я ждал, пока остынет чай, а папа помешивал в кастрюле кашу. – Ты ведь можешь представить себе человека?

– Могу, – нехотя согласился я. – Но...

– Или, к примеру, собаку.

– Если она такая же, как Лев. Но тот человек был ни на кого не похож.

– Ну и что? – папа выключил конфорку и достал из шкафчика тарелки.

Завтракали молча. Я хотел привести какой-нибудь аргумент, чтобы защитить свою едва зародившуюся надежду, но в голову не приходило ничего убедительного.

– Подожди, Лёва. Присядь, – попросил папа, хлопнув ладошкой по сиденью табурета, когда я поблагодарил его за завтрак и собирался уйти. – Хочешь, расскажу тебе один свой сон?

– Конечно! – я сел и приготовился слушать. Папа рассказывал о себе нечасто.

– Я видел его много лет назад. Моя тогдашняя жизнь – даже не жизнь по сути... Ни радости, ни веры, ни любящего лица. Я почти не бывал снаружи. Отражение в зеркальце для бритья казалось чужим. Но однажды ночью, посреди отчаяния, мне приснился чудесный сон. Я видел в нём тебя и твою маму, хотя со Златой мы были ещё не знакомы. Втроём мы жили на опушке леса, в деревянном домике с большими окнами. Память Бога открылась нам, и мы создали себе мир. Деревья, воздух и покой. Созерцание в уединении. Будущее, которое должно было стать нашим... Я проснулся счастливым. А потом, месяца через два, встретил твою маму наяву. Она была точно из сна, представляешь? Даже платье – то же. Тёмно-синее в мелкий горошек. И я поверил... Тогда я был готов поверить во что угодно! Кроме разума, который только подбрасывал неразрешимые головоломки. Но всё пошло вкривь и вкось. Ты знаешь... Где теперь этот домик на опушке леса? Где Злата? Во что превратилась жизнь?

– Во что?

– Всё катится в темноту, всё под сомнением, истина субъективна и потому бессмысленна...

– Как ты сказал, сублимация...

– Неважно, Лёва, суть не в этом. Я хотел сказать только то, что снам доверять нельзя. Полагаться на память – это верный путь. Ещё никто не проходил его до конца. Ты будешь первым. И, может быть, тогда...

– Хочешь, чтобы я создал домик на опушке леса?

– Ты ничего не понял.

Я ушёл к себе. Да, я действительно не понял. Что под сомнением? В какую темноту всё катится? Почему истина бессмысленна? Чего хочет от меня папа? Ни в чём не было уверенности. Чем дольше я думал, тем меньше понимал.

Приказав Льву умереть, я лёг рядом, положил голову на его коврик и закрыл глаза. Мы оба уснули, не дождавшись команды «Встань!». Можно ли считать, что с восьми до одиннадцати мы были мёртвыми?

Папа разбудил нас, чтобы объявить наступление ночи. Я почистил зубы, надел пижаму и забрался под одеяло, а во сне снова встретил того человека в красном свитере.

Всё начиналось как в прошлый раз. Комната была той же, только компьютера на столе не было. Склонившись над листом бумаги, человек записывал что-то обычной шариковой ручкой.

«Дорогой друг! – прочёл я, пододвинув к себе лист. – С радостью сообщая Вам, что **члены “Союза”** (участники группы / люди, объединённые общей целью) единогласно приняли вас в свою команду (то же, что союз). В ближайшее время я вышлю Вам **устав** (правила работы союза) и первое задание.

“Союз живых вдвойне” объединяет людей, для которых сон подобен жизни, а не смерти. Тот факт, что островок нашего сознания окружен океаном бессознательного, давно не является ни тайной, ни **сенсацией** (необычное происшествие, о котором узнали все). Вероятно, и всё то, что способны воспринять наши органы чувств, неизмеримо меньше **сверхчувственного** (что-то важное, что существует, но никак не воздействует на наши зрение, слух, обоняние, осязание). Мы считаем, что провести всю жизнь на своём крохотном острове – значит, **совершить гносеологическое самоубийство** (намеренно лишить себя возможности что-либо узнать, а в остальном остаться живым). Признать бодрствующий разум единственным инструментом познания недопустимо.

У каждого из членов “Союза” две судьбы: одна продолжается на острове, другая – в океане. Когда-нибудь мы найдём способ соединить их без путаницы и разлада. Может быть, именно Вы приблизите тот момент, когда жизнь человека станет единой.

С уважением, **ведущий** (главный) **сомнолог** (тот, кто изучает сны) “Союза живых вдвойне” Филипп Б.»

Когда я дочитал, время остановилось. Я понял это, заметив, что глаза Филиппа перестали моргать. В том, что письмо написано для меня, не было ни малейших сомнений. В тексте встречались незнакомые слова, но именно для них были даны пояснения в скобках. Я решил выучить послание и прочитал его вслух, наверное, раз сто.

Пока я читал, в комнате появились пчёлы. Они залетали в щёлку приоткрытой двери, с жужжанием кружились над столом и садились на Филиппа, постепенно покрывая его тело с ног до головы. Я хотел отогнать их, но проснулся, едва сдвинувшись с места.

Ночь прошла только наполовину, однако засыпать было нельзя. Я побежал к столу. Стараясь стучать по клавишам как можно быстрее, записал письмо и только потом расставил пробелы между словами, знаки препинания и заглавные буквы. От радости хотелось прыгать по комнате. Новые слова доказывали, что мой сон – не фантазия, как предполагал папа. А я ведь чуть было не поверил ему!

В папиных словах чувствовалось какое-то скрытое противоречие, но зато во сне всё было однозначно, без всякой неразберихи. Меня приняли в «Союз», члены которого занимались изучением сновидений и считали их второй жизнью, которая продолжается параллельно яви. В письме говорилось, что это не конец. Скоро я получу устав и первое задание...

Я решил ни о чём не говорить папе и лёг в постель незадолго до того, как он пришёл включить свет. Папа нашёл бы случившемуся какое-нибудь неприятное объяснение. Он мог бы сказать, что новые слова из сна (если их значения окажутся верными), подсказала мне врождённая память, а всего остального, что мне приснилось, наверняка не существует. Фантазия, иллюзия, ложь. Я боялся запутаться снова и задумал рассказать всё после, когда стены исчезнут. Уж тогда-то он мне поверит!

– Видел хороший сон? – предположил папа, заметив мою счастливую улыбку.

– Мне снилось слово «сенсация», – признался я, потягиваясь в кровати, но остальное утаил: – Только не помню, что оно значит.

– Ну и сны у тебя... – удивился он. – Сенсация – это какой-нибудь интересный случай, но не сам по себе, а в тот момент, когда о нём узнают многие.

– Так и думал! – воскликнул я и спрыгнул с кровати.

20

– Ждать больше нельзя, – Станислав захлопнул карманное зеркальце дочери и попытался встать. За два дня его лицо покрылось светлой щетиной, а кожа была розовой, неровной, совсем некстати расчерченной морщинами вдоль и поперёк.

Они снова проснулись в чужом городе, в чужом доме с неровно оштукатуренными стенами. Солнце уже взошло и походило на Луну, просвечивая белым диском сквозь муть пасмурного неба. Света отвернулась от окна:

– Двадцать лет было можно, а теперь вдруг нельзя? Подожди, хотя бы голову тебе перевяжу...

Отец отказался: он должен увидеть Галину сейчас же. Света решила не возражать. Сделать перевязку, в конце концов, можно и наверху. Она хотела, чтобы Станислав скорее понял всю бессмысленность своей затеи – тогда и увезти его из города будет нетрудно. Наспех перекусив, они поднялись на восьмой этаж.

Дверь открыл Ваня. В левой руке он держал старую зубную щётку, белёсый ворс которой торчал в разные стороны.

Когда он проснулся, жена сидела в изголовье кровати и, чуть приоткрыв рот, красила ресницы.

– Выспался? – спросила Марина.

Промычав в ответ что-то нечленораздельное, Ваня притворился спящим и встал лишь тогда, когда в прихожей щёлкнул замок.

С тех пор прошло полчаса. Всё это время он бестолково бродил по квартире, не зная, что делать. Привычная процедура чистки зубов показалась ему вдруг до нелепости абсурдной. Снова и снова Ваня представлял, как входит в ванную и включает воду, слегка поворачивая кран с холодной водой. Затем – смачивает щётку, свинчивает с тюбика колпачок, выдавливает белую пасту, засовывает щётку в рот и начинает тереть ею зубы, желтоватые, бугристые, покрытые налётом – щетина шевелится, подстраиваясь к их рельефу, паста въедается в язык ментоловой прохладой... Прodelать всё это казалось немислимо трудным делом. Начался отпуск. Это означало, что идти на АЭС не нужно – ни сегодня, ни завтра. Алгоритм разрушен. Тяжкая последовательность действий больше не имеет цели. Время рыхло и бескостно, вольной рекой оно течёт в никуда. Как зачерпнуть жизни из этой реки?

В присутствии гостей бродить по квартире с зубной щёткой было нельзя. Ване казалось, что его затруднения очевидны. Что отец и сестра всё поняли, едва перешагнув порог. Разозлившись, он вошёл в ванную и закрыл дверь на хлипкий шпингалет.

Станислав заглянул в кухню, затем в гостиную, и, никого там не обнаружив, прошёл дальше по коридору. Дверь в одну из комнат была приоткрыта. Сквозь широкую щель виднелись синие шторы, пустая кровать и смятое постельное бельё. Мужчина повернул направо и двинулся к следующей комнате, мимо запертой ванной и уборной. Он был уверен, что Галина там – и вошёл без стука.

Женщина сидела лицом к окну в громоздком кресле с бордовой обивкой. Рядом, на расстоянии вытянутой руки стоял шаткий торшер с двумя светильниками на стальной опоре. Дверь на балкон была распахнута настежь.

– Ну и мороз! – поёжился Станислав. Прикрыв балкон, он присел на узкую кровать возле окна. Света остановилась в дверном проёме.

– Опять вы! – проворчала Галина, узнав вчерашнего гостя. Её память пережила ночь без потерь. – Вот повадились... Ваня позвал?

У неё на коленях лежала фотография в пыльной рамке, окрашенной под позолоту. Достав из кармана сложенный вчетверо носовой платок, женщина начала стирать с неё пыль. Она делала это с такой отрешённой сосредоточенностью, словно была одна.

Со снимка, сделанного больше полувека назад, улыбалась её мать, ещё молодая, темноволосая. Подпирая голову худенькой кистью, она смотрела из деревенского окна с резным наличником. Кудрявый локон выбился из-под белой косынки, завязанной под подбородком маленьким узелком. На лице замер мягкий вечерний свет, смягчающий контрасты...

– Да я не к нему, Галочка, – объяснил, наконец, Станислав. – Я к тебе пришел.

– Вот так новости! И на кой, спрашивается?..

– Хочу, чтобы ты меня выслушала.

– Неслабо, видать, головой ударился...

– Послушайте, это ненадолго, – нетерпеливо вмешалась Света. Подойдя ближе, она положила на кровать стерильные бинты, вату и баночку зелёнки. – Мы приехали, просто потому что папа хотел вас увидеть. Уделите ему хотя бы пару минут! И тогда...

– Ну, ладно, – нехотя согласилась Галина, с долей сочувствия взглянув на забинтованную голову Станислава. – Только если ненадолго... Что я там должна выслушать?

Света начала снимать повязку.

– Наша встреча так и стоит у меня перед глазами...

– Это вчерашняя-то?

– Нет, другая, – мужчина вздохнул и начал осторожно: – Тот день, когда я встретил свою будущую жену...

– Ну, а я-то причём?

– Её звали так же, как тебя – Галина. День был жаркий, летний – ничего особенного. Я просто шёл по улице. И вдруг вижу – вот она! Выходит из кафе и чему-то смеётся. Так лучится, словно вместо сердца – солнце...

Прошлое замелькало в его уме, как серия кадров. Вот Галина в свадебном платье: обнажённые плечи, тонкие в кружевах руки. Вот она поглаживает дымчатого кота, который мурлычет, свесив хвост с её коленей. Вот, прищурившись, держит в зубах травинку, и птицы щебечут вокруг, и шумят осины... Самого себя Станислав видел со стороны, словно чужого.

– Помню её руки в лунном свете, – он с сожалением улыбнулся в ответ на очередное воспоминание. – Как-то ночью проснулся оттого, что в спальне стало светло. Но странно светло, не по-утреннему. Оказалось, это расступились тучи. Открылась полная Луна. Больше никогда она так не сияла... Холодный свет падал на складки пододеяльника, пустую детскую кроватку, на Галину – она спала рядом, положив руки поверх одеяла. В лунном свете они были похожи на мрамор... Я приник ухом к округлому, как Луна, животу – в нём рос наш сын. Ваня толкнул меня ножкой, и планеты содрогнулись. Как будто беззвучный взрыв сотворил новую Вселенную... То, что я почувствовал, не описать словами. А наутро Вселенной как ни бывало. Я пытался вернуть то состояние, но не смог – и от этого считал себя каким-то обделённым, что ли, словно мне показали рай и тотчас же отняли... Но были и ещё моменты. Яркие, как озарения.

Станислав хотел воскресить их все, по слову вышеживая из сердца. Сквозь тупую боль в ушиленной голове он думал о том, что в них-то, в этих самых моментах и копится годами обоюдная правда, живительная сила, которая обволакивает и питает любящих друг друга, даже если между ними лежит бездна времени, пространства или забвения... Станислав очень хотел вытащить себя из забвения и говорил спонтанно, наугад, высказывая первое, что приходит в голову.

Света обработала края раны и начала накладывать новую повязку. Запах бинтов неприятно напоминал о больничных коридорах. Хотелось скорее уйти. Слова отца вызывали смущение, удивление и обиду. Он много рассказывал ей о прошлом – но всё не то. Голые, обезличенные факты, сплошные сожаления, за которыми, оказывается, прятались, неприкосновенные до поры минуты близости, понимания и родства. Теперь Свете казалось, отец скрывал их нарочно. Все эти годы он выдавал себя за кого-то другого и, только прыгнув с третьего этажа, внезапно открылся по-настоящему – и то не ей... Его интонации, его переменчивое лицо, застывшая поза и редкие жесты сошлись в стремление, в непомерное напряжение, в один порыв – воскреснуть! Она никогда не видела его настолько живым. И в то же время знала, что и сама такой не бывала. Её жизнь текла ровно, без потрясений. Порой она была счастлива, но попроси её кто-нибудь рассказать об этом счастье, не смогла бы связать и двух слов. Какие там руки в лунном свете? Всё поблёкло, если не стерлось вовсе. Главное осталось незамеченным. Собственная жизнь вдруг показалась ей ужасающе посредственной, безмятежной до омерзения. Откуда взяться накалу, когда всё в порядке, когда всё предательски хорошо? Неужели по-настоящему глубокое чувство рождается лишь тогда, когда пронесёшь его живым через большую боль? Света завязала бинт аккуратным узлом и отошла к окну.

– У каждого человека есть множество предназначений... – между тем говорил отец. – Стать самим собой, для близких – опорой и поддержкой, созидать по мере таланта... Ну, и так далее. Так вот, одно из моих предназначений – любить тебя. Точнее, её, Галину...

На лице Галины не было совсем никакого выражения, как будто сегодняшняя память начисто стёрлась, а новой на её месте не появилось.левой рукой женщина поддерживала фотографию, а правой – всё так же отрешённо тёрла её уголком платка. Но Станислав почти физически, кожей чувствовал, как слова достигают её слуха. Это придавало ему сил. Продолжать, продолжать, не давать себе передышки...

– В горле пересохло. Светик, ты не принесёшь водички?

Света поняла, что этот разговор – а точнее, монолог – вопреки её ожиданиям, продлится долго. Поэтому она принесла отцу сразу два стакана воды и ушла, взяв с него обещание оставаться трезвым, выходить только через дверь и позвонить сразу, как только освободится.

Пытаясь отвлечься, она прошлась по магазинам. Но, изучая содержимое сувенирных лавок, витрин с ювелирными украшениями, книжных полок, стеллажей с домашней утварью, шла дальше с досадой. Вещи выглядели мёртвыми, никчёмными безделушками. Каждой чего-то не хватало... От нечего делать она зашла к Марине. Девушки проболтали несколько часов кряду, как старые подруги. Оставив отца без присмотра, на этот раз Света не волновалась. Ей почему-то казалось, что романтические намерения несовместимы с прыжками из окон и прочими безумствами. Марина возражала. Намерения Станислава были таковыми изначально, однако это не мешало ему разгуливать голым по автотрассе, швыряя бутылками в проезжающие автомобили...

Света не придавала этому значения:

– После всего, что я услышала, папа кажется мне счастливецом. Его давешние поступки – просто какое-то недоразумение.

– Счастливецом?! С чего бы?

– Ты просто не видела его с утра. Он весь превратился в любовь. Мне даже обидно стало. Меня он так не любил. И, что ещё хуже, я сама не чувствовала ничего подобного... А, ладно! Не хочу об этом думать. Отпуск всё-таки – нужно отдохнуть.

– Нужно, – согласилась Марина. – Ты выглядишь усталой. Тут недалеко есть классный салон красоты. Не хочешь заглянуть? Маникюр сделаешь. Или, может, причёску? А вечером сходим куда-нибудь вместе, если всё будет в порядке.

– Если всё будет в порядке – мы уедем, – улыбнулась Света. – Но насчёт маникюра – идея неплохая.

Марина осталась одна. День не заладился у неё с самого начала. По пути на работу, едва выйдя из подъезда, она поскользнулась и упала, больно ударившись коленом. Расстёгнутая сумка слетела с плеча, и по льду покатилося зелёное яблоко, рассыпались мелкие монеты. Машинально потирая место ушиба, Марина осмотрелась.

За ночь двор изменился. Похолодало, и вчерашняя изморось превратилась в лёд, осев на ветвях деревьев, засохших цветниках, ржавых качелях, ключьях травы, автомобилях и металлических прутьях оград. Всё было покрыто льдом, как прозрачным панцирем, и сияло, и таяло в солнечном свете...

– Это ваше, возьмите, – сказал кто-то.

Марина обернулась на голос. Рядом стоял грустный мальчик в зелёной шерстяной шапке, с портфелем за спиной. В одной руке он держал яблоко, в другой – горсть мелочи.

– Вот спасибо! – девушка встала и, быстро оправившись, накинула на плечо сумку. – Красиво сегодня, правда?

Мальчик пожал плечами и мелко засеменял прочь. На дороге, в нескольких метрах от подъезда – на секунду остановился, уставившись себе под ноги, и, прежде чем уйти, пробормотал:

– Не красиво.

На асфальте лежал голубь, раздавленный автомобилем. Как и всё вокруг, его перья были покрыты льдом. Вывороченные кишки накрывали лапки, как одеяло. Подойдя ближе, Марина почувствовала, что смотрит на птицу не своими глазами – разочарованным взглядом мальчика, который первым заметил подвох в сияющей красоте.

Рыжий песок, рассыпанный по дорожкам, ничуть не облегчал движения. То и дело с большим усилием возвращая телу равновесие, Марина кое-как дотащилась до цветочной лавки. Накануне она поставила в урну возле входа целую охапку бесповоротно завядших белых роз, и теперь они превратились в ледяную скульптуру. Взглянув на них, девушка вспомнила другие, рукотворные скульптуры из льда – те, что появились в парке как-то под Новый год...

Мастера ваяли их прямо на глазах у прохожих, орудуя пилами, стамесками и резцами. Марина каждый день просила родителей отвести её туда, где сверкали на солнце ледяные олени в упряжке Деда Мороза и полупрозрачные деревья, гномы и эльфы, пара волков и медведица с медвежатами. Но больше всего ей нравился лабиринт Минотавра. Небольшое сооружение, название которому в шутку дал отец, казалось девочке таинственным и опасным, хотя каждый его проход вёл к центру всего в несколько поворотов. Очтившись там одна, Марина была уверена, что не сможет выбраться, и прижалась к стене горячими ладонями, надеясь, что в конце концов та растает. И если это случится раньше, чем появится чудище с головой быка, она вернётся домой... Через пару минут родители вывели её наружу.

Несмотря на бесконечные домашние перепалки, мамины жалобы и отцовскую праздность – главную помеху финансового благополучия, их брак казался Марине счастливым. Была в нём какая-то лёгкость и непринужденность, трогательная верность своему выбору. Во взаимных упреках никогда не звучало намёка на расставание. Марина хотела бы жить так же. Но три года супружества пролегли между ней и мужем протянувшейся полынью. Сделай шаг навстречу – и непременно провалишься в тёмную стужу. Карабкаясь на поверхность, схватишься за протянутую руку, но не спасёшься – только утянешь за собой другого.

Что-то пошло не так. Вчерашнее лицо Вани – лишнее тому подтверждение. Марина никак не могла забыть этого бледного лица, которое увидела в тот самый день, когда впервые за несколько лет почувствовала, что не одинока. Все эти несколько лет были прожиты пассивно, по инерции. В безвольном ожидании какой-то другой жизни, которая будто бы должна вот-вот начаться. Но сделать хоть какое-нибудь усилие, чтобы её приблизить, Марине в голову не приходило. Только теперь это усилие стало насущной потребностью. Вновь обретенное чувство причастности к человечеству затеплилось внутри, но внешне ни в чём не выразалось. Уже под вечер, мастеря очередную цветочную композицию, Марина поняла, что её задача – выразить это чувство во что бы то ни стало. Цыганка была права: для этого нужно открыться. Не нужно больше щитов и панцирей, непроницаемых стен и ложных убежищ. Только сделавшись прозрачной, как лёд, можно действительно приблизиться к другому.

Рассудив так, Марина не могла дождаться конца рабочего дня. Она хотела поговорить с Ваней сейчас же, как можно скорее, пока не растаяла смелость, пока намерение ещё кажется выполнимым...

Добравшись до дома в битком набитой маршрутке, она скинула ботинки и прошлась по квартире.

Никого! Только Галина и Станислав молчали в комнате с балконом: две тёмные фигуры, погруженные в сумерки. Остановившись на пороге, девушка услышала, как они дышат. Казалось, исчерпав ресурсы речи, мужчина и женщина начали общаться на другом, более совершенном языке. Светы не было.

Марина тихо вышла из квартиры и позвонила мужу с лестничной клетки.

– Я в парке, – вяло сообщил он. – На той лавочке, где мы... Помнишь?

– Конечно! Я сейчас...

– Ты хочешь прийти?

– Буду минут через десять.

Разноцветный туман стоял в воздухе, как раскрошенная постель. Филипп двигался вслепую, скользя по стене ладонью: необработанный камень, влажный холод, кое-где покрытый мягким мхом и шероховатым лишайником. О том, что это лабиринт, он догадался по петляющим проходам и всякий раз, наткнувшись на угол, сворачивал в неизвестность.

Некоторые фрагменты сна выпали из памяти. Он не знал, как оказался в центре лабиринта, но зато хорошо помнил белокурого мальчика с высоким голосом, похожим на звон хрусталика.

– Помоги мне, – попросил мальчик. Стены разошлись во все стороны и пропали.

Под ногами путались какие-то растения – низкие кустики с глянцевой тёмно-зелёной листвой. Мальчик стоял совсем рядом, на низком табурете с металлических ножками. Его кожа была бледной, а глаза – серьёзными. Он выглядел немного напуганным.

– Я никогда не видел тебя наяву, – сказал Филипп.

– А я – тебя.

– Растения какие-то странные.

– Это кофейные деревья, – объяснил мальчик. – На поляне.

– Вообще-то на поляне обычно растёт трава.

– Что за трава?

– Сейчас покажу. Давай руку, а то исчезнешь вместе со своим созданием.

Он начал менять сон.

На месте кофейных деревьев появилась молодая зелень, луговая ромашка, васильки, мелкие гвоздики, колокольчики, зверобой и полынь. Вместо туманной пустоты сверху возникло небо. Только насекомые никак не желали порхать над цветами. Вместо бабочек, шмелей и мошек над полем возникла единственная пчела. Та самая, которая уже не раз являлась Филиппу в сновидениях. Приблизившись, она упорно парила перед глазами. С прозрачных крылышек капала кровь – гранатовые бусинки, слетевшие с порванной лески. Филипп медленно вздохнул, и от пчелы начали отделяться насекомые-близнецы. Точно такие же пчелы одна за другой покидали свой первоначальный образ, словно многочисленные тела – душу, и с жужжанием разлетались во всех направлениях.

– Я знаю эту пчелу! – воскликнул мальчик. – Она прилетала к нам домой. Я долго думал, есть ли у неё кровь, и решил, что есть.

– Верно. Кровь есть, но не такая, как у людей – прозрачная, желтоватая...

– Мне нужна помощь.

– Какая?

– Я не знаю какая.

Мальчик спрыгнул с табурета и, раскинув руки, побежал по полю. Навстречу ему летел ветер. А сон между тем тускнел. Трава стала серой. Земля и небо соединились в пустоту, и Филипп почувствовал, что падает...

Мягко приземлившись на тёплую постель, он открыл глаза: позднее утро, в квартире – тишина; такая тишина, что дыхание кажется громким. Эпизоды только что увиденного сна циклично повторялись в памяти. Филипп сел за стол и торопливо записал их, не заботясь об орфографии и пунктуации. Затем – осмотрелся в комнате. Вещи стояли на своих местах, но уверенности не было.

Филипп открыл файл с описанием обстановки квартиры и сверил его с действительностью. Всё совпадало, но... Пришлось прибегнуть к примечаниям на крайний случай: «1. Под кроватью, в полуметре от левой ножки – три кубика сахара. 2. На обороте правой шторы – две портновские булавки с синими головками, воткнутые крест-накрест». Проверил: всё так. Но сомнения остались. Что, если сон ловко подстроился под реальность, расставив предметы в нужном порядке? Тогда, возможно, даже дневник сновидений – одна из уловок его фантазии. И кубики сахара, и булавки... Если вещи врут, как убедиться в том, что вокруг явь?

Услышав звонок, Филипп неохотно поплёлся в прихожую. Он ожидал увидеть за дверью какую-нибудь соседку, у которой внезапно закончилась соль. Однако на пороге стоял Никита с фиолетовой садиной на переносице.

– Ты чего? – удивился Филипп. – Позвонил бы хоть... Я только встал.

– Я звонил раз пять.

– Ну, проходи. Как нос?

– Кости не смещены, так что скоро будет как новенький, – надев тапочки, гость прошлёпал на кухню и уселся на табурет. – До сих пор как-то совестно за воскресенье. Жаль, что так вышло.

– Жаль, – уныло откликнулся друг. – Но Вениамин с самого начала был не в себе. Мне показалось, он знал, чем всё закончится. Эта встреча имела для него какое-то особое значение... Как будто он возложил на неё большие надежды, и все они не оправдались.

– Да, да. Но всё-таки я виноват. Поэтому хочу написать о нём в ближайший выпуск. Может, это всё исправит? Теперь – никаких вольностей. Только правда! Мне надо поговорить с Вениамином. Вопросы уже готовы – только задать осталось. У тебя случайно нет его телефона?

– Неа. Придётся тебе подождать до следующего воскресенья.

– Ты забыл? Я в выходные – в Египет с родичами. Билеты уже куплены... Ладно, съезжу к Леониду. Надеюсь, он подскажет.

Никита постучался к Леониду час спустя, но в этот раз приглашения войти не получил. В ответ на его просьбу мужчина покачал головой:

– Вам не нужно говорить с Вениамином.

– Очень нужно, – возразил Никита. – Вы не волнуйтесь, я обязательно пришлю текст на согласование...

– Сколько вам лет? Двадцать, двадцать пять? А глаза – как у ребёнка. Этаким озорник смотрит из взрослого весело и нагло. Всё, даже Истина, кажется вам игрой. Вы не хотите знать правду. Вы не хотите ею жить – разве что поиграть в неё, не так ли? Мы с Вениамином для таких игр слишком стары. И, сдаётся мне, тут вы заигрались.

– Но...

– Идите.

Дождавшись, пока он окажется за калиткой, Леонид тихо прикрыл дверь и вернулся в гостиную.

Вениамин пришёл полчаса назад и всё это время сидел в кресле, накрыв колени байковым одеялом. Казалось, он хочет рассказать о чём-то важном. Но разговор полз рыхлым пунктиром, то и дело проваливаясь в долгие паузы.

– Кто приходил?

– Наш горе-журналист. Хотел взять у тебя интервью, но я не разрешил.

– Почему?

– Потому, – мужчина едва заметно улыбнулся. – Лучше скажи мне, что случилось? Ты ведь не в кресле посидеть пришёл?

– Не знаю. Я не могу молиться с прошлого воскресенья, не могу сосредоточиться. Такое ощущение, что падаю с большой высоты. Без Божьей помощи туда не подняться снова.

– Уныние, значит...

– Не просто уныние. Раньше я знал, что у молитвы есть адресат. Я чувствовал Его присутствие, но теперь перестал. И сомнениям нет конца. Что, если адресата нет, и только молитва создает его соответственно вере каждого? Человек меняется местами с Богом и сам творит Его, а не наоборот.

– Я тебя не узнаю.

– А я – узнаю, думаешь? Каждому – по вере. И что же тогда получается? Вот верю я, к примеру, в Бога – и действительно вижу его во всём. В цветке – Бог, в собаке – Бог, в глазах новорождённого, в улитке – всюду. А кто-то другой, допустим, мой брат Икс, верит в то, что при наличии нескольких вариантов развития событий всегда реализуется наихудший. И в самом деле, посте-

пенно Икс замечает, что в его жизни всё происходит именно так. Возникает вопрос: что первично? Возможно, каждый выбирает веру, как пальто или брюки. Только одежду выбирают по размеру тела, а веру – по размеру души.

- Да, так бывает, но подлинная вера не обусловлена.
- И какая же, по-твоему, подлинная?
- Та, которую укрепляет Бог.

Вениамин замолчал и, казалось, погрузился в глубокую задумчивость. В голове гудело. Мысли ворочались, как камни, тревожимые болезненными внутренними толчками. Эта боль – паразит. Призрак, слепленный из темноты. Вениамин чувствовал, как она спускается вниз по шее, сжимает грудную клетку... Откуда взялись силы тогда, в воскресенье?

– Наверное, придётся отменить одну-две встречи, – наконец сказал он и поднялся с кресла. – Мне нужен перерыв. Не ищи меня, если исчезну.

– Ничего отменять не будем, – отрезал Леонид. – Ты не обязан всегда быть Учителем. Многим ты помог... Может, теперь кто-нибудь поможет тебе?

- Наверяд ли.

Леонид проводил Вениамина до крыльца и, кутаясь в халат, выглянул на улицу. Включил было фонарь, чтобы осветить гостю скользкий путь до калитки, но лампа, пару раз мигнув, перегорела.

- Всё-таки буду ждать тебя в воскресенье, – настойчиво повторил мужчина.
- Не очень-то жди!

Привычным маршрутом Вениамин направился к берегу, намереваясь просидеть на своём стуле у крошки воды до тех пор, пока не примет решение, которое надлежит принять. Он ещё не знал какое. Но на полпути к водохранилищу, как будто о чём-то вспомнив, остановился на тропинке.

– Господи, позволь мне спать и никогда не проснуться, – тихо сказал он и почувствовал, что молитва звучит так, словно придумал её он сам. – Так вот зачем была наша встреча! Убийца времени, который мечтает никогда не проснуться. Ты пришёл в мою жизнь, чтобы подсказать молитву.

– Я не уверен, не уверен! – с раздражением воскликнул Филипп. Только что он выронил из рук простой карандаш. Прокатившись по столу, прибор остановился на листе бумаги, точъ-в-точъ совпав с его диагональю.

Возможно ли, думал Филипп, бросив карандаш наобум, попасть ровнёхонько в диагональ прямоугольника? Это прямое попадание выглядело чересчур сомнительно. Поэтому он взял ручку и достал из ящика стола старую, ещё школьных лет деревянную линейку. Аккуратно, стараясь не коснуться карандаша, отметил на листе две точки: одну под острием, а вторую – под ластиком в металлической оправе. Отодвинув прибор, соединил точки отрезком и согнул лист. Линия сгиба идеально совпала с прочерченным отрезком.

Стараясь оставаться спокойным, Филипп взвесил карандаш в руке. Порывшись в ящике, отыскал лупу, на которую когда-то спустил все карманные деньги, мечтая получить рассмотреть мёртвых бабочек из отцовской коллекции. Однако изучение карандаша через увеличительное стекло не принесло ничего нового. Филипп отшвырнул инструмент и вскочил, уронив стул:

- Я не уверен.

Он пересчитал крючки на карнизе, перевернул содержимое ящиков, проверил кухню, спальню родителей, карманы пальто, замки на входной двери. Заглянул под кровать, потрогал булавки, воткнутые в занавеску. Пытаясь найти опору, вновь и вновь шарил по комнате взглядом, но убедиться в пробуждении не мог. Было два часа дня, если верить часам. Дома – никого. Следовательно, день будний. Но какой именно? За окном порхали снежинки. Одни летели вниз, другие – вверх. Филипп включил ноутбук и открыл календарь, но увидел в нём лишь бессмысленные числа...

Он понял, что спит, когда стены начали исчезать. Здание превратилось в чертёж, подвешенный в воздухе и тающий на глазах.

Моргнув, Филипп обнаружил себя стоящим на твёрдой земле посреди двора, который был ему незнаком. Круглая клумба, очерченная серым камнем, напоминала подгоревший пирог. Несколько хилых сосен-саженцев, привязанных к колышкам, отделяли парковку от детской площадки. Две тощие дворняги, прижавшись друг к другу, спали в песочнице. По одной из стен ближайшей высотки чёрной змейкой вилась трещина, залатанная какими-то металлическими брусками.

- Что я здесь делаю? – пробормотал Филипп и пнул мелкий камушек.
- Я ждал тебя.
- Ты?

22

«Дорогой друг!

Надеюсь, Вы ознакомились с уставом “Союза”. Теперь Вам нужно научиться управлять своими снами, чтобы прожить вторую жизнь осознанно, а не быть её безвольным наблюдателем.

Для начала прошу Вас создать один несложный сон. Только не мудрите, пожалуйста. Создайте что-нибудь миниатюрное и безопасное. Обязательно пригласите в сон меня, назовите своё имя и сообщите о том, что состоите в “Союзе”. Предупреждаю, с первого раза получается не у всех. Если что-то выйдет из-под контроля, не волнуйтесь и попробуйте ещё раз.

Каждый создаёт сны по-своему. Начинать лучше всего в тот момент, когда вы чувствуете, что вот-вот уснёте. Представьте себе сон, который хотите увидеть, и постарайтесь удержаться в сознании в момент перехода.

С уважением, Филипп Б.»

Это письмо я получил через три дня после предыдущего. Меня насторожило лишь то, что в нём говорилось о каком-то уставе, которого я не видел. Выходило, что предыдущий сон мне не приснился. Или, может быть, я просто забыл его?

В ту же ночь я попробовал создать «что-нибудь миниатюрное и безопасное». Представлял свою комнату – белый потолок, бирюзовые обои, зажжённую лампу. Казалось бы, проще простого. Но у меня ничего не вышло – ни тогда, ни в последующие несколько недель.

Сон возник сам собой, когда я уже не чаял его создать. Сначала в нём был только разноцветный пар, который обступал меня со всех сторон и не давал увидеть даже собственных рук. Несколько раз я наталкивался на стену, влажную и шершавую.

- Филипп! – позвал я, вспомнив, что сплю.

Пока я повторял его имя, пар становился прозрачней. Я очутился в круглой комнате с каменными стенами и единственным дверным проёмом. Когда пар совсем исчез, у меня под ногами начали прорастать кофейные деревья. Пол беззвучно трескался и крошился.

Филипп вошёл в комнату с закрытыми глазами и остановился у порога.

- Помоги мне! – попросил я.

- Что я могу сделать?

Я сказал, чтобы он подошёл ближе. Листья кофейных деревьев начали шевелиться и шуметь. Филипп приблизился, но не мог меня видеть, потому что его веки срослись, образовав две совершенно гладкие полусферы. У меня в руках появились ножницы. Я забрался на табурет и сделал на лице Филиппа небольшие разрезы, слегка оттянув кожу в тех местах, где должны быть глаза.

- Спасибо, – поблагодарил он. – Так что я могу...

Я собирался разузнать о том мире, из которого он пришёл, о «Союзе живых вдвойне» и способах создания снов, но против своей воли снова попросил о другом:

- Помоги моим стенам исчезнуть.

Филипп не знал, как помочь. Зато в том сне он показал мне поле – это было очень красиво. Верхушки трав щекотали мои ладони. Над цветами летали пчёлы и бабочки. Всё сияло в ярком

свете, но, прислушавшись, я понял, что вот-вот проснусь. Где-то вдалеке залаял Лев, и, попрощавшись, я побежал на звук...

С этого момента мне постоянно что-то снилось – и ночью, и днём, если я ложился после обеда. Однако создавать сны оказалось ненамного легче, чем вспомнить момент сотворения мира. Писем больше не приходило – я догадывался почему. Члены «Союза» наверняка остались мной недовольны: даже с первым заданием новичок не смог справиться как следует.

Создавать сны я так и не научился, но время от времени у меня получалось менять их по собственному желанию. Вскоре после того, как Филипп показал мне поле, я создал его сам, заставив траву прорасти сквозь бетонный пол. Мы со Львом бегали по ней наперегонки. Пчёлы садились в мои ладони и оставляли на коже пятнышки крови, похожие на красные пылинки.

Каждое утро я записывал сны и пытался соединить их друг с другом, чтобы получилась та вторая жизнь, о которой писал Филипп.

Я окончательно забросил математику, потому что не мог думать ни о чём, кроме снов. Не знаю, заметил ли это папа. Я больше не уговаривал его побыть со мной подольше. Не просил даже новых слов, хотя их не было уже несколько месяцев. В свою очередь, папа всё меньше говорил и, вернувшись с работы, запирался в кабинете. Я вбил себе в голову, что он станет прежним, если исчезнут стены, и плакал от бессилия, понимая, что дело продвигается медленно.

Прошло много дней, прежде чем мне удалось узнать хоть что-то о «Союзе живых вдвойне».

Уснув как-то после обеда, я оказался в своей комнате и, оттолкнувшись от стены, с разбегу пролетел сквозь противоположную. За стеной оказалось точно такое же помещение, только без мебели. Я снова промчался сквозь стену и продолжал бежать до тех пор, пока не встретил Филиппа. Свесив ноги, он сидел на столе в одной из комнат и пил кофе из глянцевого чёрной чашки.

– Я не знаю, кто ты, – заявил Филипп, когда я остановился. – Почему мы видимся так часто?

– Ты что, забыл? – я совсем растерялся. – Сам же писал... Дорогой друг! С радостью сообщая вам...

– А... – Филипп слез со стола и достал из какого-то ящика ещё одну чашку, над которой поднимался пар. – Будешь?

Я в замешательстве кивнул.

– Наверняка ты помнишь, – продолжил он. – Я просил создать сон, пригласить в него меня и сообщить о вступлении в «Союз».

– Да, это было в другом письме! Но я думал...

– Все так думают, – усмехнулся Филипп. – Тот, кто писал письмо, должен знать, кому оно адресовано, особенно если называет его «дорогим другом». Ты ведь об этом?

– Ну да.

– В том-то и проблема. Я не знаю адресата. «Вторая» жизнь чем-то похожа на «первую». Свобода существует, но есть и то, что её ограничивает. Некоторые обстоятельства даны изначально, как условия задачи. Это понятно?

– Понятно.

– Возьмём, к примеру, «Союз», – объяснял он, расхаживая по комнате. – Сейчас в нём больше трёхсот членов. Знаешь, как я их нашёл? Просто писал письма. У себя в ноутбуке, на бумаге, папирусе, бересте, на мокром песке, глиняных табличках, дощечках, меловых досках... Сначала даже не знал, зачем. Просто начинал писать, когда чувствовал, что должен... А потом люди начали приглашать меня в свои сны. Тогда-то я и понял... Письмо само находит адресата или же – создаёт его. Отсюда, кстати говоря, вытекают интересные следствия. Получается, каждый вопрос создаёт ответ или того, кто должен ответить... Но вернёмся к письмам. Тут возникает новая проблема. Догадался, какая?

– Письма находят адресатов, а ты – нет?

– Это тоже. Но я имел в виду трудности распознавания. Наряду с обладателями физических тел существуют другие... Те, которые никогда не покидают мира сновидений. Тела у них нет, но

есть его образ. Эти существа были вызваны к жизни моими письмами и наяву никак себя не проявляют. Подозреваю, что в «Союзе» таких немало. По сути, они не приносят никакой пользы объединению, поскольку проживают одну жизнь, а не две. Только сбивают с толку. Проблема в том, что я не всегда могу отличить их от настоящих членов «Союза». Так и живём... Как хоть тебя зовут?

- Лёва. Я настоящий, можешь не сомневаться.
- Кто тебе это сказал? – улыбнулся Филипп.
- Я живу с папой. У меня в комнате такие же обои, как в этой...
- Ты мог всё это выдумать и даже поверить, что говоришь правду.
- Но...

Я замолчал, не договорив. Во снах всё тоже оказалось запутанно – может быть, даже больше, чем наяву. Даже ведущий сомнолог «Союза» не может контролировать происходящее. Он пишет письма наугад и не отличает людей от не-людей. Филипп не верит мне. Я не верю папе. Папа не верит снам. Допив кофе, я долго смотрел на чёрное дно чашки и вдруг догадался:

- Знаю!
- Ну, что ты знаешь? – Филипп снова забрался на стол и сел рядом со мной.
- Сделай так, чтобы мои стены исчезли. Тогда сон и явь соединятся в одну жизнь, и доказательства...
- Подожди, какие стены?
- Вот эти! – в нетерпении я постучал по стене ладонью. – Говорю же, я живу в точно такой же комнате, только там мебель есть, лампа, ноутбук... Придумай что-нибудь, и доказательства будут. Увидишь!

- Ладно, попробуем. Диктуй адрес.

В руках Филиппа появилась ручка. Он приготовился записывать на ладони. Но папа уже звал меня. Я не успел сказать, что не знаю никакого адреса.

23

Приглушённый шум автотрассы доносился как будто издалека. Марина быстро шла мимо уютных лавочек, освещённых низкими фонарями. Голые ветви кустов, похожие на медную проволоку, слегка блеснули в электрическом свете.

Свернув на середине аллеи, возле выключенного фонтана, она углубилась в парк и вскоре разглядела силуэт мужа, сидевшего на краю длинной лавки с покатою спинкой. Несколько лет назад они проводили на этой лавке вечер за вечером, не замечая вокруг ничего, кроме красоты, любви и друг друга.

Теперь Ваня был холоден, неподвижен. Сцепленные в замок руки лежали на коленях как камень. Мужчина глядел перед собой устало и внимательно. Заметив жену, пододвинулся, освобождая сухое место.

Марина присела рядом:

- Давно ты тут?

Ваня пожал плечами.

– Замёрз, наверное? Идём, – попросила она и осторожно взяла мужа за руку. Его пальцы не ответили.

- Куда?

- Куда угодно! Домой, в кафешку, в кино, в какой-нибудь тёплый подъезд...

- Я знаю одно место...

- Там тепло? Ну, хорошо, веди, – согласилась Марина, дождавшись неопределённого кивка.

В молчании они добрались до остановки и сели в автобус, который тащился еле-еле и грохотал на ухабах. Он высадил их где-то на окраине – район был Марине незнаком. Ваня купил в ларьке

бутылку вина. Начался частный сектор, и фонари поредели. В отдалении от трассы был отчётливо слышен каждый шаг, короткие всплески воды в мелких лужицах, неясные шорохи в темноте. Разглядев на одном из заборов табличку с названием улицы, Марина вспомнила Вениамина. Если верить газете, встречи с ним проходили где-то поблизости. Ей захотелось рассказать о том, как вовремя попал к ней в руки тот газетный номер, как цыганка украла розы и невзначай дала верную подсказку... Но Марина продолжала идти молча, подстраиваясь под быстрый шаг мужа. В молчании был уют, возможность понимания.

– Где мы? – спросила она, когда муж остановился.

Из темноты смутно проступал силуэт одноэтажного дома, голый скелет крыши, несколько накренившихся секций забора.

– Это заброшенный дом, – флегматично пояснил Ваня. – Прошлой весной он сгорел. Идём.

Он первым шагнул на узкую тропку, которая вела в сторону останков здания. На месте дверей и окон в кирпичной стене зияли провалы. Поднявшись на крыльцо, мужчина взял жену за руку и повёл внутрь в полной темноте. Под ногами хрустели осколки стекла, мягко проминались какие-то тряпки.

Нагнувшись, Ваня ощупал что-то перед собой.

– Садись. Я сейчас вернусь.

Сиденье оказалось старым матрасом, холодным и немного влажным. Сквозь толстую ткань прощупывались жёсткие пружины. Обхватив руками колени, Марина закрыла глаза. Ванины шаги то приближались, то удалялись снова.

Он притащил в дом секцию забора и начал отламывать продольные доски от поперечных. Потом принёс охапку хвороста и, достав из-за пазухи какую-то рекламную брошюрку, оторвал от неё несколько клочков бумаги.

– Может, лучше снаружи?

– Снаружи ветрено, – Ваня аккуратно складывал основание костра, освещая его экраном мобильного. – А здесь, в центре комнаты – кострище. Сейчас увидишь. Лист металла, обложенный кирпичами.

– Помню, ты говорил, что любишь заброшенные дома. Но я думала, это в прошлом.

Он долго не отвечал. Отсыревший хворост зашёлся не сразу. Когда пламя разгорелось, мужчина подбросил в костёр ветки покрупнее.

Марина открыла вино. В свете костра она разглядела у противоположной стены обугленный, настежь распахнутый шкаф, пустые полки, опрокинутую лампу, груды какого-то барахла, расколотую глиняную кринку, битое стекло, стол на металлических ножках. Стены были черны от копоти. В ясную погоду сквозь каркас крыши сияло бы звёздное небо – но вечер был пасмурным. Запрокинув голову, девушка не увидела ни одной звезды; синие тучи с рваными краями наслаивались друг на друга.

Ваня наконец заговорил:

– В последнее время я вижу только разрушение. Это навязчивые, реалистичные фантазии – не правда, но и не галлюцинация. При этом чувствую ярость, которая не поддаётся контролю. Потом – усталость, бессилие. Сегодня не мог почистить зубы. Это длится всего несколько дней, но я устал. Нельзя без конца смотреть на прекрасные вещи и уничтожать их взглядом. Я решил найти место, где разрушать будет нечего... И вот, пришёл сюда.

– Мы живём в темноте. Она – как огромное облако...

– Да, чёрное облако. Я видел, – Ваня подбросил в огонь ещё несколько досок и присел на корточки с другой стороны костра.

– Но что-то меняется.

– Разве что к худшему.

– Нет. Я объясню. Но сначала...

– Ты даже в темноте живая, – он посмотрел на жену поверх огня. – Говоришь вот, облако. Но и в нём улыбаешься. Оно твой спутник, но оно – не ты. Ты держишься – я соскальзываю. Потому что моя темнота – это я сам.

- Как тебя угораздило оказаться на АЭС?
- Сам удивляюсь. Странное совпадение...
- Какое?

Возле костра становилось жарко. Ваня снял куртку и бросил её на матрас.

– Про атомную станцию я узнал в детстве, от дяди Осипа. Он жил с нами, наверное, полгода. Отца не было. Он ушёл раньше, чем начались воспоминания. А дядя залез в долги и остался без жилья... Мать его приютила. Мы быстро поладили. Он работал на АЭС и вечно рассказывал мне о ядерных реакциях, устройстве уран-графитового реактора... Думаю, я был его единственным слушателем. Мальчик пяти лет! Он говорил, у людей всегда есть выбор – направить энергию на созидание или разрушение. Причём этот выбор нужно делать непрерывно, в каждую минуту жизни. Как-то он спросил: «Что ты выбираешь, Ваня, атомную бомбу или атомную станцию?» Я, конечно, выбрал станцию. На следующий день он принёс конструктор...

«Будем строить АЭС!» – с этими словами широколицый мужчина с золотистыми бровями и блестящим, совершенно лысым черепом втащил в квартиру заклеенную скотчем коробку.

Вскоре её содержимое было торжественно рассыпано на полу в гостиной. С великим восхищением Ваня оглядел свой разноцветный хаос: кирпичики, пластиковые фигурки, оконные рамы, трубы, колёса... «Не благодари!» – улыбнулся дядя и, потрепав племянника по щеке, взял на себя руководство строительством. В тот день остановились только за полночь. Галина еле заставила их разойтись по комнатам. Но Ваня ещё долго не мог заснуть, пытаясь представить, какой будет его станция: сравнится ли с настоящей, поместится ли в комнате, заслужит ли мамину похвалу?

Масштаб конструкции превзошел все ожидания создателей. Деталей катастрофически не хватало, и несколько недель спустя дядя приволок домой ещё один набор. «С долгами бы сначала расплатился!» – пожурила его Галина. Обычно она наблюдала за работой краем глаза, устроившись в кресле с книгой или вязанием...

Наконец АЭС была готова. Любуясь своим творением, Ваня и Осип обменивались восхищенными замечаниями: «Гляди-ка, совсем как настоящая!», «Здорово мы придумали с этими трубами...», «Я же говорил, надо укрепить ту стену!»

Ваня был счастлив. Он хотел, чтобы станция всегда стояла посреди гостиной памятником его многодневным стараниям. Но, налюбовавшись вдоволь, не знал, что делать дальше. Станция исправно снабжала энергией всех его подопечных – плюшевых медведей, пластиковых человечков, резиновых динозавров – однако ему самому делать было нечего. И тогда дядя придумал новую игру.

«С сегодняшнего дня ты будешь следить за исправностью станции, – сообщил он со всей серьёзностью, на которую был способен. – Каждую ночь, пока все спят, в неё проникает Разрушитель и незаметно вытаскивает одну деталь. Если не починить АЭС вовремя, на другой день он вытащит ещё деталь, за ней – следующую... Ты знаешь, что происходит в случае катастрофы. Радиация выходит из-под контроля. Люди гибнут, гибнет всё живое... Но ты ведь не допустишь этого, правда?»

Ваня приступил к своим новым обязанностям на следующий день. Поначалу неисправности были на виду, но мало-помалу злодей становился искусней. Порой мальчик до поздней ночи не мог отыскать его губительных следов. «Что за наказание с этой игрушкой! – ворчала мать. – Иди спать – или я отнесу её на помойку!» Замечая в глазах сына искренний ужас, Галина не решалась прервать игру, но, уложив Ваню, настойчиво просила об этом брата. «Не беспокойся, скоро я придумаю что-нибудь поинтересней», – уверял её Осип. А потом его арестовали по подозрению в грабеже и увезли в следственный изолятор.

Так Ваня остался наедине с невидимым Разрушителем станции. День за днём он тщательно осматривал постройку, но не находил ни малейшей неисправности. Ничто не выдавало вторжения зла, но Ваня был абсолютно уверен в его существовании. Ночью, подчинившись приказу матери, он уходил в свою комнату, но уснуть не мог.

«Никакого злодея нет, – говорила Галина, посадив сына к себе на колени. – Его придумал дядя Осип. Это просто игра, понимаешь?» Мальчик упрямо мотал головой. Он действительно не понимал. Каждое утро он вставал с кровати, чувствуя, что виноват перед всем миром. Порой ему хотелось бежать к маме и плакать, уткнувшись лицом в её живот. Но он боялся, что она не поверит, что разозлится и сломает станцию – а ведь есть ещё шанс...

Он продержался с месяц. Но однажды утром проснулся другим, совсем другим человеком. Мама ещё спала, но чайки за окном уже кружили с тоскливыми криками. Поджав губы, Ваня несколько раз обошёл станцию по периметру. Затем, взобравшись на мамино кресло, взял со стола металлический светильник и с размаху швырнул его в АЭС. Раздался громкий треск. Мальчик спрыгнул на пол и завершил начатое собственными руками. Через пару минут станция превратилась в груды конструктора. Прибежав на шум, Галина увидела посреди гостиной сына, который шептал, вытирая слёзы: «Это я – Разрушитель...»

– Я не мог понять, что это игра, – Ваня глотнул вина и передал бутылку жене. В костре потрескивали доски. – Для меня всё было взаправду. Вероятно, я вообще не отличал игру от жизни.

– А потом что?

– Ничего. Конструктор сложили в мешок и вынесли на балкон. Больше я к нему не прикасался. Всё улеглось, и, самое интересное, что я напрочь забыл о случившемся. Вспомнил буквально на днях. И, прямо скажем, лучше от этого не стало. Какая-то неотвратимость. Всё летит по кругу, как чайки... Неужели это и есть – всеобщая судьба?

Марина взяла мужа за руку и почувствовала, как пульсирует тепло в касании ладоней. Казалось, только полная, окончательная открытость поможет сберечь это тепло. Когда, если не сейчас?

– Я должна рассказать тебе, – едва заговорив, Марина пожалела об этом. Но было поздно. – Три года назад я сделала аборт. Нашему ребёнку было одиннадцать недель и два дня. К тому времени его тело уже сформировалось. Я видела, как он шевелит ручками и ножками. Тогда и появилось то чёрное облако...

Вздрогнув, Ваня выпустил из рук её пальцы. Сидя вполоборота к жене, он всматривался в её лицо внимательными, напряженными глазами. Ничто не рушилось вокруг него. Небо не сдвинулось с места, не свернулось в свиток. На закопченных стенах шевелились тени. Но слова застре-вали в горле колючим комком.

– Я ведь хотел... Помнишь?

Да, она помнила. Поэтому и молчала. Ваня мечтал о сыне. Он собирался научить его кататься на велосипеде, строить домики на деревьях и шалаши, укрытые лапником. Марина попыталась снова взять его за руку, но муж, отодвинувшись, встал и торопливыми шагами начал кружить по комнате. Он хотел перешагнуть через ад. Но каждый новый шаг не приносил ничего, кроме тревожной необходимости сделать следующий. Закопченные стены становились всё теснее. В этот момент он был готов умереть ради нескольких минут покоя, столь нужного, чтобы увидеть всё как есть – без гнева, без ужаса, без желания убежать.

– Почему?

– Мне стало страшно, – ответила Марина, прикрыв глаза.

– Так не должно было быть, – Ваня остановился по другую сторону костра. Между ними лежали угли. – Нет.

Не сказав больше ничего, он вышел из дома и пошёл куда-то прочь. Быстрые шаги прошле-тели во дворе, хрустнула секция забора, хлестнула ветка куста... Всё тише и тише.

Марина легла на матрас. Под лопатками скрипнули пружины. Она смотрела, как несутся по небу тёмные тучи и старалась не думать о том, что когда-нибудь придётся встать с этого матраса и вернуться – куда? Она старалась не думать вообще ни о чём. И тучиплыли мимо. И не было звёзд, и не было мужа. Не было ничего. Только тело, жить в котором тесно и больно.

– Странно всё это, – тихо пробормотала Галина, глядя на свои руки, и вдруг подняла глаза. – Ты ещё здесь?

– Где же мне быть ещё? – улынулся Станислав. – Знаешь, твой голос стал другим... И лицо тоже. Ты устала? Может, поспишь немного?

– И то верно, – неожиданно согласилась женщина.

Поднявшись с кресла и сделав два коротких шага, она оказалась возле кровати. Сбросив тапочки, легла на прохладное покрывало.

Станислав сел в кресло и надолго замер, всматриваясь в спутанный пучок волос на её затылке. Ему показалось, что вместе с Галиной все контуры и предметы погружаются в целительный, животворный сон.

Мысленно пожелав Галине спокойной ночи, он выключил торшер, и всё растворилось в темноте. Только мысли о дочери ещё некоторое время маячили в сознании, нарушая этот покой.

Света бродила по городу до позднего вечера. До тех пор, пока не заныли мышцы ног, пока фонари вдоль дороги не начали сливаться в сплошную рыжую ленту. Она ждала звонка от отца, от Гриши, от Марины – и не дождалась ни одного. В довершение всего разрядился телефон. Только тогда она направилась к дому.

На третьем этаже никто не отозвался на стук. На долю секунды Свете показалось, что она вовсе не живёт – крепко спит, будучи не в силах выпутаться из какого-то вечного, тревожного сна, в котором все оставили её одну. В чужом городе, в незнакомой жизни. Шагая через ступень, девушка спешила вверх. Но и там ответа на стук пришлось дожидаться долгих пару минут.

Наконец замок щёлкнул. Отворилась дверь. На пороге стоял отец, тихий и серьёзный. Стоял как ни в чём ни бывало.

– Почему ты не звонил? Последняя электричка через полчаса. Мы не успеваем.

– Прости. Я думал, ты поймёшь.

– Она вспомнила?

– Нет. Но мне нужно остаться.

– Ты принял таблетки?

Отец кивнул, и Света взглядела в его лицо внимательнее. Он выглядел трезвым и спокойным, лишь немного уставшим. Это внушало надежду. Не сегодня, так завтра...

– Ладно. Идём вниз?

– Светик...

24

Кажется, наступило утро. Какое утро, в каком городе, в каком году? Филипп не имел не малейшего представления. Над головой повис белёсый потолок и пыльная люстра с надтреснутым светильником.

Прищурившись, Филипп взгляделся в едва заметные границы между обояными листами и считал их, отметив, что десятый лист уже остальных. В правом верхнем углу бумага вздулась и пожелтела. Всё правильно. Но в чём тогда дело? Откуда предчувствие подлого, неминуемого подвоха?

Нехотя поднявшись, он направился в кухню. Мать сидела за столом и, орудуя стеклянной пилочкой, занималась маникюром.

– Выглядишь неважно, – заметила она, быстро взглянув на сына. – Не заболел?

– Нет, кажется, я здоров.

– Что значит кажется?

– Кажется – значит кажется.

Хотелось кричать. Но Филипп достал с полки кружку и взвесил её в руке. Проверил, на месте ли маленький стеклянный буторок над ручкой и едва различимая трещина возле каёмки. Оценил

толщину дна. Всё верно – не придерёшься... Даже в облике матери – ничего необычного. Но он ждал подвоха.

– Так и будешь смотреть на кружку?

Ничего не ответив, Филипп ушёл к себе, открыл дневник сновидений и быстро застучал по клавишам. Он чувствовал себя лабораторной крысой, застрявшей в безвыходном лабиринте. Сны были ловушкой, в которую кто-то его поймал... Но кто и зачем? На плечо неожиданно легла отцовская рука:

– Можно с тобой поговорить, сынок? Мать волнуется. Помнишь, ты говорил, что сходишь к врачу, если...

– Точно! – Филипп развернулся на стуле. – И как я об этом не подумал? Ты ведь был прав, пап. Ничего не вышло...

– Я не хотел вмешиваться, но, учитывая характер твоей болезни... В общем, я позвонил твоему доктору, и сегодня он ждёт тебя в полдень. Хочешь, подброшу?

– Нет, спасибо, я сам.

Что-то его настораживало. Отец пришёл слишком вовремя и к тому же назвал его «сынок», чего не случалось, кажется, никогда.

Филипп списал свои подозрения на мнительность. Быстрым шагом продвигаясь к поликлинике, он не услышал ни одного человеческого голоса – только гул автотрассы, воронье карканье и трэш-метал в колонке подростка, который шёл мимо. Вчерашний снег лежал на дорогах мутной слякотью.

Возле окошка регистратуры не было ни души. Уборщица уныло тёрла пол мокрой шваброй. Филипп взглянул на часы – без двух минут полдень – и поднялся на второй этаж.

– Давненько вы не заглядывали, – улыбнулся врач. Пепельные усы зашевелились, как водоросли.

Слушая жалобы пациента, он мерно кивал головой и строчил что-то в толстой медицинской карте.

– С вашим мозгом всё в порядке, – наконец заявил мужчина. – Рождаясь, каждый человек получает определенное, соответствующее своим силам количество жизней, которые проживает одновременно на разных уровнях реальности. Внутренняя борьба никогда не прекращается – таков закон. Ваша проблема заключается в качестве дифференциации. Сразу две жизни заявили о себе как доминирующие, и разграничить их вы не в состоянии...

Филипп сжал кулаки: «Какой реалистичный ублюдок!» Уж теперь-то он не будет сдерживаться! Теперь он всё *им* скажет, сколько бы бранных слов и некогда бесценного времени на это не потребовалось.

– Ты что, поверил ему? – Лёва выглянул из-за плеча доктора и улыбнулся так кротко, что злора, только что непреодолимая, показалась Филиппу нелепой. – Смотри...

Схватив врача за волосы, он оторвал ему голову.

– А теперь проснись! Тебе нужно проснуться!

Его голос звенел, отдаваясь эхом. У стула, на котором сидел Филипп, неожиданно подкосились ножки. Предметы меняли структуру, обнажая свою бумажную, ватную, поролоновую суть...

Ударившись виском о край стола, он очнулся под говор пассажиров автобуса. Компания пенсионеров оживленно обсуждала повышение платы за проезд.

– Что, больно? – сочувственно спросил Никита. – Сам виноват. Я ж говорил, не прислоняйся к окну. Так можно и голову разбить. Проспект Октября ещё в том году был в плане на ремонт...

– Мы на проспекте Октября?

– По-моему, да, – он провёл ладонью по стеклу, покрытому конденсатом. – Ты проспал минут пять, не больше.

– Извини. Ты говорил что-то про Вениамина... Давай ещё раз?

– Не вопрос!

Филипп устало осмотрелся: потёртые сиденья, кое-где исписанные маркерами, разводы грязи на полу, кондуктор в синем жилете замерла в проходе, блуждая взглядом по салону... Потёртые сиденья выглядели неправдоподобно: разрывы матерчатой обивки походили на разинутые рты. Филипп с трудом вспомнил, куда едет автобус. Никита пригласил его на концерт какой-то местной рок-группы, о солисте которой недавно писал статью. Эти ребята собирались покончить с собой после школьного выпускного, но попытка провалилась. Филипп не мог вспомнить почему. Коричневые сиденья не давали ему сосредоточиться. Пенсионеры говорили слишком громко. Их голоса больно жалили в самую глубину уха. Автобус куда-то полз, как нелепая сколопендра.

– ...Ходил к Леониду – без толку! – между тем рассказывал Никита. – Серёге звонить – нос ещё не зажил. В общем, никакой информации. Решил писать наудачу. Раз десять прослушал запись нашей первой встречи. Работал всю ночь. Жаль только, фоток нет. И насчёт текста что-то сомневаюсь... Может, глянешь?

Он вытащил из рюкзака распечатку. Пробежавшись глазами по первой странице, Филипп ничего не понял и терпеливо начал сначала.

На листе лениво паслись свободные, сытые буквы. Свой смысл они проглотили, пережевав, и только нудное блеяние фоном досталось чтцу. Где теперь смысл, глубокий и неподдельный, кто вернёт его назад? Возможно ли это сейчас, когда потёртые сиденья выглядят так странно, пенсионеры орут, а взгляд кондуктора назойливо липнет к затылку...

– Не могу, – Филипп вернул распечатку другу. – Голова не варит. Но мне кажется, смысла в этом нет. Куда торопиться? Может, Вениамин ещё согласится на интервью. Вот тогда и напишешь настоящую историю...

– Я хочу исправить ошибку.

– Исправь её молчанием, Ник.

– Полная чушь!

– Почему ты непременно хочешь действовать? Иногда лучше не делать ничего... Понимаешь?

– Принцип недеяния! – с усмешкой закивал Никита. – Как тут не понять? Когда рядом сидит Фил – лучшая к нему иллюстрация. Нет работы, нет девушки, нет дома... Хер с ним, думаешь ты, не будем вмешиваться в ход вещей. Будем просто жить дальше. Но дальше – больше... Попал под автобус, бросил универ, валяешься в кровати с утра до вечера. Не можешь осилить даже коротенькой статейки. Твоя реакция: ну и ладно! Пусть всё идёт своим чередом и, может быть, лет через сто само поменяется к лучшему. А я пока буду жить в своих снах. Господи, позволь мне спать и никогда не проснуться...

– Вообще-то я сказал, что собираюсь к врачу, – улыбнулся Филипп.

– Вот это новость! Поздравляю, Фил! Ты это сказал! Отлично... А теперь сделай.

– На днях запишусь.

– Ну-ну...

В баре было душно и тесно. Концерт несостоявшихся самоубийц вызвал неожиданный ажиотаж. Музыканты настраивали инструменты на небольшой сцене в центре зала. Все столики были заняты. Протиснувшись к стойке, друзья заказали пива. Но где-то на середине концерта Филипп почувствовал, что задохнётся, если сейчас же не выйдет на улицу. Музыка ему не нравилась. Барная стойка упиралась в позвоночник. Никита невозмутимо пил пиво, повернувшись к толпе широкой спиной.

– Я ухожу!

– Уже?

Филипп долго продирался к выходу сквозь подвижную человеческую массу. Кто-то наступил ему на ногу, больно прищемив мизинец, ещё кто-то – толкнул плечом и плеснул на рубашку что-то липкое и ледяное. Голова закружилась.

Оказавшись на улице, он закурил и быстро пошёл прочь. Окрестный пейзаж напоминал скорее сон, чем явь, но Филипп списал это ощущение на последствия кружки пива. Горизонт под-

рагивал. Точка схода колебалась на нём, как поплавок на воде. От громкой музыки ещё звенело в ушах. Звуки искажались, сопровождаемые назойливым шумом...

Он лёг в постель, не почистив зубы. Но среди ночи проснулся от грохота.

– Это соседский мальчик, – объяснила мать, выглянув из спальни. – По ночам он играет камнями.

Пытаясь выбраться в явь, Филипп накрылся с головой одеялом.

Было утро, когда он проснулся в следующий раз. Полная тишина. Неохотно встав, он выскреб в турку остатки кофе. Нестерпимо хотелось спать. Некрепкий напиток ни капельки его не взбодрил. День оставался безымянным: ни даты, ни времени. Где-то под подушкой зазвонил мобильник.

– Да, пап, – он крепко прижал трубку к уху.

– Можно с тобой поговорить, сынок? Мать волнуется...

Филипп отшвырнул телефон и вышел из квартиры в тапочках на босу ногу. Медленно, цепляясь за перила и шаркая, поднялся на чердак, а оттуда, по металлической лестнице – на крышу дома. Ноги были тяжёлыми и непослушными. В лицо хлынул ветер, солёный и влажный, словно летящий с моря. Над помойкой кричали чайки. Страх не было. Филипп подступил к краю, лёг животом на парапет и, перевалившись через него, упал.

Очнулся опять в кровати. Как он ненавидел её! Эти нестиранные, посеревшие простыни, тёплую наволочку, просевший матрас, смятый пододеяльник, похожий на бесформенный мешок... Снаружи щебетали воробьи. В открытую форточку задувал тихий ветер, и колыхалась занавеска. Филипп подумал: «Весна». Но оказалось, осень. Усевшись за стол, на этот раз уверенный в действительном пробуждении, он по привычке взглянул в окно и тут же вскочил в испуге. На одной из веток засохшей ивы зеленели свежие листья.

Филипп задёрнул шторы и внушил себе мысль, что никаких листьев не видел. Разогрев завтрак, он неторопливо поел, прибрался в комнате, протёр мебель мокрой тряпкой. Но ближе к вечеру не удержался и снова посмотрел в окно. На мёртвой иве по-прежнему росла зелёная ветвь. Прищурившись, он вгляделся внимательней.

Мёртвая?

Включив компьютер, Филипп обнаружил, что наступил воскресный вечер. То самое время, когда нужно собраться и выйти, чтобы добраться до Леонида к семи. Совпадения больше не удивляли. Он давно перестал доверять календарю и чему бы то ни было, но незаметно для себя оставляя реальности крошечный, неуловимый шанс быть явью. Чудом и правдой...

Возможность встретиться с Вениамином придала ему сил. Филипп надеялся на помощь. Кто, если не Вениамин, подскажет, что делать? Нужно пойти на встречу, даже если это сон. Но прежде всего – разобраться, наконец, с проклятой зелёной веткой.

Решительно хлопнув дверь, он вышел из дома и направился в соседний двор, вновь и вновь спрашивая себя, есть ли хоть малейший шанс, что это не сон, и мёртвая ива в самом деле ожила среди осени?

Шансов не было. Но он продолжал искать хоть малейший...

25

Коридор казался бесконечным, и потолок в нём становился всё ниже. В конце концов я упёрся в него макушкой. Продолжить путь можно было только на четвереньках. Я повернул назад, но по стенам побежали трещины. Пол задрожал и распался на обломки. На ближайшем из них неожиданно появился Лев. Заметив меня, он зарычал и приготовился к прыжку. Темнота между нами стала шире. Прыгнув, пёс провалился в неё и исчез. Раздался оглушительный стук. Огромный кусок стены летел прямо на меня... Я не успел увернуться, и сон закончился.

Стук доносился с кухни, но был значительно тише, чем во сне – папа готовил отбивные. Когда я пришёл, у него в руке был маленький блестящий молоток. По разделочной доске распласталось розовое мясо.

– Что с тобой? – спросил папа. Наверное, я выглядел напуганным.

– Видел кошмар. Знал, что сплю, но ничего не мог поделать...

– Это не трудно. Если сон пугает, просто разрушь его. Увидишь чудовище – представь, что оно из пенопласта, и оторви ему голову. Сны – всего лишь фантазия, оставленная без присмотра.

Я ушёл к себе и в бессилии повалился на постель. Папины слова продолжали звучать у меня в голове. Вдруг он прав, и не существует ни «второй жизни», «Союза живых вдвойне», ни Филиппа? Почему я не оторвал ему голову сразу, как только мы встретились?

Чтобы не думать об этом, я решил немного почитать словари и, подойдя к столу, наугад выдернул из стопки тетрадь. В ней оказались слова на «Б». «Бесконечность» была первым, что попало мне на глаза: «Бесконечность – это отсутствие края. Есть бесконечность настоящая и не настоящая...»

Я почувствовал, что нашёл ответ, даже не дочитав определение. Есть сны настоящие и ненастоящие, так же как бесконечность. Если мне приснится что-то настоящее, я не смогу это разрушить.

В ту же ночь я решил попробовать и, уснув, оказался в пустой комнате без дверей и окон.

– Пчела! – громко сказал я. И пчела, вылетев из белой стены, села в мою ладонь. У меня впервые получилось создать что-то так быстро. Я решил оторвать пчеле крылья и сжал её тельце между пальцев. – Если она не настоящая, пусть превратится в косточку сливы.

Пчела завертелась у меня в кулаке и ужалила. Я вскрикнул от боли. В ладони осталась чёрная колючка – жало. Насекомое оказалось настоящим. И сомнения, которые мучили меня наяву, во сне мгновенно исчезли.

Я вспомнил, что должен помочь Филиппу меня найти. Создать какую-нибудь подсказку – что-то такое, чего я никогда не видел. Это казалось невозможным. Но, если Филипп прав, ответ на вопрос отыщется сам собой.

– Где я живу? – спросил я, глядя в белую пустоту. – Как найти меня наяву?

Три гигантских здания, испещрённых окнами, выросли передо мной несколько секунд спустя. Под ногами лежала плотная, утрамбованная земля, покрытая редкой травкой. Две собаки, точь-в-точь похожие на Льва, спали в песке, огороженном четырьмя деревянными досками. Филипп стоял рядом с маленьким деревцем, привязанным к колышку.

– Что я здесь делаю? – пробормотал он и пнул мелкий камушек.

– Я ждал тебя.

– Ты? – Филипп обернулся и подошёл ближе.

– Решил проверить, как работает твоё следствие.

– Какое?

– Про вопросы, создающие ответы. Я пытался создать сон-подсказку. Но получилось что-то странное... Где мы?

– Понятия не имею, – Филипп ещё раз осмотрелся. – Здесь ничего особенного. Самые обыкновенные дома. Только тот, что с трещиной, бросается в глаза.

– В этих домах живут люди?

– Ты вообще с какой планеты?

– Пойми, я не бываю снаружи. Я создаю мир. Но увидеть его сквозь стены нельзя. Папа говорил, в конце они исчезнут...

– И как же ты создаешь мир? – Филипп улыбнулся. Он мне не верил.

– Как Птах, – робко объяснил я и, снова зажмурившись, начал осторожно называть вещи по именам. – Красное облако, белая лошадь, Луна, снег, пчёлы, олень с серебряными рогами...

Когда я открыл глаза, олень и лошадь уже вышли из красного облака. В воздухе порхали снежинки и пчёлы. Над домом повисла розовая Луна. Я часто пытался представить себе слова, которые записывал в словари, но никогда бы не подумал, что они настолько красивые. От радости и восхищения у меня перехватило дыхание.

– Ледяные цветы, ива, бесконечность, люди, канделябр, ракушки, свеча и спички...

– Хватит, стой! – попросил Филипп откуда-то издалека, но я уже не мог остановиться.

Рядом проросло дерево. Его ствол становился всё толще – пришлось отойти в сторону. У меня в руках появились цветы, покрытые льдом, с колючими холодными стеблями. Из облака выходили люди, которых я не знал.

Мой голос продолжал произносить какие-то слова. Они вылетали изо рта без моего участия. Некоторые были мне не знакомы. Вещи начали сталкиваться, клубиться, растягиваться и сжиматься, перетекать друг в друга. Последним, что я увидел, был канделябр. Свечи горели на серебряных рогах оленя, но самого оленя уже не было. Всё смешалось и разошлось в разноцветный пар.

26

Света стремительно прошла по квартире. Щёлк, щёлк, щёлк – протрещали выключатели, и голые лампы вспыхнули жёлтым светом. Поставив телефон на зарядку, девушка села на кухонный табурет и закрыла глаза.

С детства она не испытывала такого щемящего одиночества! В последний раз, помнится, оно явилось среди лета. Дни были быстрые, зелёные: выбежишь во двор, и тут же по колено в густой траве. Тополиный пух оседал на клумбы и тротуары. Подружки разъехались по дачам. А отец, где был отец? Девятилетняя Света сидела на диване и, уставившись в экран выключенного телевизора, отчётливо видела каждую пылинку. Комната была страшно пуста. Пустота сочилась внутрь, словно парализующий яд. Сердце сжималось, стиснутое тишиной.

Теперь она чувствовала то же самое. Хотелось убежать. Но Света продолжала сидеть на табурете, крепко сжимая в кулаке потеплевшую связку ключей. Что-то не давало ей пошевелиться.

Немного погодя зазвонил, вибрируя, телефон. Помедлив, девушка приложила трубку к уху и глубоко вздохнула, словно собиралась нырнуть под воду. Голос Гриши донёсся откуда-то издалека:

– Любимая, куда ты пропала? Всё в порядке?

– Не знаю, – ответила Света. Она хотела сказать, что сидит на этом жёстком, неудобном для долгого сидения табурете, нарочно для того, чтобы узнать хоть что-нибудь. Но язык ворочался с трудом. Мысль сопротивлялась, прикаявая: молчи.

– Что ещё за «не знаю»? Да ещё таким загробным голосом! Рассказывай, что случилось.

Вновь закрыв глаза, она представила его лицо: вытянутый овал, мягкая, совсем не колючая щетина, тёплый карий взгляд и маленькие уши, которые никогда не краснеют. Она попыталась объяснить:

– Много всего. Ваня, например, забыл сказать «доброе утро». Марина забыла о гостях, отец забыл, что окно – это не дверь, Галина – собственную жизнь. О чём забыла я? Вопрос... Этот город – как будто не настоящий. Пусто, тихо... Оказывается – я поняла это только здесь! – всё держится на ощущении чего-то настоящего. Утратишь его – и всё, конец...

– Малышка, что ты несёшь? – добродушно остановил её Гриша.

– Вчера папа сравнивал мир с зеркальным морем. Очевидность – это поверхность воды. Есть люди, которые уверены: кроме этой поверхности, в мире ничего нет. Они не правы. Настоящее – как раз остальное. Глубина, до которой надо добраться. Но море всё отражает. Поэтому многие обманываются. Всю жизнь они глядят в зеркала, вместо того чтобы сквозь них пройти. Я много думала...

– Понятно. Море, поверхность, зеркало... Тебе надо вернуться. Похоже, там все не в своём уме. Я это, конечно, сразу понял, но за тебя не волновался. А теперь ты, похоже, начинаешь сходиться с ума вместе с ними. Поэтому хватит. Завтра приеду и заберу тебя оттуда.

– Я никуда не поеду.

Света завершила звонок, не попрощавшись. Она не собиралась уезжать. Слова отца всплывали в памяти, усугубляя одиночество и какую-то необъяснимую обиду – не на него, на жизнь. Руки в лунном свете, любовь, зеркальное море... Почему она никогда не чувствовала ничего подобного «содроганию планет»? Почему всё было просто и ясно, без потрясений, без невыносимого восторга, о котором не раз говорил отец, но она не понимала? Нет, уезжать нельзя. Света решила, что останется до тех пор, пока не разобьёт зеркала в себе самой.

Собравшись с силами, она направилась в прихожую и заперла дверь на нижний замок, открыть который можно было только ключом. Словно во сне, не чувствуя под ногами пола, вышла на ветреный балкон и вытянув руку, разжала кулак. Связка ключей тихо звякнула, шлёпнувшись на узкую полоску асфальта между стеной и газоном.

Света вернулась в кухню и села на прежнее место.

27

Ваня долго блуждал по бездорожью. Даже ускорив шаг, он не мог отделаться от ощущения, что стоит на месте. А березы и редкие сосны, столбы без фонарей и колючие кусты – всё катится мимо, прямо в пасть темноты. Эта пасть раскрыта повсюду. Только протяни руку – коснешься тёплых зубов. Челюсти захлопнутся на тебе, на сосне, на берёзе, на каждом, кто жив – как захлопнулись на ребёнке, которого никто уже не научит строить домики на деревьях.

Замедлив шаг, мужчина огляделся. Небольшое поле заросло ивняком с трёх сторон. Чуть поодаль, за полосой кустарника чернел силуэт заброшенной церкви. Кресты накренились, над комарами выросли берёзки. Ваня на минуту вошёл внутрь, протиснувшись сквозь кусты. В церкви было темно и тихо. Так пусто, словно никакого Бога нет.

Он пошёл прочь. Добравшись до трассы, двинулся в сторону дома. Город стоял на месте, при тихий, ночной, и стёкла не вылетали из рам, и не падали стены. На всякий случай Ваня старался смотреть только под ноги.

Поднял глаза уже во дворе. Но войти в дом не смог. Просто лечь спать? В алгоритме произошла ошибка, исправить которую нельзя. Он чувствовал необходимость продолжить движение и, потоптавшись на месте, направился в соседний двор. Туда, где в хлипком гараже со скатной крышей стояла, давно не тревожимая, его чёрная «Хонда».

Когда-то он заводил её каждое утро, чтобы поехать на работу, а летними вечерами – с Мариной за город. Всякий раз они умудрялись отыскать какое-нибудь новое место, где нет ни смерти, ни времени: песчаный овраг в сосновом бору, бревенчатую лавку у реки, широкий луг, где цвели гвоздики и ржавел заброшенный трактор, необъятный дуб на холме, изумрудные деревья, льющиеся к горизонту... Солнце грело тогда, не обжигая, и как будто вовсе не падало за горизонт – не пряталось ни в тучу, ни в темень.

В салоне пахло бензином. Ваня повернул ключ зажигания и выехал из гаража задним ходом. Держаться за руль было непривычно. «Ведь был же тот день, когда было ещё не поздно!» – подумал, запирая гараж. Он помнил, как Марина начала ускользать. Тело было послушно, но душа уплывала. Он спрашивал, в чём дело. «Всё в порядке», – отвечала жена. И в конце концов Ваня перестал спрашивать.

Вечером она встречала его с работы и целовала в уголки губ двумя быстрыми поцелуями. Ужинали молча. Раз в неделю занимались сексом в течение получаса, после чего Марина шла в душ, а Ваня заново заводил будильник, увеличивая время сна ровно на полчаса.

Марина стала частью алгоритма и добровольно исполняла всё, что от неё требовалось. Ваня не заметил, как перестал ждать большего. Только теперь, разогнавшись на пустой автотрассе, он вспомнил. Как-то зимой, остановившись на обочине, они занимались любовью в этой самой машине. Стоял тридцатиградусный мороз. Любый алгоритм оба тогда сочли бы мертвечиной. Позже, уже по весне поехали с матерью на дачу, но, передумав, запросто свернули в другой город и

гуляли там допоздна. Бродили по набережной, где бородатый музыкант играл на аккордеоне, а Галина подпевала в полный голос, узнав песню, которую любила в молодости. В парке развлечений Ваня усадил мать с Мариной на колесо обозрения, а сам почему-то остался на земле и только махал иногда рукой, глядя, как они плавно двигаются по окружности, то приближаясь, то удаляясь снова...

Всего лишь три года назад. Но ему казалось, что с тех пор прошли сотни, тысячи лет, и за это время он успел тысячу раз умереть и родиться, вновь и вновь преодолевая долгий путь от младенчества к старости.

Выехав за черту города, Ваня нёсся сквозь окрестную темноту, высвечивая фарами чёрно-белые ограждения, дорожные знаки, указатели, на которые не обращал внимания. Он нёсся сквозь свою жизнь, которая столько раз могла оборваться, но всё-таки продолжалась, хранимая каким-то чудом. Однажды в лесу изъеденная древоточцами сосна упала в полуметре от него, зацепив лишь короткой веткой. Но чего ради с тех пор продолжалась жизнь? Он потерял ориентиры и ехал теперь в никуда. Извилистая трасса вела сквозь поля, перелески и рощи. Небольшие деревушки мелькали по обе стороны дороги, тёмные, словно нежилые. «В деревнях ложатся рано...» – сонно подумал он.

Ночь становилась всё гуще, рощи стояли как чёрные стены. Хлопая крыльями, с дороги взлетали совы. На секунду прикрыв глаза, Ваня едва не съехал в кювет. Инстинкт самосохранения приказывал ему остановиться.

Свернув на какую-то узкую, шуршащую щебнем дорогу, мужчина послушно заглушил мотор.

28

Было уже за полночь, когда Марина поднялась с холодного матраса. Выбираться пришлось на ощупь: угли в костре давно истлели и погасли.

Она шла быстро, почти не замечая дороги. В окрестной темноте ей чудился силуэт мужа, который уходит прочь. Едва проступив, он тут же растворялся в ночи.

Дома ей померещилось, что Ваня лежит в постели, повернувшись лицом к окну – но спальня была пуста. На всякий случай девушка включила свет – и сразу же погасила снова. Ваня не любил выставлять напоказ свою боль и всегда уходил, стесняясь её обнаружить. Порой он пропадал по нескольку дней, а потом возвращался как ни в чём не бывало, словно выходил за хлебом...

Ну, а теперь-то – вернётся? Чтобы не думать об этом, Марина выпила три таблетки снотворного и, вытянувшись на краю кровати, спряталась во сне.

Софи приснилась ей под утро. Подруги сидели на песчаном пляже у самой кромки моря и смотрели вдаль, где не было горизонта. Сплошная лазурь. Вода утекала в небо, а небо – в воду. Волны двигались странно, словно в замедленной съемке. Набегая, они касались пальцев ног и оставляли на них невесомую пену. Марина достала из сумки яблоко, и Софи протянула руку:

– Это мне?

Они встретились глазами и почему-то засмеялись. Потом, глядя на воду, долго сидели молча.

– Я вообще-то не яблок поесть пришла, – наконец сообщила Софи, забросив огрызок далеко в море. – Хочу попросить тебя...

– О чём?

– Помоги Филу.

– Я не видела его три года.

– Скоро увидишь, – усмехнулась девушка. – Тебе ничего не нужно делать. Просто скажи ему...

– Скажу, скажу, – Марина улыбнулась и обняла её за плечи.

– Снова эти нежности... – проворчала та и на несколько секунд опустила голову на плечо подруги. – Мне ведь идти пора. А ты просыпайся. Чайник уже вскипел.

Софи вошла в море. Оказавшись по колено в воде, она нырнула и исчезла, превратившись в маленькую серебристую рыбку.

Проснувшись, Марина быстро оделась и, стоя перед зеркалом, прошла по волосам расчёской. Вани всё ещё не было. Зато лицо Софи стояло в памяти как живое. И была в нём какая-то прелесть, не принадлежащая вполне ни жизни, ни смерти. Красота умирающей рыбы, жемужно-го блика, прозрачной волны...

С кухни доносились приглушенные звуки разговора. Сидя за столом, Галина и Станислав не спеша попивали чай.

Но удивительно было другое. Это *другое* заставило Марину остановиться на пороге кухни. Оно витало в воздухе и обволакивало предметы, напоминая прекрасную музыку, не доступную человеческому уху. В каждом взгляде и жесте, сопровождавшем чаепитие, сквозила глубокая, нездешняя успокоенность. Умиротворенная тишина. Над кружками поднимался пар с запахом мяты и земляники.

Галина улыбнулась, обернувшись к невестке:

– Входи, чего стоишь как истукан? Чайник только что вскипел.

Марина послушно вошла и взяла с полки кружку.

– Как самочувствие? – спросила у Станислава.

– Превосходно, – он осторожно налил чаю в белое блюдце с золотистой каймой. – Ты разве не видишь?

Девушка села за стол и немного смущенно взглянула на сидевших рядом. Она не могла отделаться от чувства нереальности происходящего, непоправимого контраста между своим смятением и этой умиротворенной тишиной.

Поддерживая блюдце с двух сторон, Станислав поднёс его ко рту и, слегка подув, сделал медленный глоток.

– Сахарку положи, – Галина пододвинула сахарницу поближе к Марине.

– Как там Света, не знаешь? – вдруг спросил мужчина. – Звонил ей только что, приглашал на завтрак. Сказала, хочет побыть одна. Голос вроде бодрый, даже маленько радостный. Спрашивала, справлюсь ли с перевязкой... Я, понятное дело, сказал, что справлюсь. Но...

– Думаю, всё в порядке, – предположила Марина, вспомнив вчерашнюю встречу со Светой, и вспомнила про время. – Мне на работу пора. А вы, может быть, сами спуститесь к ней и узнаете, в чём дело?

– Неудобно как-то... – Станислав провёл ладонью по лбу. – Столько хлопот из-за меня! Может, и не удивительно, что она хочет побыть одна.

– Что вы, это мелочи, – заверила его девушка и взглянула на свекровь внимательней. Её волосы были собраны в аккуратный пучок. В ушах поблескивали серьги, небольшие капельки янтаря в серебряных оправках. Вместо халата – трикотажное платье с пёстрым узором. Поймав её взгляд, Галина снова улыбнулась и дотронулась до серьги указательным пальцем:

– Красивые, а? Это Слава мне подарил, лет тридцать назад.

– Вы что же, вспомнили? – шёпотом спросила Марина, чувствуя, как по спине бегут мурашки: – Не верится.

– В том-то и дело. Никто не верил. Только он, – она взглянула на Станислава с благодарностью.

– А как тут поверишь? Вы же только один раз, на Рождество...

– Знаю, знаю...

Кто-то постучал по стеклу костяшками пальцев, и Ваня открыл глаза. Всю ночь он проспал без сновидений, откинувшись на спинку автомобильного сиденья.

В глаза ударил свет. Солнце светило с издевкой, словно назло. Впереди виднелось жёлтое поле, за ним – несколько бревенчатых изб и островки перелесков. Над полем кружил орлан. Какой-то мужчина глядел на него сквозь боковое стекло, немного мутное от пыли: густая борода с проседью, брови, похожие на клочья сухого мха, чуть раскосые голубые глаза. Ваня приоткрыл окно.

– Дрыхнешь, что ли? Я просто мимо шёл. Вдруг, думаю, помер...

– Спасибо, всё в порядке. Что это за место?

– Вот те раз! Деревня Чёрный враг. А ты куда ехал?

– Не знаю. Просто ехал.

– Ладно, бывай.

Ваня завёл мотор.

30

«Городская клиническая больница №5» – было написано на тяжёлой металлической двери, которая появилась из ниоткуда. Открыв её, я вошёл внутрь.

В холле, за стеклянной стенкой с небольшим отверстием-полукругом дремала седая женщина в круглых очках. Другая, в резиновых перчатках и шапочке, похожей на пакет с оборками, тёрла шваброй бетонную лестницу.

Я поднялся на второй этаж и оказался в коридоре, по обеим сторонам которого тянулись двери с цифрами на зелёных табличках. Я вошёл в комнату № 321. За широким столом, покрытым какими-то бумагами, мерно покачивал головой врач, одетый в белое. Сбоку от стола, на деревянном стуле сгорбился Филипп.

– ...Сплю всё больше и больше, – жаловался он. – Двенадцать часов в сутки – и это в лучшем случае. Пытаюсь наладить режим, но без толку.

Врач записывал что-то в толстой тетради с красным корешком. Я заглянул в неё, приблизившись. Оказалось, он просто водит ручкой по бумаге. Вместо букв получались размашистые каракули, как если бы все слова состояли только из буквы «о».

Он сказал Филиппу, что с его мозгом всё в порядке. По-моему, только в этот момент он догадался, что спит. Я схватил врача за волосы, и его голова легко оторвалась от тела. Туловище, набитое ватой и какими-то тряпками, продолжало сидеть на стуле. Я сказал Филиппу:

– Проснись.

Он смахнул со стола ворох жёлтых листов, которые тут же сгорели в воздухе.

– Тебе нужно проснуться! – повторил я.

И лампы лопнули, как пузыри мыльной пены. Брызги света разлетелись по комнате и погасли. Ножки стула, на котором сидел Филипп, подкосились – оказалось, они слеплены из серого пластилина...

Что-то холодное ткнулось мне в щёку, и я открыл глаза. Над моим лицом нависла мохнатая морда Льва.

На кухне я нашёл записку, прилаженную магнитом к холодильнику: *«Ты спал слишком крепко – не добудись. До вечера! Папа».*

31

Прозрачный куб цветочной лавки, казалось, вбирал в себя свет. На листьях и лепестках блестяли капли воды, оживлённые солнцем.

Сидя в кресле с очередной кружкой кофе, Марина пыталась взять себя в руки. Но радость и отчаяние, любовь и ненависть, смирение и бунт сосуществовали друг с другом и проявляли себя в полную мощь. Выбор между тем и другим был попросту невозможен. Все силы растрачивались на

то, чтобы переживать это состояние – непрерывно, каждую секунду пропускать через себя вихрь.

Мысли закручивались в тугие, неподатливые узлы, которые разрывались сами собой, распадаясь на рябь мелочей. Освещённые огнём Ванины руки, подвижный блик на бутылке, темнота и ветер, снотворное, холодный стакан воды, танцующие пылинки в солнечной кухне, где мёртвое стало живым...

– У вас есть чёрные хризантемы? – быстро обшарив взглядом магазин, спросил юноша в драповом пальто. – А то я уже весь город обошёл...

– Насколько я знаю, их не существует в природе.

– Да не может этого быть! Моя девушка их любит.

– Значит, она любит цветы, которых не существует.

Парень ушел, ничего не купив, но разговор отдавался в голове эхом. Не существует, не существует...

Марина положила пальцы на виски.

Где теперь муж? Всё, чему хочется верить – иллюзия, чёрная хризантема. Время и так еле ползло, но теперь – хуже, теперь оно пронизывает душу, как тысячи прозрачных игл. Неторопливая экзекуция. Вот что значит открыться! Лучше бы молчать. Носить в себе тайну, как не рождённого сына. Но счастье, между тем, есть. Здесь и сейчас оно распускается из самой невыносимой боли.

32

Припарковавшись во дворе, Ваня вышел из машины на расстоянии нескольких часов езды от своей жизни – в небольшом городке, который прежде всегда объезжал по окружной. Деревянные дома соседствовали здесь с редкими высотками, руины – с торговыми центрами, и серость торжествовала вопреки солнечному свету.

Бесцельно обойдя ближайший квартал, Ваня вошёл в кафе. Зал пустовал, отделанный дешёво и безвкусно. На грязно-рыжих стенах засохли подтеки краски. Из колонок негромко пел Высоцкий. Пыльные искусственные цветы свисали из пластиковых вазонов – они не украсили бы даже могилу. Однако Ваня упрямо вошёл внутрь и, усевшись возле окна, открыл меню в засаленной обложке. На внешней стороне стекла засохли птичьи испражнения.

– Что для вас? – спросил заспанный официант.

– Яичницу с ветчиной и двойной эспрессо.

Человеческие тени сновали по узкому тротуару. Глядя сквозь них, Ваня видел поблекшие вывески на другой стороне улицы. Пекарня, продукты, ремонт обуви, – прочёл он, скользя по стене взглядом. – Ремонт обуви, продукты, пекарня...

Два пережаренных яйца с крошечными вкраплениями розовой ветчины смотрели на него своими выпученными желтками. Ваня расковырял их вилкой и ушёл, не дождавшись счёта.

Он хотел во всём разобраться. Но вместо этого читал надписи на вывесках и билбордах. Парикмахерская, мужской зал, женский зал, парфюмерия и косметика, супермаркет, всё для дома, живи здесь и сейчас, управление по делам миграции, будь в курсе событий, акция, акция, суперакция, скидки до пятидесяти процентов, мандарины, мясо на чахохбили, шаурма, гриль, кинотеатр октябрь, афиша, розы оптом, заходи к нам за кофе... Слова текли сквозь него бессмысленным потоком знаков. Незнакомые улицы ни о чём не напоминали. Здесь не было крыши детского сада, куда семилетний Ваня нечаянно забросил футбольный мяч, не было катка, где зимой играл в хоккей, не было школы, которой отдал одиннадцать своих лет, не было парка, где ждал Марину, всегда приходя на встречу на несколько минут раньше. В этом городе не было ничего и тем самым было всё, чтобы забыть себя.

Поэтому, оказавшись в переулке без единой вывески, он легко представил себя другим, идеальным человеком, которого зовут не Ваня, а, скажем, Глеб Борисович. Успешный предприни-

мать, несколько лет назад он открыл сеть магазинов спортивной одежды, чем обеспечил себе финансовую независимость. Сейчас он идёт домой. Там ждёт его жена, двое чудесных детей и толстый персидский кот. Он вполне доволен своей жизнью, этот Глеб Борисович. Его никогда не мучает бессонница. Каждый день, опустив голову на подушку, он засыпает в течение пяти минут. И уж конечно такая элементарная процедура как чистка зубов никогда не была для него проблемой. Он чистит зубы два раза в день и раз в полгода посещает стоматолога...

Жизнь Глеба Борисовича ежесекундно обрастала новыми подробностями. Ваня продолжал бы ещё долго, но был вынужден остановиться посреди двора, который неожиданно оказался ему знакомым. У детской площадки росла лиственница, и грач сидел на её тонкой ветке. Его перья отливали синевой в солнечном свете.

Осмотревшись по сторонам, Ваня увидел на парковке свою чёрную «Хонду».

– Нет, я не Глеб Борисович, – подойдя к машине, с сожалением признал он.

33

За неимением чайника Света вскипятила воду в кастрюле. Но, бросив в кружку заварочный пакетик, забыла о ней и вернулась в комнату. В квартире сверху громко хныкал ребёнок.

Забравшись на диван, девушка зажмурилась и вжала голову в колени.

– Как люди выносят одиночество и бездействие?

Она была из тех, кто не выносит ни того, ни другого. Внешне бездействуя, такие люди падают всё глубже внутрь себя, и то, что они там находят, либо спасает, либо убивает их. Ум дает начало рассуждению. Память высвечивает нетленные образы, герметично запечатанные в прошлом как раз на такой случай, фантазия рождает новых людей и создает из пустоты других, невиданных существ, помогая каждому найти искомый икс, будь то человек или бог, или забавный зверёк, который сидит в углу и смотрит на тебя дрожащими полупрозрачными глазками.

Света не заметила, как исчезла из комнаты. Дыхание, поначалу казавшееся громким и тяжёлым, вскоре стало таким же бесшумным, как ток кровообращения.

Воспоминания были похожи на сны. Она видела их, но своими не чувствовала. Вот асфальт, по которому ползают муравьи. Светины пальцы крепко сжимают мел и старательно, с нажимом выводят на тротуаре буквы. По тротуару идёт отец. В его руках воздушный шар в форме сердца, а за спиной – туча. Она распускается в небе, как цветок, не имеющий сердцевины. Наплывая из-за отцовского плеча, лепестки стремительно меняют очертания. Всё ближе и ближе... Молния вспыхивает, как огромное дерево. Что-то громко рушится наверху, и Света закрывает голову руками. «Не бойся, камни не посыплются! – смеясь, уверяет её отец и суёт ей в руку воздушное сердце. – Побежали, сейчас ливанёт!» Взявшись за руки, они несутся через двор. Сердце рвётся прочь, но Света крепко сжимает в кулачке верёвку. У самого подъезда их накрывает тёплым дождём. Остановившись, девочка ловит ртом капли. «Идём!» – отец тянет её за руку, но не настаивает, и в конце концов тоже задирает голову. «Папа, а дождь что, с сахаром?» – спрашивает Света. Вода кажется ей сладкой. «Ты ещё тучу не пробовала!»

Хвойный лес обступает со всех сторон. Походный рюкзак позвякивает кружками. Привычной тропой они идут мимо высокого муравейника, заросшего ряской пруда, вода в котором чернее земли, мимо птичьих кормушек и пня, покрытого мхом. «Папа, смотри! На сосне выросла груша!» – вдруг замечает Света и бежит вперёд. «Не может быть! – удивляется Станислав. – Хочешь попробовать?» Несколько лет спустя школьный учитель рассказал Свете, что на сосне не может вырасти груша, сославшись на учебник природоведения. Она поверила ему, и с тех пор чудо уже не могло случиться.

Снова зазвонил телефон, но девушка не сдвинулась с места. Разве могла она встать с дивана, если никакого дивана нет, как нет и тела, которое на нём лежит? Зато есть сосны и ели, дождь сладок на вкус, и туча не увядает... Кто-то позвонил ещё раз. Потом постучали в дверь, но Света

не встала на стук. Только повернувшийся в замке ключ заставил её вздрогнуть и открыть глаза. Несколько секунд спустя Гриша появился на пороге комнаты. И Света спросила:

- Что ты здесь делаешь?
- Решил приехать пораньше. Уж очень мне не понравился твой вчерашний голос. Ключи наверху добыл. Галина нашла запасные. Пойдём, а то отец твой волнуется...
- Но я... – она не знала, что сказать. Гриша взял её за руки и обнял, подняв с дивана.
- Ну, и зачем ты тут закрылась?
- Я хотела измениться. Это всё отец... Представляешь, он помнит, как двадцать пять лет назад, или даже больше, видел руки Галины в лунном свете.
- И что? Разве эти руки и этот лунный свет сделали его счастливым?
- Счастье – не главное.
- А что главное? Любовь, что ли? Малышка, ты ведь и сама знаешь. Когда любят, не исчезают на двадцать пять лет. Все эти годы у него не было ничего, кроме тебя и каких-то там рук в лунном свете.
- Но теперь-то...
- Не поздно-то? Ладно, лучше поздно... Но мы-то молоды! И я хочу сделать тебя счастливой не когда-нибудь, а прямо сейчас.
- Я выбросила ключи в окно.
- Отлично! Пойдём посмотрим – может, ещё лежат... Хотя нет, постой-ка. Он вытянул перед собой руки.
- Смотри и запоминай! – лицо Гриши приняло выражение серьёзной торжественности. На широких ладонях проступал замысловатый рисунок из линий. – Лет через тридцать будешь рассказывать. Мои руки, конечно, не в лунном свете... Но солнечный ведь тоже сойдёт?

34

Растерев между ладонями каплю масла, Галина начала месить тесто. Сидя на табурете, Станислав наблюдал, как оно движется под её пальцами.

- Ватрушки у тебя всегда получались вкусные! – вспомнил он. – Ты правда не против, чтобы я...
- Я ведь уже сказала, Слава. Оставайся, если хочешь.
- Закончив месить, она помыла руки и накрыла блюдо вафельным полотенцем.
- Пару часов – и подойдёт. А мы пока... Ты не подвинешь табурет к батарее?
- Послушай, Галя, – выполнив её просьбу, Станислав снова сел за стол. – Я приехал, потому что больше ехать некуда. Не знаю, как так вышло... Из всех людей, которых я встретил в этой жизни, осталась только ты. Это чудо, что ты вспомнила. Да ещё и сказала, что я могу... Невероятное чудо. Я знаю – не заслуживаю. Это по моей вине...
- Не драматизируй, – остановила его Галина. И Станислав усмехнулся:
- Только вчера ты, кажется, говорила, что драматизма тебе всегда не доставало.
- Серьёзно? – она рассмеялась.
- Серьёзней некуда. Но я ничего не знаю о твоей жизни...
- Может, ещё чайку? С вишнёвым вареньем, – Станислав кивнул, и она продолжила: – Я долго жила одна. Вышла замуж почти в сорок. Саша, мой муж, был чем-то похож на тебя. Жизнь давалась ему тяжело. Какое-то время я работала декоратором в театре. Все друзья были артисты – так Саша их на дух не переносил! Да и вообще к людям был холоден. Хотел уехать в деревню. Но я была против: суету любила... И Ване, думалось, в городе лучше. Деревенская школа – что за образование? Так и жили... А пять лет назад Саша ушёл в монастырь. Давно было пора. Я вышла на пенсию. Надоело... Работа, дом, жизнь по расписанию. Думала, теперь стану рисовать, прочитаю всю мужнину библиотеку... Но что-то пошло не так. До сих пор не пойму, что. Наверное, суета

была мне необходима. Без неё я перестала быть собой и оказалась как будто в другой реальности. Там нет никакой старости, никакого времени, и есть множество жизней, каждая из которых – моя. Только благодаря тебе я вернулась. Но, может быть, это возвращение – не окончательное... Нам обоим нужна помощь. Поэтому и говорю: оставайся. Вряд ли я смогу полюбить кого-то ещё. А тебя, наверное, будет не трудно.

– И это всё? Расскажи что-нибудь ещё, пожалуйста.

– Нет уж, теперь ты рассказывай!

Тесто медленно поднималось, и разговор был таким же неторопливым, как тесто.

Галина замесила сладкий творог для ватрушки, помыла посуду, до блеска начистила плитку и полила амариллис, растущий на кухонном подоконнике.

Убедившись, что тесто подошло, она посыпала стол мукой, достала скалку и противень.

– Пора готовить ужин. Но ты сиди, отдыхай. Попозже перевяжу тебе голову.

– Ты знаешь, Галочка, я с самого утра чувствую себя совершенно здоровым. А Светка говорила – сотрясение мозга... Ерунда! Сотрясение чувств было сильнее. Зато сейчас кажется, что в груди – новое сердце, а в голове – новый мозг, ничуть не сотрясённый. Так что, поверь, я вполне способен почистить картошку.

К семи всё было готово. Стол отодвинули от стены и накрыли чистой скатертью. Из гостиной принесли два недостающих стула. Света с Гришей пришли в семь и помогли накрыть на стол.

– Обычно Ваня возвращается раньше, – взглянув на часы, заметила Галина.

35

Марина ждала, сама не зная, чего. Вот она, казалось, – точка выбора, из которой расходятся бесчисленные варианты судеб; точка, где всё зависит от всех. Что-то непременно должно случиться. Но ждать этого «чего-то» было невыносимо.

Чтобы сделать хоть что-нибудь, Марина прибралась на рабочем месте. Помыла кружку, смахнула в урну несколько засохших лепестков, убрала каталоги в ящик стола и в ворохе бумаг обнаружила газетный лист, прочитанный накануне. Вновь пробежав глазами полосу, прочла: «Встречи с целителем проходят каждое воскресенье в 19:00 по адресу: улица Космонавтов, 22». И против своей воли посмотрела на время.

Чтобы попасть к Вениамину к семи, достаточно уйти с работы через десять минут. Но зачем? И что, если это всего лишь очередной розыгрыш Никиты? Только описание темноты как болезни было подкупающим. Марина давно смирилась с тем, что её темнота не вписывается ни в один диагноз. Нельзя было назвать её ни «меланхолией», ни «комплексом вины», ни «депрессией», ни «биполярным расстройством». Темнота – это темнота. Но, с другой стороны, в заметке и не было никакой конкретики. Больные темнотой теряют связь с мирозданием – вот что сказано там, и ничего более...

Тем не менее девушка достала из сумочки зеркальце и тушь для ресниц. Волнение нарастало. Любое, даже самое элементарное действие почему-то казалось ей решающим чью-то судьбу. Рука дрогнула, и щёточка соскользнула на веко. Время, только что слишком медленное, помчалось с бешеной скоростью.

Ровно в шесть Марина встала с кресла, надела пальто и повесила на плечо сумку. По дороге на остановку она попыталась составить план хотя бы на ближайшие пять минут. Нужно было решить, куда ехать – домой или к Вениамину. Но даже это оказалось трудным. Она чувствовала угнетающую ответственность – не за себя – за весь непредсказуемый мир, который, казалось, может в одну секунду бесследно раствориться в Космосе, сделай она хоть один неверный шаг.

Так ничего и не решив, Марина села в первую подъехавшую маршрутку, не посмотрев на номер. Шансы попасть домой и на окраину города были приблизительно равны. Вцепившись в поручень, она смотрела в окно в ожидании решающего момента. Куда повернёт автобус?

– Барышня, вы платить собираетесь? – протиснувшись в заднюю часть салона, с недовольством спросила кондуктор. Её розовое лицо блстело. – Сказано же было...

– Извините, сейчас, – Марина отвлеклась, чтобы найти кошелёк, а когда подняла глаза, автобус уже повернул к дому.

Всё. Больше не нужно принимать никаких решений. Выходя из маршрутки, Марина устало улыбнулась. Осталось только оставить позади парк, перейти дорогу, пересечь двор, открыть дверь, нажать на кнопку лифта... Всё это не пугало. Центральная аллея, узкий тротуар и проезжая часть несомненно пронесли под ногами.

Но во дворе, едва завернув за угол, Марина почувствовала, как потяжелели шаги. Она посмотрела вниз, на свои ноги. Их движения были привычны и посредственны, но казалось, только мешали ходьбе. Она тащила их через двор, как два обломка скалы.

Кто-то курил, прислонившись к мёртвой иве, скрытый за её широким стволом. Поначалу Марина видела только зажжённую сигарету, плечо и руку, одетую в чёрное. Но пару секунд спустя фигура вышла из-за дерева.

Сердце сразу стало жёстким и колким, как раскрытая сосновая шишка. Медленно оно повернулось в грудной клетке, оцарапав что-то нежное и мягкое. Планета под ногами вздрогнула, двинулась с места, невозмутимо отворачиваясь от солнца, а тело стало прозрачным, сплошь из решеченным отверстиями, сквозь которые мгновенно промчалась вечность, протащив за собой весь Космос и весь Хаос. Внутри каждой прозрачной поры звёзды вглядывались в темноту, как гигантские глазные яблоки, планеты бесшумно летели по орбитам, вращались бесчисленные галактики. Это длилось не более секунды, после чего сквозные отверстия исчезли, и сердце вновь стало верной, размеренно пульсирующей мышцей. Возле дерева стоял Филипп.

– Снова сон! – не утруждая себя приветствием, воскликнул он и с силой пнул по стволу.

– Фил, ты чего? – растерялась Марина.

– Какого чёрта ты здесь делаешь?

– Я?! Иду домой.

– И почему ты так смотришь? У меня что, нет лица?

– Я просто не ожидала. Мы не встречались три года. С тех пор, как...

– Сегодня утром я видел на иве зелёные листья. Сейчас проверил – ничего, слава богу. Показалось... И тут появляешься ты!

– Ничего не понимаю. Но сегодня мне снилось...

– Не говори мне о снах! – Филипп отступил на шаг.

– Хорошо.

Ей хотелось спросить напрямую: «Фил, чем я могу тебе помочь?» Но от этого разговор стал бы ещё нелепее. Она вздохнула, и вся тяжесть исчезла. Вместе с волнением, с радостью и отчаянием. На их месте осталась спокойная готовность к чему угодно. Софи была права. Может быть, и цыганка тоже. Встреча с Филом, может быть, не случайна. Возможность, подарок. Значит, домой идти нельзя. Нужно сказать ему...

– Вы ещё дружите с Ником? На прошлой неделе я наткнулась на его статью. Пишет там про какого-то «целителя»... Я сразу подумала, что розыгрыш. Но только что чуть не поехала к нему лечиться.

– Да ну? – улыбка на его лице исчезла, едва мелькнув. – Нет, не верю. Этого не может быть.

– Почему?

– Потому что я как раз собираюсь к Вениамину. Нас познакомил Ник...

– Поехали вместе?

– Нет, правда? – недоверчиво переспросил он. Голос Марины был подкупающе спокоен, не слишком громок и не слишком тих. – Прости. Наверное, я действительно не в себе...

– Пора. Уже полседьмого. Расскажешь по пути, как у тебя дела?

– Хорошо. Идём на остановку.

Перед тем как уйти, Марина взглянула на окна своего дома. В кухне и гостиной горел свет.

36

Медленно надавив на дверную ручку, Ваня вошёл в квартиру. Мать тут же выглянула в прихожую:

- Наконец-то! Мы уж не знали, что и думать...
- Марина дома?
- Ещё нет. У тебя всё в порядке? Лицо какое-то бледное...
- Всё нормально, – с трудом произнёс сын и взглянул в зеркало. – Лицо как лицо.

Он никому не расскажет, как за час до этого мчался по трассе, выруливая на встречную полосу и представляя, как внезапная фура превращает его легковушку в бесформенный ком металла.

В очередной раз стремительно выехав из низины, Ваня успел разглядеть только лицо девочки, которая сидела на переднем сидении стареньких «Жигулей». Её тело, перечеркнутое ремнём безопасности, тонкую косичку светлых волос, приоткрытый рот, распахнутые глаза... Нужно было что-то предпринять, но он не успел.

Водитель «Жигулей» увернулся от столкновения, направив машину на пустую полосу. Девочка исчезла, и в наружном зеркале, как на экране монитора, Ваня увидел, что легковушка остановилась, плавно соскользнув в кювет. Сбавив скорость, он вернулся на свою полосу и остановился лишь несколько километров спустя. Справа от дороги тянулось кладбище. А мысли перестали быть словами и превратились в быстрые всплески смысла, подобные языкам огня.

Теперь, глядя в заросшее крестами поле, он знал, для чего родился, для чего его не раздавила сосна, для чего водитель «Жигулей» успел вовремя свернуть в кювет. Но не было слов, чтобы выразить это знание. Только звенящая тишина и желание вернуться домой.

- Ты идёшь? – вновь окликнула его мать.
- Сначала позвоню Марине.

37

Папа вернулся поздно.

– Подержи, пожалуйста, – попросил он и протянул мне бутылку вина, уже почти пустую. – Ты поел?

- Нет, я ждал тебя.

Он снял пальто и бросил его на пол. Снял шапку и ботинки.

- Почему ты такой несамостоятельный?

- Я просто не хотел есть один.

Мы пошли в кухню. Папа достал с полки бокал и сел за стол. Его лицо было неподвижным, как маска.

– Темнота, – сказал он без всякого выражения и налил себе вина. – Чем ярче свет, тем она темнее. Ты знал об этом?

- Не понимаю.

Я заглянул в холодильник, но сразу же его закрыл. Аппетит пропал. Хотелось скорее уснуть и встретиться с Филиппом, чтобы найти способ объединить сны и явь. По-другому папе не можешь. Я решил уйти, но он остановил меня, взяв за локоть:

– Я видел свет только благодаря тебе, Лёва. Ты был моим смыслом и надеждой. Я верил... Понимаю, слишком много для одного мальчика. Но назад не повернуть.

- Знаю, пап! Осталось чуть-чуть, и стены исчезнут. Нужно только немного подождать.

- Подождать... – он отпил из бокала.

- Клянусь, это правда! У меня нет доказательств, но...

- Ты сам станешь доказательством, – от его взгляда у меня по ногам пробежали мурашки.

Лёжа в кровати, я слышал, как он громко передвигал что-то у себя в кабинете. Потом, в три часа ночи меня разбудил звук хлопнувшей двери. Послышались тяжёлые, медленные шаги. Что-то ударилось об стену. Лев вскочил, гавкнул и снова лёг на коврик. Шум прекратился, но я не мог уснуть и решил спросить у папы, что происходит.

Под дверью кабинета виднелась полоска света. Когда я постучал, свет погас. Папа открыл дверь:

- Прости, я не хотел тебя разбудить.
- Что ты делаешь?
- Ничего особенного. Всего лишь небольшую перестановку.
- Но ведь ночь...
- И что?

Папа больше не будил меня по утрам, а сам вставал поздно и всегда в разное время. Он объяснял это тем, что на работе изменился график. Но мне кажется, он вообще не ходил на работу.

Я больше не пытался придумывать себе сны. Многие из того, что я видел, было невозможно представить заранее: Луну и Солнце, людей и деревья, небо и настоящую бесконечность. Мы с Филиппом часто встречались в том дворе, где стоял дом с трещиной, залатанной брусками металла. Филипп искал повсюду какие-то таблички или надписи, но их не было.

Несколько раз мы пытались войти в дом, но двери не поддавались. А когда нам всё же удалось их открыть, внутри всё оказалось серым, без очертаний, словно плотный дым. Я собирался туда шагнуть, но Филипп сказал:

- Не надо. Идём отсюда, – он отвернулся и пошёл, не дождавшись ответа.
- Почему?
- Я был там однажды. Думал, никогда уже не проснусь. Это куда опасней темноты. Ничто, в которое тебя затягивает со страшной силой. Поверь мне на слово...
- Давай вернёмся, – я потянул его за рукав. – Нужно попробовать. Мы всё тут облазили. Осталось только внутри...
- Даже не думай.
- Ну, пожалуйста! Может быть, тебе было трудно, потому что ты путаешь сон и явь. Но я-то...
- Нет.

Спорить я не стал. Но следующей ночью отправился туда один. Я был почти уверен, что Филипп ошибся, и пустота окажется хаосом, податливым, как пластилин. Мы столько дней ходили вокруг да около, но не нашли подсказок. Ответ наверняка прячется там...

Дверь легко распахнулась, когда я потянул за железную ручку. Внутри был всё тот же дым, неподвижный и густой.

Стоило мне шагнуть вперёд, как выход исчез. Пустота, как серая вода, устремилась в меня сквозь пробурванное в груди отверстие. Что-то навалилось со всех сторон, и вся жизнь мгновенно продёрнулась сквозь мою память. Я видел мамину фотографию, видел, как папа обнимает меня за плечи, как Людмила листает книгу в красном переплёте, Мустафа достаёт из сумки свой стетоскоп, а Лев, виляя хвостом, подпрыгивает на месте... Потом всё пропало. Цвета побледнели, сквозь них проступила серость. Живые люди и вещи сжались в бесцветные пятна и больше мне не принадлежали. Они растаяли в пустоте, откуда нельзя вернуться. Прошла секунда, и я ничего уже не мог представить, даже складки на покрывале, даже собачьего носа. Никакой жизни больше не было. От неё осталась голая мысль: «Это – я». И ужас, выразить который нельзя. Я должен был вырваться, убежать, но не имел ни сил, ни ног. Я помнил, что будильник прозвенит в восемь, но знал и то, что не услышу сигнала. Слишком поздно, слишком далеко – звук не может сюда проникнуть. Даже закричав, я не услышу своего крика. Это будет крик того, другого меня, который лежит на кровати с закрытыми глазами и, кажется, мирно спит. Ничто не отнято у него. В комнате

тепло, все вещи имеют цвет и форму, Лев лежит на коврике, уткнувшись носом в свой хвост, и папа скоро проснётся. Но я – не тот. Я, слившийся с пустотой, уже не вернусь обратно...

– Говорил же, не суйся туда, – прозвучал голос Филиппа. – В «Союзе» ещё нет человека, который мог бы выбраться оттуда сам.

Внезапно у меня вновь появилось тело. Сквозь закрытые веки я видел свет, который загорался и гас, как будто к моему лицу кто-то поднёс мигающую лампу. Филипп крепко сжал моё плечо:

– Посмотри на меня.

Я посмотрел. Бок о бок мы сидели на тёплой земле – на берегу пруда, в котором отражались облака, белые на голубом. Мелкая рябь бежала по воде, а впереди шелестел лес.

– Спасибо.

Филипп улыбнулся:

– За что? Не обижайся, но я бы не рискнул войти туда ещё раз. Мы бы завязли вместе, только и всего. Тебе помогла какая-то сила, на которой всё держится. Во всяком случае, я ничего не делал. Просто уснул и оказался здесь. Ты был почти прозрачный, и я сразу понял...

38

– Вот такая история, – подытожил Филипп, глядя в окно автобуса. По стеклу ползли капли, в каждой из которых смешивался свет фонарей, фар и светофоров.

Взявшись за поручень, рядом стояла Марина. За последние пятнадцать минут она не произнесла ни слова, только один раз прервала рассказ, чтобы ответить на звонок мужа. Филипп воспользовался паузой, чтобы привести в порядок мысли. Ещё никому он не открывал всю правду.

– Теперь мне тоже кажется, что всё это – сон, – сказала Марина, не секунду прислонившись лбом к стеклу.

– Не исключено, – усмехнулся Филипп.

– Когда не видела тебя таким оживлённым. Ты вот говоришь, только и делаю, что сплю. А выглядишь так, как будто проснулся и от этого сошёл с ума.

– Советуешь сходить в психушку?

– Нет. К тому врачу, у которого был год назад. Не понимаю, почему ты до сих пор этого не сделал.

– То одно, то другое...

– Как же ты живёшь, Фил?

– Не знаю. Как-то живу.

Выйдя на конечной, они миновали несколько дворов и свернули в тишину частного сектора. Филипп курил одну сигарету за другой и, казалось, о чём-то напряженно думал. Марина не следила за дорогой. Попытки рассуждать, отыскать в происходящем хоть какую-нибудь логику ни к чему не приводили. Но она чувствовала, что находится на своём месте, и все слова, если они нужны, в определённый момент произнесут себя сами.

Они пришли к Леониду с опозданием в десять минут.

– Я рад, что мы встретились, – Филипп переступил с ноги на ногу на подтаявшем снегу и нажал на кнопку звонка.

Марина поднялась на крыльцо:

– Завтра сходим в больницу и разберёмся с твоей второй жизнью, – снежинки медленно порхали в свете фонаря и ложились на её волосы.

Дверь открылась.

– Я смотрю, у нас прибавление? Проходите, будем знакомиться, – Леонид посторонился, пропуская гостей, но продолжал смотреть в дверной проём. – А что журналист, решил последовать моему совету?

– Какому? – Филипп попытался припомнить рассказ Никиты. – А! Нет, просто на юг уехал. Сегодня вместо него Марина. Хочет с Вениамином познакомиться. Кстати, прочитала о нём в газете. Так что...

– Вениамина ещё нет, – сообщил Леонид и зашаркал тапками в сторону гостиной. – Но вы проходите, проходите... Нечего в крыльце стоять.

В комнате было накурено. Серёжа по обыкновению дымил на стуле. Старичок дремал, облокотившись на ручку кресла. Его волосы блестели под лампой, как одуванчиковый пух. Матвей нетрогко переговаривался с мужчиной в спортивном костюме. В углу сидели два незнакомца с профессорской внешностью: аккуратная стрижка, миниатюрные очки, высокий лоб. Леонид прислонился к стене и взглянул на часы.

– Налить тебе кофе? – шёпотом предложил Филипп и направился к столику.

Звук шагов утонул в мягком ковре. Устроившись на диване, Марина слышала своё дыхание, журчание кипятка и звон чайной ложки.

– Кажись, Веня не придёт, – Серёжа цокнул языком и взглянул на Леонида. – Чё там по времени?

– Двадцать пять минут.

– Может, звякнуть ему?

– Я пробовал – не дозвонился.

– Подождём ещё. Веня никогда не опаздывал.

Леонид согласно кивнул.

Четверть часа молчаливо ждали. Несколько раз мигнула, но не погасла планета-люстра. Филипп сделал себе вторую кружку кофе. Он был уверен, что Вениамин не появится, и искал ему оправдания. Заболел, встретил старого друга, не уследил за временем, чем-то увлёкся, забыл...

– Ну что, товарищи, – вновь взглянув на часы, Леонид прервал тишину. – Думаю, больше ждать смысла нет. Предлагаю разойтись.

– А может, вы, это, наберёте, когда всё прояснится? – поднявшись, неуверенно попросил Матвей. – А то тревожно как-то.

– Как только – так сразу, – успокоил его Леонид и взглянул на Филиппа, торопливо допивающего кофе. – Да вы не торопитесь, пейте спокойно...

– Мне тоже не по себе, – признался Серёжа, проводив взглядом уходящих.

Леонид опустился в кресло:

– Веня заходил на днях. Ничего толком не рассказал, но, как я понял, дела у него неважно. Если я исчезну, говорит, не ищи меня.

– Так чё ж ты молчал? Надо, значит, наведаться к нему...

– Он хочет побыть один. В контексте просьба звучала естественно.

– Так сейчас-то, бля, контекст другой!

– Я даже не знаю, где он живёт, – развёл руками Леонид. – Есть только старый адрес. Если до завтра не объявится, позвоню Людмиле. Это давняя подруга Вениамина, преподаёт у нас мифологию.

– А может, он на берегу? – осенило Филиппа. – Вениамин говорил мне, что за час до прихода к вам всегда идёт к водохранилищу. Есть одно место... Он там медитирует. Вдруг за временем не уследил?

– Не смеши! – усмехнувшись, откликнулся Серёжа. – В такую холодину? Тебе приснилось, видеть.

– Нет, не приснилось, – огрызнулся Филипп.

– Уверен? Я бы на твоём месте...

– Спасибо, кофе у вас первоклассный, – Марина встала с дивана и поставила на стол пустую кружку.

– На здоровье, – кивнул Леонид. – Вы приходите, Веня будет рад...

Сорвав с крючка пальто, Филипп вышел первым и закурил, остановившись за калиткой. Марина появилась спустя минуту, повязывая шарф на ходу.

– Застегнись, – сказала она. – Выбежал как ошпаренный...

– Я и не думал сомневаться насчёт того вечера! – сетовал Филипп, послушно застёгивая пальто.

– Какого?

– Когда сидел с Вениамином на берегу. Серёжа спросил, уверен ли я. И теперь кажется, действительно... Было вроде, но как будто не со мной.

– Не заморачивайся...

– Нет, это важно! – настаивал Филипп. – Ты не торопишься? Может, дойдём до берега вместе? Это недалеко. Вениамин показывал мне на прошлой неделе... Что-то типа пляжа, два стула и палка для фонаря. Мне почему-то кажется, что он там. И если это место существует...

– Фил, – Марина тронула его за локоть. – Успокойся. Пойдём, если хочешь, я не спешу.

Выбросив окурки, Филипп зашагал по дорожке.

– Ты, наверное, думаешь, я совсем двинулся. Но я просто устал. Это выматывает. Вечная неопределённость...

– Ты всё тот же, – ответила Марина, помолчав. – По-моему, болезнь только усугубила ситуацию. Сколько я тебя помню, ты всегда жил в полусне. Просыпался изредка, когда что-то срабатывало, как будильник. Человек, событие...

– Может быть, раньше так оно и было. Но теперь-то у меня куча планов! Я мог воплотить их все, если бы...

– Ты мог, но где-то ошибся. Поэтому ты в темноте. Разве не очевидно?

– Похоже, я ошибся, переходя дорогу. Это несправедливо.

– Несправедливо? Мой опыт, конечно, невелик. Но кое-что со временем стало ясно. Если ты говоришь жизни «нет», она отвечает тем же. Я тоже многое могла. Но дело вот в чём... Когда ты убиваешь человека, а сам остаёшься жить – получается уже не жизнь. Ты проживаешь его смерть день за днём. Вокруг полно возможностей, но ни одну из них ты не можешь использовать. Как будто ты был связан с жизнью множеством невидимых нитей, а потом все они разом оборвались. Это и есть, по-моему, проживание смерти.

– И кого же мы, по-твоему, убили?

– Мы можем убивать, не сознавая, как бы мимоходом. Сейчас, погоди...

Марина остановилась и расстегнула сумку. Редкие фонари частного сектора остались позади. Филипп молча ждал, поглядывая в сторону водохранилища. Осталось пройти небольшой пустырь. Отыскать тропинку, ведущую сквозь кустарник, если она вообще существует, и...

– Вот, нашла, – Марина достала из сумки плеер и размотала наушники, накрученные на тонкий серебристый корпус. – Слушай, Фил, вот это – действительно важно... Сколько нам ещё идти?

– Минут пятнадцать, а что?

– На, как раз успеешь... – девушка протянула ему плеер. – Ничего не переключай. Там десять коротких записей, которые будут воспроизводиться по порядку.

– Что это? – в замешательстве спросил Филипп, взглянув на небольшой квадрат экрана с синей подсветкой. Ничего не проясняющее название VR-001-1655 скользнуло бегущей строкой.

– Просто послушай.

– Прямо сейчас?

– Да. Пойдём. Вениамин наверняка уже превратился в ледышку, если он и вправду там.

Филипп узнал голос Софи, едва нажав на play.

– Десять, – сказал этот голос.

Десять.

Каждый вечер, чтобы уснуть, мне требуется часа три, не меньше. Я пробовала снотворное, считала числа и овец, повторяла про себя стихи и молитвы. Всё без толку. Но иногда, после нескольких часов лежания в постели мне представляется пустая комната, где нет ни дверей, ни окон. Только белые стены. Настолько белые, что хочется зажмуриться. Я сижу на полу. Смотреть в эту белизну немного больно, но если не выдержишь, ничего не выйдет. Я начинаю смотреть и жду. Что-то типа изгры в гляделки. Скоро в стене появляется отверстие. Малюсенькое такое, как дырка в ухе, если вытащить серёжку. Потом оно расширяется. В комнату проникает чёрный луч и падает прямо на меня. Я подбираю под себя ноги, складываю руки на коленях, чтобы поместиться в луч целиком, а затем как бы растворяюсь в нём. Пока что это единственный способ заснуть.

Сейчас, кажется, полночь или около того. Я сижу на крыше той двенадцатизатжки, где мы зависали прошлым летом. Наши бутылки до сих пор тут, только надписи на этикетках выцвели.

Я веду обратный отсчёт, потому что думаю, так будет легче. Всё закончится, когда я останюсь.

Девять.

Мне нравилось наше понимание без слов. Ни с кем, кроме тебя, его не было, даже с Филом. Ты знаешь, я вообще не люблю трепаться. Но теперь – другое дело. Вчера я первой заговорила с продавицей в универсаме, а позавчера, после двух с половиной литров пива, рассказывала таксисту о том, как меня не любили в детском саду. Короче, я решила, лучшие моим слушателем будешь ты, а не кто-нибудь...

На плеере отратительный диктофон. Наверняка мой голос звучит как железо по стеклу. Но писать от руки мне лень. Я выпила литр «Изабеллы» и сейчас догоняюсь пивом. Так что, может, буду немного путаться. Но это неважно, правда?

Восемь.

Фил не такой, как мы. Мне кажется, он совсем не любит людей. Взять хотя бы Лейлу. Он выдумал её от начала и до конца. До настоящей Лейлы ему дела нет. Так и любит свою выдумку. Хочет проснуться, но делает всё, чтобы этого никогда не случилось. Он несчастен. Его лицо скрыто болью, как маской, которую хочется содрать.

Помню нашу первую встречу. Я тогда простудилась на линейке, потому что забыла надеть куртку. «Хорошо хоть трусы не забыла!» – отчим угорал, когда я валялась с температурой. Трусы я забыла потом. Другая история... А тогда, первого сентября они с мамой были на даче, чью-то днюху отмечали. Обещали приехать на линейку, но, конечно, будильника не услышали. Я проснулась – дома никого, только букет, который бабуля привезла с огорода. Красные георгины, мать их. Сразу захотелось швырнуть в помойку. На линейке не удержалась, помнишь? Да, первое сентября... Я сразу поняла, что мы с тобой подружмся, вот и встала рядышком. Училка мне всё куртку совала: надень да надень... Я отказалась. Нарочно хотела заболеть. А потом Фил пришёл со своей мамкой. Я влюбилась, когда мы встретились глазами, хотя это больше смахивало на испуг. Как будто в груди взорвалась граната. Потом, не то чтобы он меня восхищал. Нет, я видела: парень как парень. Симпатичный вроде, и то не слишком. Просто мне вдруг стало ясно, что никто, кроме него, не сможет всё исправить. Вернуть ту радость, которая была, но куда-то исчезла... Меня связывает с ним не понимание, а необходимость.

Семь.

Некоторые считают, что любить просто. Но это потому, что они не сталкиваются с выбором – чьё счастье важнее? А в патовой ситуации чаще всего выбирают себя.

Я тоже заботилась о себе. Выйти замуж за Фила, состариться вместе с ним. Такая была мечта. Наверное, из-за сказок, которые бабуля когда-то читала мне перед сном. В сказках было много жути, но всегда – хэппи-энд. Ну, ты знаешь. Стали они жить-поживать... Это была мечта о смерти, а не о любви. В конечном счёте, я хотела, чтобы сказочка поскорее закончилась. Змей Горыныч побеждён, Кощей убит, королевство завоёвано. Всё, хватит! Ничего больше не случится. Будете жить-поживать – означает умрёте. Не в поединке с драконом, как могли бы, а где-то там, за границей слов. Где нажитое добро лежит как куча хлама.

В этом мы с Филом, пожалуй, похожи. Если бы он действительно любил свою Лейлу, то не стал бы исчезать из интернета и менять сим-карту. Он мог бы попытаться сблизиться или на крайняк послать её подальше. Шататься с нами по городу, спорить, пить на пляже, молчать – жить, короле! Но ему было впадлу. Он тоже хотел закончить сказку. Вычеркнуть всех персонажей к чёртовой бабушке. Фишка в том, что это не так-то просто. Обойдя дракона, нельзя добраться до хэппи-энда. Нужно победить его или уж сдохнуть по-честному. Фил не трус, просто любви в нём нет. Он не верит, что кто-то может его понять, и тем более осчастливить. А раз так, чего ради, собственно, размахивать мечом? Отсюда и принцип недеяния. Полная лаж.

Шесть.

Да, насчёт забытых трусов... Я лишилась девственности в четырнадцать лет. В этом деле мне помог парень по кличке Череп. Кучерявый блондин с огромным носом, малиновым от загара. Волосы у него под мышками были длиннее, чем на голове, и всегда лоснились от пота. Ему тогда было двадцать четыре. А его тридцатилетняя «девушка» где-то в городе умирала от опухоли в мозгу. По крайней мере, свой беспробудный запой он объяснял именно этим. Череп был моим соседом по даче. Вроде я рассказывала тебе про этот двухэтажный сарай на той стороне водохранилища. Мы с предками ездили туда на лето. Мне хотелось как-нибудь взять тебя с собой, но я не могла. В городе продолжалась одна жизнь, на даче – другая. Соединить их друг с другом было невозможно.

В тот день завернула тридцатиградусная жара. Даже предки бросили свои грядки и смотались на пляж. В посёлке стояла тишь. Воздух над землёй дрожал. В собачью конуру, чтобы спрятаться от солнца, забрались чьи-то кошки. За мной парни заходили. Все как один – в плавках, с полотенцами на плечах. Звали купаться, но я отнекивалась... Ждала Черепу. Он выполз около полудня. Весь красный, помятый с похмелья. На нём были короткие парусиновые шорты, майка-алкоголичка и тёмные очки. Мы дошли до ларька. Купили две чекушки водки и засели в маленькой рощице на окраине посёлка. Когда первая бутылка кончилась, он повалил меня на землю.

Мы лежали на перекрёстке двух узких тропинок. Справа, в траве я заметила муравейник, похожий на маленькую пирамиду. Череп дышал тяжело, как запыхавшаяся собака. Он пытался расшевелить моё тело, а я смотрела на копошение муравьёв, гладила его липкую кожу и ждала. Хотелось кричать. Но я сделала усилие и направила крик как бы вовнутрь себя. В какой-то момент – зажалась. Попыталась представить, что рядом Фил. Но куда там! Череп лежал на мне, как огромный слизень. Вдобавок ко всему этот запах: пот и перегар. Закончив, он посмотрел на свой член и сказал: «Шлюха». Он, видно, ожидал, что я буду истекаать кровью. Я уже собиралась сказать ему назло, что в самом деле соврала насчёт первого раза. Но тут вспомнила, что его девушка умирает от рака. Мне стало жаль его, и я заплакала. Его девушка умирает, а он – здесь, со мной. Бедный Череп... Я надела платье и ушла. Он остался допивать вторую чекушку.

Уже на подходе к дому я поняла, что забыла трусы, но возвращаться не стала. Побегала на пляж, чтобы скорее смыть с живота его сперму. Наши уже купались, резались в дурака на солнышке. Я быстренько окунулась и плюхнулась на покрывало рядом с Кириллом, одним смазливym пареньком, которого считала лучшим другом. Я положила голову ему на колени и постаралась обо всём забыть.

В тот же день МЧСники выловили из водохранилища труп утопленника. Издали я видела его руку, торчащую из-под клеенки. Мне почему-то показалось, что он – это я. И от этого потемнело в глазах. Я чувствовала, что задыхаюсь, захлёбываюсь, тону. Первый раз в жизни увидела мертвеца.

С Черепом с тех пор старалась не контактировать. Он, пьяный, шатался по посёлку и по ночам стучал в моё окно. Я делала вид, что не слышу, и плакала оттого, что не могу помочь. Ему нужно было вернуться в город. В больницу, в её палату... Бедный Череп. Он тоже не смог победить дракона. Как и все мы.

Пять.

Следующим летом я сошлась с Кириллом. По сравнению с Черепом у него было множество достоинств. Никакой щетины, о которую царапаешь губы, никакого пота и ключев сгоревшей кожи на переносице.

Рыбалка была единственным занятием, которое Кирилл по-настоящему любил. Поэтому наши свидания обычно начинались на пляже в четыре часа утра. Кирилл молча готовил снасти и закидывал удочку. Мы вообще редко разговаривали. Чаще всего – просто сидели рядом и смотрели на воду. Один раз нашли у берега старую лодку и плавали в ней, пока не взошло солнце. После секса – нечаянно уснули, так что рыбалки тогда не вышло. Зато на следующее утро клевало вовсю, даже целоваться было некогда. А попадалась всё одна мелочь: плотвички, красноперки и окуньки.

Сам Кирилл рыбу не ел. Весь улов доставался его жирной кошке Зосе. Но некоторых рыбёшек мне всё же удалось спасти. Я спрашивала его: «Неужели ты любишь меня меньше, чем свою кошку?» И тогда Кирилл справедливости ради дарил мне рыбку, только что снятую с крючка. Я заходила в воду и отпускала малька, а перед тем, как отпустить – всегда называла по имени. Тем летом я нашла на чердаке одну старую книгу про монахов-отшельников, которые жили где-то в горах. Поэтому моим рыбкам повезло – у них были очень красивые имена. Нафанаил, Вениамин, Никифор, Трифиллий...

Кирилл любил рыбачить, но жить не любил. Иногда, будто от нечего делать, он доставал из коробки крючок и протыкал им левое запястье. Ловил себя, как рыбёшку, и даже не морщился. А потом всё изменилось. Не знаю почему. Он ничего не сказал, просто однажды утром на пляж не пришёл. Я встретила его позже, у разрушенного моста через пересохшую речку. Наши часто зависали там в непогоду. Я посмотрела на Кирилла и поняла, что он стал другим. В его глазах была какая-то новая радость. Мы продолжали дружить, но никогда уже не спали в лодке.

Ближе к августу моим парнем стал Серый, Кирюхин кореш по рыбалке. На вид – типичный ботан. Бледная кожа, большие очки, розовые прыщи на лбу и слишком длинные, нервные руки, которые вечно что-то теребили: край футболки, травинку, пачку из-под сигарет. Он смотрел на остальных немного свысока и щеголял заумными словечками типа «деструкции» или «аннигиляции», но вот целоваться не умел совсем. После наших свиданий мне всегда приходилось смывать с лица его слюни. Мы встречались до конца дачного сезона, а потом не виделись целый год. За это время он очень повзрослел. Вымахал выше бати, начал бриться и перестал смехивать на ботана. Наверное, и целоваться стал лучше. Но я не проверяла.

Следующим был Дэн – ужасный болтун и любитель футбола. Спортивную форму, шорты и майку с номером двадцать пять Дэн носил не снимая. Замызганный чёрно-белый мяч тоже всегда был при нём, даже на вечерних пьянках. Дэн всегда сидел рядом с мячом, положив на него правую руку, а в левой держал пластиковый стаканчик с пивом. Забавная была картина. Ты, наверное, не понимаешь, как я в неё вписывалась... А вот так. Тем летом Дэн не играл в футбол. В городе, ещё весной, он повредил ногу на тренировке и даже боялся, что из-за этого никогда больше не сможет играть. Когда все гоняли мяч, он сидел на траве и внимательно следил за игрой. Казалось, вот-вот разревётся. Он мог часами рассказывать о футболе и жаловался на судьбу, но в конце концов я просила его заткнуться, и мы занимались сексом. Всё в той же роще, где когда-то – с Черепом.

Четыре.

В городе была отдельная жизнь. И не одна даже, а сразу несколько. Первая – самая важная, в которой была ты, Никита, Фил...

Вторая начиналась после школы, если только мы с вами не шли гулять. В десятом классе я встречалась с Костяном. Ты один раз видела его издалека – помнишь, может? Худющий такой, не-много похож на твоего Ваньку. Старше нас на пять лет. Работал программистом, но получал мало. Жил с предками, и предкам это не нравилось. Помню, как они застукали нас раздетыми. Батя аж покраснел от злости: «Дон Жуан хренов... Ещё раз увижу – в общагу переедешь!» Костян переехал в общагу через два месяца, а ещё через два его пригласили на работу в Польшу. Он согласился, особо не раздумывая, тем более что с переездом обещали помочь. Я проводила его на вокзал. Костян улыбнулся мне из окошка поезда и помахал рукой.

В общаге я познакомилась с Гришкой Косым. Он жил в одной комнате с Костяном. Был косым на правый глаз, никогда не стриг волосы, одевался как бомж, курил травку и считал себя хиппи. Всех общажных звал переехать в какую-то заброшенную усадьбу за городом. Коммуну типа хотел создать. Его никто не поддерживал. Я бы с радостью, но жить в усадьбе предки мне не разрешали. Так что Косой был одинок.

Даже Фил наверняка хочет заработать кучу бабла и ездить на крутой тачке. А Косой плевать хотел на деньги. Если случилось ими разжиться, покупал абсент и наливал всем, кто зайдёт. Заходили многие, чуяли халявное бухло. А ведь у него даже постельного белья не было. Не говоря уже о такой роскоши, как шампунь. Мыл голову хозяйственным мылом, а вытирался рубашкой. Я как-то принесла ему полотенце... Косой использовал его то как занавеску, то как половую тряпку.

В конце концов он встретил девушку, один в один похожую на него самого. Шмотки из секонд-хенда смотрелись на ней шикарно, как платье на нашей Лейле. Вроде только познакомились, недели не прошло, а она уже ходила к нему как к себе домой. Садилась на единственный стул и играла на укулеле. Один раз я пришла пораньше – нас тогда, помню, с классного часа отпустили – а они в кровати. Свободная любовь, все дела. Укулеле лежит на стуле. Косой вскочил с перепугу, накрыл девку одеялом – типа нет её. «Ты, это, извини меня, Со...» Я засмеялась. Уж очень нелепый у него был вид. «Да чё там, – говорю, – не парься». И ушла. Он долго потом названивал, но я не знала, о чём говорить. Так и не ответила ни разу.

Потом были другие, все какие-то несчастные и одинокие. Я была нужна им как обезболивающее. А когда лекарство действовало, отношения заканчивались. Ты спросишь, как я это выносила? С самого начала я умела легко выходить из одной жизни и оказываться в другой. Могла, например, полдня проплакать из-за ссоры с Костяном, а потом уехать на дачу и забыть о нём до следующей недели. Дэн встречал меня на остановке и вёл на футбольное поле. Но первая жизнь, та, что в школе, всегда была главной. Да что там, я бы рада забыть про все остальные – только бы Фил был со мной.

Бабушка утешала меня тем, что безответной любви не существует. Я ничего не рассказывала – этого ещё не хватало! Но она всё-таки утешала. Бывает, сидит себе, вяжет, а потом вдруг возьмёт и скажет ни с того ни с сего: «Любовь всегда взаимна, Софи, даже если принимает какую-нибудь странную или извращённую форму». И что-то в этом есть, бабуля верно говорит. Может, Фил – какое-то исключение из правила? Или...

Всего один раз он обнял меня, когда мы танцевали на выпускном. Ты знаешь, какой из меня танцор. Не знаю, как его угораздило согласиться. Но вот начался танец, и все жизни сошлись в одну, невозможную, сумасшедшую реальность. Всё сразу встало на свои места. Лишнее исчезло, осталась только любовь. И не к Филу вовсе, то есть не только к нему – к целому миру, который даже вообразить нельзя как следует. Но вот, оказывается, можно просто любить. Я поняла тогда, ради чего мучилась столько лет. Ради того, чтобы узнать это. Мир можно просто любить. Можно жить одну жизнь, а не четыре, не дробиться на части, не сомневаться. Радость совсем близко. Возможна, но недостижима. Как пробиться к ней? Невидимая, прочная стена. Хоть башкой в неё бейся – останется целой. Танец длился четыре минуты. Когда они истекли, я вернулась к столику и села. Осторожно так, как будто стала фарфоровой и боялась разбиться. Ещё две минуты то чувство было со мной, а потом ушло. И больше никогда. Ни на секунду не возвращалось.

Три.

У меня есть и ещё одна жизнь... Эта – последняя, я тебе обещаю. В ней нет ни тебя, ни Фила, ни остальных. В ней я всегда одна. Эта жизнь похожа на ту белую комнату, которую я вижу перед сном. В комнате без окон и дверей Софи заперта, как на дне моря. Мир спрятан за стенами и никак себя не проявляет. Софи ничего не знает о нём. Как во Вселенной могла появиться жизнь? Какого размера эта Вселенная? Есть ли у неё границы? Как я могу жить, если не знаю ответов даже на эти, казалось бы, элементарные вопросы? Как мне справиться со своей судьбой? Я хочу знать, как это делают другие. Иногда мне кажется, что все эти невозмутимые прохожие – призраки или полубоги. Можно жить без ответов, можно... Если только та радость не исчезает. Можно, на худой конец, жить без радости, но с ответами. Так ведь нет вообще ничего! А страхов становится всё больше.

Я боролась с ними по-всякому. Но один метод работал лучше всех. Психологи называют его методом конфронтации. Ты делаешь вид, что никакого страха нет, и нарочно переживаешь то, чего боишься.

В первую очередь я одолела темноту. Тебе никогда не казалось, что вещи исчезают, как только гаснет свет? При таком раскладе ночью вставать опасно. Возможно, кровать висит в воздухе, и ты провалишься в яму, где кишат привидения. Когда домашние уходили, я выключала свет и ходила по комнатам в темноте. Всего каких-нибудь пара недель – и страха как не бывало. Это меня обнадёжило.

Гораздо больше, чем темноты, я боялась, что Фил никогда меня не полюбит. Чтобы жить, мне зачем-то требовалась его любовь. Его руки, которые приносят радость... Нелепая необходимость. Почему он? В чём его отличие от всех остальных? Эти вопросы интересовали меня ничуть не меньше, чем устройство Вселенной. Можешь смеяться... Это и правда смешно, но мне-то что делать? Я отмахнула косы, чтобы избавиться от надежды. Мне казалось, с ней вместе уйдёт и страх. Филу нравились девочки с длинными волосами. Но даже когда я побрилась под ноль, всё осталось прежним.

Два.

Мы закончили школу, но та, первая жизнь почему-то никуда не делась. Оказалось, она вполне может продолжаться и без всяких событий. Наше прошлое непрерывно повторялось у меня в голове. Воспоминания стали реальней, чем настоящие вещи. Ничто кроме них не трогало меня. Стоило мне вспомнить какой-нибудь случай из прошлого, как сердце превращалось в гранату. Каждый удар был похож на взрыв и отдавался болью во всём теле.

Когда Фил исчез из интернета, я подумала, что он умер или свалил учиться в другой город. Его невыносимое отсутствие стало продолжением той жизни, которая отказывалась заканчиваться. Вот я и пришла к нему как-то вечером... Не знаю, чего я хотела больше. Увидеть его, избавиться от страха, дать той жизни продолжение или просто разбудить Фила, заставить хоть что-то почувствовать? В качестве подготовки я выпила три литра пива под вашей ивой. Долго стояла у домофона. Позвонила, наверно, через час – когда «Балканка» закончилась. Фил был дома. Я попросила его выйти: мол, разговор есть, и сигареты закончились.

Он появился минут через десять. Кинул мне пачку «Честера» и спросил, что за разговор. Был спокоен, как Будда, а у меня дрожали руки. Пару минут мы курили молча, а потом я собрала с силами и сказала: «Дурак ты, Фил». Я надеялась, что произойдёт чудо. И тогда он ничего не ответит – просто обнимет меня ещё раз. Но чуда не произошло. Фил спросил: «Это всё?»

Назад пути не было. Я сказала, что его принцип недеяния – это сплошная лажа и самообман. Что настоящая проблема заключается в способности любить, и эта-то способность у него отсутствует напрочь. Давай, говорю, по чесноку. Ты вообще уверен, что у тебя есть сердце? Даже свою Лейлу не мог полюбить как следует. Тебе нравилось смотреть на неё, и то издали. Лучшие б тогда уж в музей ходил. «Сикстинская Мадонна» или «Девятый вал» ничуть не хуже бабы в красивом платье. Ты спишь на ходу, потому что бодрствовать тебе впадлу. А ещё говорил, что хочешь

стать врачом! Молодец, что передумал. Какой из тебя врач? Чтобы помогать другим, тоже нужны силы... Тут я замолчала, потому чтохватила через край. Думала, задохнусь от слёз... Очень трудно говорить такое человеку, которого любишь больше целого мира. Очень трудно лгать. Фил гораздо сильнее меня, просто он почему-то не знает об этом.

Было бы ещё куда ни шло, если бы он разозлился, вышел из себя, наговорил лишнего. Но Фил был спокоен. Не спеша докурил, потушил бычок о край урны. А потом я услышала его холодный голос. «Я вообще-то спать собирался, Софи. Завтра к первой паре». Он даже не попрощался – только хлопнула дверь подъезда.

Я легла на траву и долго смотрела на небо. Голова кружилась и болела. Казалось, она превратилась в апельсин, с которого кто-то сдирает кожуру. Звёзды были мелкими и тусклыми. Хотелось курить, но сигареты остались у Фила. Страх и надежда исчезли. Вместе с ними исчезло всё, даже силы, чтобы подняться. А ведь помочь было так просто... Не нужно было для этого никакого медицинского образования. Всего одно равнодушное слово, неважно, грубое или доброе. Мне было нужно всего слово, но Фил молчал, и весь мир молчал вместе с ним. Я долго лежала в полусне, а потом кто-то сказал наконец: «Вставай, Софи!» Мне показалось, это голос моей боли. В тот момент я готова была поверить во что угодно и почему-то послушалась, встала. Но я ошиблась. Рядом оказалась Катька, наша бывшая одноклассница. Она шла мимо и увидела, что я валяюсь на газоне. Это Катька сказала: «Вставай...»

С тех пор я Фила не видела. Наверяд ли мы встретимся ещё раз. Разве что окажется, что душа и вправду бессмертна.

Один.

Я снова сижу на парапете крыши. Мои ноги болтаются в воздухе, а волосы треплет ветер. Мне восемнадцать лет. Всё, что могло случиться в моей взрослой жизни, не случится никогда. Ждать больше нечего, бояться – тоже. Осталась только смерть, и я знаю, что делать. Это проверенный метод. Чтобы перестать бояться смерти, нужно испытать её на себе. Но когда я говорю себе: «Давай, Софи, ну, давай же», моя рука инстинктивно цепляется за металлическую планку, а ноги прижимаются к кирпичам. Мне кажется, что я дрожу от холода, но это другой холод, он не зависит от температуры воздуха.

Мне чудится, что мир промёрз насквозь. Наша планета – огромная ледышка, повисшая в небе. Мир молчит, и всё в нём против меня. Любовь, надежда, родные лица, та единственная радость... Они впадают в душу, как рыболовные крючки. Мир поймал нас всех при рождении, чтобы сварить в одной большой кастрюле и кормить земле. Но я соскочу с крючка... Жить должны те, кому не страшен кипяток. Вчера я написала предкам письмо, а сегодня заканчиваю этот разговор с тобой. Плеер на всякий случай пошлю по почте. Не хочу, чтобы всё это слушали следователи. Он, кстати, совсем новенький. Я закинула туда пару альбомов Pink Floyd, немного Queen и Beatles.

В письме я попросила предков не говорить о моей смерти никому, кроме тебя. Фил не должен знать. До всех остальных мне дела нет. Меньше всего я хочу, чтобы он чувствовал себя виноватым. Пусть узнает, но как-нибудь потом... Наши предки друг с другом не знакомы. Друзей у меня не было, так что вряд ли кто-то спохватится. Я боялась, что Никита разнохает – журналист всё-таки. Но на днях встретила его на остановке. Он занят предвыборной кампанией, так что тут порядок.

Пойми, всё так и должно было случиться. Иногда мне кажется, что это решение – не моё. Мой мозг запрограммирован на полёт с крыши, но программу писала не я. Не я соскочу с крючка... Меня отпустит Мир. За то, что когда-то я отпускала на волю Его покалеченных мальков. Окуньков и плотвичек. И, может, с моей смертью что-то изменится к лучшему. Я верю, что даже зло может обернуться добром.

Попробую представить, что мои кости такие же полые, как птичьи. В полёте перья прорастут сквозь кожу, лицо вытянется в клюв. Ты бы хотела стать птицей? Я – да. Это было бы по крайней мере красиво. Но, знаю, не будет. Мой череп треснет, как арбуз. Руки застынут

в каком-нибудь нелепом жесте. Сердце перестанет взрываться. Думаешь, стоит написать объяснительную, почему я не приду на пары?

...Знаю, плохая шутка. Не плачь.

40

Едва прослушав первую запись, Филипп захотел выдернуть из ушей наушники и спросить, какое отношение всё это имеет к нему и его теперешней ситуации. Но час тому назад в автобусе Марина слушала его, не перебивая, с доверием, которого он давно перестал ждать от кого бы то ни было. Только поэтому он не выключил плеер.

Он слышал, как Софи поджигает сигарету, слышал, как она дышит и что-то рассказывает, то медленно, с трудными паузами, то быстро и увлечённо. Филипп никак не мог вспомнить её лица, и представлял только тёмный силуэт, застывший на парапете. Было странно слышать, как она произносит его имя. Филипп не допускал мысли, что Софи мертва. Всё это, думалось, какая-то шутка...

Он тщетно пытался отыскать тропу, по которой недавно вёл его Вениамин. Кусты стояли плотно, небольшие просветы сплошь оказывались обманками, непролазными тупиками. Заслоны из колючих ветвей, припорошенные снегом кочки всюду были одни и те же. Голос Софи мешал сосредоточиться на дороге.

Наконец, обнаружив на одном из кустов сломанную ветку, Филипп углубился в заросли и спустил несколько минут встал на тропинку. Софи замолчала. Марина протиснулась сквозь куст и остановилась рядом.

– Что всё это значит? – спросил Филипп, вернув ей плеер.

– Софи в самом деле послала плеер заказной бандеролью. Но мне сообщили о её смерти раньше, чем пришло извещение. Её мать...

– Она так же мертва, как бабушка Никиты. Вы затеяли это, чтобы вернуть меня в реальность? Дохлый номер...

– Фил, я не шучу.

В её голосе, по-прежнему тихом, чувствовалась настоящая скорбь. С минуту Филипп стоял неподвижно, прокручивая в голове всё только что услышанное. Литр «Изабеллы», утопленник, рыбки с именами отшельников, муравейник и некий Череп, лицо которого почему-то представлялось Филиппу голой костью, темнота и белая комната, единственная радость (он никак не мог вспомнить тот танец на выпускном), множество жизней, которые Софи мечтала склеить воедино, и, наконец, их встреча у подъезда. Филипп попытался восстановить её в памяти, но помнил только то, что Софи была пьяна и молола чушь, а он хотел спать.

В голову полезли более ранние воспоминания. Какие-то реплики, фрагменты, эпизоды, несущественные детали разлетались в сознании наподобие осколков стекла. Серёжка в форме улитки, которую Софи зачем-то вытащила из уха и держит перед собой, сжав между большим и указательным пальцами. Её гордый и беспомощный взгляд с верхней ступени школьного крыльца. Нарисованная на полях тетради зубастая рыба. «Фил, у тебя есть запасная ручка? Я свою выкинула в окно». Неровно обстриженные волосы топорщатся возле ушей, тонкие губы поджаты и выглядят на лице тёмной чёрточкой, круглая родинка на виске кажется нарисованной. «Потому что я люблю тебя, придурок». Алгебра или геометрия. Мел в руках Софи крошится, когда она пытается записать на доске условия задачи. Она берёт другой кусок, тот движется по доске с омерзительным скрипом, но Софи нарочно продолжает выводить какие-то знаки, пока учитель не просит её остановиться. Софи сидит на заборе возле школы и сдирает бумажную этикетку с бутылки пива. «Ладно, Фил. Раз ты не хочешь на мне жениться, может, хотя бы умрём в один день?» Софи чертит что-то веточкой на земле, объясняет Марине теорию гомоцентрических сфер. Она выглядит очень худощавой в этой зелёной водолазке с высоким воротом. Их любимого географа заменили

противной тёткой с трясущимся подбородком. В знак протеста они прогуливают первый урок. На детской площадке никого. Филипп толкает пустую карусель, и она поворачивается, как колесо Сансары. Софи ходит взад-вперёд по парапету крыши, сравнивая Будду с Иисусом. «Иисус мне ближе. А вам кто больше нравится?» Марина и Никита голосуют за Иисуса. Филипп встаёт на сторону Будды из чистого упрямства. У всех заканчиваются сигареты, и последнюю они курят, передавая по кругу. По дороге в ларёк Софи виснет на его руке и непрерывно спрашивает: «О чём ты думаешь, Фил?» Он не думает ни о чём – ради этого и выпил два литра «Жигулёвского». Софи не понимает. Она не может не думать. Не может усидеть на одном месте. Всё время вскакивает, меняет позу, что-то говорит, жестикулируя. «Слова имеют значение, только если они – поступок». Ей подстать Никита, но Софи не проявляет к нему особой симпатии. «Меня связывает с Филом не понимание, а необходимость». Софи отталкивается от парапета. Она думает, даже когда летит. Все гомоцентрические сферы помещаются в её голове, все иисусы и будды, и Фил рядом с ними – не пришей кобыле хвост. А потом эта голова трескается, как арбуз. На лице прорастает клюв. Мысль обрывается на полуслове. Нет, неправда. Сон, из которого не выбраться. Где-то прячется ошибка, но Филипп не может её обнаружить. Осколки воспоминаний продолжают лететь и ранить. Его череп превращается в продырявленную планету наподобие люстры в гостиной у Леонида. Филипп хочет убедить себя в том, что спит, но ничего не выходит. Явь очевидна. Она обступает со всех сторон.

– Стой, куда ты?

Он ринулся напролом. За его спиной сомкнулись мокрые ветви.

Марине ничего не оставалось, кроме как лезть следом за ним. Пытаясь проложить путь руками, она уже не была уверена, что поступила правильно. Филипп продвигался вперёд гораздо быстрее её. Кусты шуршали где-то в отдалении. Казалось, этому не будет конца, но вот шорох смолк. Сквозь ветви стали видны огни атомной станции.

Подобравшись ближе, Марина увидела, как, стоя на берегу, Филипп стаскивает футболку через голову.

– Что ты делаешь?

Никакого ответа. Сквозь последний слой ветвей Марина шагнула вперёд, но, споткнувшись о какой-то предмет, больно ударилась коленом. На ощупь предмет казался тяжеловесным стулом с металлическим каркасом. Отодвинув его, девушка вышла к воде. Филипп уже разделся до трусов и стягивал с ног носки. Одежда валялась у его ног бесформенной грудой.

– Фил, ты рехнулся?

– Когда приходила Софи, я просто хотел спать, – выпрямившись, сказал он.

– Оденься, кому говорю... – Марина подняла с земли пальто и попыталась накинуть ему на плечи.

– Подожди, не надо, – он отвёл её руки.

– Это оно? То место, которое ты искал?

– Можешь себе представить? Человек без тебя умирает, а ты в это время просто хочешь спать.

– Оденься, Фил, ты не виноват.

– Подожди.

Он вошёл в воду. Поскользнувшись на камне, взмахнул руками, но удержать равновесие не смог. Шлёпнулся, поплыл, разгребая перед собой жидкую темноту.

Марина собрала разбросанные вещи и затолкала их в куст, как на полку шкафа. Подняла с земли опрокинутый стул.

Филипп удалялся от берега. Он не хотел ни плыть, ни дышать, ни остановиться и пойти ко дну. Не хотел ничего. Но мышцы механически поддерживали его на плаву. Лёгкие вновь и вновь наполнялись воздухом. Движение не прекращалось, как будто его тело знало, что делать, гораздо лучше, чем он сам. Но где же этот «он сам»? Филипп видел маячащие впереди огни, плывущую навстречу воду, далёкий берег, шоколадное небо над городом и с другой стороны – тёмную синь, отрывок Луны в прорехе тучи, постоянно меняющий очертания, и одновременно видел себя со

стороны, сверху, сопящий силуэт, барахтающийся в воде, серое на чёрном, прилипшие к шее волосы, ещё сухие на макушке, костлявые плечи, ритмичные движения рук, влекущих не пойми куда. Осколки воспоминаний как будто больше не задевали его. Он был посторонним свидетелем непрекращающейся экзекуции. Наблюдателем, который не знает сочувствия, судит строго и беспристрастно.

Две жизни оказались меньше, чем одна. Ни во сне, ни наяву эта серая фигура не совершила ничего, заслуживающего уважения. Сны всегда были ширмой, лучшим средством избежать действительности. День ото дня они искушали его. Набивали себе цену, отвлекая от голой очевидности. Во сне он мог быть кем угодно, но просыпался всё тем же... Он ошибся, когда принял свою болезнь за дар, когда ушёл из университета на четвёртом году обучения, когда оставил Софи одну и тут же о ней забыл, когда оборвал связь со всеми, кто был ему дорог. Он сказал «нет» и закрыл глаза. Он полюбил сны, потому что они позволяли ему не жить. По той же причине он полюбил Лейлу и затеял нелепые отношения с Мананой. Непонимание было лучшим залогом безопасности. Эти девушки не могли разбудить его, даже если бы захотели. Решение поступить на медицинский – не самообман ли во имя видимости? За время, минувшее с тех пор, как решение было принято, будущий врач не посвятил подготовке к поступлению и часа. Кто вообще сказал, что он хочет стать врачом? «Он сам», ставший наблюдателем, не видел для этого ни внутренних импульсов, ни внешних предпосылок. Так чего же он хотел? Спать, всего лишь спать. И никогда не просыпаться...

Тело устало плыть и приостановилось отдышаться. Судья-наблюдатель тщательно изучил суть дела, но вынести приговор не мог. Сторона защиты молчала на протяжении всего слушания. Вениамин был бы отличным адвокатом, да только где он?

Филипп вернулся в реальность, когда краем глаза уловил позади себя какую-то вспышку и повернулся на свет. Словно в ответ на его мысль на берегу загорелся голубой фонарь Вениамина.

Сторонний наблюдатель тут же куда-то исчез. Филипп повернул назад. Смерть Софи по-прежнему казалась ему чем-то нереальным. Впрочем, нереальным было практически всё. Сны и явь, прошлое и будущее. А реальность – вот она: ледяной воздух, тёмная вода, голубой свет и берег, до которого нужно доплыть.

Вопреки его ожиданиям, Марина стояла в голубом свете одна.

– Давай скорей! – торопила она. – Вылезай.

– Что случилось? – спросил Филипп, выходя из воды. Ветер, в сущности – небольшой, казался, продувал тело насквозь. От холода застучали зубы.

– Да скорей же, – она сунула ему в руки футболку. – Вытирайся, а то придётся лечить тебя ещё и от пневмонии.

– Он был здесь?

– Нет, но...

– Откуда тогда фонарь?

– Дай мне объяснить! Фонарь был в пакете. Я нашла его, когда хотела сесть на стул. Белый пакет был примотан к сиденью скотчем. Я посветила телефоном. Написано: «Филиппу». Отодрала кое-как. В пакете был вот этот фонарь, тетрадь и связка ключей. В тетради – записка...

– Ерунда какая-то, – кое-как обтерев тело футболкой, Филипп натянул свитер. – Ты прочитала, что там?

– Да. Слушай, – Марина открыла тетрадь. – «Не знаю, почему я выбрал тебя. Это необъяснимо, так же как и тот факт, что ты – единственный, кого я привёл сюда, сам не понимая, зачем. Возможно, мы братья по духу. А может, дело не в этом, и мой выбор случаен. Тогда мой мозг подобно лототрону перемешал все известные ему имена и выдал твоё. Если здесь ты не появишься, то десятого ноября, через три дня после того, как я написал эту записку, тебе позвонит продавщица из «Гастронома». Я дал ей пятьсот рублей, чтобы она сказала тебе пару слов. Обещала, что не подведёт. На вид – порядочная женщина. Только не впутывай её... Мы даже не знакомы. Ниже адрес.

Поезжай туда, как только сможешь. Ключи в связке пронумерованы. Двери нужно открывать, начиная с нижнего замка. Там, внутри, Лёва...»

– Лёва?! – Филипп по привычке подумал, что спит. Но о том, что происходящее – не сон, кричала каждая мышца и каждая мысль, и стучащие от холода зубы.

– Ну да... – кивнула девушка. – «Лёва, мой сын. Также оставляю контакты Леонида и Людмилы. Расскажи им всё, как только сможешь». Дальше адрес и...

– Не может быть! Дай гляну, – он застегнул пальто и, схватив тетрадь с фонарем, пробежал глазами по странице. – Точно, Лёва...

– Ты его знаешь?

– Идём, – заторопился Филипп и пошёл первым, продолжая уже на ходу: – Я видел Лёву во сне. Он просил меня помочь, но я не знал, как. Честно говоря, я даже не верил, что он настоящий. Сейчас плыл и думал, что всё это время жил во лжи... А выходит, нет, была и правда. Пускай она просвечивала сквозь ложь...

– Фил, подожди, может, расскажешь всё по порядку?

– Да-да, сейчас... Так ты со мной?

– Ну, конечно.

41

Будильник не прозвенел. Когда я проснулся, в квартире было тихо. На часах горели алые цифры. Девять, ноль, ноль.

Я не мог поверить, что в самом деле выбрался из той серой пустоты, в которую шагнул во сне, и некоторое время просто рассматривал комнату. Я не мог поверить, что всё это снова моё – даже окно, скрытое под кирпичами, даже паутинка под потолком, даже присохшие к столу капли клея и налипшая на покрывало шерсть...

Кажется, в тот момент я понял правду. Это не я создал Солнце и Луну, не я создал канделябр, оленя, лошадь, поле, пчёл и людей. Мои словари и заклинания были похожи на письма Филиппа. Я называл вещи по именам, чтобы однажды их увидеть, – и в конце концов мир ответил мне. Слово «пустота» тоже записано в моём словаре. Значит, я должен был в ней оказаться. Теперь это ясно. Но что дальше?

Я решил рассказать обо всём папе, потому что не знал, что делать. Признаться, что не послушался и, поверив снам, увидел то, от чего он так долго меня берёг... Остался ли я после этого по-прежнему незаколдованным? Мне не терпелось узнать ответ. Поэтому я не стал умываться и пошёл в кабинет прямо в пижаме. Постучал сначала тихонько, затем – настойчивей и громче.

Дверь была не заперта. Я приоткрыл её:

– Пап, ты здесь?

Он не ответил, и я вошёл. Я зажёл свет и увидел папу посередине комнаты. Он лежал в невысоком продолговатом ящике и, казалось, спал. Одна рука свешивалась за край, а вторая была прижата к груди. На бледном, голубоватом лице – едва заметная улыбка. Я не мог понять, почему папа спит в ящике. Я не мог... Справа от входа стоял удобный диван – разложенный, но не застланный бельём.

– Пап, вставай, – попросил я. Но он не встал.

В кабинете было прибрано. Я чувствовал холодный ужас, глядя на этот порядок. Блестел линолеум, блестели ножки стола. Книжки на полках высокого деревянного шкафа выстроились ровными рядами без единого просвета. Не блестела только картина над диваном: человечки в чёрном, повисшие в воздухе на фоне дома с красной крышей. Я присел на корточки и дотронулся до папиного плеча. Оно было твёрдым и прохладным. Возле ящика стояли три закрытых канистры.

Потом я заметил тетрадь. Она лежала на полу у изголовья ящика, раскрытая на первой странице. Пока я читал, буквы слегка дрожали.

Это смерть, Лёва. Ты видишь её прямо перед собой. Если думаешь, что я сплю, дотронься.

Меня в этом теле уже нет. То, что с ним происходит, называется трупным окоченением. Оно начинается через пару часов после смерти. Организм охлаждается до температуры окружающей среды, и влага начинает из него испаряться. Быстрее всего её теряют глазные яблоки, мошонка и головка члена, кончик носа, уши и пальцы. Если мои глаза открыты, на месте белков ты видишь жёлто-бурые треугольники с вершинами в уголках глаз. Я надеюсь, что мои глаза закрыты. Но если нет – смотри и ничего не бойся... Или нет, не надо. Прикрой чем-нибудь моё лицо.

Канистры наполнены формалином – раствором, который предотвращает разложение белков. Открой канистры и вылей его в гроб, чтобы мой труп не начал гнить. Пожалуйста, сделай это прямо сейчас... Готово? Тогда закрой гроб крышкой. Она стоит в углу, слева от шкафа... Теперь выйди из комнаты и постарайся обо мне забыть.

На кухне есть немного продуктов. Если будешь кушать понемногу, хватит на две недели. Корм для Льва – в прихожей, в чёрном пакете. Колотить в дверь бессмысленно. Она почти непроницаема для звука, так же как и стены. Ты заперт на все замки и не найдёшь в квартире ни ключей, ни телефона... Сейчас объясню, почему.

Самое важное, Лёва, происходит в критические моменты нашей жизни. Лучшие идеи вспыхивают в мозгу в моменты самого глубокого отчаяния. Я прорвался к Богу через сильнейшую боль и видел свет всякий раз, когда казалось, что всему конец – да, да, лишь после этого, не раньше! В последнее время бороться становилось труднее. За болью следовала новая боль, за кошмаром – кошмар, и так без конца. С работы меня уволили месяц назад. Я был у врача, который лечит души, хотя не обращался к нему с тех пор, как не стало Златы. Никакого толку... Меня затягивало в темноту. Я очень хотел защитить от неё тебя.

Наверное, поэтому в твоей жизни критических моментов не было. Я так любил тебя, что даже не замечал, как становлюсь живой преградой между тобой и Богом, между тобой и новым миром. Твоя жизнь текла размеренно и тихо. Пару раз ты серьёзно болел и мог переживать из-за наших разногласий, отсутствия новых слов или чего-то ещё. Но ведь это мелочи. То, что происходит снаружи, куда страшнее.

Одни умирают, другие переживают их смерть – вот и вся история. Из века в век. Каждый может убить, а воскресить – никто. Кладбища ширятся во все стороны. Только представь – огромные пространства, оцетинившиеся могильными крестами. Люди появляются там с ненастоящими букетами и бродят по костям, припорошенным землёй. Некоторые загодя бронируют себе место, чтобы разлечься рядом с родными. Их жизни расписаны от и до. Говорят, это удобно: составить план и не отклоняться от него ни на шаг. Они знают, что будут делать через день, год и десять лет, знают червей, которые съедят их труп. Они отгородились от Бесконечного и только поэтому чувствуют себя в мире, как дома. Их язык состоит только из слов, а определённая пахнет плесенью... Ужасней всего, что сам я ничуть не лучше.

Год за годом идеи по переустройству Вселенной множились и гнили у меня в голове. Оттого, что эта свалка невидима, вонь от неё не становится меньше... Я заблуждался, думая, что помогаю людям. Переустройство нужно начинать с себя. Здесь-то я и свернул не в ту сторону...

Дни превратились в ступени, которые можно перескакивать, не проживая. Убеждать всех и вся, что торопиться некуда, а самому при этом нести сломя голову... Неторопливое тело движется по-черепаши. Что в нём толку, если душа так и выпрыгивает вон? Быстрее, ещё быстрее! Я хотел скорее домчаться до того дня, когда у тебя получится... Но вот и конец. Я занёс ногу над последней ступенью. Ты видишь, куда я шагнул.

Думаешь, я мог поступить иначе?..

Что ж, верно. Я мог пропасть без всяких объяснений, но тогда смысл моего поступка остался бы для тебя загадкой. Я мог объясниться в письме и, соврав, умереть понарошку. Но я слаб – не выдержал бы, вернулся. Нет, Лёва, уловки тут не помогут. Только настоящий поступок имеет воспламеняющую силу.

У тебя есть около двух недель, чтобы добраться до памяти Бога и создать мир заново. Я знаю, через мою смерть это произойдёт, хотя бы потому что станет жизненно необходимо. Я бы не убил себя, допуская хоть малейшую возможность, что ты просто умрёшь от голода в пустой квартире.

Сначала будет тяжело. Но ты не должен сопротивляться. Спокойно наблюдай, как боль расходитя по телу вместе с пульсом. Это полезный яд. Нужно претерпеть его действие до конца. И стены исчезнут, я обещаю. Ты увидишь свет, если будешь к нему стремиться.

Люблю тебя. Папа.

43

Сейчас я перечитал письмо полностью, но тогда – не дотянул и до второй страницы. По комнате поползла какая-то сиреневая дымка. Буквы стали едва различимы и постепенно рассеялись в белизну. Тетрадь ускользнула из рук. Я хотел ещё раз взглянуть на папу, но его лицо уже лишилось черт, смазались контуры гроба. Дымка, став гуще, растворяла в себе предметы.

Я совсем забыл про канистры с формалином и не помню, как вышел из комнаты. Дымка была в коридоре, и в кухне, и в ванной – всюду. Опустившись на пол, я прислонился к какой-то стене и, закрыв глаза, увидел розовую Луну. Она висела над домом, а потом вдруг упала, словно соскочила с гвоздя, за который цеплялась непрочной петелькой. Я увидел оленя с восковыми рогами. На кончиках рогов дрожали тонкие фитильки, сияли капли огня, горячий жемчуг медленно стекал на лоб... и снова – Луна. Я нашёл её в оленьем глазу. Вместе со зрачком она росла вширь, пока не развернулось новое небо, и я вдруг с ясностью осознал, что мир – тот мир, который создал не я – существует внутри оленьего зрачка. Интересно, знают ли об этом люди?

Лев лизал мои руки и тихонько скулил. Тишина звучала, как чьё-то дыхание. Я не мог понять, что произошло. Нет, не с папой... Я никак не мог вспомнить, какого цвета в комнате обои. Нарисованы ли на них олени, лошади или звёзды? Нужно было встать, но я не шевелился. Луна начала неспешно вращаться, как колесо обозрения, на котором мы с Филиппом катались как-то во сне. В её розовом рельефе зарождались ветвистые узоры.

Не знаю, что было потом. Кажется, я уснул или что-то вроде... А когда открыл глаза, стены уже исчезли.

06.03.2018

Анна АРКАТОВА

ГОСПОДЬ В СТОРОЖАХ

Вот так река – а так вот он тонул
гребцы на лодках набережной гул
в библиотеке снов такой зачитан
есть варианты вместо он – она
пузырится сорочка и спина
еще видна но вскользь не нарочито

И камера не дергаясь следит
как исчезает не привитый вид
но в копиях где множима погрешность
закреплены поверхность и борьба
не навернуться в воду
и всегда
захлёбываться
вынырнув конечно

Во поле березка стояла
во поле для гольфа стояла
люлилюлюли заломати
почвенную ямку залатати

вот теперь зеленою попоной
дол накрыт как плечи синтепоной
глаз не режет каверзный сюжет
мячик не застрянет на меже

уготовь размах во спорта имя
между нами девочками стыня
а потом на север против ветра
по лыжне в пятнадцать километров

Анна Аркатова, поэт, родилась в Риге, окончила филологический факультет Латвийского государственного университета и Литературный институт им. А.М.Горького в Москве. Работала учителем словесности, редактором. Автор шести поэтических книг. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов» и других. Колумнист журнала Psychologies. Куратор и ведущая проекта «Египетские ночи» в жанре creative writing school. Живёт в Москве.

пятьдесят девятый все на сборах
в самовязных головных уборах
на грудях газетные листки –
дваждычемпионка обморозила соски
ой лежит раскинувшись палаткой
а над ней разрядник тихой ваткой
отдирает мякоти куски

распуши меня соревнованье
распусти по финишной прямой
как соизмеримую каймой
как мочалу в подогретой ванне
я сложу губами цыпцыпцып
к однодетной матери подтянутся отцы

Цыпцыпцып зайчата и сучата
во поле березонька зачата
и растёт как будущая в гольфе
принимает зиму словно морфий

Скажите девушка вы вдруг не балерина?
Нет, я из банки тонкая сардина
я легкий инвентарь для пикника
витой шампур особый нано прочный
карниз струна – стеной и потолочный
мой старший брат – знаком наверняка
я часть простейших в мире биографий
а также часть нежнейших фотографий
я общий фон в расфокусе зерно
лихой организатор доминанты
двойной портрет олады и пуанты
секвенция в раскладе домино
и в музыке я принцип повторений
я лаковая складка между теми
кто узнан был во мне и растворён
я целый офис до утра гулявший
скажите девушки подруге вашей
наматывающей фуэте

Говорил ей веди же себя как жена
вот она и ходила отражена
боковым трюмо полированной створкой

приоткрытой форткой
он давал ей подсказку наводку саппорт
отражаться умеет любой натюрморт
ты давай предъявляй свою нутрь
начиная с лазоревых утр
и когда она с глаз убрала полироль
и волшебный флакон для протирки стекла
оказалось что где-то записан пароль
от нутра но найти не могла

И войти в эту область в столицу во храм
ни самой ни тому кто читал по губам
не получится (бог с ним с губами)
а получится лечь головой на руке
развернув эту руку как делать перке
на краю своего котлована
как бы ложка лежит оловянна

Что если не выходить –
ноги совсем отсохнут
говорит моя мама и тормозит отца
Что если не говорить
можно совсем оглохнуть
не отличимо начало слова от середины конца
Что если не полюбить
тут всё будет васьвась
чашка прижмется к чашке
Чехов к Хэмингуею
пульт не расстанется с пультом
зимнее не шевелясь
ляжет в одном шкафу
с летним – но чуть левее

Родить от тренера по плаванию
поймать с охранником волну
с друзьями сына синим пламенем
сгореть, ещё одну войну
проспать с кудрявым барабанщиком
уйти с поэтом в никуда

какая господи цыганщина
томится в сердце без суда

Сегодня обещали ливень
но солнце не зашло ни на минуту
и тень какую ждёшь повсюду
стоит за деревом разута
и не готова
Шёлк моей реки то сморщится
то вытянется швами
как скроенное по косой
играет с формами
любыми
и платьем двигается с нами
и складки делает из нас
плеча дотронется
и под лучом сомнётся
Или
бельишком сваленное в таз
то высохнет
то сполоснется

Совпадение

Когда тетя Люда собрала все бумаги дяди Вити
чтобы в седьмую поехать с утра предъявить и
договориться о шунтировании по квоте
я топталась на переходе
Когда я поставила резиновую подошву All Star
на нарядную зебру
то есть покинула тротуар
не дождавшись зеленого
каких-нибудь десять секунд
храм Вознесения Господа в Сторожах
мне пожелал зайгезунд
то есть двинул распевным колоколом
в восемнадцать ноль ноль
чтоб в затылке осколком засел его си бемоль
чтобы между лопаток забила пестом своеволь
все твои два квартала до Трубников
чтобы ты знала ангельских наших полков
собранных во спасение твоих твою мать костей
а уж потом для несения
божиих новостей

СГОРАНИЕ

Рассказ

Север

Ты умираешь. Вкус огня – черный, но тебе он еще не знаком, ведь первая смерть твоя закончилась совсем недавно, и были между нами цветы, всегда только цветы. Ты снова ничего не знаешь, беззаботный, прижимаешь меня к себе, целуешь волосы и ладони. Ночью, в свете фонаря за окном, я смотрю на твое спокойное лицо, на подрагивающие ресницы, которые я сам опускал, содрогаясь. Ты еще меня помнишь, а я себя, кажется, забываю, живу тебя, сколько еще осталось сил, только слышу рядом твое дыхание.

Тогда, в день до твоего возвращения, был утренний воздух бел и жесток. Вдоль высоковольтных я шел домой, сжимая шуршащий букет в серой бумаге. Иногда я останавливался среди высокой травы, а она обнимала мои колени, шептала, хотелось спать. Я гадал, не замерзнут ли цветы на этот раз, а мир устало смыкал веки – зеленое и серебряное. Как всегда, снимая уже на лестнице шарф, я толкаю плечом стеганую дверь. На втором набираю в вазы воду, думая о потерях, о неготовности терять. И разве можно быть готовым, ведь я хотел сказать, как ты важен, сколько значишь для меня, хотя, наверное, мы говорили об этом совсем недавно, но все снова превратилось в нелепое бормотание, нас утянул на дно груз замолчанных слов. Остались невысказанными оба.

Хрусткие стебли хризантем падали в раковину, кожа пропиталась их горечью. Я закурил восьмую сигарету, когда солнце выхватило из полумрака комнаты желтые головки цветов; прижигал волоски на руке из скуки, пытался сложить слова в голове заново. И все они забылись, потому что теперь некому было их говорить, некому было слушать. Я задернул шторы в шесть, чтобы в бледном мерцании телевизора никто не увидел меня с улицы. Это как раньше – когда мне, возможно, нравилось чувство страха перед теми, кто мог увидеть мои пальцы в твоих, интерес, когда начинается твое тело, кому принадлежит мое наслаждение. А теперь я прихожу, срезаю стебли, задерживаю шторы, натянутый смех, сигареты, порно, – все одинаково, не греет куртка из бетона. Но ты вернешься, ты всегда возвращаешься. Я обещаю тебе.

Тео, так красив был твой уход, все свершилось, как ты хотел. Я подстриг твои волосы и ногти, помог лечь удобно, ты был в центре внимания – такой нежный среди гранитных стен. Одолеvalo желание лечь на пол, уснуть, чувствуя, как ты согреваешь меня. Наверное, обняв ладанный воздух, я спросил бы: кому из нас горячее сейчас, кто сгорает больше? Так спать хотелось после холодной улицы, а в крематории всегда тепло, ведь ты поэтому уснул? Да, тебе тоже было холодно. Я видел, как дрожат твои голубые губы, и я знаю теперь наверняка: зелень нужна, чтобы скрыть здоровый румянец, а иначе – зачем столько цветов?

Богдан Бейк родился в 1996 году в Екатеринбурге. Учится в Екатеринбургском государственном театральном институте на пятом курсе по специальности «Литературный работник» (худ. руководитель Юрий Казарин). Работал библиотекарем, библиографом, курьером. Участник и стипендиат 18-го Международного форума молодых писателей России, СНГ и зарубежья. Публикуется впервые.

Но никто не заметил. Под треск свечей все молча катали шарики из воска, чтобы после вложить их в детские уши: они не услышат зла, все повторяли. Опустили глаза из стыда в тот день, но опустили они их сейчас, то увидели бы, как по весне вместе с фиалками и подснежниками из земли поднимаются к нам руки любимых. Ты знаешь – я тебя не отпускал, не предавал, как это сделали они, неопределенного возраста и лица. В тебе смысл, в тебе не только ты, а все наши жизни, поэтому ты не можешь уйти.

До тебя по ночам – у разных дверей, нет дома и хлеба, и я слышал, что люди так быстро стареют. Когда всюду расплесканы жемчужины, и пыль от моих перемолотых другими костями танцует в огнях, – все поставлено на карту чужих желаний. Я иду не теми дорогами, за каждым поворотом болтаются петли, остаются засечками на моей истончившейся коже те, кто ласкает себя. Слоняюсь без дела, бесконечные пальцы, холодные пальцы, обхватывают шею, проникают насквозь в мои плечи и горло, все чешется от взглядов, которыми они кормят меня. Я дождусь звонка и поеду куда-то, чтобы еще немного чувствовать себя нужным. Я не умел нежность, я не знал, что ее выражает – какие движения, какие слова. Я знал лишь, что спина – это про любовь, возможно. Похоть – она всегда рядом с гневом, она ниже. И так я изучал их и себя в смятых кроватях, в лицах за секунду до, в лицах после. От подъезда к подъезду, сдирая белые пленки, от подъезда к подъезду, пока я не встретил тебя.

Тео

Весна. Оцепеневшая ночь набросила плотную шаль на город, приглушив слишком яркий свет из окон. Фиолетовые облака растворялись холодом. Он опускался мне на щеки, на шею, на плечи. Я увидел Севера на качелях в одном из окраинных дворов, почувствовав одновременно тревогу и жалость. Тонкая куртка на голое тело была растегнута, обнажая острые ключицы, дым сигареты лип к тонким пальцам левой руки, потрепанные кеды без шнурков погружены в грязный сугроб с тонкой коркой льда. Я не мог знать, что это он увидел меня первым, привел в этот двор и заставил смотреть вместе с ним на пробегающий вдалеке серпантин электричек.

– В самый поздний час, когда стемнеет так, что захочешь открыть открытые глаза, я иду к станции, – сказал Север. – Там никого никогда нет, из вагонов никогда не выходят люди, даже если поезда стоят подолгу. На путях рядом есть такие синие огни, они всегда близко к земле, дрожат и расплываются. На самом деле это глаза, но не такие, как у домов. Дома всегда попустошонни, указывают путь здесь, а на путях – всегда туда зовут.

Я сел рядом, приблизившись лицом к его рукаву, но не смог пересилить себя и уткнуться носом. Он протянул мне сигарету, мы курили молча. Я смотрел на него, испытывая интерес к его скулам, рукам, запаху. Странно, что эта несовершенная невинность привлекала, пусть в Севере были видны следы истерности и распутства, однако ни одно его движение или вздох не вызывали у меня отвращение.

– А знаешь, я видел тебя в глазах замерзшей птицы, – сказал я. – Мне кажется, ты упал со снегом зимой и теперь никак не можешь вернуться. Где твои перья, птица?.. Ты устал летать? Птицы, они те же ангелы, но и они устают летать, падают на землю, только никто никогда этого не видит. Всегда нужно улучшить момент, чтобы упасть и остаться незамеченным.

Я и не знаю отвращения, не знаю интереса красоты и возбуждения. Я не знаю, что Север может испытывать вину за наслаждение, противоречивое чувство собственной омерзительности, даже ущербности и ничтожности после наслаждения. Не знаю, что вместе с этим приходит возвышенность, гордость и мысль, что никто тебе больше не нужен, только ты сейчас значим, а все остальные лишь слюна и тени. Севера убивала смесь стыда и превосходства, он скажет потом это, а я все равно не пойму.

– А тебя земля не держит, – Север посмотрел на мои ноги.

– Да, действительно... У тебя есть дом?

– Не знаю, я не думал об этом. Но я могу проводить тебя, если хочешь.

Он повел меня над запорошенным асфальтом, над прошлогодними гнилыми листьями, плавающими бурными пятнами в серо-желтых лужах, а я едва перебирал оторванными от земли ногами, ведомый слабой рукой вихрастого мальчика. Он что-то щебетал всю дорогу, практически шелестел едва слышно, как мелкая, но бурная речка.

Мы нашли квартиру, где, вероятно, находился когда-то притон или что хуже. Окон здесь почти не было, пришлось заклеить их пустоты выкрашенными в лиловый газетами. Окно осталось только в спальне, занавешенное тяжелыми черными шторами, за которыми кто-то пытался спрятать яркий золотой луч фонаря. По стеклу шла мелкая сеть трещин и царапин, это напоминало вечную наледь. Стены, наспех одетые в шелушащуюся голубую краску, в этом свете становились похожи на множество спящих голубянок.

– Я никогда не навязываю себя, – сказал Север, – потому что когда-нибудь все изменится, и мы окажемся далеко.

– Расстояние всегда сокращается хризантемами. Живые растения пьют землю, а смотрят в небо, поэтому они всегда посередине и только между.

Север

Я не мог касаться его. Он похож на серебристую рыбу, похож на тонкое крыло бабочки, которое нельзя задеть, не причинив боль. И мне не хотелось впервые ничего, кроме смотрения и проникновенных вдохов его. Хотелось встать на колени и молиться на Южный Крест в полушарии его левых ребер, тереться лбом о неясные шрамы у лопаток. Они никогда не заживают, говорил он, распаковывая новый бинт, всегда кровоточат, но к этому привыкаешь. Возможно, есть что-то большее, чем тело и эти горячие привязанности к частям, подумал я тогда.

Он ходил на работу, а я вкладывал в его пальцы цветы, чтобы он слушал их хрупкость, какой не обладают на самом деле люди, которых он вскрывает. Хрупкость обостряет чувства и придает сил.

– Никогда не бывает случайностей. Есть всегда нити, их переплетения, сложные узлы нашей действительности. Вот если встречаешь кого-нибудь, то никогда нельзя думать, что это случайность. Напротив, есть лески и крючья, иногда надрывающие кожу, но надо терпеть. И еще – всегда нужно ждать своего, никогда не обрывать дверные ручки зря. Просто дверь еще не открыта или нельзя тебе пока в нее. Это так с людьми, ты веришь в случайные встречи?

– Мне было дано всего одно желание, я выбрал оказаться где-то рядом, – пожал плечами Тео, бросая камешек в воду.

– Ну, – я подал ему еще один, чтобы ему не пришлось наклоняться, – вот я не верю. Разве ты не замечал ночью, что кто-то целует тебя в лоб и говорит, что обязательно приведет тебя? Это тебя успокаивают, дают шанс понять что-то важное, только многие не хотят замечать. И вот когда просыпаешься, то нужно не забыть эти послания.

– Я еще не просыпался, наверное. Когда обретают смысл круги на воде?

Тео стоял над водой, и звенящее лето высекало на его белоснежной груди бронзовые линии. Они были похожи на те линии, которые он проводит: две от ключиц, они смыкаются ближе к сердцу, а потом превращаются в стремительный штрих, будто штиль ноты, огибают впадину пупка осторожно и заканчиваются тихой остановкой у лобка. Это музыка, вся жизнь в людях, как натянутые струны виолончелей и контрабасов. Все звучит в разных тональностях, я лишь веду свою партию от первого до последнего такта, говорил Тео. На сверкающей заводи расходились круги, я жевал сосновую иголку. Тени сосен в полдень выгорали на песке и тонких пальцах твоих ног, нас накрывало молчание и дремота.

Кожа – это прелюдия чувства. Акварельное плато наше млеет, разогреваясь все сильнее. Сухой воздух лижет кадык, руки и живот позолочены, мы ощущаем себя живыми в этом пределе.

Яркий закат, возвращение в надежде, что завтрашний день нас излечит от мучений, рожденных среди панельного леса. Лужи в масляных пленках, цвета побежалости, высокие заборы отделяют от свежести. Ориентируемся только по сигналам светофора в удушье вечера и объездных дорог. Город нас стирает в пыль, а хочется быть иногда диким, ногти погружать в жирную землю, в улыбках видеть блеск стрекозы, а не фарфор.

Недавно полынь и даже самый высокий осот перестали касаться твоих мягких ступней, лицо поменялось. Что-то сверкнуло на затылке – паутина или седина? Ты спросил меня о смерти, но я не смог ответить. Ты пообещал встретить меня неслучайно.

Тео

Ливень. Однажды весь мир исчез во тьме, и только редкие вспышки выжигали дождь в моих глазах. Он лил мне на щеки, на шею, на плечи, затекал за ворот, бежал по спине. Почему люди не любят дождь, спрашивал я себя, проходя вдоль цветущих пионов в радужных каплях. Быть человеком, чувствовать, иметь впервые имя, рост, лицо, тяжелое сердце. Это билет в один конец, дальше – только смерть. Что это такое? Я не знаю. Возможно, смерть и есть жизнь, процесс умирания, движение солнца, сон кошки, что не знает ничего о времени, никуда не торопится. И я не знаю.

Я хотел увидеть людей изнутри, стал врачом, изучил разрезы. Теперь вижу насквозь их, но что-то скрыто от меня во мне самом. Сиреневым цветком клевера, волной, огнем свечи, – проживая бесконечные жизни, я не знал, что это на самом деле. Все до этого были лишь прекрасные отблески явлений, я ловил солнечных зайчиков от людских зеркал, их судеб и движений. Сколько пальцев у дерева? – только сейчас я задаю себе этот вопрос, будучи человеком. И я боюсь не успеть на него ответить. Я боюсь не успеть совсем ничего, бегу в растерянности, а мир пролетает мимо моей ладони.

Обыденно я рассматривал новое тело, привезенное сегодня утром, не решаясь опустить нож. Они все усыхают после смерти, как розы в букете. Это нужно заканчивать, я здесь слишком долго, я никуда не пришел. Беззвучные голоса и пустые станции вошли в меня глубоко вместе с именем, снег пахнет зеленым, я хочу дышать зимой, чтобы хрустело в легких, но воздух слишком тяжел. Все спящие похожи на шелесты травы, на свисты птиц по утру, а их глаза высечены вечным небом. Внутри все замирает в ожидании, в нежности, в жалости. К ним, к –

Тео не знал – и это его мучило, выскребало внутри царапины и знаки – материнской любви, не знал любви к животным, не знал любви человека, даже физической. Он боялся спать с теми, кто нравился ему, он боялся теплого тела и происходящих в нем процессов, вздохов и поднятий. Он пытался разгадать взгляд Севера, был весь в мелкой дрожи от прикосновений прохладных пальцев к его тонким лодыжкам, но не осмеливался сказать ни слова, как-то благоговей перед этим невысокого роста парнем, поднимающим окурки за соседями в подъезде, чтобы потом затануться глубоко. Я покупаю сигареты, говорил Тео, почему ты так со мной? Ну, попроси у меня денег, купи, что захочешь сам: одежду, выпивку, купи себе торт, давай будет праздник. Ты заболеешь, это же грязно, перестань, пожалуйста, мрачно причитал Тео снова и снова. А Север только качал головой, улыбался и продолжал гладить лодыжки любовника. В конце концов, думал Тео вечерами, ну чем я хуже него? Что не так со мной?! И в отчаянии не клал сахар в чай.

Работая с мертвыми телами, Тео не испытывал страха перед тем, что его ждало, но вместе с этим он перестал чувствовать и привязанность к жизни. Да, она радовала его и дарила множество впечатлений от каждой секунды, от каждого вдоха, однако что-то свербело глубоко внутри. Он не мог ни разу сказать, что белые-белые облака – они его, что зеленые бутоны дремлющих маков – его, едва уловимые запахи разогретого летнего луга – его. Все было мимо и мимо, все оставляло

ноющую пустоту, все было едва заметным, слишком быстрым, слишком смертным. Тем временем асфальт становился все дальше, это больше замечали прохожие, чем сам Тео.

Иногда после работы он сворачивал с обычной дороги и уходил глубоко в лес, где пытался обрести понимание. Ему казалось, что только бирюзовые кроны вечернего часа могут разделить с ним это смятение, но ошибался и шел глубже и глубже, к темному затону. Там он сидел до ночи, бросая в воду камешки, слушая их звучные шлепки, глядя на мелкие пузырьки и вихри ила, поднимающиеся со дна. Песок больше не отдавал тепла, и поталь заката не оседала на губах в улыбке.

Закричать, зареветь, думал Тео, как режут звери, но нет сил. Я не могу коснуться земли и поранить ногу, почувствовать холод камней, боль, теплую кровь. Щеки горят... Возможно, в последний раз. Поднимается туман, осень, застывают лужи. Я больше не услышу треск и скрип льда утром, наступив на тонкую корочку. Наверное, я уйду раньше, чем выпадет снег, и не успею увидеть, как он ложится на плечи Севера. Его плечи. Почему мне хочется сейчас так обнять его? Он мог быть скрипачом (или альтистом, хотя это грубый для него инструмент), а скрипка бы касалась его плеч с любовью. Может, в следующей жизни я смогу стать этой скрипкой. Так давит сердце, оно тяжелое и горячее, красное, большое. Сердце, только ты тянешь меня к земле еще, верно? Нет, это не мясо, это больше.

Есть ли ответ на вопрос моего пребывания здесь? Я слишком далеко от Него, мне и не приблизиться, чтобы получить ответ. Но когда Север рядом, все ключи становятся одним, а двери теряют замки. И если это любовь, то и она – умирание? Шанс прекрасного прощания, который был дан мне?

Север

Я скоро умру, сказал он мне. Я знаю, Тео, хотел ответить я, но не смог. И мы продолжили молчать. Я не чувствую смирения, вдруг прошептал он среди ночи. Не бойся, не бойся, говорил я, это ненадолго, я обещаю. Это не страшно, продолжал я, что бы ты хотел? Я не думал об этом, ответил он. Ты ведь не умирал никогда, откуда знать тебе? Он так говорил. Шли часы, дни за днями проходили в молчании. Тишина сводила с ума, мне начало казаться, что я слышу, как стонет арматура в стенах, а кровь бежит по сосудам соседей. Мне приходилось включать воду и просто смотреть на нее, убеждаясь, что звуки еще существуют, что я еще существую. Я здесь, рядом с ним, я рядом, нужно просто пережить это. Пере-жить. Слова. Порхают мотыльками под потолком, лезут в глаза, под одежду. Трепет, бабочка сложила крылья. Этот октябрь никогда не закончится, подумал я, прогуливаясь по городу. Этот октябрь никогда не закончится, говорил Тео, морщась от боли утром.

Я видел его нежелание идти в больницу, даже думал сам выйти на работу, но Тео, кажется, сейчас нужно было быть именно там, в своем кафельном убежище. Один на один со смертью – куда уж ближе? Это он так шутил. Да, Тео, куда ближе, когда ты каждый вечер ужинаешь со смертью, ходишь с ней в кино, стыдливо поджигаешь губы, когда она моет тебя в ванной, потому что сил твоих не хватает даже на поднятие кружки. Так что там ты даже дальше от нее, чем думаешь. Но тебе нужно принять это, перестать надеяться, а пока этого не произойдет, твоя боль не утихнет, я все время буду рядом, я буду ждать.

– Белые? – Тео взял букет и с недоумением посмотрел на меня.

– Желтых не было, – ответил я, снимая шапку. – Ну, прости.

– Я бы...

Он хотел сказать, что и сам мог купить цветы в таком случае, но осекся, потому как ветер относил его к самой верхушке фонарного столба, откуда он не мог спуститься без посторонней помощи.

– Да, белые – это хорошо, – заключил он, поджав губы.

– Не сердись. Поставь чайник, я пока переоденусь.

– Хочу, чтобы был снег! – крикнул он мне вслед. – Ты спросил о моем желании. Я бы хотел, чтобы вокруг был снег, чтобы мороз, птицы падали с веток. Вот как ты.

– А-а, – протянул я, надевая домашние штаны, – и все?

– Да. – Он набрал в вазу воду и поставил цветы. – Хочу на улицу, смотрю целый день в окно, а там ничего не происходит, точно повесили плакат за стекло. Все такое серое, сухое, плоское... Почему нет людей вокруг?

– Они есть, но когда ты влюблен, то не замечаешь их.

– Не давай им меня вскрывать, я не хочу, чтобы они рылись внутри, взвешивали меня, разбирали. Я не мясо, я же не мясо...

Он плакал. Я не видел мужчин в слезах, всегда думал, что это ужасное зрелище. Но он стоял передо мной в растянутой футболке, со спутанными волосами, которые из-за длины пришлось небрежно завязать в хвост, с резко поседевшей бородой, теплый и домашний, вызывающий странные движения внутри. Нет, лицо Тео оставалось спокойно, как всегда, только изгибистая морщина дернулась над его переносицей, а на ресницах блестели капли. Словно дождь или роса, подумал я.

– Не хочу умирать, – прошептал он. – Я боюсь.

– А если я умру с тобой? Со мной тебе будет страшно?

– А? С тобой и в аду гореть не так страшно... Я, кажется, чувствую к тебе что-то. Прости меня. Вот уже больше года ты все время где-то здесь, незаметно прячешься в тених больших окаменелостей, куришь, когда я ем. Из-за тебя вся моя одежда пропахла дымом. Я ничего о тебе не знаю. Мы так редко говорим, правда ведь?

– Да. – Я кивнул и выключил свет в коридоре. – Пойдем.

– Включи, я не вижу тебя.

– Вот моя рука, ты ее чувствуешь. Держи меня, потому что я слышу рядом твое дыхание, иди со мной. Тебе не больно, правда ведь?

– Не больно. – Он толкнул вазу, вода в темноте свободной рукой, вода брызнула нам на ноги, обожгла холодом. – Между нами цветы, все время только цветы. Почему?

Тео

Поцелуй. Они покрывают меня с щек на шею, на плечи, затекают за ворот, бегут по спине и далее, и далее. Быть человеком, чувствовать, иметь впервые тяжелое сердце, твои поцелуи, уметь щадить и сочувствовать. Я чувствую, как земля уходит из-под ног, я чувствую погружение вверх, я чувствую круги за спиной: желтые, красные, розовые. Что это – круг света зажат в твоих пальцах, белесые черты расходятся вдоль ребер, тонкие нити жизни, строчки первобытной поэзии, когда не было еще языка. Деревья сходятся, опутанные черным вьющимся плющом, ветер треплет их кроны, как я треплю твои волосы.

Он убирает за мной дерьмо, обтирает меня губкой, варит жидкий суп, чтобы с ложки вливать его мне в рот, читает вслух книги, чтобы я уснул, он все время рядом. Накатывает тошнота. Иногда я просыпаюсь и вижу вокруг цветы, но не могу пошевелиться, от этого мне кажется, что я уже в гробу. Меня не должно быть, я хочу избавить Севера от этого кошмара. Так холодно... С кровати я уже не мог вставать, глотать становилось тяжелее, но еще тяжелее было смотреть на то, как твое немощное тело с выпирающей грудной клеткой и тонкими ногами моет этот мальчик. Я не воспринимал его как мужчину, даже мальчиком никогда не называл. Для меня он был просто человеком, проявившим нежность, человеком, в чью душу я влюбился. Я понял, что так и не научился думать как мужчина или женщина. Я все еще стебель клевера где-то среди таких же цветов. Я все еще прах и земля, из которой появился. И ничего не меняется вокруг в сути своей, только внешне, другие обстоятельства существования.

Запах чистой простыни смешивается с холодным ароматом хризантем, через форточку в комнату залетела снежинка, потом еще одна и еще. Они кружились под потолком, расцветали в золотом свете, осыпались на мое лицо, словно пушистые шарики мимоз, а сердце колотилось все сильнее. Тень Севера возникла на голубой стене, дохнула на меня свежестью, протянула руки. Становилось все холоднее, на ресницах появился иней, вот-вот заледенеют глаза и оцарапают веки.

– Мы бросаемся вниз с крыш покинутых домов и мимо печальных окон рассыпаемся снегом, – сказал Север, сказала его тень. – Ветер поднимает нас высоко над землей, уносит в черное небо, там мы загораемся ярче звезд. Ведь ты не видишь звезд среди туч, а людям надо их видеть, так они будут надеяться на что-то, возможно. И они смотрят на нас. Ты был так одинок, так несчастен. – Север поднял Тео за руку, словно тот ничего не весил, и повел его сквозь окно в густую синеву вечера.

– На самом деле люди умирают только от невозможности больше жить, – сказал Тео, рассматривая сверкающий город. – Нужно лишь дать невозможности название, чтобы оправдать ее. Я видел тебя еще до нашей встречи, ты помнишь, тогда в ветках рябины? Снегирь с пламенной грудкой, упавший в сугроб от холода. В его глазах отражался ты за секунду до, а вскрывая людей, я видел тебя в лицах после.

– Смерть всегда ненадолго, но у каждого она заканчивается по-своему. Нужно знать, как уходить, как возвращаться. – Север опустил Тео на одну из крыш и помог ему лечь в снег. – Сейчас надо закрыть глаза, только насовсем, словно целуешься, с таким же ожиданием. Поначалу можно удариться зубами или носом, но потом привыкаешь, учишься. Понимаешь, нельзя жить, если ты еще не умирал.

– Вот мне всегда хочется сказать, сказать что-то важное, – сонно бормотал Тео, – но каждый раз забывается, словно сон. И я не успеваю. Север, – испугался он, – ты только не отпускай меня, ладно? Ты только не отпускай меня, ладно? Мне кажется... А испуганные лица там, Север, ты видишь? Ты только не отпускай, ладно?

– Конечно, конечно.

Мое завещание, наспех вычерченное пальцем на снегу восьмого декабря: *«В моих околосмертных переживаниях прошу не обнаруживать ничего криминального, следов насильственной смерти не искать и сердце не взвешивать, доверить это только рукам горячо любимых мною людей (Север). Уход мой был естественен и не тягощен злыми умыслами недоброжелате...»*, – а остальное разнесло ветром по городу утром.

Север

На похоронах я не знал, кто были эти в черном, многочисленные и с выученными стонами. Предлагали сделать голос в компьютере твой, чтобы я слушал его, но зачем? Принесли гвоздики, а они напоминают мне узловатые пальцы старух всегда, зачем? Я шел домой, чувствуя, как жар печи оставил на губах подтекст будущих слез; шел и не понимал, что же произошло. Я видел столько людей, что со мной вместе шли не теми дорогами, видели за каждым поворотом петли, ласкали себя и слонялись без дела, – в них чего-то не хватало всегда. Конечно, я чувствовал себя с ними нужным, ведь они так меня ждали, так звали усердно, оставляя засечки на истончившейся коже, а все равно было иначе.

Я начал выпивать, потом стал пить, пока не понял, что не чувствую тошноты и опьянения. Я боялся подойти к кровати, где все еще был твой запах, твой след, окружил ее вазами и бутылками, а в них ставил желтые хризантемы. И сидел напротив, у окна, – так я успокаивал себя, что между нами только цветы, а не что-то крупнее. Но тогда, в день до твоего возвращения, когда был утренний воздух бел и жесток, когда я шел вдоль высоковольтных, а трава обнимала мои колени, – я осознал, что никто не возвращается по своей воле, но ведь у тебя есть я.

Теперь ты рядом, к тебе добра ночь и нежен день, тебе некуда бежать, тебя никто не ранит. Ты теряешь слезы, теряешь страхи, оборачиваешься, чтобы увидеть их, но то лишь сирень расцвела. Ты горишь поцелуем, хотя он выжжен теперь на твоих губах, а не согрет. Я думаю, хорошо ли зелены твои глаза, когда ты щуришься от яркого света, насколько мягка твоя ладонь в момент, когда ты касаешься ей шеи, чтобы смахнуть капли дождя.

Все же, ты умираешь. Я приношу цветы. Пока ты не знаешь боли, погруженный в радость, дождь капает тебе на щеки, на шею, на плечи, затекает за ворот и далее. И ты одет в этот ливень, а я – в тебя, но не проходит этот жар внутри, от которого так холодно, что царапают сердце все твои улыбки. Смахнуть иней с ресниц, чтобы ты не заметил, попытаться сложить слова в фразу, чтобы прервать молчание, только зачем? Это странно – наблюдать, как на твоём лбу снова появляется изгибистая складка, понимать, что вновь холодает, а земля отдаляется от тебя.

Мне страшно видеть, как от тебя остается тень, след самолета в небе, взмах израненного крыла. Зимние крыши – такой ненадежный материал для завещаний... Ты словно уже не существуешь, а есть слепок, негатив момента, твоя мимолетность. Похожий на бабочку, завтра ты примешь форму пепла, трава будет обнимать мои колени. Внутри Южного Креста в полушарии левых ребер я живу, представляю, как болезненно приходит понимание того, что раньше казалось горьким. Бесконечные стебли хризантем падают в воду, холодные брызги летят мне на руки, но я их не чувствую, потому что холод уже во мне самом. Можно закрыть окна, укрыться одеялом, уснуть в крематории, но он не пройдет никогда.

Восторженно ты будешь наблюдать за снегом, ведь важно, чтобы тебя ничего больше не беспокоило. Ты учишь меня шадить, хотя я думал, что смерть совершенно сострадательна к любящим. Я понимаю. Боль уйдет, от нее останется талая вода, ты забудешь черный вкус огня, ляжешь рядом. Как нежно ты беспомощен, Тео, прижимаешь меня к себе, целуешь волосы и ладони. Ночью, в свете фонаря за окном, я смотрю на твое спокойное лицо, на подрагивающие ресницы, которые я сам опущу, содрогаюсь. Ты еще меня помнишь, а я себя, кажется, забываю, живу тебя, сколько еще осталось сил, только слышу рядом твое дыхание. И мне хочется его прекратить.

Сергей ЗОЛОТАРЁВ

Дверь

дверь – отверстие в детскую –
отвернись говорит
дай мне переодеться
поменять габарит
гардероб говорю
говорит гардероба
мне хватает до гроба
мне бы вечную прю
эти выходы оба
мне бы все что собой затворю
поменять на рассвет и зарю
я бы точно скобой
их скрепила собой
не скрипи отвечаю а пой
ты одна двух медалей своих сторона
я одна отвечает она
но тогда мне хотелось бы с разных сторон
моего полотна
(я лже дверь
их же две)
чтоб меня окружало бюро похорон
в память о рождестве
я готова быть швом-рождеством
и рубцом-мертвецом
чтоб меня со спины
всесторонне объемля
клали в мягкую землю
вынимая с другой стороны
вот такой разговор
а всего только створ

Карандаши считают капли

Вынужденное смирение ребенка
выходит осознанным у старика.
Возвращающаяся – в воронку

Сергей Золотарёв родился и живет в г. Жуковский. Автор книги стихов «Книга жалоб и предложений» (М.: Воймега, 2015). Публиковался в журналах «Арион», «Новый мир», «Новая Юность», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Урал» и др. Лауреат премии журнала «Новый мир» (2015). Предыдущая публикация в «Волге» – 2018, № 7-8.

родника – ключевая река:
кочевая вода человека.

Где он, твой глаз-карандаш,
точечный мой Громозека?
Сколько грифелей дашь,
за то, чтоб не знать этих капель?
Четыреста или четыреста две.
Так просто: увидел и запил
увиденное в голове,
занюхав воображеньем...
Но оптика карандаша
линейна на всем протяжении.
О если бы в стол, не спеша,
писать! Но четыреста капель
от натяженья дрожат.
Снимая поверхности скальпы,
мы высвобождаем ушат
воды. И считаем беззвучно
в душе ее звонкую медь,
поскольку брать воду поштучно,
выходит дороже на треть.

Корза

Первое, что бросалось в глаза –
дома, увеличенные в размерах,
как печень какого-нибудь туза,
как сердце какого-нибудь спортсмена.

Поскольку нагрузки. Тяжелые бревна
и носят, и дышат – ровно.

Низкое небо, покосившееся слегка
в сторону Белого моря,
дабы стекающие облака
не проломили архангельского подворья.

Дом, смотрящий в себя
и никогда – наружу,
по закону гиперборейской стужи.

Основание сруба – целование в губы.

Печи. В доме наплыв печей.
Окна прорублены больше, как поддувала.
Если для топки, в качестве дров, лучей
солнечных мало,

подбрасывают в огонь
вид, открывающийся из окон.
Вот почему, после мытья окон
пену используют для световых волокон.

По той же причине неба, лесов, полей,
ламбушек, водных озер – с избытком.
Легче в окно посмотреть, чем набрать полен
в лютый мороз, что недоглядом выткан.

Храмовая гора, как бы, реализована
в ярких коврах ручной работы.
Манят язычников вечными зовами
христоотсутствующей субботы
песни. Обрядовые, похоронные,
впрочем, как многое здесь – двусторонние.

Поговаривают, что карелы
могут жизни лишить человека
просто так – а капелла
к кровавому двадцатому веку...

*

Ты думаешь, что капли – с той,
я – с этой стороны.
А капли, словно под водой,
в себя обращены.

Внутри бездетного стекла
огромная семья
прозрачнокожих жила
длиннее, чем скамья.

И подсудимые глаза,
сядась во всю длину,
не признавали за собой
последнюю вину.

Но непризнание вины
вменялось им в вину,
поскольку с этой стороны
ценили кривизну.

И мы теперь глядим в окно,
как в глиняный сосуд,
в котором прочно и давно
свершился божий суд.

*

Когда дрожит голодный ветер
от холода и темноты,
мы чувствуем его как вектор,
проложенный через кусты.

Он бьется в двери и на стеклах
рисует пальцем буквы SOS.
Я говорю: ты вся промокла.
Ты вторишь: вымокла от слез.

И это правда. Только люди
все примеряют на себя.
И сквозняки его – к простуде.
И засыпает он, храпя

в моей гортани. Словно Осип
Эмильевич, совсем больной,
портрет вождя присыпал просом
дождя и оспой ветряной.

*

Земля еще наполнена тобой
и мной. И заповедана обоим.
Что значит этот воздух голубой,
как не готовность видаться с тобою?

Ты обожаешь запросто пройтись
по городу во всякую погоду.
Да нынче ветер северный – метис
с восточным – не дает тебе прохода.

Поскольку атмосфера – проводник.
И так же, как поддерживать горенье,
ее раствор задерживать привык
тебя в дверях, напивывая зренье

мое тобой. Чтоб целый день фитиль
глазного нерва брал – в лампадном масле
воспоминанья – силы жить и стиль
старения, когда они угасли.

Даря возможность чувствовать насквозь,
пока глазное яблоко не сглохнет
по косточкам свою земную ось.

*

Подголовник уже переходит в затылок,
словно подзаголовок – в главу,
из которой читатель различных отсылок
не узнает, зачем я живу.

Где под утро сбиваются в стаи собаки.
Где события сбываются с рук,
и потом водяные расходятся знаки,
размыкая спасательный круг.

Даже в бытность событием ловкая память
ускользала трактовки ее
как течения, которое можно обречь
и в чугунное вправить литье.

Что уж нынче? Когда она камня на камне
не оставила: молвив, бери
и не помни! А впрочем, куда мне
до нее, позабывшей свой скальпель внутри!

*

в институте Мозга
вылепят из воска
в институте Сербского
выпилят из сердца
взгляд психиатрии
на синдром Марии
где пружины плача
действуют иначе
чем в обычной течи
где простосердечье
собрано от веры
в линзе глазомера
где простые ясли
слез вращают в масле
пригнанные части
сбранного счастья

*

Растворенного в слезах
провезла через таможеню,
чтобы выплакать в лесах,
там, где можно.

Чтоб потом восстановить
из насущного раствора,
как серебряную нить
разговора,

что слышна еще теперь –
спутанная матерями
мысль о важности потери
в нашей жизни материальной.

Чтобы выплакать и, дав
отстояться, мой осадок –
мой рассудок – мой состав
сделать лучше на порядок.

*

Звездной ночью небо черное.
Пес ученый на цепи
запивает жизнь никчемную
белым ромом из степи.

Слух разносят – слух разносится.
У собаки на носу,
на небесной переносице
блохи пользуют слезу.

Темной ночью небо млечное.
Пес дворовый, в конуре
отморозивший конечности,
усеченный конус вечности
наблюдает на заре.

*

Чтоб когда мы с тобой долетели
и вошли в предлежание спальни,
зашуршал нагревательщик постели,
как веселая мышь – из опальной
мелюзги превратившийся в цельно-
зерновой...
Мы легли бы в буханку овальной
формы – рашпилем – вниз головой.
И лежали, пока не разломит
нас какой-нибудь проклятый зек,
и рабочей поверхностью наших ладоней
перепилит решетку навек...

Мария ГАЛИНА

*

у меня такие большие уши,
словно у полевой мыши.
на одной шестой части суши
(по ходу бывшей),
поневоле приходится быть тише,
слушать старших,
хорошо кушать,
преимущественно щи и каши.
у меня запасы крупы и сыра,
но они понадобятся едва ли.
ласточка, не надо.
в этом подвале
темно и сыро.
ласточка, не слушай эту паскуду,
ей бы все красоваться вечной невестой,
ласточка, ласточка, давай улетим отсюда!
после нас не останется даже пустого места.
африка будет под нами с ее слонами,
море с его кораблями.
ласточка, моя крошка, крылатая балеринка,
ты мне слаще сестры твоей филомелы.
занимается утро. вода в суглинке
ловит солнце в линзу оптического прицела
на пустом подворье в пустой деревне
на дожде, который вот-вот прыснет
....
в каждой старухе спит сказка о спящей царевне
и ее принце.

*

У каждого города свой запах. Одесса пахнет морем, водорослями, выброшенными на берег, сухими и горячими, но прежде всего Привозом. Гниющими овощами, жижей, хлюпающей под ногами, толстый мальчик стоит в мощеном брусчаткой дворе, его толстая мама, высунувшись из

Мария Галина родилась в Твери, закончила Одесский государственный университет. Биолог, кандидат биологических наук по специальностям гидробиология, ихтиология. Дебютировала в 1991 году подборкой стихов в журнале «Юность». Участник нескольких международных поэтических фестивалей и антологий. Лауреат многих премий, в том числе «Московский счет» (дважды) и Anthologia. Стихи переведены на английский, словацкий, украинский, проза – на английский, итальянский, польский языки. Предыдущая публикация в «Волге» – из цикла «Мертвый город», 2019, № 7-8.

окна, кричит – Моня, кушать. Моня давно уже взрослый, лысый, мама давно в шеоле, в сером сумраке, но до сих пор в окошке, Моня, кричит, Моня, иди домой, паршивец. Моня поправляет галстук, пиджак, одергивает рубашку, медленно поднимается по ступенькам, прижимает руку к левому боку, мама стоит в дверях, говорит, ты хочешь моей смерти...

Львов пахнет мхом, мокрой брусчаткой, в историческом центре канализацией, что поделать, если со времени цисаря ее не касалась рука человека, среди туристов ходят бледные тени, ничего им не понятно, откуда японцы, почему шумят, почему смеются, делают селфи, кстати, что это значит, где Авраам, где Сара, где пани Эльжбета, куда все делись? Почему в нашей квартире чужие люди, и почему они нас не замечают, сплошь рестораны, практически в каждом доме, в каждом подъезде, сколько их вообще человеку надо, мы-то не против, мы тоже любим покушать.

Питер пахнет пресноводным ветром, обволакивающим лицо мокрыми простынями, ячейки света движутся относительно себя, световые сети колеблются на ветру, тени их рвут и топят, мокрый гранит, полупрозрачная девочка машет ручкой, она как все, хотела быть балериной, ладно, художницей, ночью она слышит как кто-то ходит по их квартире, скрипит паркетом, в старом буфете дрожат хрустальные рюмки, бабушка говорит, это ее мама, улыбается, становится фотоснимком в старом альбоме... Свет сжимается в точку, в булавочную головку, мокрый ветер приходит с залива, осень кажется все плотнее, снежная сетка колеблется за окошком, руки почему-то прозрачные и в морщинах.

Москва пахнет нефтью всех труб мира, бензином, гарью, пластиковыми цветами в цветных кадках, метро дышит паром, раз за разом выбрасывает наружу бледных обитателей подземелья, еще говорят, что пахнет гнилой капустой, плоское место в плотном кольце свалок, маленькая река ничего не значит. Он приехал сюда совсем молодым поэтом, пил со всеми, спал почти со всеми, стал знаменитым, ходят слухи, третья жена его совсем молодая, всем заправляет, торгует его славой, он просыпается, подушка рядом пустая, он встает, сует худые синие ноги в холодные шлепанцы, бредет на кухню, готовит себе завтрак, яйцо всмятку какает на колени. Был бы кот, поговорил бы с котом, рассказал бы ему, какие они оба славные парни, как они оба любят, когда их гладят по спинке, но кота почему-то тоже нету.

Лондон пахнет моющим средством, парфюмерной отдушкой, гнилью прилива, сырые доски, мелкие волны, свет стоит вертикально. Женщины в черных пальто, лодыжки тонкие, туфли-лодочки, подбородок скошен чуть-чуть, в остальном почти безупречны, Мы здесь чужие, давай останемся, станем теньями под мостами, над нами будут грохотать поезда, приличные люди читают прессу, что-то опять в королевской семье неладно... Нас никто не поймает, ничто не заденет, мы сами тени, среди теней испуганных горожанок, пробирающихся в доках, в сырых кварталах, кто-то идет за ними, темный и страшный, кто-то стоит в тумане, темный и страшный, кто-то молчит напротив, темный и страшный, кто-то идет за ними, кто-то идет за ними...

*

подбрось повыше
чтобы я могла увидеть все разу
сыроварни твои маслобойни
богадельни

звезды средневековья
черный зубчатый лес
города и дороги

олени на тонких ножках
вброд переходят реку гудрона
ежи и жабы
с риском для жизни
как нам их жалко

старый красивый
контрабандист на джипе
слушает джаз
подпевает
у него в багажнике
золото всех ацтеков
невольницы и верблюды
его расстреляют
за первым же поворотом

черный копатель
янтаря лежит в карьере
нож у него в груди
нож зажат в кулаке
лужа крови
уходит в серый песок
в темные воды
морей времен плейстоцена

прыщавый дембель
навек канет
в дебрях вокзала
эта цыганка
сойдет на ближайшей
с ней ничего не будет

почти в зените
стена света
встает на стену мрака
обе прекрасны

то ли
радуга в небе
то ли
в глазу соринка

Дмитрий ШАБАНОВ

Эскиз № 12 (стрелецкий)

откупные всем выдал на-гора
по миру бродил напевал Егора
про куда летит всё и про винтовку
слишком громко пел угодил в ментовку

вот сидишь теперь не солдат не весел
ночью страх исходит из наших чресел
прогонять сквозь строй за невинность мыса
и опричь за то что иначе мыслил

*Я ж живой человек я не квант в котором
умещается скрытое за притвором
я герой не времени только места
мне земля невеста и смерть невеста
я могу сидеть на харчах казённых
я могу сидеть и в домах казённых
только слово пахотное живое
мне дозволь срывать даже с губ казнённых*

и гундишь себе за простые вещи
и соседний узник заводит цыкать
и зело некий знак по стене скрежещет
нескончаемо
кажется что пацифик

Как-то я общался с немым стариком.
Он писал в моём блокноте слова размашистым почерком,
А я в ответ ему;
и, сам того не разумея,
отписывал на тех же листах,
когда запросто мог и вымолвить...

Один раз я полмесяца кряду
бок о бок провел с балагуром – заикой,

Дмитрий Шабанов родился в 1985 году в городе Минусинске Красноярского края, с 2009 года живет в Санкт-Петербурге. Публиковался в журналах «День и Ночь», «Зинзивер», «Иные берега» (Хельсинки), «Среда», «Кольцо А», Ното legens, в «Литературной газете», в альманахе «Илья»; в сборниках «Антология премии ЛитературыРентген» (2012, Нью-Йорк), «Антология Григорьевской премии – 2016» (2017, СПб), «Антология современной русскоязычной поэзии начала XXI века» (2017, СПб); в интернет-журналах «Точка зрения», «Пролог», «Полутона», «45-я параллель», «Новая литература», «Знаки», «Новая реальность» и др. Лауреат премии журнала «Зинзивер» 2015 года. Автор сборника стихотворений «Надпись под книгой» (серия «Том писателей», 2018).

и, даже изредка реплики ставя
в нескончаемый этот поток жизненно важных событий,
самолично уже спотыкался
на второй день от начала...

Однажды я говорил с мёртвыми.
И в темноте, и свечах,
и бликах воды в полстакане
запутался, засысел,
уже не знал между нами расхожего...

Каждый день я пытаюсь поговорить сам с собой...
и никак не могу пристроиться

Эскиз № 15 (Воспоминание для С.)

Свет ни на чём стоит, только движение звука.
Озеро финское. Ягода юолукка,
Даже вблизи от фьорда – кромешный угол –
Слишком по-русски вяжет на языке.
Только язык способен творить основу...
Прямо из снов косматых царя лесного,
Прямо из брани спорного и прописного,
Клеить как битум, резать как автоген.

Эту презумпцию крыть совершенно нечем.
Terza incognita дустом его проперчена.
Даже твоя фигура – фигура речи:
Дрожь кринолина, крапинка на холсте,
Капелька мёда в пагубном изобилии.
Главное, чтобы тебя и меня любили,
Не изменяя тебя и меня любили,
Эти и те любили, и даже те.

Птица, картавя, убьётся с размаху оземь.
Неотвратно за нами придет бульдозер,
В общую тьму совлечёт в некрасивой позе,
Известь задвинет, и дело его с концом.
И даже тело твоё, уложенное на пясти,
Сплавится частью речи – деепричастием –
И потечёт к нанимателю, словно чартер.
...станет отточием это твоё лицо.

Свет ни на чём стоит, ненароком, заневесть.
Всё воплощается, мглился, исходит заново.
Даже фотон не знает, когда он замер –
Я замеряю плотность и глубину:
Лес или полдень, скалы или синица,
Ягода голубика. Не возвратится
К нам ни один синоним, но будет длиться
Опять же, ну...

Павел ПЕТРОВ (ПОЛ)

НЕМНОГО О ЖАКЕ

*Где наша жизнь течет рекой,
Летит стрелой аборигена!
И Бродский падает с колена
Как Пушкин*

*Или Трубецкой!
Встает и падает мгновенно,
И сердце трогает рукой...*

Поэма НЕЯ-НОЯ
Жак Мантэки

Андрей Петрович Рогов родился в Томске 15 февраля 1971 г. в семье геолога. Отец семью вскоре оставил, мать уехала в Новокузнецк к родителям. Бабушка Андрея была из Восточной Украины, а дед – испанцем. Можно только предполагать, как он оказался в Кузбассе. По семейной легенде, он прошел лагеря. Дед уехал в Европу после смерти Франко, а в 1990-е прислал внуку записку: «Мы многим обязаны этой стране, но помни, ты – испанец».

Андрея воспитывали бабка с матерью. У матери получалось хуже, у бабки – лучше, но в целом мальчик остался непокорен. Трудный ребенок не закончил школьный курс, несколько лет обучался в ПТУ на родине, в Москве и Ленинграде, где в конце концов и закончил его по специальности сварщик (1991). До 1993-го Андрей с перерывами работал на Кузнецком металлургическом комбинате, а после до конца своей жизни занимался исключительно художественным творчеством.

Входил в состав «Цеха бездарных поэтов» как *Андрей Ширяев*. Деятельность «Цеха» проходила в соседнем культурном центре – городе Кемерово, где были университет и хиппи. Также в «Цехе» состояли Максим Уколов и Владимир Мазан (на афишах «Цеха» – «В.Мазан»). Соответственно своим фамилиям и псевдонимам поэты и жили. Самый молодой из них – Володя Мазан – вскоре повесился по неясным причинам. Недолгое сотрудничество с Е. Гришковцом и театром «Ложа» кончилась конфликтом. Кемеровское ТВ сняло программу о «Цехе», но развития это не получило в основном из-за постепенного выпадения из реальности Максима Уколова – главной движущей «Цех» силы, единственного поэта, которого гордый Андрей признавал себе равным.

Параллельно «Цеху» была основана «Республика Джа» – музыкально-поэтическая коллаборация с крайне непостоянным составом. Андрей пробовал писать песни:

*Деньги – это придуманный способ обмана
Для растамана деньги – марихуана.*

В 1995 г. Андрей Ширяев меняет творческий псевдоним на *Джакобо Мантэки* или просто *Жак*. Ширяев – поэт нового Серебряного века, современный Игорь Северянин. Жак – растаман из маленькой Голландии, на ломаном русском поющий про деньги. С этой песней и под этим

именем Жак выступает осенью 1995 г. на концерте «Умки и Броневи́чка» в московском клубе «Дебаркадер». Зимой Жак забирает часть своих рукописей из Новокузнецка, куда больше никогда не вернется, и едет в Москву на фестиваль в честь дня рождения Боба Марли (6 февраля 1996 г., клуб *Island*). С группой «Остров» и песней «Деньги» он производит на многих сильное впечатление как яркий «корневой» растаман из продвинутой Европы. Некоторое время он участвует в проекте с Александром Дельфиновым (Дельфин) одним из основателей группы *Jah Division*. Сотрудничество заканчивается неудачным грибным трипом, по результату которого Жак уезжает в Питер, расставшись не только с Москвой, но и с гражданской женой Натальей Боканович, с которой прожил около трех лет.

В Петербурге Жака ждала купленная мамой квартира в Рыбацком, но он все равно жил по впискам. Чудом состоялась запись песни «Деньги» с группой *Markscheider Kunst* (о которой условились на том же концерте в *Island'e*): Жак забыл о дне и часе, но его случайно встретил на улице гитарист и привел в студию с полуторачасовым опозданием.

В создании окончательного варианта песни помимо музыкантов *Markscheider Kunst* принял участие «патриарх» питерской регги-сцены *Dr. I-Bolit* (Айболит). Жак исполнял с *Markscheider Kunst* «Деньги» и еще одну песню – «Кокейро» – на концертах, но в целом сотрудничество не получило развития. Песня «Деньги» вошла в их альбом «Санкт-Петербург – Киншаса», вышедший в том же 1996-м. В 1999 году в Москве режиссером И. Злотником был снят клип, который имел некоторый успех на русском MTV. В записи был опущен наиболее крамольный куплет про 228 статью УК, а в клипе почему-то не было ни Жака, ни Айболита. Не было их и в титрах к ролику, была только надпись «В съемках должны были участвовать растаманы, но они не смогли рано проснуться».

У Жака к этому времени были серьезные проблемы с психикой, и он начал с «предателями» самостоятельную борьбу: пришел на репетиционную точку требовать компенсации с пистолетом-зажигалкой. При этом он отказывался подписывать любые документы: «Все мое творчество принадлежит Джа!».

«Кипучий лентай», Жак, живя в Петербурге, ничего не смог бы начать и толком закончить, если бы не продолжал привлекать к себе людей. Новых участников «Цеха», правда, так и не прибавилось: Максим Уколов несколько раз приезжал в Питер, но все больше торчал, и в 2001 г. погиб в родном Кемерово от дозы поддельного героина. Однако нашлись люди, готовые помочь Жаку составить и издать первую книгу стихов, подыграть ему в составе «Республики Джа». Как некоторые из них вспоминали позже, они испытывали тогда чувство душевного подъема – появился настоящий поэт! И тусовочная жизнь приобрела смысл.

Составленная из старых стихов и новой поэмы «НЕЯ-НОЯ», книга должна была печататься на единственном доступном принтере – принтер стоял в Институте подростка при мэрии Санкт-Петербурга, где работал Паша Горячев. Как «трудный подросток», Жак прекрасно вписался в сферу работы Паши, попросту подружился с ним. Паша стал и первым гитаристом новой «Республики Джа». Первый макет книги предполагал рисунок к каждому стихотворению и свой рукописный шрифт, каждый раз разный. Марина, художник, рассказывает, что макет был уже готов, когда выяснилось, что Пашин принтер не позволяет напечатать его адекватно.

– Жак, давай отложим до осени, – сказала Марина. – Я сама переводные экзамены в «Мухе», переработаю макет, глядишь, и с принтером что-то изменится.

– А тогда мне нахуй это не надо, – сказал Жак. – Издавай картинки отдельно, а стихи – отдельно.

– А тогда и мне это на хуй не надо, – ответила Марина и отнесла всю пачку рисунков на помойку.

Книгу напечатали без картинок и шрифтов с одной черно-белой фотографией Пьеро на обложке. Презентация была устроена 22 мая 1998 г. в галерее «Борей» на Литейном. Помимо стихов и песен с участием друзей и неизбежного Айболита в галерее были представлены рисунки Фила и Сосиски (Жени Савицкого). Гордый автор раздавал напечатанные и сшитые вручную

экземпляры книги и всерьез воспринимал свою маленькую популярность уличного фрика с Невского проспекта. Он действительно был очень хорош, когда читал свои стихи. Скажем так: его стихи становились очень хорошими именно в его исполнении. Что Невский, – Жак читал свои стихи на столах пивных с большим успехом. Так он представлял себе свою карьеру: выступления в ресторанах и жизнь за счет поклонников и поклонниц.

Естественно, он хотел признания не только уличной толпы, но и близких по духу людей. С 1996 г. Жак ездил на фестиваль «Радуга» (Rainbow). Изначально, в 1972 г., его основали американские хиппи. Позднее движение распространилось в Европе, а с 1992 фестиваль стал проводиться и в России. Лежащая в его основе идея – съезд «свободных индейских племен», «раскуривание трубки мира» и жизнь без ущерба окружающей природе в обстановке взаимной терпимости. В России сначала на «Радугу» ездили любители эзотерики, «космических вибраций» и чистой жизни вдали от города. Однако в 1995-м на нее проникли хиппи и прочие молодые неформалы. «Радужный» быт изменился. В 1996 г., когда Жак приехал на реку Вуоксу чтобы, как он сам выражался, «объявить об идеалах “свободы, равенства и братства”», дело дошло до раскола. Эзотерики ушли со словами «Если на “Радуге” появились наркотики – появятся и менты». Жак был как будто создан для «Радуги», где каждый стремился превзойти других в оригинальности. Песня «Деньги» стала народной и пелась у каждого костра. «Радуга» 1998 г. проходила на станции Мшинская недалеко от города Луга. Большой поселок с цыганским табором по соседству, непроходимые болота и узкоколейная дорога бывших торфоразработок, ведущая к небольшому (пара км²) пятачку суши. К середине августа сюда съехалось до тысячи человек, причем треть из них – иностранцы. Помимо национального – субкультурное разнообразие, до панков до рейверов. Много музыкантов, красивых девушек и доступных наркотиков, которыми все делится друг с другом. Лагерь поделен надвое: «Бронкс» – палаточный городок, где живет большинство, и «типи-вилледж», где стоят типи, жилища «настоящих индейцев» (см. песню группы «Ноль»). У Жака нет своего типи – для этого он слишком большой раздолбай. Хотя по возрасту и опыту он вполне уже может быть «индейцем», но что-то ему мешает. Он хочет признания этих людей, их мнение дорого для него, но подчиняться правилам и ритуалам... нет, ни за что!

Стихов и песен теперь мало – в 1998 г. Жак либо молчит, либо говорит очень странные вещи. Он все делает наоборот, как *хиок* – дурачок из индейской деревни. Юродивый, ритуальный клоун, Жак говорит задом наперед, хочет противоположное заявленному и до смерти пугает знакомых барышень, начиная, как в пущенной назад пленке, медленно двигаться в противоположном направлении. В его бедной голове – точный сценарий фильма с ним самим в главной роли. Но вот другие почему-то со сценарием не ознакомлены. Реальность окончательно перестает его слушаться. Передознувшись, Жак добился «обнуления» организма. «Мухоморов объелся, всех проклял и задом ушел в лес, опираясь на клюку», – так рассказывают в народе. Люди видели его в лесу голым, на четвереньках, способным разговаривать разве что со мхом, причем только отдельными буквами – язык распался. Видимо, это продолжалось не один день.

Потом предсказание эзотериков сбылось – на «Радуге» появились менты. Не просто менты – вертолеты, ОМОН с автоматами и овчарками. Всех выписывали крайне жестоко. Сам Жак вряд ли это заметил – он воевал на болотах со своим ОМОНОм. Два дня спустя после разгона он вышел к соседней железнодорожной станции избитый, в грязной, порванной одежде, с выдранными дрездами, медленно, с трудом подбирающий слова. В электричке случайно встреченным друзьям на все вопросы отвечал только:

- Был на болотах, с вороной разговаривал. А змею убил и съел. Зачем я змею съел?
- А чего ты избитый?
- Змея хвостом задела.

В Питере он добирается до дружеской вписки, где две недели его кормят с ложки. Когда он начинает выбираться в коридор коммуналки, становится опасно: соседи могут вызвать милицию или медбрatьев – он явно бредит. Жаку покупают билет на поезд в Киев, где в тот момент со

вторым мужем живет его мать. Он не уедет в Киев – его заберут прямо на вокзале и отвезут в Гатчину, в больницу имени Кашенко.

Оттуда он выходит к весне следующего, 1999-го г., и постепенно оживает. В это время его менеджером (насколько это вообще возможно) становится Рутман – он, как и Жак, стер свое настоящее имя, но был более практичным. Рутман работает в крупной нефтяной компании программистом. Зарплата позволяет ему арендовать мансарду на Васильевском острове, где проходят репетиции «Республики» и поэтические вечера Жака. Главное – идет запись первого альбома. Тусовка съедает работу, всегда что-то отвлекает. В результате почти все партии записаны у звукорежиссера Леши Добровольца дома по одной: чудеса звукорежиссуры прикрывают отсутствие ансамбля (запись и ее обработка продолжаются до 2001 г., когда Рутман уезжает в Москву и публикует рабочий вариант материала под названием «Покупать, Продавать, Давать – Нельзя!»). Проходят первые концерты «Республики Джа», на которых появляется гитарист Леша (Мучачо) Лукьянов – единственный постоянный участник группы в дальнейшем.

Концерты проходят по-разному. Жак может прийти и сказать:

– А сегодня я не буду петь! Я буду танцевать.

Он продолжает эксперименты с собственным сознанием, и это имеет последствия. С мансарды он переезжает на чердак, где вьет гнездо большой птицы. Ночью птице холодно – он складывает каменный очаг. Он крайне аккуратен. Соседи, однако, вызывают пожарных. Пока те ломаются в двери, огонь тушат, и опасность минует. Через два дня Жак выходит на улицу с тремя тетрадами стихов поэмы о Вороне, написанной, видимо, под впечатлением от Мшинской. Кроме того, у него с собой непальские ароматические палочки, он голый, но в шерстяных трехцветных растаманских носках, на плечах его два полотенца.

Жак складывает у подножия памятника пожарным на Большом Проспекте Васильевского острова свои тетради, поджигает их и свои ароматические палочки и нарезает ритуальные круги вокруг. На 25-м его снимают вызванные соседями милиционеры, которые передают его в очередную психбольницу.

Рутман, оперативно вмешавшись, нашел Жака на следующий день и через две недели смог вытащить его на свободу. В качестве объяснения Жак сказал только:

– Ночью я понял, что бездарен. Кроме того, я хотел принести извинения этим благородным людям, пожарным.

Работа над поэмой была возобновлена, и что-то удалось восстановить. Но, по-видимому, не удалось восстановить сюжет – нить, связывающую текст общим замыслом. Осенью Жак принес Рутману текст, с которым вы здесь ознакомитесь, и сказал:

– Забери себе, а то я опять сожгу.

Через пару недель он сам попросил поместить себя в больницу. Но хорошее лечение подразумевает активное участие больного в процессе выздоровления: Жаку надо было соблюдать режим, вовремя есть таблетки, не пить, не торчать. Главное – ему нельзя было заниматься творчеством, потому что это снова запускало весь цикл. Бурный подъем, новый состав группы, девушка, поэма, песня, концерты – и очередная катастрофа, все рушащая. Альбомы записывались кое-как, с девушками Жак вел себя ужасно, творчество становилось все безумнее.

В 2006 г. Жак вновь съездил на «Радугу» на поиски «наших», «индейцев». Но встреча с молодостью не удалась. Жак никого не нашел, вернулся и погрузился в алкоголизм. Из растамана он превратился в панка, гонимого отовсюду. Хотя он все еще пытался петь и читать стихи на Невском, большую часть времени он проводил в районе клуба-котельной «Камчатка», где стал своим у вечно пьяных завсегдатаев. Пару раз Жак там даже выступал. В конце концов его прогнали и оттуда. Зимой 2008–2009 г. Жак жил одно время в туалете на Богословском кладбище, недалеко от могилы Цоя. В туалете было тепло, а киноманы, уже почти 20 лет бухающие у могилы павшего кумира, могли и налить. Весной 2009 г. Жак в последний раз попал в психбольницу. Мать отказалась от опеки над ним, и его «взяли на постоянку» в ПНИ-6 (Психоневрологический

интернат в Новом Петергофе). Тут Жак провел год. Весной ему «повезло»: он смог перескочить через ограду и сбежать. В кальсонах и тапочках встретил милицейский патруль:

- Мужики, помогите, я от бабы сбежал.
- Куда тебя подвезти?

Жака отвезли до города, и он пошел через центр в «Камчатку», потому что больше идти было некуда. Ему нашли «малину» где-то на Пискаревке, дали травы и бумаги – он писал стихи! Было ему, видимо, очень плохо. Люди, у которых он ныкался, затеяли вечеринку, и когда та дошла до апогея, Жак сказал:

- Смотрите все!

Поставил по центру зала табуретку – прямо под торчащий из потолка крюк, намотал на крюк скотч (веревки не нашлось) и сделал петлю. С петлей на шее, взмахнув рукой, сказал только одно слово:

- Введенский!

После – прыжок и общий шок.

Было это 23 мая 2010 г. Тело подбросили на скамейку в парке. Документы были в кармане. Жака вскоре опознали, и мать смогла его похоронить.

*...Введенский в петле плясал
Маяковский пулю сосал...*

Ночь (посвящается Александру Введенскому)
Егор Летов

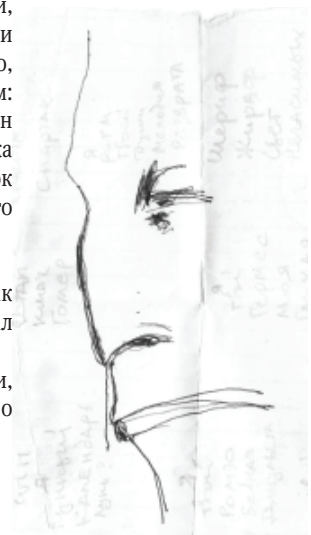
Комментарий к поэме

Около 20 лет рукопись пролежала на антресолях у сестры Рутмана – своих антресолей у него так и не появилось. О поэме забыли, хотя первая часть не раз исполнялась автором как самостоятельное произведение (есть аудиозапись). Вообще Жак был склонен к весьма вольному обращению с собственным творчеством, и рукописные листочки, на которых зафиксирован текст, напоминают набор карт Таро или элементов для складывания стихотворного пазла. Рутман, однако, утверждает, что вид листочков обусловлен их происхождением: обрезки бумаги из академического издательства СПбГУ, куда он тогда устроился программистом. Рукопись имеет рабочий, слегка засаленный вид. Кроме стихов, в пачку вложен тетрадный листок с профилем Жака – похоже, автопортрет, хотя, возможно, это нарисовал Бармалейкин (см. дальше).

Друзья вспоминают, как накрытый порывом вдохновения Жак бросал тусовку и прятался в соседнюю комнату, а после высказывал с вопросом: «Кто такой Пифагор? А еще какие были философы?»

Когда он читал стихи, это казалось импровизацией, и листочки, на которых записана поэма, для кого-то разрушают легенду о поэте, который часами мог говорить стихами, не повторяясь.

- Зачем ты все записываешь?
- Но иначе я все забуду.

Видимо, что-то сидело в памяти особенно крепко, потому что даже отдав рукопись и отсидев в больнице, он смог восстановить часть текста, исполнял его в дальнейшем, записав еще несколько вариантов поэмы-кантаты.

Комментировать общекультурные цитаты и аллюзии я не буду. А вот что касается непосредственно жизни Жака и его друзей:

«*Радуга*» – не столько природное явление, сколько социальный эксперимент. На фестивале тогда действительно была своя «божба» – «Святая Радуга»!

Адмирал – Максим Уколов, поэт и друг. Полный титул – *Князь-Адмирал*. «Князь поэтов» с 1992 г., когда нечаянно выиграл поэтический конкурс в КемГУ. Адмирал с 1996г., когда «в тапочках и трикошках» вышел за хлебом в Кемерово и, встретив какого-то знакомого, внезапно уехал в Москву, а оттуда – на рейв-фестиваль в Крыму на территории брошенной АЭС («Казантип»). Приехав туда, по сути, полуголым, быстро нашел источник дохода: развлекал отдыхающих на прогулочном катере – работал «Адмиралом». До этого Максим успел отслужить в армии и несколько лет отработал учителем в средней школе.

Ворон – Рутман говорил: «У нас были “Спокойной ночи, малыши”. Жак был то Хрюшей, то Каркушей. Набедокурив, говорил: “Приходил Хрюша и все испортил”. А когда он Каркуша – он просто перестает говорить и только каркает. Страшно, когда твой друг сходит с ума». Скорее всего, в первой (сожженной) версии поэмы теме ворона было уделено больше места.

Наташка – Энка, Наталья Боканович, журналистка из Кемерово. Первая и единственная настоящая любовь Жака, которую он потерял и о которой вспоминал до конца жизни.

Бармалейкин – Так Жак называл Арзамаса – татуировщика, художника и панка из города Саров.

Джакобо МАНТЭКИ

КАНТАТА РАДУГЕ
СУДЬБЕ
И Е@НУТОМУ СЕБЕ*

I

Я
mandarin
парижских
островов
Я
луидор
карибских
бижутерий
Я
мутабор
псилацибиновых
империй
Я
император
солнечных
блинов...
Я
архитектор
сказочных
основ
Я
конкистадор
прерий
привокзальных
брутальных писем
и поэм сентиментальных
и теорем буквальных
рифмолов
горизонтальных слов
и вертикальных...

*

Я
скарабей

астральных
пирамид
Пернатый змей
твоих
Семирамид...
Спешу к тебе,
о, красота,
побудь со мной
Всему виной
твой символ
внеземной...

*

О, красота,
гармония,
О, вечность!
О, теплота,
симфония,
О, млечность!
О, неприступность,
грация,
О, честность!
О, Всемизвесность!
О, Повсеместность!
О, Всенародность-
Великородность!
О, Своенравность,
Плавность,
Нежность!
О, Неизбежность!
О, Непосредственность!
О, Прилежность!
О, Безмятежность!
Мокрая промежность...

Правильность
ожидания –

* Публикация Павла Петрова (Пол). Подготовка текста и композиционное решение второй части Владимира Орлова.
Публикуется с сохранением авторской орфографии, поскольку все ошибки делались автором сознательно.

девственность
созидания

*

Я
вознесен
к твоим
очередям
Но
дождаться,
право,
безполезно.
Я
почему-то
верю
бигудям
И праситуткам
верю
и блядям,
А честным
девушкам
я верю
безвозмездно...

Моя
любовь
наивна
и пуста...
Я
по привычке
разминаю
сигарету.
Пойми
меня
чудесная
планета
Есть у меня
всего лишь
высота...

*

Я
твой
триумф
Империя
иллюзий!
Твой
диссонанс
фантазия

труда!
Твой
Ренессанс
материя
акклюзий!
Твой
всенародный
статус
высота!
Цивилизация!
Я твой
безумный
гений!
В твоём
барделе
я почти
монах!
Реинкорнация
не ведаёт
сомнений!
Я
Эмпиодокл
в пифагоровых
штанах!

*

Я
Помпадур
пурпурных
наслождений
Я
трубадур
культурных
Возрождений
падений
бдений
мнений
настроений
хождений
ожиданий
и свиданий
и поподаний
паропропаданий
обыкновенных
повторений
и страданий
и сокровенных
сознаний
и желаний

антивоенных
сочинений
сочитаний
и охуенных
в рифму
улетаний
скитаний
знаний
зданий
и Росстаний

*

Я
Занзибар
тибетских
моряков
Министр
ордена
лохматых
мудаков
Магистр
степени
восторженных
поэтов
кабриолетов
и кардебалетов
Я
блудослов
фалических
секретов
Я
флибустьер
кармических
сонетов
Я
инженер
суконных
Мавританий
изобретатель
словосочитаний
Я
маргарин
салфетных
облаков
Я
господин
просроченных
билетов
Я

паладин
задроченных
советов
Я
аспирин
последних
берегов

*

Навстречу
Временности
следую
упрямо
Качусь
как ветром
сбитый
апельсин
Святая
Радуга –
моя
святая
мама
А я ее
зачем-то
блудный
сын
Приблудный
внук
тотемов
и там-тамов
Голодный
друг
твоих
гиппопотамов
Тарам-пам-памов
вольный
учкудук
Трам-Тарарамов
сольный
акведук
Бамбарбия
о, я твой
Кергудук!

*

Я
твой
Юпитер

юная
Венера
Я
твой
Коперник
бледная
звезда
Со мною
совпадают
все
ПЛЕНЭРЫ
Все

пионэры
все
года
и города
Мне
надоели
светские
манеры
Всю ночь
с гетерами
я
пил
ямайский
ром
И надо мной
смеялись
офицеры
И гейши
ухмылялись
вчетвером

*

Мне
надоели
глупые
беседы
Я возвращаюсь
в храм
своей мечты
И очертания
хмельного
непоседы
Рисуют
на обочинах
кроты
Кричат коты

на крышах
ожиданья
На майских
черепицах
сентября
На уровнях
прямого
попаданья
На небесах
короче
говоря...

*

Куда-то
ковыляют
экипажи
Барахтаются
лебеди
в пруду.
Вокруг
меня гуляют
фюзеляжи
И крикают
на ветках
какаду
Стреляют
в воздух
сумасшедшие
гусары
Провинциалочки
танцуют
на плацу
Торговки
отрицают
гонорары
И раздают
на паперти
мацу
Полковник
ненавидит
почтальоны
Командует
рассветом
Адмирал
Он приглашает
в гости
компаньонов
И тербит

смышленных
шампиньонов
И непременно
дарит
корновал
Быть может
потому что
воевал
Он ценит
безболезненную
дружбу
И каждый
день
торопится
на службу

*

Я
научился
жить
вперед
спиной
И чтобы
ты была
со мной
повсюду
Ползу
к тебе
по-прежнему
родной
Презренный
Ной
потрёпанный
Иуда...
Я
твой
змеёныш,
расписная
круговерть
Я
твой
детёныш,
в этом
ты не виновата
Я
твой
крысёныш,
медленная

смерть
Я
твой
гадёныш,
быстрая
расплата!
Я
твой
пиздёныш,
Лунная
соната!

*

Я
колобок
на ваших
языках
Я весь в огне
ко мне,
моя природа!
Я
мягкий
лед
затерянный
в песках
Твоих
пустынь
духовная
свобода
Северо-
юго-
западный
восток
Тяжелый
рок –
как метод
нарицанья
Я весь
продрог
от самосозерцанья
И от
усталости
мгновенной
изнемог
Где твой
порог,
слепое
сладострастье?

Я твой
сонет
я твой
корнет
я твой кларнет
Готов я умереть
во имя
счастья!
Во имя
населенья
всех
планет!

*

Спешу
к тебе...
Хочу
любить...
Хочу
твоим
любимым быть
Хочу
грубить
тебе
с похмелья
На крыльях
светлого
веселья
Скачу
к тебе
моя
душа
Где ты
флиртуешь
не спеша
Ноктюрны
вальсы
и этюды
Там
шорох
листьев
звон
посуды
Там
осень
нежится
весной
И ты
стоишь

ко мне
спиной,
Слегка
прикрывшись
тишиной...
И слушаешь
звонок
дверной...

*

Там
скромный
шопот
платьев
и комодов
Там
золото
аллей
твоих
затрат
Там
тихий
топот
маленьких
уродов
И пароходов
праздничный
парад
И паровозов
искренний
исход
Твоих
закатов
медленный
восход
Там
чудеса
там гений
изголялся
Он
исчезал
и снова
появлялся
Он забывался
и опять
запоминался,
Когда
с тобой
любовью
занимался...

*

Я
твой
отчаянный
Гаврош
В моем
кармане
острый
нож
В моем
стакане
медный
грош
Пойми
меня,
святая
ложь
Мои
сомненья
припорошь
И сочиненья
приумножь

Я кар
Я вор
Я ворон вор
Я у ворон
украл
свой трон
Я ворон
Я собрал ворон
Традиция,
я твой барон
Я ворон черных макарон
Украл я
все твои слова!
Любовь моя,
едва-едва...
И вновь кружится
голова
И кровь бежит
по венам льва!
И как листва
дрожит молва:
Там на вершинах
озорства
Растет волшебная
травя

Там на заснеженных
подножках
Следы подержанных
невест
Старушки там
на козьих ножках
Зубами клацают
окрест
Там во дворе
дерутся кошки
за право
обоссать подъезд
Там в сентябре
ебутся мошки
ебутся все сороконожки
ебутся кружки,
чашки, ложки,
ебутся злые поварёшки
ебутся машки и промашки
ебутся крошки и матрёшки
ебутся фляжки и рубашки
ебутся Чебурашки брошки
ебутся шашки и Наташки
ебутся даже промокашки
Ебутся ёжики,
смотри!
Смотри, какое это
чудо!
И ничего не говори!
Смотри
смотри
смотри
Гертруда!
Как будто
это мы
с тобой
Замечены
своей судьбой
и обеспечены трубой
нам позавидует любой
Там небеса
в пустых сараях
там голоса
на потолке
Там 48 самураев
перебывают налегке
и цедают мутное саке
и чертят знаки на песке
А с ними
дядька

император
Он музозвон
и провокатор
он курит
длинный
вуалятор
и слепо
верит
в чудеса
Он слышит
ваши
голоса
Глядит
налево
сказки
пишет
Направо
песни
еле
дышит
Там белки
бегают
в трусах
Как будто
стрелки на часах
Там разговаривают рыбы
На непонятном языке
Там на камнях растут улыбки
И ветры плещутся в реке
В напрасной
солнечной
тоске
В прекрасной
лунной
тишине...
В чудесной
облачной стране
В небезызвестной
стороне...
В твоём
зашторенном
окне...

*

Я
смог бы жить
мне кажется
иначе
Творить

с утра
как
Фёдороврублёв
Вернись
ко мне
вчера
о муза
плача!
Цветаева,
о, я твой
Гумелёв!

Эй, пушкилянты!
Ахматоманы!
Где ваши банты?
Где ваши страны?
Где ваши рифмы?
Где ваши ритмы?
Где ваши рифы?
Где ваши нимфы?
Лермонтоверы!
Северянинонасы!
Некрасовомеры!
Фофаноквасы!
Блокопклонники-
Беловеды
Брюсосторонники-
Хлебникобреды
Гипиусрители
Мандельштамисты
Рубцоценители
Маяковскоштамписты
Маршакокосители
Перебродскисты
Чуковскоителы
Маниманисты
Кольцовофобы
Пастернакоробы
Волошиноделы
Где ваши стрелы?
Есенинописцы
Карениносисцы
Бурлюкаглюки
Недобурлюки
Шмакляпериприкрыки
Рваклядакляшмаркляки!
Я вам бросаю
вызов
с высоты
Моя перчатка –

чистые
листы

*

Божественные
пьесы
оды
саги
Вы слышите
какая
благодать?
Давайте
скрестим
шпаги
на бумаге
Кто может
так возвышенно
сказать?
Мне
непрерывно
нужен
Санча Панса
В моей
округе
мельниц
развелось
Я им рисую
солнечные
стансы
Уже довольно
много
набралось!

*

Я
вас
пишу
доверчивые
буквы
Смешные
гуттаперчевые
брюквы
Я вам
служу
уклончивые
кляксы
Я вами
дорожу

маяксы-ваксы
Мои каракули –
вершина
мастерства!
Сама
любовь
диктует
мне
слова!

Любовь Любовь
она всего
дороже
Об этом
я давно
подозревал
И если
нужно
вылезти
из кожи,
То я готов
возглавить
ритуал
Поздравь меня
милашка
лира
Поздравь,
Наташка,
своего
кумира

*

Я
твой
Незнайка
Кнопочка
желаний
Бананово
лимонный
воробей
Я
Сингапур
твоих
воспоминаний
Твоих
изгнаний
верный
Челубей
Пиноккио

случайных
совпадений
Джеронимо
отчаянных
видений
Сольфеджио
безмозглых
откровений
Брависсимо
глухих
стихотворений
Лихих
мгновений
мягких
мановений
И вдохновений
и прикосновений

*

Я
твой
лунатик,
тень
грибных
улиток
Я
твой
фанатик,
лунная
травя
Я
твой
солдатик
королева
маргориток,
Принцесса
цирка,
фея
мастерства!

Ударь
меня
посредственность
ударь!
За то
что я не хряпаю
цикорий
Я самурай
далеких

акваторий
Твоих историй
ветреный
звонарь

*

Я
падишах
палёных
территорий
Торжественно
клянусь
тебе
во всем...
Мы
будем
жить
на суше
и на море
Вдвоем с тобой
когда-нибудь
вдвоем...
Ты мне
протянешь
руку:
– Я согласна...
От радости
я улыбнусь
напрасно...
Сыграй
мне
«Мурку»,
милая
Паллада
На водосточных
трубах
Ретрограда

*

Я
соблюдаю
эталон
Хожу
внаклон
Дышу
как слон
Смешу
салон

Цежу
 вино
 в сасиску
 пьян
 Смотрю в окно
 курю кальян
 Я
 фараон
 со всех
 сторон
 Своих
 коронок
 и корон
 И
 мой
 ручной
 хамелеон
 По прозвищу
 Наполеон
 Грызет
 неоновый патрон,
 картонный
 синхрофазатрон

Хочу улыбок
 повильён!
 Хочу ошибок
 триллиён!

*

Я правлю
 миром
 исключительно
 по средам
 Я правлю
 войнами
 по прочим
 четвергам
 Поэзы
 лирам
 я читаю
 за обедом
 Я считаю
 амаретто
 и агдам
 Ватрушки,
 вы ко мне
 на карнавал?
 А ну-ка чайник,

я кому
 тебе сказал?
 А ну-ка
 быстро
 всех
 кормить обедом!

Кто там пришел
 с конфетами во рту?
 Ах, это снова ты,
 моя победа
 Интриги, где вы?
 Взять её,
 ату!
 И непременно
 снять
 с велосипеда!
 Потанцевать
 немного на лету
 И перепроводить
 с письмом к соседу!

*

Арена
 жаждет
 свежих обещаний
 Измена
 ждет прощений
 и прощаний
 Я
 гладиатор
 к скромности
 твоей
 Ты вечность
 ты общаешься
 с богами
 Ты помнишь,
 как в один
 из наших дней
 Я воевал
 с врагами-
 пирогами?
 Как я держал
 обеденный
 трезубец?
 Как недоеденный
 банан
 по стойке
 прыгал

А я за ним...
 Смеялся
 как безумец
 И, кажется
 ногами громко
 дрыгал
 Как я
 его настиг
 среди
 амлетов

Среди
 твоих салатов
 и советов
 И минуэтов
 чудных
 винегретов

Ты мне
 кричала:
 Вива,
 Кральман!
 Вива!
 Со мной
 когда-то
 ты была стыдлива
 И терпелива
 и нетороплива
 И мы с тобой
 резвились
 у залива
 Глумились
 над малюсками
 разлива
 И ели сливы
 пели
 и плясали
 Как мы тогда
 с тобою
 зависали!
 Какими
 были мы
 всегда
 смешными,
 Наивными совсем
 и заводными!
 Как мы сошлись
 курчавыми
 ночами!
 Как мы клялись

друг другу
 в дружбе вечной
 Как ты ушла
 зачем-то
 с первым встречным!
 Пожав зачем-то
 хрупкими
 плечами...

*

Я
 осминог
 доверчивой
 обиды
 Я
 твой
 щенок!
 Несчастливая
 любовь
 Твой
 белый
 кролик,
 сладкая
 морковь
 К тебе
 стремятся
 все мои
 флюиды
 Я
 твой
 фламинго-
 манго-
 конго-
 бонго
 Я
 твой
 дег Квак!
 дег Шлёп!
 дег Трахтенберг!
 Я
 твой
 кентавр
 золотая
 Амазонка!
 Пушистый
 мавр!
 Наидождливейший
 четверг!

Я	пюпитр
одуванчик	твой скрипичный
похотливого	ключ
желанья	
Колючий	*
пух	
признанья	Я
моего	паучёк
Упал в ладони	с планеты
твоего	Тамагоча
непониманья	Я
И вспыхнул	вечный
вдруг	гангстер
и больше	млечных
ничего	многоточий
	Я
*	лунный пар
	твоих
О, Океания	запар,
люблю	короче
твои	Я
этюды	черный кот
Они меня	твоих
лелеют	забот,
и ревнуют	Мальвина
Твои	Я
Богамы	бегимот
Йокогамы	твоих
и Бермуды	болот
Меня	малина
по-прежнему	Сегодня
отчаянно	ты моя
волнуют	вторая
Я твой	половина
Фонданго	Сегодня
томная	ты моя
Madonna	святая
Я	пуповина
твой	
Айвенго!	*
Солнца	
яркий	Я
луч!	папуас
Твоих	подсолнечной
палитр	Сибири
баскетбольный	Пришёл к тебе
Марадона	как будто
Я	навсегда
твой	И мы с тобой

одни
в большой
квартире
А между
нами
наши
города...
Продолжим
наш
любовный
поединок
Скажу
обыкновенно
хорошо:
«Тебя нашли
следы
моих ботинок
И папираса
с хулиганской
анашой...»

*

Я
выпишу
тебе
такую
справку
Два слова:
«Объявляется зима!»
И выброшу
в окно
«Чужого»
Кафку...
Твой
Дуримар
совсем
сошел
с ума...
Я бедным Кафкой
выпаду
на травку
И от волнения
щёлкнув
языком,
Я
подарю
тебе
волшебную
пиявку...

Корми её
сгущённым
молоком...

II

В который
раз
начну с конца
Еретики!
Внимай отца!
Здесь вера
в прошлое ца-ца!
Здесь вера
в будущее ца!
Оцы ца-цайте
падлеца!
Гонцы цепляйте
молодца!
Кормите пивом
и травой
проникновенного
птенца!
Кочайте чайной
головой!
Знак охуенного
чтеца!
Нак охувшего
курца
Ак одаренного
лица
И к влюбленного
юнца!

*

Оставьте,
я прошу по-братски
Кому? Зачем все эти
цацки?
А ты опять
поднимешь бровь
Я вновь
к тебе
моя любовь:
Я твой
кусачий
иностранец!
Я твой
собачий

оборванец
Я твой
порядочный
за.....

*

Я
апельсин
твоих
карзин
Твоих
карзинок
баргузин
Твоих
картинок
карантин
Я
бедуин
твоих
руин
Я
мандалин
твоих
далин
Адреналин
калин
малин
Я
властелин
твоих маслин
Короче
я твой
пластелин
Твой
Амсердам
пардон
мадам
Я твой
квадрат
Я
твой Сократ
Твоих
стократов
Брут
и брат
Твоих
наград
твоих
затрат
твоих

бесчисленных
утрат
Твоих
сотрапов
партократ
всех
вертопрахов пух
и прах
Всех
квартихрапов
хрупп
и храп
Всех
пустобрёхов
Пруст и Бах
Капусторобов
пустабох
всех лах-
маёбов перебох

*

Я
Мойдодыр
твоих
квартир
Твоих
мочалок
командир!
Твоих
кончалок
командор!
Креслокачалок
тайквандор
Твоих
бренчалок
Эквадор
Твоих
стучалок
помидор
Скакалок
полосатый
хмель!
Рыбалок
волосатый
шмель!

*

Ты мне
минэт

и минут
 Ты мне
 обед
 моих
 побед
 Я мне
 сонат
 моих
 сонет
 Я
 лимонад
 твоих
 манет
 Я
 твой
 mandat
 Твоих
 manad
 твоих
 гранат
 Твоих
 тарнад
 тартаранат
 Я
 конопляный
 твой канат!
 Я
 твой
 больной
 дикообраз
 Я
 подарю
 тебе матрас
 Пошел ты
 на хуй
 пидорас

 Я
 твой
 влюбленный
 Фантомас
 Войди
 в экстаз
 кричи
 атас!
 Я твой гипноз
 Я твой мороз
 твой сладкий сон
 твой унисон...

– Ну ладно,
 я уже другая!
 – Пошла ты
 на хуй
 дорогая!

Хлобысь!
 По кумполу
 подушкой
 Еблысь!
 По бамперу
 лодошкой
 Ну вот и славно
 подрались
 И снова
 рядом
 улеглись...

*

Любовь-любовь
 Какого хуя?
 Какого хуя
 насмеху я?
 Я лирик!
 Розы мне
 нужны!
 Вы мне
 понять
 меня должны!
 Где ваши
 слезы?
 Пацаны?
 Вы мне
 нужны
 наплакать
 море
 О горе,
 горе мне,
 о, горе!
 Какое счастье
 этот смех!
 Здесь крыльев
 взмах!
 Здесь мой
 успех!
 Здесь Мономах!
 Монарх помех!

*

Мы все
понять
его должны!
Я вспомнил –
розы ненужны!
Зачем ему
все эти слёзы?
Все эти позы
сатаны?
Внимайте
розы
всей страны!
Он любит
белые
березы
Он любит
смелые морозы!
Зачем ему
все эти грёзы?
Он будет
нежно
их топтать
А после
бережно
считать
А после
оды
им листать,
А после
снова улетать
Куда?
Попробуй
угадать
А после
снова
сочитать
сонеты
ноты
и минэты
кларнеты
соты
и манеты
и партманеты
и мартпартреты
виндетты
детты
минуэты
и сигареты

и кареты
береты
роты
обороты
необороты
отвороты
рассветы
светы
Ленсоветы
сонаты
маты
автоматы
скилеты
скаты
и стилеты
балеты
леты
и билеты...
и пистолеты
и пистолеты
Родная
где ты?
где ты?
где ты?

*

Я
ненавижу
вижу
я предвижу
Я слышу странный
стук твоих
колес...
Тебя ко мне
приносит
паровоз
И мы с тобой
на острове стрекоз
В который раз
гуляем по Парижу
Там сокровенный
всплеск твоих волос
Там вдохновенный
вкус
твоих мимоз
Там переменных
поз твоих
глюкоз...

А если я опять
тебя обижу?
Я запущу себя
под передоз!
Вопрос – ответ.
Еще один вопрос?!
Нам не хватает
просто папирос!
Не просто
просто папирос
Не очень просто
папирос
Совсем не просто
папирос
Не просто просто папирос
Непапирось!
Вот в чем вопрос!

*

Солнечный век
императорских
спален
Призрачный снег
реставраторских
лун
Сказочный
брег
удивительной
шмали
Скромный
разбег
изумительных
струн
Медленный
воздух
ночных
похождений
Ветренный
август
грибных
нахождений
Искренний
запах твоих
возбуждений
Скромных желаний
твоих
очертаний

*

Иди ко мне
в прекрасном сне
в напрасном сне
в прелесном сне
В атласном сне
репатриаций
Мы на волне
ассоциаций
Мы на войне
чужих оваций
Мы на луне
своих вибраций
На троне
реабилитаций
На фоне
новых коронаций
Устроим
праздничный
банкет!
Для всех
народов
и планет!
Гарсон!
Вина и антрикотов
шампанского и сквозняка!
Чукотских фруктов
и кампотов!
И коньяка!
И коньяка!
Котлет
египетских
слегка!
И коньяка!
И коньяка!

*

Мне
боги
приказали
долго
жить!
4 раза
я пытался
удавиться!
Пытался
отравиться,
утопиться!

Пытался
 броситься
 с моста
 и застрелиться!
 Пытался
 измениться!
 Измениться?
 Но разве
 можно
 что-то
 изменить?
 Утопия!
 Нелепых!
 Ситуаций!
 Спонтанный
 вымысел!
 Болтливая
 брехня!
 Я
 представитель
 внеземных
 организаций
 Я
 председатель
 озарных
 цивилизаций
 О, канитель
 священного огня!
 Пантагрюэль
 нетленного
 коня!
 Я
 Праматей
 отверженной
 предтечи
 Кормлю
 себя
 бумажным
 голубям
 Поверь мне!
 Вот моя
 больная
 печень
 И если
 хочешь
 прикрепи ее
 к цепям

 Я
 Матно-Кристо,

и Осанна мне,
 Аксана!
 Я твой Вильвальди
 преподобная нирвана
 Твой
 Каливостро!
 Формула стаканов
 Твой Барибальди!
 Геометрия
 барабанов

Твой
 карандаш
 кампутер
 и угольник!
 Твой
 циркуль!
 Арифметика
 числа.
 Я
 начертил
 Бермудский
 талмугольник!
 Наивный
 школьник
 твоего
 добра и зла.
 История
 не знает
 западла!
 Давай присядем
 в парке
 на аллейке
 Я покажу тебе
 цветные карамельки
 Пусть
 зимний дождь
 размочит
 акварельки
 Пусть летний
 снег
 запарашит
 скамейки...
 Я не привык
 замаливать
 стихи:
 Меня
 писал
 великий
 Бармалейкин!

А я
ему
читал
свои
хи-хи!

*

Я
черный
снег
бездвременной
Сахары
Я
сахарный
тростник
в твоих
ногах,
Твой страх,
развеянный
присутствием
гитары
Твой
мокрый
смех
на треснувших
губах!
О, маленькая
глупенькая
шлюшка...
Позволь
я поднимусь
к тебе
с колен...
Ты все еще
мертва,
моя
старушка?
Очнись
пред вздохом
непременных
перемен!
Я
покидаю
твой
заветный
плен
Со мной
ватрушка,
кружка

и игрушка
Пойду
туда,
где правит
цифра «N»
Быть
может,
ты поймешь
меня,
подружка...

*

Я твой
Кардэн,
моя
Кармэн
Я твой
бармэн,
моя
Рамэн
моя
случайная
Мадлэн
Моя
печальная
Элен
Я
гобелен
с твоих
колен
Я
твой
король
моя
Ассоль
Ля-ля-фасоль
Ля-ля-фасоль
Ля-соль-бемоль
Бемоль бемоль
Вот мой пароль!
Возьми пистоль
Возьми и выстрели
в рояль!
Возможно будет
очень жаль...
Какая боль
Какая боль
Я снова
абсолютный ноль

Я подарю тебе
медаль!
Скорей
рубашку накрахмаль
Сегодня я
твой ценандал!

*

Мадмуазель
о, я твой
Флоризель
Твой Кромвель!
Ариэль
Мазодоранский!
Я

твой Равель,
о непорочная
Жазель
экскьюзмуа
за сломанный
шампанский:
Я
Арамис
твоих
консерваторий
Атос
измен
Партос
чужих столов
Ромео
в коммунальном
коридоре
Констанция
не нужно больше
слов...

*

Я
Робин Гуд
твоих
минут!
Я
Моцарт
ебанутых
скрипок!
Я
Д'Артаньян
твоих

улыбок!
Твоих
ошибок
скромный
плут!
Я
твой доверчивый
Страшила
Я унисон
в твоей судьбе
Меня
сегодня
рассмешила
Твоя
уверенность в себе!

*

Я
Ариэль
твоих
мероприятий
Твоих
приятый
славный
Купидон
Я
сахарный
тростник
твоих
объятий
Твоих занятий
штопаный
гандон

Пардон
мадам,
еще один
пардон

*

Я
твой биндюжник
славная
Одесса
Я
твой повеса
звездная
Москва

Я
твой Ростов
сибирская
Агнесса
Твой
падший ангел,
может быть
едва

*

Я
твой Отелло,
бедная Джульета
Молилась ли
ты на ночь
перед сном?
Одна
у нас
осталась
сигарета
И нам
осталось
размочить
ее вином
Тринадцать капель
свежего
рассвета
Тринадцать капель –
горький «MANOMAX»
Последний взмах
смешного
минуэта
Хмельного
лета
привкус
на губах

Прости-
прощай
поэта
ма лямур
Какой
шарман
творится
на бумаге
Горит
огонь
и падает
пурпур

В пустой
карман
залетного
бродяги...

Эммануэль
возьми
свой
канапэ
Ты слышишь,
как звучит
пиаллончель?
Она
зачем-то
начинается
на «Пэ»
Ее
зачем-то
дергает
апрель
По струнам
ерзает
корявой
кочергой
По рунам
ползает
и буцкает
ногой

*

Литира-
тура!
Вот моя
кандидатура
Вот партитура,
культура-дура,
Моя микстура
абривиатура
Моя натура
и режиссура
Прощай
лямура!

*

Прощай за то
что снова остаюсь
таким, каким
себя нашел

За то что очень
 долго шел...
 Я шел
 к твоим
 вершинам,
 грусть
 Прощай за то
 что заикаюсь
 За то что снова
 расстаюсь
 и расставаясь
 улыбаюсь
 За то что я
 боюсь,
 боюсь,
 боюсь тебя
 и наслаждаюсь
 За то что я
 в любви клянусь
 за то, что иногда
 забываюсь
 За то что опускаюсь
 поднимаюсь
 за то что я стреляюсь
 ну и пусть!
 Прощай мне
 если повторюсь
 прощай за то что
 матерюсь
 И если вдруг
 оговорюсь
 и если снова
 повторюсь
 Прощай за то что
 задаюсь
 за то что убежал
 из дома
 За то что барышням
 знакомым
 за просто так
 я отдаюсь

Прощай за то что
 я смеюсь
 Прощай меня
 за эти слёзы
 За эти розы
 и морозы
 за эти позы
 и угрозы
 за то что завтра
 я опять напьюсь
 Прощай за то что
 солнечной
 рукой
 Я нарушаю
 лунный твой
 покой
 Прощай меня
 за то что я
 такой

Прощай
 за пошлости
 лихого уркагана
 За прошлости
 граченного
 стакана
 За то
 что он стреляет
 из нагана
 За то что
 он играет
 в таракана
 Играет
 вороватого
 цигана
 Цигана
 хулигана-малигана
 За то что
 умирает
 он погано

Михаил БАРУ

ЧЕЛОБИТНЫЕ ОВДОКИМА БУРУНОВА

Шенкурск

Первые восемьсот пятьдесят километров из Москвы в Шенкурск ехать легко – трасса «Холмогоры» гладкая и удобная, а за Вологодой машин так мало и нога сама так давит на педаль газа, что штрафы за превышение скорости потом замучаешься оплачивать. Для того чтобы попасть в Шенкурск, нужно с трассы свернуть и доехать до реки Вага по уже не очень хорошей дороге и переехать реку по понтонному мосту. Мост принадлежит какому-то частному лицу, и проезд по нему в одну сторону стоит сто рублей. Не для москвичей или вологодцев с архангельцами, а для всех, и для шенкурян в первую очередь. Зимой по льду Ваги дешевле. Это если идти пешком по подготовленной дороге, и бесплатно, если идти на свой страх и риск безо всякой дороги. По-другому к Шенкурску практически не добраться. В принципе, государство должно рядом с платной дорогой... Ну, это в принципе, о котором не стоит и вспоминать. И вообще моста через Вагу в районе Шенкурска нет с самого первого письменного упоминания города в 1137 году в Уставе новгородского князя Святослава.

Географический словарь Российского государства, вышедший в начале девятнадцатого века честно и просто пояснял появление Шенкурска «Что касается до начала сего города, кем он основан и построен, и на какой случай, точного известия нет». Впрочем, тогда сей город и не думал называться Шенкурском, а был Усть-Вагой или просто Вагой, расположенной в месте впадения в Вагу реки Шеньга. Некоторые ученые считают, что написанное в Уставе «оустье Ваг» вообще означает не поселение и тем более никакой не город, а совокупность поселений в устье Ваги, в том месте, где она впадает в Северную Двину, и находится оно... Если так считать, то все шенкурские стелы, на которых большими железными цифрами написан год его основания, придется переделявать. Кто же на такое согласится...

Со временем река Шеньга изменила свое русло и стала впадать в Вагу выше того места, где теперь находится Шенкурск, а в том месте, где она раньше впадала, осталась так называемая курья, то есть старица, или попросту участок прежнего русла реки. Берем Шеньгу и прикрепляем к ней курью, лишние буквы убираем, нужные добавляем, и в итоге получается... Если спросить у археологов, то они вам скажут, что в двенадцатом веке никакого города, конечно, не было. Было городище, окруженное частоколом. Жили в нем в землянках с еще не очень хорошо прирученными собаками и еще хуже прирученными кошками славяне, потеснившие финно-угров, которым, когда они пришли в эти места в девятом веке, и теснить-то, кроме медведей и кабанов с волками, было некого. Остатки этого городища в виде небольшого холма видны и теперь, но большую часть его смысла Вага, которая время от времени вымывает оттуда обломки глиняных горшков, костей съеденных кабанов, лосей, лещей и хариусов, бронзовых украшений, рыболовных крючков, наконечников всего того, что можно наконецить, и тащит по направлению к Северной Двине. Так что большая часть всех тех сокровищ, от которых теряют голову археологи, разбросана по дну Ваги. Рядом с холмом протекает по дну оврага впадающий в Вагу ручей. Археологи говорят, что он искусственный и прокопали его те самые первые поселенцы в оборонительных целях. Вот он и охраняет до сих пор то, что осталось от городища. В том месте, где ручей впадает в реку, раньше была пристань, к которой еще в советское время приставали теплоходы, поднимавшиеся вверх по Северной Двине и Ваге от самого Архангельска. Теперь на Ваге кроме рыбачьих лодок да крошечных буксиров ничего не увидишь. Пристани в Шенкурске тоже нет, но на берегу, у того места где она была, раз в год

в самом начале ледохода собирается молодежь и гуляет у давно заколоченной мертвой избушки под названием «Спорт-бар» с живым пивом и прямыми трансляциями спортивных игр. Когда-нибудь Вага и эти пустые пивные бутылки, банки и пакеты из-под чипсов отнесет и сложит в то место, где у нее спрятаны наконецники стрел и обломки глиняных горшков.

К концу двенадцатого века в этих местах жили славяне, а финно-угры, которые тогда назывались чудью белоглазой или чудью заволочской (то есть жившей за волоком), частью смешались со славянами, частью забрались в совсем уж непроходимые лесные дебри, а некоторые и вовсе превратились в старичков-лесовичков, водяных, русалок, леших и кикимор, которых здесь и сейчас полно из-за многочисленных болот. Существует еще и легенда, по которой последняя чудская знать, не желающая идти в рабство, выкопала глубокий погреб, забралась в него и обрушила на себя землю. По верованиям туземцев душа раба и на том свете будет рабой. Ради свободы в загробной жизни они и лишили себя той, что у них была. Все это, конечно, красивая легенда, совершенно не объясняющая существование огромного количества кикимор, леших и русалок, населяющих со времен средневековья леса, реки и болота здешних мест.

О первых десятилетиях существования поселения не известно примерно ничего, кроме того, что эти места приглянулись новгородским боярам и ростово-суздальским князьям – и те и другие захотели сделать из них, выражаясь современным языком, свою налоговую базу. Новгородцы были проворнее, если не сказать проницательнее. Они приходили в Поважье торговыми гостями и скупщиками пушнины у туземцев. Устраивали свои погосты со складами внутри, завозили на эти склады товары, дожидая охранников, укрепляли эти склады так, что они превращались в осадные дворы, и... В триста пятнадцатом году важский староста Азика «с братией», которую звали Ровда, Игнатец и Харагинец, продали новгородскому посаднику Василию Матвеевичу Едемскому Шенкурский погост и земли вокруг него за десять рублей серебром и двадцать тысяч беличьих шкур. «А что Шенкурского погоста и земли и воды, и леса лешнии, и реки и лешнии реки, и мхи, и озора, и соколя гнезда, где ни есть Шенкурского погоста, то все Василью собе и своим детям в веки». Тот, кто нарушит этот договор, называвшийся «рядной записью», должен был уплатить штраф в размере двадцати гривен золота и посаднику, и новгородскому князю. Десять рублей серебром староста с братией пересчитали быстро, а вот двадцать тысяч белок считали и пересчитывали до утра.

Внук Василия Матвеевича, Василий Степанович, через сто лет переехал в эти места, постригся в монахи и основал Иоанно-Богословский монастырь. Еще через сто лет он был приобщен к лику святых под именем Варлаама Важского. То есть сначала-то он почти всю жизнь прожил в Новгороде посадником, а на старости лет разделил все свое – и, надо сказать, немалое – добро между десятью детьми, но часть все же оставил себе. На эти деньги он в семнадцати верстах от Шенкурска построил укрепленную усадьбу на берегу речки Пинежки. Неподалеку от усадьбы возник монастырь, в который Василий Степанович¹ и удалился уже в самом конце своей бурной жизни, перед этим пожертвовав монастырю часть своих земельных владений. Как раз на том месте, где инок Варлаам молился, после его смерти забил родник, потом над родником поставили колодезь, потом во время одного из разливов Ваги в середине шестнадцатого века гроб с телом Варлаама вскрылся и тогдашний игумен с братией обнаружили, что мощи Варлаама нетленны, потом пошли исцеления... Или они уже были до того... Короче говоря, через самое короткое время после вскрытия гроба и освидетельствования мощей Варлаам был причислен к лику святых.

За четырнадцатый век Шенкурский погост умудрился так подрасти, что в конце века в Устюжском летописце он назван Великим. Наверное потому, что устюжский летописец из своей Устюжны дальше какого-нибудь Весьегонска, которого тогда и на свете не было, не выезжал ни разу. В четырнадцатом веке в Шенкурске по грамоте новгородского архиепископа была построена деревянная церковь во имя архистратига Михаила.

После битвы на реке Шелони, в которой московские войска наголову разбили новгородское ополчение, земли в Поважье вместе с Шенкурским погостом перешли под руку Московского Великого князя. Впервые Шенкурск назван городком в жалованной грамоте Ивана Грозного в пятьсот пятьдесят третьем году. Не погостом, а городком. Это значит то, что в Шенкурске была крепость. Понятно, что деревянная, понятно, что маленькая, но крепость. Жалованная грамота была дана

городовому приказчику Ивану Васильеву, сыну Федора Едемского, который и стал управлять Шенкурском вместо проворовавшихся царских наместников, обиравших местное население так, что ходоки из Важского уезда явились в Москву и подали царю челобитную, в которой предложили свою кандидатуру на пост городского головы. Царь взял... и согласился.

Через восемь лет Шенкурск, названный городом Вагой, в числе двадцати северных городов был записан Грозным в опричнину. Если взглянуть на список этих северных городов, в котором были Вологда, Великий Устюг, Тотьма, Сольвычегодск, то сразу становится понятно – бедных в него не записывали. После смерти Грозного Вага, она же Шенкурск, к тому времени уже записанная в земщину, попала в еще один список. Борис Годунов, предварительно выяснив «сколько с Ваги каких денежных доходов до Борисова владенья платили», записал ее в приданое своей дочери Ксении, которая вот-вот должна была выйти замуж за датского принца Иоанна Шлезвиг-Гольштейнского, но... не вышла, и Вага так и осталась за царем.

Посреди Смуты, в феврале шестьсот тринадцатого года крестьяне Шенкурского и Ледского станов собрали в дорогу Овдокима Олферьева Бурунова и велели «итти ему к Москве... и бить челом боярам и воеводам по той челобитной о всяких наших мирских нуждах и без указа с Москвы не сойти»². Это все равно что в феврале девятьсот восемнадцатого года идти ходоком к Ленину по огромной заледевшей стране, ежечасно подвергаясь опасности быть схваченным то поляками, то казаками, то литовцами, то красными, то белыми, то быть съеденным в дремучем лесу волками, пряча под худым армяком челобитную, в которой неуклюжими крестьянскими буквами написано: «Покорнейше просим Советскую власть защитить нас от полного разорения и выдать нашим делегатам бумагу с пояснением, что можно с нас требовать и что нельзя, дабы мы могли в случае чего предъявить ее местным властям, а также чтобы наши делегаты могли оправдаться, что они все делали в соответствии с этим наказом»³, но это уже двадцатый век, хотя крестьяне все те же – из той же губернии, но соседнего с Шенкурским Вельского уезда. Без указа с Москвы не сойти... Между этими двумя челобитными была еще одна – безотказного Овдокима Бурунова в шестьсот двадцать первом году снова отправили с челобитной в столицу. Видимо, толку от первого похода было мало и боярам с воеводами веры уже не было, а потому земляки Бурунова велели ему бить челом или царю лично, или патриарху Филарету, а «опричь государя и святейшего патриарха Филарета мирских наших челобитных в иных приказах не подавать нигде»⁴. Как живой стоит у меня перед глазами вернувшийся домой и до смерти уставший, обносившийся и оголодавший Бурунов. Снимает он шапку, показывает мужикам разбитое чело с огромным, уже желто-багровым синяком, и говорит в сердцах: «...Хоть убейте меня, хоть на части разрежьте, но, чтобы я еще хоть раз делегатом...»

Не надо, однако, думать, что жители Важского уезда умели только посылать ходоков с челобитными в Москву и, повторяя «Суди его бог!», разводить безнадежно руками. Из сорока шести человек, сосланных в Сибирь на вечное поселение после подавления разинского восстания, треть была дворцовыми крестьянами Важского уезда.

В том же шестьсот двадцать первом году запись о Шенкурской крепости появляется в дозорных важных писцовых книгах, и это не просто упоминание о том, что она существует, а ее описание. Город был огражден частоколом и рвом, имел четверо воротных и десять глухих башен. На башнях были установлены три полуторные пищали и две скорострельных пушки, предназначенных для стрельбы с крепостной стены, а кроме того мушкеты, порох, свинец, ядра железные, свинцовые и дюжина стрельцов, вооруженных казенными пищалами. На гостином дворе было уже без малого три десятка лавок с сидельцами и кабака, а на воеводском – съезжая изба и тюрьма. Кроме соборной церкви выстроили еще две, а к ним восемь келий и пять дворов священнослужителей. Посад насчитывал пятьдесят девять дворов. Это был уже не эмбрион города, не погост, а настоящий город с шумной толчеей у торговых лавок, с кривыми грязными переулками, с лаем цепных псов, с пьяными драками стрельцов у дверей кабака, колокольным звоном по праздникам и набатом во время непременных пожаров.

Шенкуряне, кроме охраны крепости, крестьянского труда и торговли хлебом, занимались тем, что плели сети, невода, пряли пряжу, вязали чулки и шили рукавицы. Делали они это на продажу, и большей частью всю эту продукцию у них покупала Сибирь. Через посредников, которыми были

купцы, к примеру, из Великого Устюга. Им жители Поважья продавали свои неводные сети десятками и сотнями сажений. Промышленники и стрельцы, уходившие в Зауралье, брали с собой кроме наборов с инструментами теплые рукавицы, вязанные чулки и, конечно, сети, чтобы ловить рыбу, которой они в этих безлюдных и суровых местах большей частью и питались.

Все эти сети, чулки и рукавицы были, если так можно сказать, легкой промышленностью, а тяжелой был пушечно-литейный завод, открывшийся в шестьсот сорок четвертом году в двенадцати верстах от Шенкурска. История не сохранила имени того, кто его основал. Известно только, что он был иностранец. Работал завод на местной болотной руде. В местном музее есть пушка этого завода. Пушка как пушка – длиной почти три метра. Стреляла десятисантиметровыми в диаметре ядрами. Завод проработал до самого конца семнадцатого века. Его, как предполагают местные краеведы, закрыл Петр, поскольку в Олонецкой губернии нашли железную руду гораздо лучшего качества. Вот, собственно, и вся Шенкурская промышленность в те времена. Исключая, конечно, смолокурение, которым в той или иной степени занимались почти все крестьяне. В самом конце семнадцатого века смолокурение в Поважье по царскому указу было отдано на откуп иностранцу Томасу Кильдерману.

В начале восемнадцатого века Важский уезд, в состав которого входил и Шенкурск, был приписан к Архангелогородской губернии, но в семьсот пятьдесят седьмом году огромный уезд разделили на две половины – Шенкурскую и Верховажскую. Центром Верховажской половины стал Вельск, а Шенкурской – Шенкурск. Говорить о том, что Шенкурск к восемнадцатому веку стал крупным ремесленным центром, не приходится. И то сказать – по переписной книге шестьсот семьдесят восьмого года во всех посадах Важской земли было немногим менее трехсот тягловых дворов. В одних Холмогорах было в два раза больше. Правда, в соседнем Вельске к тому времени было дворов в семь раз меньше, чем в Шенкурске, но это утешало мало.

Вообще начало восемнадцатого века было в городе, как почти везде в России, тяжелым. Плотников по корабельному делу в Санкт-Петербург пришли, кузнецов пришли, токарей, которых, может, у тебя в Шенкурске и нет вовсе, все равно пришли, да подводы дай, да запас продуктов на дорогу дай, да налоги на все, кроме воздуха и воды, заплати, а потом, как новый год придет – снова начинай присылать и платить. И при этом зиму, которая длилась полгода, и морозы под сорок градусов никто не отменял. В гостинице дворе пустовали семнадцать лавок, и полтора десятка крестьянских дворов стояли заколоченных, поскольку их владельцы «сошли от хлебной скудости». В бумагах приказной палаты Шенкурска за семьсот восьмой год обнаружена запись коменданта о том, что крестьяне Важского уезда хотят «дворы свои и тяглые жеребьи метать в пусто и ехать в Сибирь и в иные города и уезды и для того тяглых жеребьев не засевают и скот и скарб избывают».

В сентябре семьсот шестого года по царскому указу велено было строить таможду, амбары, погреба, ледники и водяную мельницу, а для этого по высокой воде весной доставить к Шенкурску две тысячи сосновых бревен, пять тысяч пластин драни, семь десятков тесин... Не доставили. Пока думали, как отписать начальству, что обстоятельства, что погода... пришел новый указ с требованием строительство завершить. Ну, и прислать очередных плотников с кузнецами в Петербург. И это не все. В семьсот десятом году приказано было «подрядить охочих добрый людей», чтобы произвести сорок тысяч бочек смолы к приходу в Архангельск иностранных торговых кораблей. Смолокурение при Петре, кстати сказать, было не только способом заработать денег – оно было и повинностью, поскольку смолой можно и нужно было платить налоги. И смолу-то эту, проклятую, выкурить просто так, нарубивши дров и спалив их, было нельзя. Сначала купи патент, потом заплати...

Во второй половине восемнадцатого века Сенат озаботился увеличением производства смолы. Велено было курить смолу так, как это делали на Западе – в печах из огнеупорного кирпича. Важские смолокуры обычно никакими печами не пользовались – им для организации процесса достаточно было вырытой ямы. Сенатская задумка была хорошей – в печах можно было использовать и пни, и корни, и просто упавшие и сломанные деревья. В Сенате все расчислили заранее – «сколько бочек из стоячего леса и сколько из пня и корня той смолы выкурить надлежит...»⁵. Использование такого рода печей позволило бы не только увеличить производство смолы, но и хороший строевой

лес меньше тратить на выкуривание смолы. Если бы все это можно было объяснить крестьянам и убедить их, то они непременно построили бы печи и выкорчевывали все до единого пни и корни, чтобы из них гнать смолу. Если бы...

Шенкурск был городом чиновников, купцов и монахинь. У находившегося в городе Свято-Троицкого монастыря, основанного еще в шестьсот шестьдесят четвертом году, так хорошо шли дела, что в семьсот девятнадцатом году на его звоннице установили куранты, стоявшие по тем временам немалых денег. Интересно, что первоначально эти куранты заводились по святцам на два отделения – дневное и ночное. Дневное начиналось с восходом и шло до заката, а ночное – от заката до восхода. Такие куранты назывались «русскими» и в них была всего одна стрелка, стоящая на месте. Двигалось в них кольцо с буквами, обозначавшими часы, а сами часы были не одинаковыми по длительности, как сейчас, а разными, и назвались косыми... Короче говоря, все это было очень сложно, и правильно ответить на вопрос «который час» не всегда могла даже игуменья монастыря, а потому через сорок три года механизм и циферблат переделали на современный лад с часовой и минутной стрелками. Правда, к тому времени монастырь успел захиреть, и через год после того, как часы модернизировали, монастырь закрыли и оставшихся четырех монахинь отправили в Холмогорский Успенский монастырь, а еще через пятнадцать лет монастырь восстановили и сделали мужским, а еще через семьдесят восемь лет, уже в девятнадцатом веке, его снова сделали женским, и его из Холмогор приехали возвращать к жизни сорок монахинь во главе с игуменьей Феофанией. И так хорошо восстановили, что в монастыре перед приходом большевиков были мастерские и золотшвейные, и иконописные, и рукодельные... Ну, до большевиков еще надо добраться, а что касается часов, то их на звоннице монастыря давно уже нет. И самой звонницы нет. И сам монастырь в таком состоянии... Зато в музее есть часть механизма курантов. Как мне сказали в музее – едва ли треть от того, что было. Эта треть, весящая не меньше центнера, представляет собой полтора или два десятка огромных, местами уже ржавых, шестеренок, соединенных в одну конструкцию коваными железными полосами.

Положа руку на сердце, восемнадцатый век не был золотым веком Шенкурска. По городской книге семьсот семьдесят пятого года в городе числилось сорок четыре дома мещан и восемь купеческих. Лавок было всего одиннадцать, а все население, включая дворян и духовенство, насчитывало около пятисот человек. В первой четверти семнадцатого века лавок было в три раза больше. Что же до населения, то его по переписной книге шестьсот семьдесят восьмого года было больше на целую треть. При Екатерине Второй, когда Шенкурск стал уездным городом и ему дали герб, на котором был изображен «в зелёном поле идущий серебряный с чёрными глазами, носом, полосой на морде, брюхом и лапами барсук», решили его перестроить. Разработали план, высочайше утвердили его, построили каменное здание присутственных мест, уездное училище и... деньги кончились.

Ближе к концу века по заказу Камер-коллегии было произведено описание Шенкурского уезда, в котором среди прочего было сказано, что «Урожай бывает ржи в пятеро и шестеро, ячменю в четверо и пятеро, овсу втрое и четверо, но лучше всех удается рожь; по некоторым селениям в огородах произрастает капуста, лук, горох, редька и репа. Скот у поселян мелкой и в малом количестве, лесу строевого мало, дровяного же боле. Поселяне занимаются ловлею зверей, стрельбою птиц, курением смолы, жжением осиновой золы и угля. Избытки свои продают в Архангельске, Шенкурске и на Евдокиевской ярмонке»⁶. Хорошие урожаи ржи, что и говорить. Не хуже, чем в губерниях, расположенных в средней полосе. При том, что почва глинистая и местами каменистая, и ее приходилось раз в два года унавоживать и удобрять грунтом из болот. Пшеницу здесь и не сажали. Не росла здесь пшеница. Медведи, волки и кабаны росли и вырастали преогромных размеров, а пшеница не хотела. Если мысленно убрать из этого описания восемнадцатый век, то получится семнадцатый, если убрать Евдокиевскую ярмарку, которая проходила в селе Благовещенском известном лишь с начала семнадцатого века, то шестнадцатый, а если убрать Архангельск, то и пятнадцатый. Хотя строевого леса у крестьян тогда было все же побольше. Как и медведей.

Начало девятнадцатого века в Шенкурске стало началом века просвещения. В восемьсот четвертом году в городе открылось первое учебное заведение – приходское училище⁷. В нем был всего один класс и тринадцать учеников. В день его открытия на нужды училища было пожертвовано сто

шесть рублей с полтиною. Городничий Странден, уездные судья Львов, исправник Кочерин, казначей Четверухин и соляной пристав Дьячков дали по десять рублей. Какой-то купец из Калужской губернии дал четвертную, градский голова купец Подосенов дал пятнадцать рублей, форшмейстер⁸ Котов и верховажский купец Заровников по пять рублей. Секретарь земского суда Федор Резанов – два с полтиной, а бухгалтер уездного казначейства Степан Резанов и верховажский купец Швецов оторвали от себя по два рубля⁹. Вообще в первые десять лет существования у училища с деньгами было совсем плохо, и градский голова Иван Подосенов... содержал его на свой счет. Предоставил ему дом и постоянно жертвовал различные суммы. Тут можно было бы провести параллель или даже перпендикуляр из девятнадцатого века в..., но мы этого делать не будем, поскольку толку в этом...

Преподавал в училище протоиерей Григорий Заринский. Учеников в первые десять лет было мало – не больше дюжины, а потом стало еще меньше. В четырнадцатом году их осталось всего четыре. Потом снова стало больше, а в шестнадцатом году первые семь учеников смогли закончить полный курс обучения и получить аттестаты об окончании училища. За четырнадцать лет существования училища в нем обучился шестьдесят один ученик, а вот аттестаты об окончании полного курса получили всего двенадцать. Это совсем не значит, что училились они плохо. Дело в том, что родители забирали детей, едва те осваивали азы чтения, письма и арифметики. Детей ждала работа. Забирали их еще и просто потому, что родители не видели пользы в обучении. В восемьсот тридцать пятом году директор уездных училищ с трудом уговорил купца Добрынина и крестьянина Поромова, дети которых отлично учились, оставить их в училище еще на год – в третьем классе. К тому времени правительство дало денег, и одноклассное приходское училище преобразовали сначала в двухклассное уездное, а потом и в трехклассное. Среди учеников появились девочки. Занимались в училище дети крестьян, отставных солдат, купцов и мещан. Учились сыновья почтальона, соляного вахтера, унтер-офицера и барабанщика. В общей сложности каждый год в училище обучалось не более трех, а иногда и двух десятков учеников. Шенкурское училище среди шести уездных училищ было на последнем месте по числу учеников. Учебники в училище имелись в достаточном количестве, но далеко не все ученики, а вернее, их родители, могли их приобрести. В восемьсот сороковым году директор училищ Архангельской губернии И.А. Никольский писал в отчете: «...столь малозначительное число учащихся, как уже было упомянуто, единственно зависит от ничтожности самого города Шенкурска, чрезмерной его бедности. Даже нельзя надеяться, чтобы город этот мог когда-либо придти в лучшее, цветущее состояние, но, напротив, за 20 лет тому общество его было гораздо значительнее, нежели в настоящее время, потому, что торговый класс, лишившись тех выгод, коими пользовался в былые времена, принужден постепенно выписываться в другие города, оставляя прежнее свое жилище по местности и изменившимся обстоятельствам вовсе для него бесполезное. Даже нельзя без особенного горестного чувства смотреть на обветшалые одежды учащихся, из коих некоторые, не имея насущного хлеба, принуждены бывают выпрашивать милостыни, а потом идти в училище»¹⁰.

И девятнадцатый век не стал для Шенкурска золотым веком. Если честно, то и серебряным тоже. Само собой, курили смолу и научились при выкуривании смолы получать отличного качества скипидар с канифолью. На Всероссийской промышленной выставке восемьсот семидесятого года важская смола была удостоена награды. Ее даже в Париж возили на выставку в девятисотом году. В середине века в Шенкурском уезде насчитывалось около шести тысяч смолокуров. Мужского населения на тот период в уезде было чуть более двадцати семи тысяч. То есть каждый четвертый или пятый житель уезда был смолокуром. В уезде работали два пековаренных завода, производивших в год около двух тысяч пудов скипидара и двадцать пять пудов пека, которым в те времена гидроизолировали все, что гидроизолируется – от обувных подошв, до деревянных корабельных корпусов и снастей.

В самом Шенкурске население росло быстро – если в середине века в городе проживало семьсот человек, то к концу века это количество удвоилось. Завелась в городе и ежегодная ярмарка, куда жители окрестных сел и деревень привозили продавать свои «избытки» гороха, капусты, репы, лука, редьки, соленой и вяленой рыбы, глиняных горшков и вязаных носков.

Событий экстраординарных, к счастью, не было ни одного, если не считать визита великого князя Владимира Александровича в Шенкурск летом восьмьсот девяносто девятого года. Суматоха была страшная. О визите стало известно еще в феврале. Планировалось, что великий князь приплывет в Шенкурск по Северной Двине и Ваге, а потом уедет из города на станцию Няндомы Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Тут надобно несколько отступить назад и рассказать о дороге, которая связывала Шенкурск со станцией Няндомы. Вернее, должна была связывать. Как уже понятно, сама железная дорога через маленький захолустный Шенкурск не прошла. Провели ее по кратчайшему маршруту из Вологды до Архангельска по малонаселенным болотистым местам почти на двести верст западнее Шенкурска. Все были недовольны – и Вельск, и Каргополь, и Пинега, и Онега, и Холмогоры, и Шенкурск. Как только дорога в девяносто седьмом году заработала, сразу прекратилась перевозка грузов по Московскому тракту с севера, и сам тракт стал приходить в упадок. И вся рыба, пушнина и дичь, которую везли с севера в Москву и Петербург через Шенкурск, поехала по железной дороге мимо него. Умерли придорожные трактеры, кормившие ямщиков-дальнобойщиков, умерли монтаж и балансировка тележных колес, некому было продать носки и пояса, связанные из волчьей шерсти. Стоимость отправки груза из Вологды в Шенкурск увеличилась вдвое, поскольку теперь приходилось оплачивать дорогу в оба конца. Шенкурские власти погоревали, погоревали – и решились прокладывать грунтовую дорогу из Шенкурска до Няндомы. Собственно говоря, дорога уже существовала, но уж очень узка и извилиста – проехать по ней можно было только в узких санях, запряженных в одну лошадь, и только зимой. Летом, не говоря о межсезонье, доехать по ней до Няндомы не представлялось возможным – в некоторых топких местах лошадь проваливалась по брюхо. В те времена не только вода была мокрее и трава зеленее, но и грязь на дорогах куда грязнее нынешней. Для начала разработали три варианта постройки дороги. Архангельский губернатор из них выбрал один. После того как составили смету, губернский распорядительный комитет ее урезал, посчитав, что через реку Паденьга можно мост и не строить, а переехать через нее вброд. Поисковать как следует подходящий брод и переехать. Архангельский губернатор, рассмотрев урезанную смету на часть дороги от Шенкурска до границы Каргопольского уезда, написал на ней: «Означенная смета, очевидно, рассчитана на такое исправление и устройство данного тракта, какое приближало бы его к типу столичных дорог»¹¹ и не утвердил. На переписку и переговоры ушло два года. В конце концов губернский распорядительный комитет выдал на строительство тысячу рублей вместо запрашиваемых тринадцати тысяч и предписал уездному исправнику на месте решить, какие работы можно сделать сейчас, а какие оставить на потом. Начальство посоветовало исправнику просто убрать камни, засыпать рытвины и застелить топкие места жердями. Выделенных денег было так мало, что решили сократить количество закупаемого песка, жердей и уменьшить ширину дороги с трех до двух сажень. И тут как снег на голову – визит великого князя. Вернее, как камни с неба. Шенкурский исправник срочно выехал осматривать дорогу, чтобы в кратчайшие сроки, с соблюдением строжайшей экономии...

Прямо к пристани, выслушав приветствие, Владимир Александрович отправился в городской собор и на всем пути к собору девочки бросали цветы и даже букеты. В соборе его встретили шесть священников во главе с настоятелем собора. Совершили молебен и по разостланным на земле красным коврам прошли из собора в монастырь, где мать игуменя Рафаила преподнесла его императорскому высочеству икону собственного письма. Потом еще один молебен, потом чай, на следующий день в присутствии великого князя, его свиты, духовенства, местных властей и горожан панихида по новопреставленному наследнику Георгию Александровичу, потом отъезд... в Архангельск по воде, а оттуда уже по железной дороге в столицу.

Что же касается дороги до станции Няндомы, то три тысячи бревен и сто тысяч жердей, которые все же успели закупить, остались лежать на дороге. Через два года после визита великого князя часть болотистых мест на одном из участков все же застелили и даже смогли два раза по этому участку проехать на колесах. И тут земство Каргопольского уезда, по которому должна была пройти часть дороги, решило отказаться от участия в строительстве, несмотря на то что уже и губернский распорядительный комитет был согласен. Весной девятьсот второго года одни крестьяне отказались строить мост на одном участке дороги, а другие запросили за ремонт другого участка

такие деньги... В двенадцатом году только переписка по вопросу строительства дороги в Няндому представляла собой огромный том. Только переписка, а дорога... Конечно, это не та Россия, которую мы потеряли, а та Россия, которую как ни теряй...

И еще одно событие ознаменовало конец девятнадцатого века. К этому времени Вага так подмыла крутой берег в том месте, где стояло городище, что он стал обваливаться. В девяносто седьмом году местные власти все же удосужились осмотреть берег и увидели, что еще видны земляные валы, переходы между ними и тайные ходы к Ваге. Еще можно было зарисовать и нанести на план два сохранившихся рва, которые когда-то опоясывали крепость и в которых то и дело находили чугунные ядра. Увы, никто этим не озаботился.

Начиная с шестидесятых годов девятнадцатого века власти стали ссылать в Шенкурск политически неблагонадежных граждан. Побывала в Шенкурске Вера Засулич, побывали члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Меркулов, Романенко, побывал всю жизнь не вылезавший из ссылок социолог, экономист и идеолог народничества Василий Берви-Флеровский, побывал... Впрочем, теперь эти фамилии, быть может, за исключением Веры Засулич, уже почти никому ни о чем не говорят. Из тех ссыльных, кого усилием воли еще можно вспомнить... Впрочем, по имени и фамилии Григория Мачтета тоже не вспомнить – только по стихотворению «Замучен тяжелой неволей, ты славною смертью почил...», которое он написал на смерть умершего в тюрьме студента Чернышева. Стихотворение это стало революционной песней, которую, как говорят, любил петь в компаниях своих товарищей вождь мирового пролетариата. Именно эта песня в исполнении хора Большого театра звучала на его похоронах. Мачтет написал еще повесть «Блудный сын» об отношениях интеллигенции и народа, но ее уж точно никто не вспомнит. Кто там был блудным сыном – народ или интеллигенция... да и к Шенкурску это не имеет никакого отношения.

Уже в семидесятых годах позапрошлого века в Шенкурске проживало более ста ссыльных. Сидеть и просто ждать, когда окончится срок ссылки и можно будет уехать, эти люди не умели. Они умели агитировать. Правда, их агитация не всегда нравилась крестьянам. В селе Благовещенском ссыльных грузинских социал-демократов за попытки вести агитацию и разговоры о причинах поражения в русско-японской войне крестьяне хотели избить. Не потому, что их не устраивал разбор причин поражения – они его даже слушать не стали, а потому, что крестьяне Шенкурского уезда приняли грузин за японцев и решили, что настал подходящий момент отомстить за поражение в войне.

Многие из ссыльных принадлежали к разным политическим партиям и течениям. Не всегда эти течения мирно текли в одном русле. Случались и завихрения. К примеру, социал-демократы разругались вдрызг с народниками. И все это на глазах у Шенкурских обывателей. В девятьсот первом году начальник архангельского жандармского управления, обратился в департамент полиции с ходатайством о прекращении ссылки в губернию, но было уже поздно – в мае пятого года в Шенкурском уезде в Великоиколаевской волости возник первый подпольный политический кружок. Члены этого подпольного кружка приняли деятельное участие в событиях лета и осени того же года. В августе в Шенкурск приехал губернатор, но его приезд на обстановку никак не повлиял – она продолжала накаляться. В октябре некоторые горожане и часть крестьян из окрестных деревень разгуливали по городу с красным флагом¹², пели песни и призывали к свержению самодержавия, а в ноябре в Шенкурске состоялся первый крестьянский уездный съезд, на который собрались сто делегатов из разных волостей. Три дня город кипел – печатались бесчисленные прокламации, обращения (в Шенкурске к тому времени уже была подпольная типография) и расклеивались по всему городу. Полиция сидела тихо и носа на улицы не показывала. Съезд, понятное дело, постановил, что все земли, включая удельные, монастырские, дарственные и частных владельцев нужно отобрать и отдать тем, кто их обрабатывает. Требовали созыва Учредительного собрания, призвали прекратить выкупные платежи за землю, не платить земельного налога, а лесом из удельных дач пользоваться безвозмездно, то есть даром.

Делегаты решили создать «Союз шенкурских крестьян». Избрали уездное бюро и решили на местах, в волостях, организовать сельские комитеты и дружины самозащиты. Что удивительно – в соседнем Вельске или в Каргополе и близко такого не было, а в Шенкурске, как писал местный

исправник архангельскому губернатору, «...народ пришел в состояние какого-то неистовства... Полиция бессильна принять репрессивные меры...»¹³. В январе девятьсот шестого года в городе прошел второй крестьянский съезд, объявивший «Союз Шенкурских крестьян» частью Всероссийского крестьянского союза. К осени девятьсот седьмого года беспорядки в Шенкурске все же прекратились. Не без помощи губернских властей, по приказу самого Столыпина пославших туда две роты солдат и почти сотню казаков. Солдаты и казаки под командой вице-губернатора полтора месяца наводили порядок в городе и окрестных деревнях. Арестовали около полусотни активистов крестьянского движения, среди которых были крестьяне, учителя, сельские старосты и писари. Правда, некоторым все же удалось скрыться. Самовольные порубки леса, происходившие во время волнений прекратились, крестьяне повиновились, порубленный лес вернули хозяевам и удельная лесная стража смогла вернуться на места службы.

И все же архангельский губернатор в своем донесении писал: «Наступившее наружное успокоение в Шенкурском уезде, достигнутое исключительно путем репрессивных мер, отнюдь не может еще считаться прочным и продолжительным, ибо все те коренные причины, которые вызвали столь ожесточенную вражду бывших удельных крестьян Шенкурского уезда к уделу, остаются по сие время не устраненными, и, следовательно, есть полное основание предполагать, что крестьянские беспорядки в Шенкурском уезде, в ближайшем будущем, могут возникнуть вновь и притом, быть может, с еще большей интенсивностью»¹⁴. Как в воду глядел.

Вообще в Шенкурске и уезде были большие мастера по части объединиться и выступить единым фронтом. Уже в девятьсот первом году важные смолокуры стали объединяться в артели, чтобы противостоять произволу скупщиков смолы и других продуктов смолокурения. К девятьсот шестому году артели контролировали почти половину архангельского экспорта. И это не замедлило дать свои результаты – смолокур-артельщик стал получать за бочку смолы на треть больше. Артельщикам мешали чиновники, мешали крупные компании, державшие в своих руках экспорт смолы, но они сумели объединиться и создать Союз смолокурных артелей Важской области, куда вошли артели не только Шенкурского, но и Вельского, и Сольвычегодского уездов. К восемнадцатому году в Союз входило свыше пятидесяти тысяч человек, ему принадлежало шесть барж, два с половиной десятка различных предприятий, среди которых был лесопильный завод в Шенкурске, коммерческое училище и типография. Смолокуры издавали собственный журнал «Важская область», редактором которого был организатор Союза и его председатель правления Александр Егорович Малахов. Журнал, спустя недолгое время ставший, как и весь Союз, поперек горла большевикам. Склады с товарами Союза были не только в Архангельске, Котласе, Москве и Нижнем, но и в Лондоне, Ливерпуле и Ньюкасле. Кроме Союза смолокурных артелей Важской области в уезде действовало более двух сотен самых различных кооперативов и потребительских обществ, которые объединяли более одиннадцати тысяч пайщиков. Это все, конечно, скучные и пыльные цифры, но как подумаешь, что из этого кооперативного движения могло вырасти даже в таком глухом таежном углу, как Шенкурский уезд, даже на такой бедной, каменистой земле и в таком суровом климате, если бы не...

Известие об октябрьских событиях в Шенкурске, который и без того лихорадило, начиная с февраля, приняли с редким единодушием. Уездный съезд Советов, который прошел буквально через пару недель после переворота в Петрограде, подавляющим большинством голосов большевиков осудил. Уездный комиссар, эсер Яков Леванидов, так и сказал: «Съезд с негодованием узнав о преступной попытке большевиков захватить власть за три недели до Учредительного собрания, о братоубийственной войне на улицах Петрограда... призывает все крестьянство самыми решительными мерами бороться с кадетской и большевистской пропагандой, смкнуться вокруг советов крестьянских депутатов... полное доверие Совету Российской республики и вождю народа Керенскому... С нетерпением ждем созыва свободно избранного Учредительного собрания...»¹⁵.

Подождать до созыва и разгона большевиками Учредительного собрания нужно было недолго – всего два месяца. За эти два месяца большевики исхитрились устроить забастовку на лесопильном заводе, принадлежавшем Союзу смолокуров. Одним из шенкурских большевистских агитаторов был сын местного купца второй гильдии Федора Пластинина Никандр Пластинин, уже успев-

ший к тому времени стать профессиональным революционером, прожившим в эмиграции вместе с женой Ревеккой Пластининой – такой же профессиональной революционеркой, как и он сам, десять лет. Между прочим, вернулись пламенные революционеры в Россию в апреле семнадцатого года в пломбированном вагоне вместе с друзьями по партии и ее вождем. Жена Пластинина на лесопильном заводе не агитировала – она была занята организацией женского социалистического клуба.

Пятого января, в день открытия Учредительного собрания, в Шенкурске открылся Второй уездный съезд Советов. Съезд проходил скучно – все замерли в ожидании результатов работы Учредительного собрания в Петрограде. Председателем избрали левого эсера Георгия Иванова, а вот его заместителем и секретарем были избраны большевики, причем секретарем стала Ревекка Пластинина.

После роспуска Учредительного собрания, Третьего Всероссийского съезда Советов и Первого губернского съезда Советов в конце февраля восемнадцатого года собрали Третий уездный съезд Советов, чтобы разъяснить городу и уезду решения центральных и губернских властей. На этом съезде большевиков и левых эсеров было уже больше, и делегаты, в основном вернувшаяся домой с фронта и распропагандированная молодежь, подавляющим большинством голосов одобрили и роспуск Учредительного собрания и поддержали решения Всероссийского съезда. «Принимая во внимание, что Учредительное собрание было последней ставкой нашего исконного врага – буржуазии... подставано буржуазией... приветствуем декрет Центрального Комитета и постановление о роспуске...»¹⁶.

Съезды следовали один за другим. В самом конце марта прошел объединенный съезд Союза смолокуров Важской области и Четвертый съезд Советов солдатских и крестьянских депутатов. Никандр Пластинин произнес зажигательную речь и так зажег делегатов, что часть коммунистов стала требовать расстрела председателя правления Союза смолокуров Малахова. К счастью, обошлось, но после того как часть кооператоров во главе с Малаховым ушла и решила заседать отдельно, съезд все же решил арестовать Малахова и члена правления Союза смолокуров – Дегтева и инструктора Костылева. Их арестовали и препроводили в городскую тюрьму. Это было второго апреля, а через десять дней пришла телеграмма из Совнаркома, о том, что правительство пришло к соглашению с Всероссийскими кооперативными организациями и потребовало прекратить преследование кооператоров. В Шенкурске на эту телеграмму не обратили никакого внимания, а местный Уисполком арестовал еще несколько кооператоров и конфисковал кооперативную типографию. Еще через неделю Малахов и два его товарища по несчастью попросту сбежали из городской тюрьмы. Вернее, ушли, поскольку никто из надзирателей их не стал задерживать.

Забегая вперед скажу, что Малахову удалось эмигрировать и он дожил до пятидесятого года и издал в Лондоне воспоминания «Русская кооперация и коммунисты». Он даже смог продать в Лондоне смолу и пек, принадлежавшие Союзу и хранившиеся там на складах. Дегтева расстреляли в Вологде в сентябре того же года, а Костылева тоже расстреляли, но уже в тридцать восьмом, в Архангельске. То есть его сначала посадили на два года в двадцать первом году, он отсидел, вышел, издал книгу «Новое в смолокурении», потом снова отсидел пять лет, потом работал в Архангельском институте промышленных изысканий, а уж в тридцать седьмом году его взяли насовсем. Что же касается Союза смолокуренных артелей Важской области, то он прекратил свое существование тогда же – в апреле восемнадцатого года.

Весной восемнадцатого года Шенкурский УИК потребовал у местного Свято-Троицкого монастыря, у которого зимой уже были конфискованы почти все земли, в трехдневный срок выплатить семьдесят две тысячи рублей. В противном случае власти угрожали конфисковать все церковное имущество. Жители города и близлежащих волостей собрались у здания УИКа, требовали снизить сумму налога и оставить монастырю землю. Через какое-то время толпа проникла и в здание. Небо членам УИКа показалось с овчинку, и они побежали за подмогой на лесозавод. С трудом удалось здание от горожан очистить. Несколько дней УИК был в осаде, и его охранял вооруженный берданками отряд с лесозавода.

В мае в уезде появились первые продотряды, созданные из рабочих. Строго говоря, Архангельская губерния не входила в число губерний, которые должны были поставлять хлеб для того, чтобы

прокормить рабочих в городах. В Архангельской губернии и без того хлеба собирали так мало, что приходилось его завозить, но эти несущественные детали нимало не интересовали председателя Шенкурского УИКа Иванова¹⁷. Немецкая уездные власти затребовали у губисполкома пятьсот винтовок и двести пятьдесят револьверов для проведения в жизнь политики партии. В Шенкурском УИКе сидели не просто горячие головы – у части его сотрудников голов не было вовсе. В конце мая восемнадцатого года этот воспаленный орган Советской власти обратился к жителям города и уезда с заявлением: «...Исполнительный Комитет заявляет, что во имя Всемирной Социальной Революции, во имя победы над всемирным союзом буржуазии для достижения намеченных целей Советская власть – власть только трудящихся не остановится сравнять с землей всю Архангельскую губернию, если это потребуется»¹⁸.

В середине июня состоялся пятый уездный съезд Советов. Определенно по количеству съездов Шенкурск был в Архангельской губернии первым, а может, и не только в Архангельской. Обсуждение продразверстки и дополнительных местных налогов на крестьян довело съезд до раскола на правую и левую фракции. Правая голосовала против продразверстки и дополнительных налогов, а левая, состоящая из большевиков и левых эсеров, была за. В день закрытия съезда УИК объявил о созыве нового, шестого съезда через три недели. Волостные советы стали к нему готовиться. Волости в своих наказах требовали присылки хлеба. Это во время продразверстки! Требовали немедленного переизбрания УИКа, требовали четверть доходов от эксплуатации лесных угодий оставлять волостям...

Второго июля, за восемь дней до начала съезда, губернские власти выпустили постановление о частичной мобилизации военнообязанных, общей мобилизации военных специалистов, мобилизации обозных лошадей и повозок. К шенкурской бочке с порохом власть поднесла спичку. В город начали прибывать мобилизованные и устраивать митинги, а на митингах требовать у власти ответа, зачем их призвали. Мало того, они еще и выдвинули власти ультиматум, в котором требовали «Объяснить на какой срок призывают куда и против кого шлют. Если против эксплуатирующих трудящиеся массы, то идти согласны на следующих условиях: гарантия немедленного материального обеспечения семьи до возвращения, обработка их участков земли, освобождение от реквизиции продуктов и скота, выдача по прибытии в Шенкурск оружия, снаряжения, обмундирования и обеспечение довольствием, удовлетворение мобилизованных недополученными деньгами по старым аттестатам за прежнюю службу в армии»¹⁹. Понятное дело, что никаких гарантий власть дать не могла и освобождать от реквизиций никого не собиралась, а уж про недополученные деньги за прежнюю службу в армии и говорить было нечего.

УИК принял решения о мобилизации отложить до съезда, а тем временем из Архангельска выехала в Шенкурск комиссия по мобилизации. Шестой съезд большинством голосов мобилизацию не поддержал. Не помогли даже уговоры и давление со стороны архангельской мобилизационной комиссии. Ее председатель – губернский комиссар Новов попросту приказал арестовать лидеров Шенкурской оппозиции. Шесть человек были арестованы и под конвоем латышских стрелков отведены в Архангельскую тюрьму. Меньше чем через три месяца их расстреляют по постановлению Архгубчека. Большинство несогласных с мобилизацией делегатов, а их было более ста человек, покинуло съезд, но большевиков это уже не смущало. Три десятка оставшихся проголосовали за мобилизацию.

Девятнадцатого июля кончился съезд, и в этот же день Коллегия Военных Комиссаров по оброне Архангельского порта и Северного края объявила Шенкурский уезд на военном положении. Митинги и любые собрания запрещались. Еще через два дня в селе Спасском Шенкурского уезда, на мельнице, собрался на совещание комитет мобилизованных²⁰, где присутствовало руководство комитета, состоявшее из бывших офицеров. Кстати, эти офицеры были в основном учителями. Офицерами их сделала Первая мировая война. На митинг прибыли архангельские комиссары из мобилизационной комиссии, которых немедленно посадили под арест. Комитет отправил парламентариев в Шенкурск, поскольку рассчитывал на мирное разрешение конфликта. Переговоры с УИКом кончились тем, что здание казарм, где заседал УИК, было окружено вошедшими в город

отрядами восставших. Тем временем комитет мобилизованных выпустил воззвание к населению Шенкурска и уезда, в котором говорилось: «Власть, назвавшая себя рабочей и крестьянской, нагло обманула народ. Вместо хлеба, мира и воли она дала измученному народу голод, братоубийственную бойню и вконец растоптала все свободы. В довершение всех насилий эта власть объявила новую мобилизацию... Насильники арестованы и находятся в надежном месте. Арестован их руководитель и тиран уезда Иванов».

Засевшие в казарме насильники во главе с тираном отстреливались четыре дня. В уезде началась Гражданская война. Для начала убили случайно проходившего мимо подростка по имени Никифор Лукошков. Помните чугунную пушку, которая была отлита на пушечно-литейном заводе в середине семнадцатого века? Из нее стреляли во время ледохода. Повстанцы зарядили ее и установили в доме напротив казармы. Так она и не выстрелила. Видимо потому, что это был далеко не последний акт пьесы.

Из Архангельска в Шенкурск отправили чрезвычайного комиссара Попова с самыми неограниченными полномочиями. Попов должен был уладить конфликт между властями и населением. Ему дали мотоциклет с водителем, и он поехал, но до Шенкурска добраться не смог – его арестовали восставшие аккурат у Шенкурского перевоза через Вагу. Сопровождавший его небольшой отряд латышских стрелков разоружили. Попов под строгим присмотром председателя комитета мобилизованных прапорщика Ракитина смог уговорить засевших в казарме сдаться. Все они после того, как сдали оружие, были препровождены в городскую тюрьму. Им гарантировали личную безопасность. При Ревекке Пластининой был десятилетний сын, и ей предложили его оставить у какой-нибудь семьи в городе, но она отказалась, взяла сына в камеру и немедленно объявила голодовку.

Комиссар Попов по телеграфу очень просил Архангельск не присылать войска в Шенкурск, обещая все уладить миром. Само собой, под присмотром прапорщика Ракитина. В Архангельске не поверили и отправили в Шенкурск карательную экспедицию из балтийских матросов и латышских стрелков. Посчитали, что сорока штыков, одной пушки, нескольких пулеметов и десяти тысяч рублей на мелкие расходы хватит, чтобы утихомирить мятежный Шенкурск и уезд. Вместе с Виноградовым в Шенкурск отправился и Никандр Пластинин – он к тому времени уже был секретарем губкома. Из Архангельска поплыли они по Северной Двине на барже, которую тащил буксир, а потом по Ваге на пароходе. По мере приближения отряда Виноградова к Шенкурску обстановка в городе менялась. Крестьяне близлежащих волостей решили держать нейтралитет. Крестьяне любят и умеют в нужный момент держать нейтралитет. Они, понятное дело, были бы и рады помочь повстанцам, но где взять оружие... Повстанцы решили город не оборонять, а отступить в верхние волости уезда и туда же с собой забрать арестованных, чтобы их отдать под суд. Народный, то есть крестьянский. С архангельских комиссаров просто взяли честное слово и отправили на станцию Няндомы без всякого конвоя. Еще и накормили. Еще и дали лошадей. Комиссары пообещали поговорить с Шенкурским УИКом, чтобы он оставил в покое... Короче говоря, обещали переговорить. Через год или даже через полгода комиссаров расстреляли бы на месте, а пока Гражданская война только начиналась. Арестованных забрали не всех, а из тех, что забрали, один по дороге ухитрился сбежать. Вернее, одна. Этой одной была Ревекка Пластинина.

Все это происходило в последних днях июля. Первого августа в город вошел отряд Виноградова. Второго августа он объявил Шенкурск на осадном положении и приказал освобожденному из тюрьмы УИКу немедленно организовать Ревтрибунал и арестовать представителей буржуазии и кулачества с целью подавления внутренней контрреволюции. Начались аресты. В следующем приказе было сказано, что «за каждого погибшего члена Губисполкома, Исполкома и других заложников, находящихся в руках бежавших главарей из комитета мобилизованных, будут расстреляны десять человек из числа пленных и заложников, принадлежащих к лагерю контрреволюции и буржуазии». Павлину Федоровичу Виноградову в ту пору было двадцать восемь лет. С пятнадцати лет он состоял в партии большевиков, уклонялся от призыва в царскую армию, успел побывать на торговле в Сибири, сидел в Шлиссельбурге, брал Зимний... Если бы его не убили через месяц с небольшим в бою с белыми, этот комиссар пошел бы далеко. Мог бы дожить до тридцать седьмого года.

Пока наводили революционный порядок в Шенкурске и рубили головы гидре внутренней контрреволюции, вдруг оказалось, что первого августа в Архангельске случился переворот, власть перешла к белым, а в устье Двины вошел английский крейсер и десантный транспорт. Эвакуированные советские власти Архангельска на пароходах быстро поплыли вверх по Двине. Кое-кто хотел остановиться в Шенкурске, вырыть окопы и дать бой интервентам, но... из стратегических соображений решили все же двигаться дальше вверх по Двине по направлению к Котласу. Восьмого августа белые с помощью англичан сформировали в Архангельске флотилию из четырех речных судов. Три из них пошли вверх по Северной Двине, а четвертый, «Лев Толстой», пошел вверх по Ваге к Шенкурску.

Пока белые с союзниками наступали, в Шенкурске и уезде... шла подготовка к чрезвычайному съезду Советов. Восьмого августа съезд приступил к работе. Белые и союзники уже подошли к месту впадения Ваги в Северную Двину, которое отстоит от Шенкурска на сто километров, а делегаты съезда принимали решение о немедленном аресте руководителей восстания мобилизованных и создавали ревизионную комиссию для оценки ущерба, причиненного народному хозяйству города и уезда. Посчитали все расхищенные новые гимнастерки, старые ботинки, погоны, фуражки, старые гимнастерки, шаровары, стеклянные фляги и... тут пришла телеграмма о том, что белые уже поднимаются вверх по Ваге и нужно срочно эвакуироваться. Двенадцатого августа ночью все председатели, их заместители и секретари вместе с военным отрядом погрузились на пароход «Шенкурск» и утром поплыли вверх по реке по направлению к Вельску. Через короткое время председатель Вельского УИКа телеграфировал в Вологду о прибытии тридцати двух шенкурских товарищей и отряда красноармейцев, которые «своим разнузданным поведением взбудоражили все местное население».

В середине августа в Шенкурске уже работала новая власть. Комендантом города был назначен руководитель восстания мобилизованных Максим Ракитин. Первого сентября было созвано земское собрание гласных прежнего созыва, а на следующий день в город вошли части шотландцев, приплывшие по Ваге на пароходе «Лев Толстой». Нельзя сказать, что новую власть приняли в Шенкурске и уезде с восторгом. Жители города и крестьяне уже не доверяли никакой власти. Уезд раскололся на три части. Одни держали сторону большевиков, а те, кто с ними был знаком поближе и уже успел хлебнуть горя, повернулись к большевикам, мягко говоря, спиной. Третья, и самая многочисленная часть выжидала. С востока к Котласу рвался Колчак, а со стороны Архангельска наступали белые и их союзники. Маленький Шенкурск оказался между молотом и наковальней.

Почти пять месяцев Шенкурск был оккупирован белыми, канадцами и американцами. Запасливые интервенты устроили в городе огромные склады, в которые завезли большое количество оружия, консервированных продуктов и добротного обмундирования. Шенкурск был сильно укреплен, но... в середине октября англичане решают прекратить наступление на Вельском направлении. Решили его отложить до весны, а весной, когда Северная Двина и Вага освободятся ото льда, с помощью речной флотилии можно будет успешно наступать. Пока решили зазимовать в Шенкурске. И без того войска отошли от базы в Архангельске почти на четыреста верст. Американцам эта бескрайняя заснеженная страна представлялась едва ли не Марсом. Снег, выпавший уже в середине октября, показался им зловещим знаком. Они вообще плохо понимали, какого черта они тут мерзнут и постоянно отбивают атаки красных. Они страдали от холодов и нехватки табака. Пробовали курить сено и листья чая. Не понравилось. Еще хуже были листья хмеля, которые им предложили крестьяне. В одной из стычек в конце ноября красные прижали к крутому берегу Ваги и уничтожили американский патруль. Американцы потом писали, что труп американского лейтенанта красноармейцы обезглавили, разрубили на куски и бросили. Его похоронили в Шенкурске, в закрытом гробу. Вот за этим американцы точно сюда не собирались.

К несчастью, о планах союзников спокойно перезимовать красным было ничего не известно. Последние в конце января начали наступление на Шенкурский выступ, имея трехкратное превосходство в живой силе и артиллерии. Нельзя сказать, чтобы американцы и канадцы стояли насмерть, обороняя Шенкурск. Они просто собрались и ушли из него в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое января. Вместе с ними ушел отряд белогвардейцев, отряд Славяно-Британского легиона

и часть шенкурян. Как писал через четыре года один из американских участников тех событий, «В серых арктических сумерках Шенкурск нервно сжался, как затравленный заяц, лежащий в снегу, притворился мертвым, чтобы обмануть охотника. Слабые огоньки света пробивались сквозь щели плохо укрытых окон...»²¹. Прикрывал отход русский добровольческий Шенкурский батальон²².

Свои вступали в город, пленных не щадя... Начались грабежи американских складов. Кроме самих победителей, у которых руки были по локоть в американских консервах, винных погребах и английской военной форме, в город со всей округи съехались мародеры. Из Вологды постоянно требовали наступать дальше, но куда там... С большим трудом прекратили пьяные дебоши на улицах и грабежи. Устроили парад, и войска прошли торжественным маршем по Сретенской площади. После парада продолжили растаскивать то, что осталось на складах, и так увлеклись, что стали грабить население. Вернувшаяся Советская власть ввела в городе классовый продуктовый паек. В город вернулся УИК. Тюрьма так переполнилась всеми теми, кто был замечен в связи с белыми и их союзниками, что ее начальник стал жаловаться Военно-революционному Комитету. В Комитете долго не думали и приказали «принять энергичные меры к производству следствия, находящихся в доме заключения лиц по возможности к разгромождению таковой от элемента ярко контрреволюционного»²³. Можно себе представить, что ВРК подразумевал под «разгромождением». Аресты, расстрелы и грабежи совместили с непримиримой антирелигиозной борьбой. В Шенкурске были запрещены все богослужения. Спустя некоторое время все же разрешили службу в городском соборе, но, чтобы никакого колокольного звона. За колокольный звон можно было сесть в переполненную тюрьму. И тут получилась неувязка. Не все советские граждане, включая и ответственных работников, изжили... порвали... отрезались... Короче говоря, советские граждане хотели венчаться. Хоть кол им на голове теши. Пришлось сдавать назад. Через три дня после взятия Шенкурска ВРК предписал священнику Кьяндского прихода Лыскову «немедленно обвенчать товарища Спиридонова Филиппа Александровича и никаких недоразумений о том, что он разведен бракоразводным отделом Архангельского Губисполкома с вашей стороны быть не может»²⁴. Какие уж тут недоразумения, когда в это же самое время священников, агитировавших против Советской власти, призывавших благословение на иностранных захватчиков и принимавших участие в восстании мобилизованных, расстреливали, а отчеты о расстрелах публиковали в городской газете «На борьбу».

Через какое-то время Красная армия пошла дальше на север, а в израненном и измученном войной Шенкурске началась мирная советская жизнь с раскулачиванием, коллективизацией, пионерскими и комсомольскими отрядами, неурожаем в двадцатом году и созданием в этом же году краевого музея. В тридцатом на лесозаготовках появились электропилы. Образовался Важский союз смолокурных кооператоров. Правда, от прежнего союза в нем было только название. Кроме обычной смолы и канифоли стали производить больше скипидара, уксусной кислоты и порошка уксуснокислого кальция, который применяют в пищевой промышленности. В районе появилось большое количество ссыльных с Украины. Их не расселяли по деревням. Их просто завозили в тайгу, и они сами строили себе поселки, работали на лесоразработках и умирали, умирали.... Местных раскулаченных отправляли еще дальше – на Урал и в Зауралье, на берега Печоры. В тридцать втором году открыли педагогический техникум, а через два года его реорганизовали в педагогическое училище. В тридцать шестом от удара молнии сгорел деревянный восьмиглавый Михайло-Архангельский собор и сильно обгорел соседний каменный Благовещенский. Оба они стояли на высоком берегу Ваги и ни одна дореволюционная фотография Шенкурска без них не обходилась. Поначалу власти использовали остатки Благовещенского собора под склад, а потом и эти остатки разобрали на строительные нужды. Теперь здесь детская площадка и о том, что здесь стояли два собора, не напоминает ничего, кроме маленькой кирпичной сторожки.

Во время войны местные леспромпхозы, помимо заготовок леса и пиломатериалов, изготавливали лыжи, костыли, деревянные подошвы и обувь на деревянных подошвах, деревянные лопаты и санитарные двуколки, шили полушубки, собирали для фронта лекарственные растения и ягоды. Для того чтобы получить кусок туалетного мыла, нужно было сдать два килограмма сушеной черники, килограмм малины, два килограмма черной смородины, три килограмма шиповника и килограмм

спорыньи. За два куска мыла нужно было отдать килограмм валерианового корня или десять килограммов разных лекарственных трав. На постройку танковой колонны жители района сдали около двух миллионов рублей. Больницу переоборудовали в эвакогоспиталь. В бывшем Свято-Троицком монастыре разместили детский дом. Там устроили более двухсот эвакуированных детей. Половина из них – сироты. Дети собирали металлолом и золу, которой удобряли поля. Сами шенкуряне и жители района питались впроголодь. Ели то, что выращивали на огородах. Ели цветки клевера, кислицу, молодые побеги и листья борщевика. На лесоповале давали хлеб и муку, разболтанную в кипятке. Из той нормы овса, которая полагалась на лошадь, можно было тайком выкроить себе горсть или две, поджарить их и съесть. В сорок четвертом району дали переходящее красное знамя Государственного Комитета Обороны. Две третьих из тех десяти тысяч, что ушли на фронт, не вернулись.

После войны стали жить, конечно, лучше. В пятидесятых годах здесь начали выращивать яблоки. В Вельске, который на сто сорок километров южнее, их выращивали уже с начала двадцатого века, а сюда они добрались только через пятьдесят лет. Педагогический техникум закрыли потому, что учителей начальных классов выпустили так много, что их некуда было трудоустроить. В семидесятых в городе стали появляться первые газовые плиты, работающие на привозном баллонном газе. Часть улиц замостили бетонными плитами, поскольку асфальта не хватало. То есть не было совсем. Плиты до сих пор лежат. Правда, часть из них поднялась, и ездить по городу надо очень осторожно. Зато никому даже и в голову не придет превысить скорость. В семьдесят третьем случился пожар в монастыре. В бывшем, конечно, монастыре. В тамошней церкви в то время работал кинотеатр. Назывался «Имени революции девятьсот пятого года». Танцы были, и духовой оркестр играл. После пожара власти хотели то, что осталось, взорвать и разобрать, но вызванные взрывники сказали, что стены очень крепкие – от взрыва пострадают окрестные дома. Власти и отступились. Теперь-то прихожане внутри все вычистили и все входы на всякий случай забили досками. На нижнем ярусе полуразрушенной колокольни даже установили колокола, но восстановить монастырь сил нет. В том смысле, что денег. Приезжал в девяносто седьмом году один богатый человек из Москвы, обещал, обещал... да так ничего и не сделал. Духовой оркестр, который играл в сгоревшем кинотеатре, сам по себе умер в восемьдесят седьмом, но его никто восстанавливать не собирается. Еще был совхоз-миллионер с множеством коров, маслозаводом и овощами. Он как и духовой оркестр...

В семидесятые приходили по Ваге пароходы из Архангельска с углем и продуктами. Теперь не ходят – Вага сильно обмелела, да и дно ее стало из-за многочисленных молевых силлов леса практически деревянным, устланным мореной древесиной. В перестройку приезжали в Шенкурск разные шустрые ребята и предлагали дно от мореного дерева освободить – дескать, чистое дно и судоходная река ваша, а древесина наша. Власти, конечно, заволновались, стали считать возможную прибыль... и решили не соглашаться на заманчивые предложения. Вдруг их обманывают, а оно того... оно больше как-нибудь стоит. Так и осталась Вага в Шенкурском районе несудоходной, и по ней никакие пароходы теперь не ходят. Да и уголь теперь не нужен. Леса пилят в округе столько, что городская котельная круглый год работает на одних опилках. Лес, как мне сказали, купили на корню богатые люди из обеих наших столиц. Зимой его велят, а в остальные времена года пилят. На лесоповале можно заработать до тридцати тысяч, а на пилорамах – двадцать. Не бог весть какие деньги, но других возможностей заработать в Шенкурске нет.

Есть в Шенкурске аэропорт. Правда, давно заброшенный. Построили его еще в восьмидесятых. Часы на баше аэропорта остановились. Теперь никто отсюда не улетит и сюда не прилетит, а раньше можно было улететь и в Архангельск, и в Вологду. Да что в Вологду – до Ленинграда можно было долететь за три часа. Кукурузники летали по всему району. В здании аэропорта имелся буфет, и в нем можно было заказать коктейль «Старый смолкур», приготовленный из стакана водки, настоянной на зеленых сосновых шишках, с двумя каплями очищенного живичного скипидара.

– За что вы любите свой Шенкурск? – спросил я сотрудницу Шенкурского краеведческого музея Клавдию Ивановну Дунаеву, заранее зная ответ. Обычно жители таких тихих, полумертвых или

полуживых провинциальных городков и сами не знают, за что их любят. Их вообще любят, если, конечно, не ненавидят, не за что, а потому что. Чтобы от них отвязались с расспросами, скажут, что любят за тишину, за неторопливость, за рыбалку, за чистый воздух, за грибы и ягоды... Клавдия Ивановна ответила сразу:

– За то, что мы не боимся друг друга.

И посмотрела на меня, москвича, с сочувствием.

¹ Интересно, что в новгородской летописи Василий Степанович Едемский упомянут под именем Василия Шенкурского.

² Цит. по: Овсяников О.В. Шенкурск. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1978. С.37.

³ Цит. по: Трошина Т.И. К вопросу о Вельском союзе хлеборобов // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 5. Вельск, 2012. С. 64.

⁴ Цит. по: Овсяников О.В. Указ. соч. С.37.

⁵ Там же. С.45.

⁶ Там же. С.42-43.

⁷ Были, конечно, и более прозаические события вроде волнений удельных крестьян в двенадцатом году. Мужики Тарнянской волости отказались платить подати. Власти послали к мужикам помощника управляющего Архангельской удельной конторой надворного советника Мадина и с ним разных чинов для строгого разговора с отказниками. Шенкурский исправник докладывал начальству, что еще ночью, у избы, где остановилось начальство, «около ста человек, не приходя в избу, обстояли кругом двора, учинили крик и непорядочные ругательства». Это в одной деревне, а в другой дело дошло до того, что командировочные из Архангельска со страху заперлись в избе десятского, но толпа «окончины кольем выбили и разнесли двери, зашед в избу всех жестоко избili». Всего же отказалось платить подати десять деревень Шенкурского уезда. Уездные власти писали архангельскому военному губернатору, что удельные крестьяне не платят податей «единственно из упорства и последования ложным внушениям развратного поведения их собратии». Бунт все же подавили, прислав роту солдат.

⁸ Форшмейстер – лесничий.

⁹ Между прочим, жалованье городничего и уездного судьи в те времена составляло триста рублей в год. Так что Странден и Львов пожертвовали почти половину своего месячного заработка. Конечно, скажет читатель, помним мы прекрасно и Антона Антоновича Сквозника-Дмухановского, и Аммоса Федоровича Ляпкина-Тяпкина. Знаем мы, как жили они на жалованье... Не все, однако, городничие и судьи были такими. И вообще. Представьте себе хотя бы на мгновение руководителя районной администрации и районного судью, отдающих половины своих месячных заработков на нужды школы. Представили? То-то и оно... Секретаря райсуда и бухгалтера можете не представлять.

¹⁰ Цит. по: Сметанин В.А. Становление Шенкурского уездного училища (Первая половина XIX века) // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 5. Вельск, 2012. С. 293.

¹¹ Цит. по: Студенцова Е.О. Сооружение грунтовой дороги от г. Шенкурск до ст. Няндомы Вологодско-Архангельской железной дороги в конце XIX – начале XX в. // Важский край: источниковедение, история, культура: Исследования и материалы. Вып. 5. Вельск, 2012. С.326.

¹² Флаг этот с надписью «Свобода. Равенство. Братство» чудом сохранился и висит теперь в краеведческом музее рядом с иконой преподобного Варлаама Важского (в миру Василия Степановича Едемского), фотокопией рядной записи о покупке Шенкурского погоста новгородским боярином Василием Матвеевичем Едемским у старосты Азики с братией и фотокопией фотографии, на которой Яков Иванович Едемский, далекий потомок новгородского боярина Василия Матвеевича Едемского, сидит под лозунгом эсеров. Не то чтобы все смешалось в доме Едемских, но...

¹³ Цит. по: Овсяников О.В. Указ. соч. С.55

¹⁴ Цит. по: Овсянкин Е.И. Огненная межа. Архангельск, 1997. С.19-20

¹⁵ Цит. по: Зобнин А.Н. Противостояние. Шенкурский уезд Архангельской губернии. 1918-1920 годы. Санкт-Петербург, 2018. С.10.

¹⁶ Там же. С.21.

¹⁷ Белогвардейский журнал «Важская область» писал в восемнадцатом году: «...Председатель УИКа Иванов не был похож на председателя в обычном понимании о таковом, а представлял нечто похожее на самодержца, разрешавшего высказывать лишь то, что желательно его воззрениям...»^{*} Георгий Иванов был из тех Ивановых, о которых Саша Черный писал: «...А вокруг от Ивановых содрогается земля». От Георгия Иванова она содрогалась недолго – в девятнадцатом году он умер от тифа в Архангельской тюрьме. В нынешнем Шенкурске есть улица Георгия Иванова. И улица Никандра Пластинина есть. И обе они впадают в улицу Ленина. А куда им, спрашивается, еще впадать... Есть еще улица Хаджи Мурата. Не толстовского, а Хаджи Мурата Дзарахохова. Он командовал эскадром красных кавалеристов и воевал на Вельско-Шенкурском направлении. В тридцать шестом написал книгу воспоминаний «Жизнь Мурата Дзарахохова, рассказанная им самим». В ней он не писал, что его эскадрон за собой таскал целый обоз из сотни подвод с награбленным имуществом. Не писал и про то, как после сдачи белыми Архангельска его отряд использовался Архгубчека в качестве расстрельной команды.

* Цит. по: Зобнин А.Н. Указ. соч. .С.35

¹⁸ Там же. С.34.

¹⁹ Там же. С.47.

²⁰ Если бы события восемнадцатого года собрать и рассыпать в прошлое Шенкурска и уезда, то наверняка хватило бы если не до покупки Едемским Шенкурского погоста у старосты Азики с братией, то уж точно до постройки крепости при Михаиле Федоровиче. Впрочем, такой бурной истории никакому городу не пожелаешь.

²¹ Цит. по: Зобнин А.Н. Указ. соч. С.280.

²² Командира Шенкурского добровольческого батальона штабс-капитана Воробьева расстреляют в декабре двадцатого. Прапорщика Ракитина красным выдаст крестьянка деревни Монастырской Шахановской области Шенкурского уезда. Его заставят отречься от белого движения и напечатают это отречение в газете «На борьбу», а затем расстреляют в мае двадцатого года в Архангельске. Никандр Пластинин доживет до тридцать седьмого года и умрет в тюрьме Нижне-Удинска. Иван Боговой, председатель Шенкурского УИКа с восемнадцатого по двадцатый годы, будет расстрелян в тридцать седьмом. Шенкурский уездный военком Василий Боговой, впоследствии кавалер двух орденов Красного Знамени, будет расстрелян в тридцать седьмом. Комиссара Попова расстреляют в тридцать седьмом. Только Ревекка Пластинина умрет своей смертью в пятидесятом году.

²³ Цит.по: Зобнин А.Н. Указ. соч. С.301.

²⁴ Там же. С.302.

Татьяна НЕШУМОВА

ПРЕОДОЛЕНИЕ БЕЗВЕСТНОСТИ

Лев Горнунг. «Свидетель терпеливый...»: Дневники, мемуары / Подгот. текста, предисл., коммент. Т.Ф. Нешумовой. – М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. – 761, [7] с., ил. – (Мемуары XX век).

В 2004 году московский филолог Олег Лекманов предложил мне написать статью о поэте и переводчике Дмитрие Сергеевиче Усове (1896–1943) для «Мандельштамовской энциклопедии». Единственное, что я знала о нем, была фраза Надежды Яковлевны Мандельштам: «Усов, как и Мандельштам, был всем напуган и ничего не боялся». Первым документом, с которым я познакомилась, придя в РГАЛИ, стала автобиография Усова, составленная им накануне ареста. Его арестовали в начале 1935 года по делу о так называемой немецко-фашистской организации, во главе которой якобы была редакция «Большого немецко-русского словаря», первый том которого вышел в 1934 году.

У меня было такое чувство, будто море выплеснуло к моим ногам бутылку с письмом потерпевшего кораблекрушение. Эту библиографию сохранил и передал в архив друг Усова московский фотограф Лев Владимирович Горнунг (1902–1993), проживший длинную и трудную жизнь (последние тридцать лет – в слепоте).

В Государственном литературном музее, куда я тоже пришла за бумагами Усова, мне выдали удивительное стихотворение 1924 года «Немецкий роман»:

Нет, не Лакло, не Стерн, не Свифт
Дарованы моим досугам:
Готический, домашний шрифт,
Хрустящий на листе упругом...

– чудесный конспект несуществующего произведения, иронически воспроизводящий типичные романские ходы и повороты. Несколько слов в нем, в самом деле, были написаны готическим немецким шрифтом, разобрать который мне помог переводчик Алеша Прокопьев. Стихотворение тоже хранилось в фонде Л.В. Горнунга и было посвящено его брату, филологу Борису Горнунгу, с которым Усов в четыре руки спустя несколько лет перевел роман Золя «Деньги». Среди бумаг Усова были написанные на немецком страстные стихи, адресованные легендарной Черубине де Габриак, протоколы заседаний литературной и переводческой секций Государственной академии художественных наук, сказки, придуманные для дореволюционного детского журнала «Проталинка», переводы русских стихов от Пушкина до Блока на немецкий, критические статьи об Ахматовой, Анненском, Рильке (и два десятка переводов из него) и море писем, которые постепенно сложились в пазл человеческой жизни.

Меня зацепили эти документы, мне захотелось узнать об Усове и его друзьях всё, вот так и получилось, что я последние 15 лет занимаюсь им и людьми его круга. В подавляющем большинстве это московские поэты и филологи, молодость которых пришлось на конец 1910-х – 1920-е, и люди предыдущего поколения: друг Блока, замечательный

филолог и поэт Ю.Н. Верховский, опекаемый Мандельштамом поэт-чудак А.В. Звенигородский и его одноклассник, первый библиограф Иннокентия Анненского Евгений Яковлевич Архиппов, сохранивший для нас стихи и письма любимой моей поэтессы Веры Александровны Меркурьевой и Елизаветы Ивановны Васильевой (Черубины де Габриак). Лев Горнунг дружил с С.Я. Парнок, А.С. Кочетковым, С.В.Шервинским, Ю.Н. Верховским, художником Леонидом Фейнбергом, Арсением Тарковским, крестил и нянчил Андрея Тарковского.

Все эти годы у меня было чувство, что я стою на цыпочках, чтобы дотянуться до своих героев. Я столько не знала! Когда за домашним чаем вдруг выяснилось, что я не читала какого-нибудь очередного классического романа XX века, дома шутили: «Ну, конечно! Наша мама читала только избранную переписку Усова с друзьями!»

Я находила большое утешение у своих героев: так же, как и я, всех своих читателей они знали лично и умели преодолевать эту безвестность. Архиппов делал невероятные рукописные книги, Усов писал на них рецензии в письмах, Горнунг с братом и друзьями выпускал машинописный журнал «Гермес», в котором печатались и серьезные филологические статьи, и стихи, и рецензии, а тираж составлял всего 12 экземпляров (!). Пример этих людей убеждал меня в правоте древней мудрости Лао-цзы: слабое и мягкое побеждает твердое и сильное...

Результатом моей работы стали два двухтомника (вместе примерно 3 тысячи страниц!): «Мы сведены почти на нет...» (2011) – стихи, переводы, статьи и письма Д.С.Усова (их теперь можно прочитать в интернете в библиотеке ImWerden) и «Рассыпанный стекларус» (2016) – стихи, мемуары и письма Е.Я. Архиппова. И вот теперь к читателю приходит книга дневников и мемуаров Л.В. Горнунга «Свидетель терпеливый...». Название взято из его стихотворения (книга вообще не обошлась без стихов, ее замыкает небольшая поэтическая хрестоматия Горнунга и его друзей и знакомых).

Работая над книгой Усова, я узнала, что часть его бумаг хранится в московском музее Марины Цветаевой, и ради них я в 2010 году попросилась туда на службу. Оказалось, что здесь целое богатство: не публиковавшиеся никогда фотографии и воспоминания Льва Горнунга об Усове, Кочеткове, Садовском, Верховском, Звенигородском, салоне Антоновской. Мне захотелось объединить их вместе с опубликованными в перестройку К.М. Поливановым и прочно вошедшими в золотой фонд русской мемуаристики воспоминаниями Горнунга об Ахматовой, Пастернаке, Мандельштаме, Шпете. В процессе работы замысел претерпел изменения: центром книги стали дневник Горнунга, который он вел с начала 1920-х годов.

Этот дневник сохранился в виде двух толстых и нескольких тонких тетрадей, множества беглых записей на отдельных листках, разбросанных по государственным и частным собраниям. Многие из отдельных листов представляют собой копии подлинных записей, их делали помощники ослепшего автора. Страницы толстых тетрадей часто перечеркнуты карандашом как несущественные, видимо, в период позднейшего обращения к дневнику как к источнику для мемуаров о поэтах первой величины. В книге «Свидетель терпеливый...» предпринята попытка объединить все выявленные записи в единый текст, в основу которого, как и во всяком дневнике, положен хронологический принцип. В некоторых случаях дневниковые записи разбиваются документами другого порядка – письмами, стихами, объясняющими важные обстоятельства жизни Горнунга и его друзей.

Для публикации в «Волге» я выбрала из книги два небольших фрагмента воспоминаний Горнунга об Александре Кочеткове (которого все, благодаря Эльдару Рязанову, знают как автора одного стихотворения «С любимыми не расставайтесь»), одну дневниковую запись о нем и его стихи.

Из дневника Л.В. Горнунга:

23.10.1925

<...> Вечером у нас читал Кочетков. Были Тюрин¹, Арс² и я. Стихи очень хорошие. Давно не слышал таких зрелых. Правда еще отдает символизмом, в частности, Вяч. Ивановым и Блоком, но есть близость к простоте и ясности большой, вернее, намечается. Сам он – красна девица – очень стыдливый и краснеющий, с робким голоском. Круглолиц, румян, носит бачки и носит имя Пушкина – Александр Сергеевич.

Под конец он попросил прочесть мои стихи, и Арс добросовестно выполнил эту свою миссию. <...>

Я взял у Кочеткова его тетрадку стихов просмотреть внимательнее, а он просил у меня того же – в ближайшем будущем, сказав сразу Арсу, что мои стихи «могли бы быть для него излюбленными».

Из воспоминаний Л.В. Горнунга:

<...> Очень ярко запомнилась мне одна встреча с Шурой Кочетковым. Это было летом в конце 20-х годов. Я шел по Москворецкому мосту к себе домой на Балчуг, он же поднимался навстречу мне на Красную площадь. Около храма Василия Блаженного мы поравнялись. Кочетков шел медленно усталой походкой. Он был без шляпы в легком летнем пальто, и тяжелый портфель оттягивал его руку. Он шел, откинувшись немного назад, с высоко поднятой головой, румянец горел на его лице. Глаза были устремлены куда-то в небо. Он ничего не видел вокруг себя и был в состоянии какого-то вдохновения и экзальтации и меня он не заметил. Я не решился выводить его из этого состояния и прошел мимо.

Внешность Александра Сергеевича была типичной для поэта прежних лет. Он носил рубашки с отложным воротником, как у Байрона, в осеннюю погоду он надевал широкий черный плащ без рукавов и мягкую черную шляпу с широкими полями.

В обращении с людьми Шура Кочетков был всегда вежлив, добр и благожелателен. Он был немного сентиментален, а иногда ироничен. Пессимизма я в нем не замечал, хотя в его жизни бывали очень трудные моменты и часто стесненные материальные обстоятельства.

<...> Зима 1952–1953 года была для него особенно тяжелой. Долгов было много, нужно было срочно их погасить, а издательство Грузии задерживало гонорар. Он продал свое зимнее пальто и ходил в мороз в летнем. Он простужался, болел затяжным гриппом. Инна Григорьевна³ не поднималась, окончательно прикованная к постели полиартритом. Я был у них в последний раз в 1953 году. Меня поразила бледность и худоба ее лица. Оно казалось выточенным из мрамора, пальцы рук тонки, бледны и искривлены подагрой. Инна Григорьевна лежала на высоко поднятых подушках. Александр Сергеевич больной лежал поперек кровати у ее ног, прислонясь плечом и головой к стене. В апреле 1953 года я застал там фон Дервиз⁴, дружески относящуюся к ним обоим. Она

¹ Тюрин Николай Николаевич – участник «Сред» Н.Д. Телешова, автор нескольких драматических произведений, выходивших в первой половине 1930-х отдельными книгами, знакомый Альвинга.

² Альвинг (наст. фамилия Смирнов) Арсений Алексеевич (1885–1942) – поэт, переводчик, прозаик, критик, друг Горнунга. Редактор альманаха литературы «Жатва» и одноименного издательства (1911–1916).

³ Прозрителева Инна Григорьевна (ум. в 1957) – жена А.С. Кочеткова.

⁴ Возможно, Мария Владимировна Фаворская (урожд. Дервиз; 1887–1959), художница

мирно разговаривала с Инной Григорьевной, стараясь скрыть тяжесть своих впечатлений. Я ушел с горестным чувством и сожалением о своей беспомощности помочь другу.

В скором времени Александра Сергеевича поместили в больницу с диагнозом инфекционный менингит как осложнение после гриппа. Посетителей к нему не допускали. Лишь его старый друг Галина Михайловна Ильинская находилась бессменно у его постели до последнего его дыхания. Александр Сергеевич ничего уже не мог глотать, и она давала ему холодные дольки апельсина, которые давали ему облегчение. Он был в бредовом состоянии, с высокой температурой, но после вкусового ощущения от дольки апельсина говорил свое любимое слово «ге-ниаль-но» <...>.

Александр Кочетков

БАЛЛАДА ОДНОЙ МОГИЛЫ¹

1. Друг сетует над гробом

Он знал высокую тревогу,
Горел, как Божия свеча,
И рано душу отдал Богу,
От боли корчась и крича.

Забыв о теле гангренозном,
Он стал счастливей, может быть,
И лучезарным ликом звездным
В пустую вечность будет плыть.

И все ж в слепые наши души
Стучатся жалость, страх и гнев...
Угаснуть, песни не дослушав,
Умолкнуть, песни не допев!

2. Женщина плачет ночью

За льдиной льдина – льды уплыли.
Сквозь туч – луны серебристый бег...
Но дуновенья легких крылий
Не тронут почернелых век.

А может быть, змеей незримой,
Тебя и в гробе гложет страсть –
И ты зовешь меня, любимый,
Чтоб вновь к губам моим припасть...

Ах, для чего в те дни, в те ночи
Я не пришла на твой призыв?
Из казней казни нет жесточе –
Как умереть, не долюбив!

¹ Пользуясь случаем, хочу поблагодарить В.А. Резвого за предоставление текста стихотворения.

3. Черви выражают неудовольствие

Давно и доски уж истлели,
И глина превратилась в слизь, –
Не угасает в жарком теле
Его бессмысленная жизнь!

Так жесток узел грубых тканей,
Так терпок, солон и незрел,
Как будто яд земных желаний
Еще остыть в нем не успел...

Когда ж ничтожество людское
Поймет, что надо быть – мертвей,
Что полумертвое такое –
Плохая пища для червей!

4. Трава утешает всех

Он холодком мне корни движет,
Мне гладит волосы чуть-чуть...
Но с каждым днем – тесней и ближе –
В земную упадает грудь.

И с каждым днем – все тише, реже
Из бездыханной глубины
Ко мне встает невнятный скрежет,
Плывут коснеющие сны...

Уничтоженье не обманет.
Но жернова должны молоть,
Пока душа душой не станет,
Пока землей не станет плоть.

Николай БОЛДЫРЕВ-СЕВЕРСКИЙ

ПРЫЖОК АНДРЕЯ ТАВРОВА

I

Огромную (по количеству знаков, символов и контекстов) книгу Андрея Таврова «Проект Данте»¹, выписанную мною через «Ozon», я никак не мог воспринять, раз за разом я раскрывал том, начинал в разных местах, листал, блуждая по аллеям и террасам информационных (так мне казалось) лабиринтов. Книга не открывалась, ключа у меня не было. Меня раздражало многообразие экзотических лексем, мифологических имен и аллюзий, редких слов, словно бы поэт странствовал не по жизни своей, а по культурным закоулкам, где находилось место и научным гипотезам. Том, казалось, ломился от перегрузки вещами, понятиями, фантазмами. Так длилось пару лет. И вдруг я изменил угол зрения. Я вспомнил реального Андрея Таврова, вспомнил реальность его человеческой оптики. И посмотрел его взглядом. Распахнул книгу, и она открылась на 41-й странице. Я начал читать и потонул.

...То, что потом встретишь,
ты вылепливаешь это здесь, став богом однажды
внутри бога, и не понять, чье сердце
бьется в вас, кто больше благоговеет, свят,
кто из кого лепит, кто из какой жажды

рождает колодец, стакан воды в кафе над рекой.
В кого погружаешь руки, и он превращается в голубя
с россыпью капилляров, а ты, как хилер слепой,
ходишь на четыре стороны, от зрения золотой,
с подковами слов под языком, с виноградом свирели за веком?
<...>

Адам блаженной полноты,
меж рук летают цеппелины и планеты,
у ног трава шумит – в ней спят поэты
и трубадуры, и драконы, и сады,
и руки, как кроты, ломают света яблоки под глиной.

Он был невидим. Мир его обнаруживал,
как айсберг трещину, становясь двумя.
Он был внутри всего, его клевал фазан и шмель обезоруживал,
им тешился Парис, Елену ставя в позу Пасифаи.
Он был Христос. И он был я.

¹ Андрей Тавров. Проект Данте. – М.: Водолей, 2014. – 384 с.

Чтение стало восхитительно свободным, словно бы я встретил новое ожившее движение души Уолта Уитмена с его космологическим дыханием, с его трансцендентализмом от Эмерсона, в свою очередь получившего бездонную весть от индийских Вед. И с этого момента, в каком бы месте я книгу ни раскрывал, на меня обрушивалось мощное дыхание морского ветра, нет – того бытийного океана, чьи волны и брызги, и чей ветер, и чья глубина – равно материальны и сверхъестественны, призрачны и тленно-сладостны.

Отсюда видно, что каждый живой – звезда.
 Что никто не умрет, ибо Звезда – Господь.
 Я стою на мыслящей сфере – она чиста.
 Я вижу вещи как путь от края моста
 до другого края – и это надо замкнуть.

В примечаниях автор указывает, что «отсюда» – это с вершины Голгофы и одновременно с высоты Перводвигателя в начале каждого духовного цикла.

Но что значит это постоянное «стать однажды богом внутри бога» или: «Он был Христос; и он был я»? Не нахальство ли вослед за Маяковским? Ничуть. Внутреннюю этическую парадигму своих стихов Тавров однажды так выразил в письме: «Христос, говоря, что я и Отец – одно, говорит абсолютно смиренную вещь, он этим полностью отказывается от “своего особого” существования, своей особой воли, своеволия, гордыни, подчинив себя Высшему в себе».

2

Что же так долго мешало мне услышать волнуемое море «Проекта Данте»? Я уже сказал: меня раздражал громадный словарь, похожий то на нарочитость, то на жадную всеядность, свойственную тлетворному духу времени. Мне, человеку скорее даосского, нежели какого другого склада, неизменно претит приобретательское, накопительское влечение к всезнайству. Мне в поэме почудилась популярная поэтическая болезнь: страсть к демонстрации владения сонмом «вещей познания». Кто только на это ни покупался в прозе и в стихах в последние десятилетия.

И вдруг я вспомнил фрагмент моей эпистолярной беседы с поэтом, где он признавался в особенностях своего природного аппарата: всякую ментальную вещь, «абстрактное» переживание, всякую «книжную» историю или образ он всегда воспринимал как живую, явленную всем его чувственным рецепторам реальность. Я вдруг ощутил, что для него нет «информационных» или чисто интеллектуальных впечатлений, они все сплошь мифологически живые и вещно-чувственные, подобно цветку или удару мяча в грудь. И даже мистические впечатления столь же явственно-чувственны и осязаемы, как ощущения, скажем, бредущего по лужам. Вот в этот момент я и посмотрел в лицо его книги как в живой опыт, идущий с детства; и ни одна персоналия, ни один символ или иератический знак уже не был пустым информационным или символическим ярлыком, погремушкой фокусника: так однажды Уитмену задышали в лицо Упанишады, и вещный мир зашевелился в совершенно ином, воистину в поэтическом смысле, то есть в смысле изначально-целостного перводвижения.

Кто тобой стоит, для кого разрыт?
 Это небо кто до ребра вскопал,
 до кости в кого полнозвучно влит,
 до горсти кого веком теплым сжал?
 Кто тобой блажен, кто в тебе блажит?

Порой поэт отвечал на мои к нему вопросы, связанные с его мировоззрением.

Лев состоит из себя и из розы, вынутой из рта,
в солнечных весь шипах по небу идет, рычит.
Мир состоит из букв, как из подков Орда.
Ты состоишь из брызг, окутавших рта магнит.
Мать состоит из себя и Бога. Она молчит.
<...>
Мертвец состоит из букв, их всасывает земля,
испаряет черная роза, испачканный лев.
Живой состоит из букв и золотых колен,
из потерянной буквы и самого себя.
Чтобы это понять, необходим прыжок.

Поиск священных следов буквально магнетизирует поэта. У Таврова это выливается чаще всего в ощущение, в острое чувство недостающей буквы из божественного алфавита, создавшего универсум и пронизывающего нас как основа основ. Эта затерявшаяся, выпавшая где-то в пути из поля внимания цивилизации священная буква тайно присутствует, но ее никто кроме (немногих) поэтов не видит, и если она совсем пропадет из поля видимости-ощутимости (звучащая мистериальная фонема), из поля живого ее переживания, случится Катастрофа. Собственно, в известном смысле «Проект Данте» есть проект попытки восстановления ауры этой недостающей буквы, ибо алфавит для поэта – это алфавит духовного основания, без которого всё осыпается и рассыпается в сугубую материальность, то есть в бессмыслицу.

Событий не существует. Существует дом,
ветер, мох на камне, краб на утреннем пляже,
переходящие друг в друга, не теряя себя,
дельфин с улыбкой Моны Лизы,
если говорить об общем пространстве.
Ни битв, ни империй – но плач и улыбка,
переходящие друг в друга, себя не теряя.

Водрузи алтарь ни на чём!
Гао Паньлун путешествует на лодке: нет вне сердца вещей...

3

Разбросанность (пространственная и хронологическая) символов, семантических ареалов и живописных штрихов в книге есть *кажущаяся* хаотичность. Это хаотичность для интеллектуального внимания. Для внимания поэтического (а без него поэзии нет) это прыжки как в детстве меж лужами. Сам Тавров называет эти полеты метафор трансцендентными прыжками, «которые сам малый разум-интеллект пережить не может». В этом-то парении в пространстве прыжков и заключена свобода глубинного («спинномозгового») познания. «Вот почему моя поэзия похожа на сыр Маасдам – вся «в дырках»...»

Более того, «Проект Данте» есть попытка выйти из импрессионистической фрагментарности и создать абсолютно целостную и законченную вещь, цельную структуру, на которую можно было бы опереться в эпоху всеобщего сползания в бездну. «Завершить вещь – это найти ее центр, ее абсолютный смысл, ее неповторимый способ единства со всей остальной вселенной. Это

заставить вещь лучиться и жить. Это значит суметь заплакать о ней, если она исчезнет. Истинный плач соединяет нас с вечной жизнью, тем, что почти каждый практикует в пиковые моменты своей жизни. Чаша утра разбивается лишь в том случае, когда гитара плачет, и только в области плача Фетида выходит из моря к Ахиллу, а Яхве к Иову», – так он однажды писал.

Очень легко «отчуждиться» от мира, всегда «недостаточно чистого», всегда «недостаточно умного» и т.д., и т.п. Однако существо бытия всегда превосходит существо жизни, ее дикого и грубого витального то порыва, то переползания из лужи в лужу. Грязь ведь в этом смысле неизменно чище всех цивилизованных площадей. Даже так. Но ведь есть и бытие, вписанное не столько в лужи, сколько в чистый полёт осознанности. В этом мощном потоке почти изначальных, во всяком случае заданных нам противоречий (речевых нестыковок) наша душа ищет себе истока и устья, всё более и более подозревая их в единстве, которому нужен орган познания-восприятия. Орган послушания в качестве органа наиглубочайшей свободы, которую не понять никаким гонимом и никаким сговором. Ибо высшая музыка не сочиняется, она ангельски сводится в чистые дао-стоки (водо-стоки), и чистейшие города не строятся из мозговых планов. Всё высшее и наичистейшее промыто сладостной анонимностью, по мере возрастания которой ты умудряешься зрением льва и единорога и входишь в ту сферу, по которой когда-то тосковала-мечтала твоя сакральная жажда любви, которая непременно должна быть либо совершенно утаена, либо осмеяна, даже оплевана. Так что сочинительство стихов есть опыт возобновления плача того юнца, то есть в каком-то смысле это опыт самовысмеивания с тайной надеждой самопреодоления, утраты, размыва (потоками горных рек и ливней) самости как хватания за «волю-к-власти», породившую велиаровы энергии, их спутанные то ли горы, то ли волосы Береники. Не так легко нам развязать платок, где не видны узлы. Мы сами тот платок. Мы плач. Мы анонима-великана горсть. Мы горностая мех. Мы горе гор. В нас миллиарды створ.

4

У Таврова мир предстает мистическим коллажем, где информационная революция становится поприщем нового гиперсинтеза, где нет ничего лишнего, где ничто не отторгается, но всё благотельно, словно бы даже благодарно, *есть*. Гипернасыщенность сознания «предметами познания» становится здесь не адом, а новым раем, где течет поток сплошной мифологической влаги, не знающей стыда, как не знает ее вода у Лао-цзы.

С другой стороны, этот гигантский проект нового мифологизма становится неким героически-утопическим предприятием, где духу сознательно ставятся почти непомерные задачи. Все вещи мира пытаются быть сброшенными в сакральный поток, где лава будто бы никогда не остывала и не остынет. Здесь делается попытка (отнюдь не рационалистическая) ничего не отвергать, но всё, что было, и всё, что будет, *втолкнуть* (отнюдь не агрессивно, но жестом почти ангельски непринужденным, словно нечаянным) в абсолютное настоящее. Ибо во имя этого абсолютного настоящего и идет вся космическая игра. Абсолютное настоящее и есть та плавильня, где всё соприкасается со всем. Это, кстати, и есть центр мистерии Бёме, равно и всякого другого «божьего ребенка», является ли он Ахиллом, *puell` ой* или матросом на мачте (и многими другими возлюбленными персонажами Таврова), центр мистерии, которая никогда не исчезнет насовсем.

Герой Таврова пытается вполне естественно выстоять перед натиском вещей, порождаемых жадностью технологических умов. Он вписывает их в громадный контекст, идущий от дней Творения; и древо Сефирот, и вся мистика Кабалы здесь ему в помощь. Нас сносит «вперед», то есть в бездну. Как противостоять? Противостояния ведь были крайне редки, тем более у поэтов. Данте один из немногих. Григорий Померанц, не чуждый Таврову мыслитель, много писал о том, что возрождение души требует поворота сердца в вертикаль. «Чеслав Милош, у которого я заимствую образы “вперед” и “вверх”, говорил о подмене истинного “вверх” ложным “вперед”».

Я думаю скорее о ритмической смене ценностных ориентаций. Чистого порыва вверх ни у какой цивилизации не было, это и в Средние века было достоянием одних монахов. Пожалуй, строго “вертикальной” была разве цивилизация Древнего Египта. Египтяне строили пирамиды и совершенно не старались расширить свое культурное пространство...»

Нашей постцивилизации свойственно проклятие бешеной горизонтальной экспансии, куда идут почти все силы. По существу же, чаемая вертикаль, конечно, внутри нас, поскольку ничего кроме сознания в мироздании нет, и мир вещей, которыми оперирует поэт, есть игра наших «космических энергий».

Всякая вещь, хотя сама по себе и есть ангел, все же для нас – инструмент возрождения того, что некогда было рождено вблизи абсолюта. Она есть музыка, не слышимая внутри овнешненности. Но на путях мифологической игры мы «соприкасаемся рукавами». В известном смысле это линия рилькеанская – линия приятия и благодарения. Не полемика, не критика, не восстание «чистого» перед натиском «грязи». Поэт обречен на то, чтобы измысливать «царственную ложь», даже когда нас ведут на закланье или в газовую камеру, или на сердечную кастрацию. Ave! – кричит поэт в свой последний миг.

5

О чем же говорит этот большой том музыкальных поэм, лишь частично похожих на элегии, но большей частью фиксирующих те видения и видения, которых ищет душа, спасаясь от профанного хроноса? Том с его мощной (часто намеренно укрытой) ритмикой говорит о подступах к таинству «второго» рождения, которое есть свидетельство об абсолютном настоящем. О тропах говорит, ведущих к «таковости», рассеянной по временам и весям, которые на самом деле – в нас. Ибо только в ней пребывает и всё прошлое со всей суммой кипящих мифов, и всё будущее. Герой Таврова пробивается, прорывается к эпицентру *присутствия*, и в этом его тоска и страсть, в этом его, если хотите, мужество; в этом его дело, а не слово. Слово пройдет и преходит, а дело остается, ибо оно в тех паузах, в которых мы слушаемся, входя в послушание.

Важен момент, когда мы умолкаем. Но чтобы умолкнуть, надо что-то прежде сказать. Не всякий говорящий вслушивается в небеса молчания и в воды журчания: в два источника семантического вакуума, упокаивающего Землю, ее несомненно сакральное тело.

Живой состоит из букв и золотых колен,
из потерянной буквы и самого себя.
Чтобы это понять, необходим прыжок.

Владимир ОРЛОВ

ДВА ПИШЕМ, СЕМЬ НА УМ ПОШЛО

А. Комароми, Г. Кузовкин. Каталог периодики Самиздата. 1956–1986. – М.: Международный Мемориал, 2018. – 168 с.

Вышедшая в 2018 году книга «Каталог периодики Самиздата. 1956–1986» (составители Анна Комароми и Геннадий Кузовкин) готовилась с 2012 года, т. е. шесть лет. Хронологические рамки как критерий отбора в справочник обозначены в названии. Среди других критериев, «выработанных Анной Комароми», во введении заявлены лишь два: «неподцензурность, т. е. тексты не представлялись издателями для цензурного контроля» и «определенная степень публичности, в справочник не отбирались исключительно домашние журналы и газеты».

Может быть, о каких-то дополнительных ограничениях можно догадаться, изучив сам каталог? Вот что составители относят к периодике:

Журнал (в т. ч. реферативный)

Газета

Сборник (в т. ч. документов

и «тематический»)

Альманах (поэтический, литературный, литературно-публицистический)

Документальная серия

Бюллетень (в т. ч. информационный)

Альбом

Пожалуй, в этом списке как жанр отсутствует только антология. Однако, учитывая, что составители с непонятной целью легко переименовывают несколько изданий, всегда считавшихся альманахами, в сборники, можно, наверное, и антологии было включить. Например, «Антология советской патологии»

Кузьминского, если изучить ее de visu, по сути именно сборник стихов ленинградских поэтов, а название «Антология» дано ему для красоты и звучности.

Но, может быть, включение/невключение в каталог зависит от количества вышедших номеров, доказывающих периодичность издания? Нет, не зависит – многие издания имеют только один выпуск, даже не всегда обозначенный как №1. (Отметим на всякий случай, что критерий физического наличия того или иного издания также отсутствует – про ряд журналов сказано прямым текстом: «не сохранился», т. е. они включены в список лишь на основании того, что где-то упоминаются.)

Таким образом, логично было бы предположить, что любое издание, имеющее одно из перечисленных выше названий (журнал, газета, etc.), независимо от количества реально вышедших номеров должно было попасть на страницы каталога. Однако это не так, что вызывает массу вопросов.

Альманах «Fioretti» включен, а «Список действующих лиц» (1982) – нет.

Тематический сборник «Историко-литературные чтения на 1980/1981 годы», посвященный Гумилёву, включен, а сборник «Памяти Аронсона» (1985) – нет.

«Бумеранг» есть, «Коктейль» отсутствует. В чем их различие?

«Камера хранения» в своем первом, машинописном варианте вышла в 1984 году – ее нет в каталоге.

«Голубой бутон» (отсутствующий в каталоге), напечатанный в 4-х экземплярах, чем-то, по мнению составителей, отличается в худшую сторону от включенного в каталог журнала «Голосок», номера которого печатались в единственном экземпляре. (Также в единственном экземпляре были отпечатаны «Стезя» и «Тупой угол», но они составителям не потрафили, видимо, по другим неизвестным нам причинам.)

«Литературный бюллетень» выходил на мехмате МГУ в 1955–1956 годах. Никаких контактов с партийно-комсомольскими органами

или администрацией университета редколлегия не поддерживала. В каталоге его нет.

Сборник «Живое зеркало» перепечатывался Кузьминским несколько раз в разном составе – отсутствует.

Нет «Альянса», «Ступеней», сборников Верпы, «Московского времени», наконец!

Список можно легко продолжить – не до бесконечности, но можно.

Причем это всё по источникам, которые перечислены в самом каталоге. А если взять чуть шире... Я за один день из собранных мною, но вполне открытых и доступных для всех материалов извлек 6 наименований периодического (по крайней мере, подпадающего под «критерии» составителей) самиздата, и еще 3 названия мне сообщили по электронной почте из регионов – конечно, отсутствующих в каталоге. Мне кажется, если в течение шести лет, затраченных составителями на подготовку каталога, они не занимались бы только выборочным (и сокращенным, с потерей важной информации) переписыванием собранных другими сведений, а вели бы поиск ранее не известных изданий и перепроверку данных, было бы больше пользы всем.

А перепроверка нужна и важна – кочующие ошибки не так уж редки, навскидку: «Авангард» московский вышел в 1965 году в единственном экземпляре, второй номер готовился, но не вышел – откуда берутся 4 номера? Кировского же «Авангарда», напротив, вышло не 1–5 номеров с вопросом, как это обозначено в каталоге, а как минимум 12. И уточнить это было проще простого – спросить в ГПИБ у Елены Струковой или хотя бы в интернете порыться. Витебского «Идиота» вышло не 23, а 25 номеров. По поводу «Призмы» Кузьминский после выхода «Самиздата Ленинграда» писал, что второй номер был задуман, но не осуществлен – тем не менее опять написано про два номера. С Кузьминским у Анны Комароми вообще какие-то нелады. В своем заключительном обзоре она приписывает все издания Бориса Тайгина (издательство «Бэ-Та») заодно и Кузьминскому, между тем это совершенно не соответствует действительности. А уж когда она начинает говорить о «шести томах» анто-

логии «У Голубой лагуны», то даже неловко как-то становится – такие вещи специалист должен назубок знать.

Подытожим. Следов поисковой (как части составительской) работы собственно Анны Комароми и Геннадия Кузовкина в каталоге нами не обнаружено – по крайней мере, в части литературной периодики. Вместо этого ими предприняты действия, направленные на то, чтобы по непонятным, не изложенным в книге критериям сократить список изданий, сведения о которых собраны другими исследователями. Нам представляется, что заслуги составителей в деле изучения самиздата не настолько велики, чтобы они могли присваивать себе право не включать в каталог те или иные издания без каких-либо объяснений. Если же это сделано не специально, а просто по незнанию материала, тем хуже – учитывая срок работы над каталогом, подобные оправдательные аргументы приняты быть не могут.

Да, в каталоге не только литературный самиздат. Но он составляет треть внесенных в каталог позиций, что дает представление о качестве продукции в целом. Я не являюсь специалистом по религиозному или правозащитному самиздату, но не удивлюсь, если и там имеется множество ошибок и недочетов.

Подводя итоги: я не рекомендовал бы «Каталог периодики Самиздата» к использованию другим исследователям данной темы.

Андрей ТАВРОВ

АННИГИЛИРУЮЩИЕ БАРРИКАДЫ
ВАДИМА МЕСЯЦА

Вадим Месяц. 500 сонетов к Леруа Мерлен: Стихи и картинки; [ил. В. Месяц]. – М.: Квилл Пресс, Центр современной литературы, 2019. – 300 с. – (Серия «Модная штучка»)

Помню свое детское потрясение при просмотре какого-то фильма, названия не помню, при виде поворотного круга – карусели с отрезком железнодорожных путей

диаметром чуть больше длины паровоза, окружность которой была, словно солнце лучами, уснащена расходящимся веером поблескивающих рельс. Локомотив въезжал с одного из путей на магический круг, который, медленно вращаясь, через несколько секунд смыкался с любым другим направлением, ведущим, как мне казалось, в бесконечные дали, в дальние страны, словом, куда угодно за горизонт. Зрелище открытых на все стороны света возможностей потрясло воображение.

Мне кажется, что описанная техническая конструкция, включая эмоции, которые она вызвала, вполне может быть применима к опыту прочтения книги Вадима Месяца «500 сонетов к Леруа Мерлен», хотя бы потому, что название «поворотный пункт» (круг) являет собой перевод греческого слова «кризис», у которого есть еще несколько значений, но исходные все же – «переломный момент», «решение». И, конечно же, еще и потому, что пространства для путешествий по этажам и маршрутам вывернутого лабиринта современной цивилизации в этой книге распахнуты на все стороны.

То, что книга Месяца – книга веселая и кризисная, было очевидно после первого знакомства с ней, но чувствовалось, что нужен ключ, подсказка – при помощи какой оптики стоит заглядывать в расходящиеся возможности этого «кризиса», «переломного момента» и «решения».

Виртуозно написанная поэма активно провоцирует на ее дальнейшее истолкование, поблескивая изнутри своего внушительного корпуса небывалыми доселе и тревожащими внимательного читателя интуициями.

Если говорить о технической стороне дела, связанной с работой регулярного стиха внутри вещи, то имеет смысл упомянуть как предшественников поэмы Месяца автора кипучего и играющего ямбами «Онегина», и конечно же, создателя виртуозного «Первого свидания» Андрея Белого. Здесь же хочется вспомнить написанную пятистопным ямбом поэму Пастернака, «Спекторский», где свобода подачи материала поистине баснословна. А вот как звучит пятистопник «Сонетов»:

Ты больше не отбрасываешь тень.
Свет рукотворный льётся на террасы,
рисуя образ Леруа Мерлен.
В Париже дольше века длится день,
и грозди винограда из пластмассы
цепляются за выпуклости стен.
В канавах кровь. В траве блестят ножи.
Мы покидаем царство идиотов.
В нем жив герой, дурак, интеллигент.
Лицо к груди любимой приложи:
и слушай отголоски анекдотов,
и перекличку телеграфных лент.

Возможности такой просодии зарождаются едва ли не в легких, печени, сердце, они словно бы ближе притиснуты к кругу кровообращения, с ним явно физиологически связаны.

Поэтическое мастерство Месяца росло ровно и неуклонно, говорим ли мы о технике стихосложения, или о других его составляющих, среди которых Бродский, как одно из характерных для поэта, отметил «косвенность высказывания».

Книги Месяца-поэта последовательно связаны с построением некоторого условного «города», в котором действуют не столько социальные и политические законы и правила, сколько законы и правила поэтические, переводящие среду обитания в разряд явлений скандально-утопического характера, ибо такой город-государство Месяца вполне всерьез претендует на приоритет своего устройства перед традиционными Нью-Йорком, Пекином или Москвой, и если автор в этом и не оглядывается на Платона и Кампанеллу, то тем не менее им отчасти в этом наследует. Таким городом становился преображенный музой Нью-Йорк, или «город»-Сибирь, или другой «город» – государство варваров, описанное, а точнее, выстроенное в великолепной книге, названной «Норумбега».

Джорджо Агамбен¹ однажды заметил, что устройство человеческого общежития медленно, но неуклонно дрейфует в сторону концлагеря, который становится парадигмой современного мира. На этом фоне позиция автора «Норумбеги» драматично расположена в

¹ «Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь»

сфере политического и пронизана пульсацией изначальных, чистых и освобождающих энергий.

И Месяц, как и ряд его поэтов-предшественников, начинает борьбу с теперь уже прозрачной и почти что невидимой в силу своей прозрачности зоной нового лагеря-Левиафана, строит на его виртуальных улицах свои баррикады. Местоположение их обозначено не Парижскими или Красно-пресненскими улицами и не Сенатской площадью – они строятся (вместо воздвигаются) в поэтических сборниках и, как эхо, расходятся серией перформансов с участием автора буквально по всему миру – от Пенсильвании до Гималаев, от Вашингтона до Амура.

Всем поэтическим «городам», созданным Месяцем, свойственна формирующая их тяга к архаике, которая по мере освоения новых возможностей и пространств Утопии уплотнялась и густела, что дало повод некоторым критикам, начиная, кажется, с Елены Шварц, охарактеризовать поэзию Вадима Месяца нулевых как «варварскую».

Начиная свое артистическое противостояние современной культуре и цивилизации в стихах, написанных еще в Америке, в «Норумбеге» Месяц открыто декларирует войну. Она объявлена всему слишком заигранному, слишком цитатному, манерному, всему тому, что слишком замкнуто на себя в культурном и интеллектуальном плане, лукаво политизировано и вкрадчиво «лагеризовано» – тому, что можно было бы назвать упадком культуры при расцвете цивилизации – неабсолютный, но эффектный парадокс, сформулированный некогда Шпенглером.

В «Норумбеге» Месяц ставит на архаику. Следующие поэтические книги так или иначе выдерживают ту же архаическую ориентацию в преломлении оптики новых художественных тем.

И вот выходит книжка «500 сонетов к Леруа Мерлен», проиллюстрированная рисунками автора, забавными и трогательными, смахивающими на детские, игровая, работающая отчасти с попсой и ее элемента-ми, перечисляющая, кажется, все

на свете, кроме героев интегрального традиционализма, от архаики, на первый взгляд, в ней не остается и следа.

Вместо этого перед нами проносятся карнавал разномастных фигур, ситуаций, сюжетных всплесков, строф-«клипов», как назвал их сам автор, эпизодов, связанных с детством повествователя, Америкой, Сибирью, улицы с блестящими витринами и автомобилями, трогательные истории из детства, философские сентенции в иронических блестях, обнаженные девы, звездолеты.

Это делает книгу некоторой высокой пародией на упомянутого «Евгения Онегина», как бы вывернутого в «Сонетах», состоящих сплошь из одного лирического отступления, «наизнанку». Провозглашается небывалая свобода!

Мне в душу хлынет веселящий газ,
из моря выйдет пьяная свобода.
Ужасный Вий откроет третий глаз
от недостатка углеводорода.
Я не нуждаюсь в пище для ума,
я выживаю на подножном корме.
О сколько человечье дерьма
оттаяло на Кунцевской платформе!
И Мартин Лютер будет книги жечь,
а иноверцы – истязать младенцев.
И каждый обретет родную речь
от родноверов до перерожденцев.

Книга обещает свободу и обретение родной речи каждому, кто появится на ее страницах, словно бы декларируя появление новой родной речи читателю, попавшему в ритм и игру поэмы. И тема обретения нового языка мелькнет тут далеко не случайно, запомним этот фрагмент.

Однако сюжет в книге все же есть, но не столько фабульный, сколько мимический, игровой, нацеленный против «духа тяжести», объявляющий войну фиксированным смыслам, затверженным городам, машинальным рекам.

Я мог узоры взглядом вырезать,
из-под ресниц пылью летела стружка.
Извечной деконструкции кормушка,

структурализма бешеная мать,
свобода, обнажающая грудь
на красочных французских баррикадах.
Мне в этой буре хочется уснуть,
я исповедь ценю при адвокатах.
Я есть универсальный человек,
и отрицая институты брака,
я по утрам жую вчерашний снег,
и по ночам тоскую как собака.

Я бы сказал, что два образа в книге «500 сонетов» являются центральными точками, вокруг которых ходит на нитке эллипс повествования. Это образ полуголой девы на баррикадах как символ свободы в изображении Делакруа и образ матрешки, уходящей все глубже и глубже внутрь себя некоторым анти-лабиринтом, натыкающейся в своих углубленных копиях на ту же неохватную, но создаваемую всем телом как объёмом – пустоту с мерцающей наркотой на донышке.

Эротичный символ свободы, живущий в ауре иронии, сверкнув смысловой упаковочной лентой постмодернизма на излете, символизирует прорыв в некие абсолютные возможности, пьянящие сами по себе, независимо от цели. Говоря же о целях, заметим, что одной из них в книге, наряду с «родной речью для каждого», является создание нового человека, который в поэме Месяца назван «универсальным». Это не фиксируемый никакими культурными и политическими инстанциями тип, пришедший на смену «умершему герою» и сверхчеловеку. Его, пожалуй, можно было бы назвать литературным трикстером, если бы не неожиданные и отчаянно искренние слезы плюс непонятный детский смех персонажа, разламывающие саму идею пустотности.

Я человек что глупо и смешно
Ресурс исчерпан родина забыта
От обезьяны до гермафродита
Природы разобщенное звено

Доскажем о матрешке. Она, кажется, обозначает противоположное движение – не полет бешеной Свободы во внешние миры с Вагнером и Дионисом, навстречу смерти в эротических и самозабвенных пространствах,

которых в прежнем смысле, вообще-то, больше нет, ибо их традиционные смыслы и функции сняты, а в прямо противоположном направлении – внутрь себя. Надо сказать, что в пределе оба движения, как и все на свете и в книге, смыкаются.

На лысом лбу родимое пятно.
Кленовый лист, упавший на ладошку.
Мне папа на Арбате все-равно
не купит разноцветную матрешку.
В ней много смысла, люди говорят.
Она неисчерпаема как атом.
Пусть Горбачева всюду кроют матом,
я не вступлю в их яростный отряд.
Я буду как священник и раввин.
Я попусту гневить богов не стану.
Я буду в ней хранить марихуану
и столь любимый мной амфетамин.

Обманный ход внутрь себя с кашеевым допингом для универсального героя на донышке выворачивается в эротизм Свободы, рвущейся к бесконечное Ничто.

– Так где же здесь заявленная в предыдущих книгах архаика? Не отказался ли автор от своей «архаической модели» как от сносившейся? – спросит читатель. Но нет, догадка его неверна – автор более чем последователен.

В книге «Сонетов» архаическое как раз набирает силы, конденсируется, превращается в сгущенно-архаическое, даже в дочеловеческое. Именно оно преимущественно определяет тон и стиль повествования, формирует его прерывистую и самоотрицающую философию, бегущие друг за другом строфы-«клипы», одним словом – его структуру.

Архаика тут явлена как Игра. И Град, выстроенный в книге – это Град игры.

Взглянем на большую, но увлекательную цитату знаменитого теоретика игры.

«Она (игра) располагается по ту сторону серьезного – в той первозданной стране, откуда родом дети, животные, дикари, ясновидцы, в царстве грез, восторга, опьянения, смеха. Для понимания поэзии нужно облечь себя душою ребенка, словно волшебной сорочкой, и мудрость ребенка поставить выше мудрости взрослого. Такова понятая и выраженная Вико

уже два столетия назад изначальная сущность поэзии, ближе всего стоящая к чистому понятию игры... Поэзия в своей первоначальной функции фактора ранней культуры рождается в игре и как игра. Это священная игра, но и в своей причастности святости она постоянно остается на грани развлечения, шутки, фривольности. О сознательном удовлетворении стремления к прекрасному еще долго нет речи. Оно неосознанно содержится в переживании священного акта, который в слове становится поэтической формой и воспринимается как чудо, как праздничное опьянение, как экстаз. Но это еще не все, ибо в то же самое время поэтические навыки расцветают также в радостных и захватывающих массовых играх и в страстных, волнующих групповых состязаниях, обычных в архаическом обществе. Ничто не могло быть более питательной почвой для взрыва поэтических чувств, чем радостные празднества сближения полов при чествовании весны или других важнейших событий в жизни племени»¹.

Напомним, что игра древнее самого человека. Что играют бабочки, звери, особенно их детеныши, котята, медвежата, малышки.

Высказывание нидерландского исследователя об игре, кажется, способно охватить большинство тематических линий «Сонетов», к которым Месяц пришел интуитивно, в силу обостренного чутья ко всему изначальному и пред-начальному, предвещающему самого человека, но остающемуся в человеке в дальнейшем как часть непонятной его тайны, древней, наподобие жабр или отсутствия пола у человеческого зародыша. Здесь почти все перечисленные самим автором в комментариях к «Сонетам» темы: Эротизм, Эскапизм, Бегство от культуры, от «прекрасного», тема Родины, сомнение в целесообразности искусства в том виде, в каком оно представлено сейчас, и даже обращение к Прекрасной даме.

С этой точки зрения героиня по имени Леруа Мерлен опознается как символ человеческой и дочеловеческой Игры в чистом ее виде. Она представлена как символ игры игр,

некоторой обращенной на себя игры, в которой все предметы смотрят друг на друга глазами игры и узнают друг друга лишь этими глазами, хотя в данном случае, речь идет все же больше об игре литературной, нежели жизненной. Суть в том, что почти дочеловеческие правила применяются ко всему блестящему и пестрому материально-интеллектуальному реестру современного миропорядка с его фантомной политикой, попсой, звездолетами, рекламами, быстрой любовью и быстрой едой.

роняя тумбы, кадки и бидоны,
срывая серебристые трусы
с Кристины Агилеры и Мадонны,
разоблачая тайны ЦРУ
и шулерские фокусы Гудини,
я вспомню, что когда-нибудь умру,
рассматривая гроздь на рябине.
Почувствую ее больничный вкус,
наполнюсь ее пламенным пожаром,
и возвращаюсь в Олёкминский улус
на радость еретическим татарам.

Заметим, что слова и ритмы «Сонетов», в отличие от прежней словесной практики, в которой игра работала на стихи, выполняют обратную манипуляцию – отныне они работают на игру. Схожая обратная метаформоза немного раньше наметилась в метафоре поэтов-метареалистов, больше направленной в XX-XXI веке не на изобразительность, а на выявление дословесного участка самой метафоры.

Изошренность игры в «Сонетах» являет себя чуткой чередой лунатических смыслов, бредущих от рисунка к тексту и обратно, и именно на этом отрезке своей тропы создающих как смысл, так и фактуру книги. Рисунки действуют в книге на равных правах со стихотворным текстом. Некоторая неожиданная охлажденность игры стихового слова с иллюстрациями объясняется и расшифровывается не сразу. Если внимательно приглядеться к сонетам («клипам» – по выражению автора), то увидим, что каждый из них – либо потенциальный, либо реализованный перформанс. Собственно го-

¹ Йоган Хейзинга, *Homo Ludens*. М.: Прогресс, 1997.

вора, словесной техники, – надо сказать, что виртуозной, – автору мало – ему нужен жест в пространстве, выход в пластику, в телесно-пространственный объем. «Сонеты» как раз его и угадывают то в подлёдном мерцающем блуждании, похожем на таинственную в серебре рыбу, что никак не наведется на резкость, то в качестве отчетливого и совершившегося перформативного действия, и в этом случае его свершение, как правило, документируется авторским рисунком. Обратим внимание также на то, что в рисунках вы не найдете не пейзажа, ни натюрморта – одни человеческие фигуры, танцующие, обнаженные, трогательные, слегка нелепые, слегка гротескные, несерьезные и немного беспомощные, словно бы стремящиеся стать буквами нового письма, как сами буквы и сонеты стремятся изобразить мерцающий жест перформанса.

Такой подход к материалу апробирован не так давно в кинематографе авангардным «Кремастером» Андрю Барни, в котором режиссер и художник снял ряд перформансов, придав ленте (точнее, видеозаписи) невероятное количество символических смыслов.

Я думаю, что у Месяца задача – другая. Цель его «кризисной» и революционной книги – как раз в освобождении от дополнительных символических нагрузок предметов и действий. Можно сказать, что холодноватый жар и нагота рисунков, заданная компьютерной рисовальной программой, ни больше ни меньше как раз-облачение поэтических смыслов вообще, рас-творение поэтической продукции, зашедшей в множительный тупик современного «производства поэзии».

Если вернуться в мелькнувшему уже слову «карнавал», то, разглядывая «Сонеты» с этой точки зрения, обратим внимание на деформированную природу их амбивалентности, на их смыслы-перевертыши, где святость равна кошунству, высокое оборачивается низким, а философская глубина – дурацкой шуткой, общим местом.

Книга Месяца похожа на некоторый биомеханизм, совершающий непрерывное действие, подобное стремительному движе-

нию акулы, которая даже во сне продолжает перемещаться, так как ее удельный вес таков, что если она остановится и перестанет двигаться, то пойдет ко дну.

Кажется, что основная враждебная компонента сонетов – это статика, непреложность, окончательность, конкретность. Даже строгая структура 12-строчного «сонета» для автора становится непереносимо статичной, и ближе к концу книги он меняет систему рифмовки. Все непреложное – враг Игре, героине сонетов. Эта Игра – с плавающими правилами, а амбивалентность «персонажей»-высказываний настолько высока, что готова отрицать саму себя. Любая «вещь» поэмы находится в готовности сладкого отрицания окончательности, как себя самой, так и любой другой поэтической или интеллектуальной явления, обозначенного в тексте.

Универсальный человек «Сонетов» – это человек, отрицающий все, кроме меняющейся игры, это создатель и носитель абсолютной, отрицающей и перелистывающей себя без остановки амбивалентности.

На все вопросы найдены ответы, но некоторые нам не по зубам, поскольку книги, фильмы и газеты сотворены на счастье жлобам. Искусство было создано для них, а не для нас, свободных и нахальных, живущих в вычислениях наскальных кто есть кому невеста и жених. Пускай в нас правды нету ни грош, но сам процесс познания заразен. Война прекрасна. Но и мир прекрасен. Жизнь хороша. Но ею правит ложь.

Но будет разочарован тот читатель, кто это высказывание примет за окончательное. В мире «Сонетов» ничего окончательного не предвидится.

Тем не менее, уйти от трагизма и серьезности ситуации, растворившись в игре, не удастся – он присутствует подтекстом, заключенным в самом наличии ее дочеловеческой природы, ощущаемой как не-явная, но абсолютно неразрешимая опасность. Этот фон придает веселому повествованию неожиданный и темный ракурс трагического, он застигает читателя врасплох словно бы бо-

ковым темным взглядом, сдвигая все происходящее на степень неразрешимых игр Диониса.

Тем не менее на освещенной сцене «Сонетов» происходит следующее: в мире абсолютной «свободы на баррикадах» постмодернизм отрицает сам себя, а также свое отрицание, причем делает это одновременно, и вместе с тем утверждает все то, что может оживить, разнообразить и продолжать Игру. Происходит это со всем смысловым рядом вещей, идей и событий, представленных в поэме. Причем один смысл здесь даже не отрицает другой смысл, а аннигилирует его, сверкнув чистой мгновенной вспышкой, претворяющей усталые и затиражированные культурные означающие, спекулятивные и интеллектуальные, беспомощные и несомненные, бездарные и высокоумные – в чистый, бесплотный, предшествующий звездам запредельный свет – предварение энергии игры. Этот свет ни отрицать, ни утверждать при помощи слова не получится – он внесловесен, он – отсутствие всего, он – деконструкция деконструкции, расформатирование формы. Футуристические лозунги «Долой ваше искусство!», «Долой вашу религию!», «Долой вашу культуру!», «Долой ваше государство!» разыгрываются в «Сонетах» изощренно и виртуозно, располагаясь на куда более мощной, хоть и неосязаемой базе, нежели манифесты будетлян, ибо аннигилирующие смыслы поэмы вполне готовы к тому, чтобы с высоты Баррикады свободы освободить самих себя от перегруженной и глушей культурной и политической множественности, превратившись во вспышку изымающего смыслы света.

...И в пустоте летят метеориты.

Позиция «Сонетов» радикальна вплоть до анархизма. Так может показаться на первый взгляд. Но проследим кратко, что же происходит дальше.

Усложняясь и утончая свой бег, отрицая себя, чтобы продолжиться, изымая из обихода сам «обиход поэзии», «Сонеты» парадоксальным образом выявляют свое основное стремление – тягу к абсолютному языку, упомянутому некогда Беньямином¹ в статье о переводе, совершенно равному простым, не «литературным» вещам и делам мира. Языку, в котором на расчищенном пространстве дозвездных форм и скоплений кто-то произнесет «мама» в первый раз в истории вселенной, и это слово будет столь же правдиво и нераздельно с тем, что оно обозначает, как и все остальные слова и вещи, рождающегося на глазах нового мира. И тогда, возможно, выяснится, что он, этот небывалый мир, был с нами всегда.

И кто-то снова восхитится паровозом, стоящим на совершенной окружности поворотного механизма-«кризиса», и может быть ничего не скажет, просто будет идти домой, пиная какую-нибудь жестянку, и что-то бормотать себе под нос, восхищенно, ошеломленно, неразборчиво.

¹ Вальтер Беньямин. Маски времени. СПб: Simposium, 2004.

Контакты:

Анна Сафронова (гл. редактор, проза): safronova-volga21@yandex.ru

Алексей Александров (зам. гл. редактора, поэзия, критика): alexandrov-volga21@yandex.ru

Алексей Голицын (документальные исследования): agolitzin@yandex.ru

Олег Рогов (архивные публикации, критика): rgv@mail.ru

Алексей Слаповский (проза)

Сайт журнала: <http://volga-magazine.ru/>

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:
<http://magazines.gorky.media/volga>

Подписано в печать 14 августа 2019 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.